

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР

2019 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Том 14

№ 1–2

МОСКВА
2019

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
DOI номера 10.31168/2412-6446.2019.14.1-2

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2019.14.1-2

Главный редактор журнала
Узенёва Елена Семёновна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Editor-in-Chief
Elena S. Uzeneva,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ответственный секретарь журнала
Леоಂತьева Анна Андреевна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Editorial Coordinator
Anna A. Leontyeva,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Редакционная коллегия
Данченко Светлана Ивановна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Колосков Евгений Андреевич,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Лунькова Наталья Александровна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Мельчакова Ксения Валерьевна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Пахомова Лидия Юрьевна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Хаванова Ольга Владимировна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Чепелевская Татьяна Ивановна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Яблоков Евгений Александрович,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Editorial Board
Tatyana I. Chepelevskaya,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Svetlana I. Danchenko,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Olga V. Khavanova,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Evgenii A. Koloskov,
St Petersburg University, Saint Petersburg, Russia
Natalia A. Lunkova,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Ksenia V. Melchakova,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Lidia Yu. Pakhomova,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Evgeny A. Yablokov,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Редакционный совет
Бебеш Дёрдь,
Печский университет, Печ, Венгрия
Дель Гаудио Сальваторе,
независимый исследователь, Италия
Запека Оксана Анатольевна,
РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия
Заржицкий Алеш,
Остравский университет, Острава, Чешская Республика
Китанова Мария,
Институт болгарского языка, Болгарская академия наук,
София, Болгария
Корина Наталия,
Венский университет, Вена, Австрия
Никифоров Константин Владимирович,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Пазно-Влазловска Дорота,
Институт славистики ПАН, Варшава, Польша
Соболев Андрей Николаевич,
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
Раич Сузана,
Белградский университет, Белград, Сербия
Хаджихалилович Сандра,
Задарский университет, Задар, Хорватия

Editorial Council
György Bebesi,
University of Pécs, Pécs, Hungary
Salvatore Del Gaudio,
independent researcher, Italy
Sandra Hadžihalilović,
University of Zadar, Zadar, Croatia
Maria Kitanova,
Institute for Bulgarian Language,
Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
Natalia Korina,
University of Vienna, Vienna, Austria
Konstantin V. Nikoforov,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dorota Pazio-Wlaziłowska,
Institute of Slavic Studies,
Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
Suzana Rajić,
University of Belgrade, Belgrade, Serbia
Andrey N. Sobolev,
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
Oksana A. Zapeka,
Kosygin Russian State University, Moscow, Russia
Aleš Zářický,
Ostrava University, Ostrava, Czech Republic

Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Том 14. № 1–2. — М.: Институт славяноведения РАН, 2019. — 310 с.

Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН
Издается с 2006 года
Периодичность: два раза в год
Тираж: 500 экз.
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А, корп. «В»,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: slavmillen@yandex.ru
Сайт: <https://inslav.ru/slavnyanskiy-mir-v-tremem-tysyacheletii>

Founder and Publisher: Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Published since 2006
Frequency: two per year
Circulation: 500 copies
Address: Leninsky Prospect, 32A, Moscow, Russia 119334
E-mail: slavmillen@yandex.ru
Web: <https://inslav.ru/slavnyanskiy-mir-v-tremem-tysyacheletii>

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Богатырёв А.В. (Тольятти). К предыстории нововведений в российском погребальном церемониале (В.М. Тяпкин на похоронах Яна II Казимира и Михаила Вишневецкого) ...</i>	7
<i>Палфи Г. (Будапешт, Венгрия). Одиннадцать заграничных путешествий святой венгерской короны (1205–1978)</i>	23
<i>Перетьяко А.Ю. (Ростов-на-Дону). Польша и поляки глазами донского казака: мемуарное, публицистическое и литературное наследие И.С. Ульянова, офицера штаба великого князя Константина Павловича</i>	42
<i>Хлебникова В.Б. (Москва). Сотрудничество русских и черногорских дипломатов в начале XX века: проблемы профессионального диалога</i>	57
<i>Баягич Д. (Белград, Сербия). Администрация и управление в учреждениях высшей школы в Королевстве СХС на примере университетов в Белграде и Загребе</i>	72
<i>Стамова М. (София, Болгария). Албанский фактор в Республике Македония в последнее десятилетие XX в. — первое десятилетие XXI в.</i>	92
<i>Никитин В.В. (Москва). Роль миграционного кризиса в современной словацкой политике (2016–2018 гг.)</i>	110
<i>Вендина Т.И. (Москва). Диалектное слово как «архетип» русской культуры</i>	125
<i>Гура А.В. (Москва). Свадебный обряд словенцев Прекмурья на общеславянском фоне. 2. Чины и обрядовая атрибутика</i>	140
<i>Ващенко Д.Ю. (Москва). Надписи на могильных плитах в хорватских селах Словакии Яровце и Чуново: специфика смешения графических систем</i>	159
<i>Чиварзина А.И. (Москва). Этнолингвистическое исследование цветообозначений в Куманове</i>	174
<i>Малкина В.Я. (Москва). «Пейзаж», «Натюрморт» и «Портрет» как заглавия лирических стихотворений</i>	186
<i>Самаркина М.Д. (Москва). Экфрасис в лирике о фотографии: способы репрезентации</i>	206
<i>Коларов Р.С. (София, Болгария). Литературное произведение как семантический усилитель.....</i>	219

Из истории славяноведения

<i>Колмакова М.В., Чернышченко Д.Ю. (Санкт-Петербург). Книги из библиотеки О.М. Бодянского в иностранном фонде Библиотеки Российской академии наук</i>	230
--	-----

Публикация исторических документов

- Ганин А.В. (Москва).* «У нас в сущности еще регулярной армии нет...»
Письмо командующего войсками Киевской области генерала
А.М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами
на Юге России генералу А.И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г. 245
- Борисёнок Е.Ю., Стыкалин А.С. (Москва).* «...Взять поручение
в Америку». Письмо В.К. Винниченко Г.В. Чичерину 1920 года 265

Рецензии

- Попов К.А. (Москва).* Танки в курортном городе.
Новая книга о событиях 1968 г. в Чехословакии 278
- Колосков Е.А. (Санкт-Петербург).* Лукин П.Е., Сафонов А.А.
В сердце Балкан: очерки истории Македонии
(с древнейших времен до начала XXI века). М.: Индрик, 2018 283

Хроника научной жизни

- Конференция молодых ученых
«Славянский мир: общность и многообразие». 21–22 мая 2019 г. 288
- Секция «История»
Коноплянко К.С. (Москва) 288
- Секция «Языкознание»
Борисов С.А. (Москва) 295
- Секция «Литературоведение»
Кожина С.А., Лунькова Н.А. (Москва) 298
- Международный симпозиум
«Славянский мир в третьем тысячелетии» 303
- Часть 1
Мельников Г.П. (Москва) 304
- Часть 2
Узенёва Е.С. (Москва) 306

CONTENTS

Articles

- Arseniy V. Bogatyrev*
The Prehistory of Innovations in the Russian Funeral Ceremony
(Vasily M. Tyapkin at the Burial of Jan II Kazimierz
and Michał Wiśniowiecki) 7
- Géza Pálffy*
Eleven Travels Abroad of the Holy Crown of Hungary (1205–1978) 23
- Artyom Yu. Peretyatko*
Poland and the Poles through the Eyes of a Don Cossack:
Memoir, Journalistic and Literary Heritage of Ivan S. Ulyanov,
Staff Officer of Grand Duke Konstantin Pavlovich 42
- Varvara B. Khlebnikova*
Cooperation between the Russian and Montenegrin Diplomats
in the Early Twentieth Century: The Problems of Professional Dialogue 57
- Dušan Bajagić*
Administration and Management in Institutions of Higher Education
in the Kingdom SHS (Based on the Example of Universities in Belgrade
and Zagreb) 72
- Mariyana N. Stamova*
Albanian Factor in the Republic of Macedonia in the Late Twentieth
and Early Twenty-First Century 92
- Viktor V. Nikitin*
The Role of the Migration Crisis in Contemporary Slovak Politics
(2016–2018) 110
- Tatyana I. Vendina*
Dialect Word as “Archetype” of Russian Culture..... 125
- Aleksandr V. Gura*
Wedding Ceremony of Prekmurje Slovenes in the General
Slavic Background. 2. Characters and Ritual Attributesy 140
- Darya Yu. Vashchenko*
The Inscriptions on the Gravestones in the Croatian Villages of Slovakia,
Chunovo and Jarovce: The Specificity of Mixing Graphics Systems..... 159
- Alexandra I. Chivarzina*
Ethnolinguistic Study of the Colour Term System
in the Kumanovo Region 174
- Victoria Ja. Malkina*
Landscape, Still Life, and Portrait as Titles of Poems 186
- Mariia D. Samarkina*
Ekphrasis in Photography Lyrics: Methods of Representation 206
- Radosvet Stefanov Kolarov*
The Literary Work as a Semantic Amplifier 219

From the history of Slavic Studies

- Maria V. Kolmakova, Daria U. Chernyshenko*
O.M. Bodiatsky's Library Books in Russian Academy of Sciences
Library Foreign Fund..... 230

Publication of historical sources

- Andrey V. Ganin*
“In Fact, We Do Not Have a Regular Army Yet...”
A Letter of the Commander of Kiev Region Armed Forces
General A.M. Dragomirov to the Commander-in-Chief of the Armed Forces
of South Russia General A.I. Denikin. 12 (25) December 1919 245
- Jelena Yu. Borisenok, Alexandr S. Stykalin*
“...Get an Order to America”: Vynnychenko's Letter to Chicherin 1920 265

Reviews

- Kirill A. Popov*
Tanks in the Spa Town. The New Book about the Events
of the Year 1968 in Czechoslovakia 278
- Evgenii A. Koloskov*
Lukin P.E., Safonov A.A. In the Heart of the Balkans:
Essays on the History of Macedonia (From Ancient Times
to the Early Twenty-First Century). Moscow: Indrik, 2018 283

Chronicle of scientific life

- Young Scholars Conference “Slavic World: Commonality and Diversity”.
21–22 May 2019..... 288
- Session “History”
Konstantin S. Konoplyanko 288
- Session “Linguistics”
Sergej A. Borisov 295
- Session “Literary Studies”
Natalya A. Lunkova, Svetlana A. Kozhina..... 298
- International Symposium
“Slavic world in the third millennium” 303
- Part 1
Georgij P. Melnikov 304
- Part 2
Elena S. Uzeneva 306

К ПРЕДЫСТОРИИ НОВОВВЕДЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ЦЕРЕМОНИАЛЕ (В.М. ТЯПКИН НА ПОХОРОНАХ ЯНА II КАЗИМИРА И МИХАИЛА ВИШНЕВЕЦКОГО)

**Арсений Владимирович
Богатырёв –**

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теологии, философии, истории,
Поволжский православный институт
имени Святителя Алексия,
митрополита Московского
Почтовый адрес: Юбилейная, 59, Тольятти,
Самарская область, 445028, Россия
Электронный адрес: sob1676@yandex.ru

Аннотация

Дискуссионным остается вопрос о том, что конкретно послужило образцом для изменения ритуальных норм в русле прозападного курса петровских и более поздних времен. Высказывалось предположение: первая содержательная информация об отдельных сторонах западного (королевского) похоронного обряда попала в руки избранных россиян вместе с описанием траурной процессии 1558–1559 гг. императора Священной Римской империи Карла V. В статье доказывается: больше удобных для восприятия сведений давали донесения руководству Посольского приказа московского представителя в Речи Посполитой В.М. Тяпкина, побывавшего на погребальных мероприятиях Яна II Казимира и Михаила Вишневецкого (1674, 1676 гг.). Заслуживающий внимания пример в российской дипломатической практике, эти записи расширили знания наиболее прогрессивных российских кругов об анатомических аспектах погребального ритуала, составе его участников, использовании в нем государственных символов, военной атрибутики, музыкального сопровождения и т.д. Многие из перечисленного у резидента затем нашло воплощение в устроенных по-западному проводах соратника Петра I Франца Лефорта, в «печальных торжествах» XVIII и отчасти XIX столетий. Донесения московского дипломата дополняют описания траурных обрядов 1674 и 1676 гг., тщательное расписывание всех процедур позволяет предполагать, что Тяпкин пользовался какими-то готовыми материалами, которые действительно имелись. В целом изобиловавшие подробностями сообщения резидента предвосхитили ряд новаций Петра I и его последователей и показали, что у реформ в похоронной сфере мог быть польско-литовский первоисточник.

Ключевые слова

Погребальный обряд, Россия, Речь Посполитая, погребение королей Яна II Казимира и Михаила Кобыты Вишневецкого, В.М. Тяпкин, реформы Петра I, “pomra funebris” Ф.Я. Лефорта.

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2019 г.

THE PREHISTORY OF INNOVATIONS IN THE RUSSIAN FUNERAL CEREMONY (VASILY M. TYAPKIN AT THE BURIAL OF JAN II KAZIMIERZ AND MICHAŁ WIŚNIOWIECKI)

Arseniy V. Bogatyrev

Ph.D., Associate Professor,
Department of Theology, Philosophy, History,
Volga Orthodox Institute of St. Alexis,
Metropolitan of Moscow
Postal address: Iubileinaia 59, Togliatti,
Samara oblast, 445028, Russia
E-mail: sob1676@yandex.ru

Abstract

There is an opinion that the first detailed description of certain aspects of the Western (royal) funeral rite appeared in Russia along with a description of the funeral procession in 1558–1559 of the Holy Roman Emperor Charles V. Much more information contain reports of the Russian diplomat Vasily M. Tyapkin, who visited the burial of Kings Jan II Kazimierz and Michał Wiśniowiecki in Rzeczpospolita (1674, 1676). A unique example in Russian diplomatic practice of the age, these recordings expanded the ideas of the anatomical aspects of the funeral ritual, its public character, the use of state symbols, military paraphernalia, music, etc. Many of the things listed by the resident were used later in the Western-style funerals of Peter the Great's associate Franz Lefort, in the "sad ceremonies" as a whole of the eighteenth and partly nineteenth centuries. This Moscow diplomat's information also complements sources, in particular, on some aspects of the action with the heart of King Michał. The thoroughness of fixing all the procedures suggests that Tyapkin used some ready-made sources of information, which really existed. Tyapkin's reports, which were abundant in details, anticipated many innovations of Peter I and his followers, showed that Peter's reforms of the funeral ritual could have a Polish-Lithuanian source.

Keywords

Burial ritual, native culture and borrowed culture, Russia, Polish-Lithuanian Commonwealth, funeral of Kings Jan II Kazimierz and Michał Korybut Wiśniowiecki, Vasily M. Tyapkin, Peter the Great's reforms, Franz Lefort's "pompa funebris".

Received 25 February 2019.

В 1699 г. в Москве, в Немецкой слободе провожали в последний путь ("pompa funebris") видного деятеля XVII века Ф.Я. Лефорта. Образно выражаясь, хоронили не только одного из сподвижников Петра I, но и старомосковские традиции: впервые похороны проходили на западный манер, лишившись немалой части присущих старине «жалобных» обычаев. Состоявшееся позже в 1715 г. погребение Шарлотты-Христины-Софии, жены царевича Алексея Петровича, было преисполнено невиданной «басурманской» торжественности. Траурную службу отслужили спустя некоторое время после смерти персоны, для сохранения тела были применены навыки

бальзамирования, внутренние органы оказались извлечены. Не терпевший плача и стонаний Московской Руси, Петр Алексеевич запретил такие проявления скорби по покойной.

Так как «неизвестно, кто тогда консультировал будущего императора, и какими источниками пользовался сам Петр...»¹, многие внесенные коррективы ныне больше приписывают (аргументируя схожестью отдельных нюансов) протестантскому «порядку», с которым царь близко познакомился за рубежом, также отмечая шведские, французские и иные культурные «инвазии»². При этом совершенно сбрасывается со счетов другой вероятный «субстрат» для заимствования, продолжительное время существовавший близ российских границ, — польско-литовское государство Речь Посполитая.

В ходе исследовательской работы мы вышли на описание любопытных погребальных действ. Памятуя о кратком замечании С.И. Николаева относительно польского фактора³, автор настоящей статьи к нему присмотрелся. Побудил к этому и сравнительно недавний труд, в котором анализировалось влияние церемоний Речи Посполитой на традиции иных народов, на примере французского мемуариста XVII века де Отвиля (Gaspard de Tende)⁴. Что касается заинтересовавших нас текстов, то они являются частью документального комплекса российской резидентуры в Польско-Литовском государстве (1673–1677 гг.) В.М. Тяпкина, современника француза. Ему выпала честь стать очевидцем необычного⁵ события — прощания сразу с двумя монархами — Яном II Казимиром и Михаилом Корибутом Вишневецким в Кракове в 1676 г., перед коронацией нового короля Яна III Собеского⁶.

¹ Прокопьев А.Ю. Погребение Петра Великого: протестантский стандарт в православной России // Северная война, Санкт-Петербург и Россия в первой четверти XVIII в.: материалы международной научной конференции / отв. ред. В.Е. Возгрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 50.

² Там же; Логунова М.О. Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф, 2011. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5457046141> (дата обращения: 19.02.2019); Болотина Н.Ю. Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых // Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / отв. ред: М.В. Лескинэн, О.В. Хаванова. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 23–32. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5000993276> (дата обращения: 19.02.2019).

³ Николаев С.И. Рыцарская идея в похоронном обряде петровской эпохи // редкол.: А.М. Панченко, В.М. Живов, С.И. Николаев, М.Б. Плюханова. Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 3. С. 591.

⁴ Manuś B. Recepcja obrzędowości dworu polskiego w świetle Relacji historycznej o Polsce Gasparda de Tende'a // *Sensus Historiae*. 2014. Vol. XVI. 3. S. 37–47.

⁵ Wójcik Z. Jan Kazimierz Waza. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1997. S. 214.

⁶ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. Д. 161 а (161). Л. 533 об.-538 об.; там же. Д. 163; там же. Д. 178. Л. 36 об., 65.

Оповещает нас о вышеназванном прежде всего «статейный список» русского дипломата. Вместо пространной справки скажем — это своеобразный отчет о проделанной работе для правительства, государя, что подразумевает особое внимание к содержащейся в нем информации на самом «верху». Своего рода «дневник» Тяпкина как первого постоянного представителя России в Речи Посполитой, в отличие от документов предыдущих «краткосрочных» миссий, выделяется объемом, обстоятельностью изложения, придающими словам резидента «звучание», позволяющими передавать множество данных. Дополнением к отчету служат письма резидента, разного рода отписки, в которых находили место и «описи» церемониала.

Церемониальные дела вполне естественно вызывали интерес российских государей, проправительственных кругов, что видим по накоплению данной информации в фонде 156 Российского государственного архива древних актов. Нельзя не припомнить «Записку», подготовленную для царя Алексея Михайловича, содержащую, помимо прочего, изложение «избирательных» обрядов и коронавания польского государя⁷. Немало вестей такого толка вмещают целенаправленно составлявшиеся обзоры иностранной прессы куранты — 1650–1660-х годов⁸, уведомлявшие, например, о возложении «венца» на того же Михаила Вишневецкого (1669 г.). Конечно, всё это не было в отрыве от европейских тенденций, в чем убеждаемся на примере сочинения Иоганна Кристиана Люнига⁹; церемонии, банкеты, балеты не сходили со страниц знаменитого издания «Gazette»¹⁰. Иностранцы «ведомости» попадали к московскому властителю через внешнеполитическое ведомство, накапливались в «архивах» русских посольств, хотя бы небезызвестного П.И. Потемкина¹¹.

Следовательно, неверно думать, что в Россию совсем не проникало данных о западном, католическом погребальном обычае, куранты скрывают лексемы *погребание*, *погребение*, *-е*¹². Тем не менее, в качестве

⁷ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1861. Т. 3. С. 284–287, 289–292.

⁸ Вести-Куранты. 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. / изд. подгот. В.Г. Демьянов; под ред. В.П. Вомперского. М.: Наука, 1996. С. 224; Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662, 1664–1670 гг.: иностранные оригиналы к русским текстам / исслед. и подгот. текстов Ингрид Майер. М.: Языки славянских культур, 2008. Ч. 2. С. 126, 127, 129, 130, 131.

⁹ *Lünig J.Ch. Theatrum Ceremoniale Historico-Policum, Oder Historisch- und Politischer Schau-Platz Aller Ceremonien, Welche bey Pöbst- und Käyser-, auch Königlichen Wahlen und Crönungen... Ingleichen bey Grosser Herren und dero Gesandten Einholungen... beobachtet werden.* Leipzig: M.G. Weidmann, 1720. Bd. 2. S. 809; etc.

¹⁰ *Solomon H.M. Public welfare, science and propaganda in seventeenth century France.* Princeton: Princeton University Press, 1972. P. 125; *Hennings J. Russia and courtly Europe. Ritual and the culture of diplomacy, 1648–1725.* Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 84.

¹¹ Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / сост., подгот. текстов, коммент. Н.И. Прокофьева, Л.И. Алехиной. М.: Советская Россия, 1988. С. 483.

¹² Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662, 1664–1670 гг.: иностранные оригиналы к русским текстам. С. 725.

наиболее ранних осторожно предлагаются¹³ изображения сцен похорон императора Священной Римской империи Карла V Габсбурга в Брюсселе (1558–1559 гг.). Действо, запечатленное Н. Хогенбергом (копии произведения «стали известны при всех ведущих дворах Европы»¹⁴), содержит письменные комментарии к некоторым элементам «печального» обряда Запада¹⁵, но лишь у Тяпкина многое получает развернутое истолкование. Кроме того, это взгляд именно русского человека, стоящий во временном отношении гораздо ближе к петровской поре, что является одним из его преимуществ перед переводом с немецкого «чина» захоронения шведского короля Карла X Густава (1661 г.)¹⁶.

Долгое время редкие материалы пролежали в архивных недрах, пока в XIX столетии описание траурных шествий не заинтересовало П.И. Иванова, опубликовавшего его¹⁷. В то же время он опустил ряд частных, не указав листы из архивного дела, какие-то места в тексте требуют пояснений. Всё это делает необходимым внести уточнения в ссылки на публикацию, включить не вошедшие в нее пометки дипломата, дополняющие картину.

Уверенная последовательность изложения, которая бросается в глаза при чтении записей архива Тяпкина, может объясняться использованием им для подготовки собственного отчета уже имевшихся «фиксаций», созданных в связи со столь важным событием. Известие о «трауре» 1676 г. (его связь с докладом Тяпкина еще предстоит установить) налицо между вестями-курантами¹⁸; сюда отнесем впечатления секретаря Яна III Косимо Брунетти¹⁹; поделились воспоминаниями о 1676 годе и другие «зрители» (назовем Яна Хризостома Пасека и Миколая Емеловского²⁰).

¹³ Лозунова М.О. Печальные ритуалы...; Прокопьев А.Ю. 1725 г. и опыт мемориальных изданий в Российской империи // Российская история. 2017. № 3. С. 61.

¹⁴ Прокопьев А.Ю. 1725 г. и опыт мемориальных изданий... С. 64.

¹⁵ Погребальное шествие в Брюсселе по случаю кончины Карла V. URL: https://www.hermitage-museum.org/wps/portal/hermitage/woa-search/?lng=ru#meta_author=1500-1539&meta_authoring_template=WOA (дата обращения: 19.02.2019).

¹⁶ Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: русские тексты / изд. подгот. В.Г. Демьяновым при участии И.А. Корнилаевой. Завершение работы над изд. и подгот. к печати: Е.А. Подшивалова, С.М. Шамин. Под ред. А.М. Молдована и Ингрид Майер. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Ч. 1. С. 32–33.

¹⁷ Иванов П.И. Описание Государственного архива старых дел. М.: Тип. С. Селивановского, 1850. С. 306–309, 315–317.

¹⁸ Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662, 1664–1670 гг.: иностранные оригиналы к русским текстам. С. 127.

¹⁹ Chynczewska-Hennel T. Rzeczpospolita XVII wieku w oczach cudzoziemców. Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1993. S. 192; Rożek M. Wawel i Skałka panteony polskie. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1995. S. 299.

²⁰ Pasek J.Ch. Pamiętniki... z czasów panowania Jana Kazimierza, Michała Korybuta i Jana III. Poznań: Nakł. J.J. Heinego, 1837. S. 251–252; Jemiołowski M. Pamiętnik..., obejmujący dzieje Polski od roku 1648 do 1679, spółcześnie, porządkiem lat opowiedziane. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1850. S. 247–248.

Тяпкин как непосредственный созерцатель происходившего в деталях доложил о случившемся, сохранив свидетельства среди бумаг, предназначенных московскому Престолу.

Вдумчиво исследовав отчеты Тяпкина, мы сразу отметили ряд важных совпадений с новшествами как петровской, так и более отдаленных эпох. Сопоставляя изображения проводов Карла V, тексты времен Речи Посполитой и материалы Тяпкина, привлекая ресурс литературы с доступными данными о похоронах наиболее известных россиян (в частности, Лефорта в изложении Г. Бассевиля через И.И. Голикова²¹), мы нашли немало общего с тем, что происходило в российском погребальном церемониале начиная с Петра I и, частично, вплоть до XIX века.

Глубоко погружаться в предмет польско-литовской и российской погребальной культуры ввиду обширности проблемы мы не будем, остановимся только на самых значимых, с нашей точки зрения, параллелях. Для этого возьмем за основу представления одного из первых исследователей смерти Роберта Герца, вычленявшего, наряду с прочим, такие структурные элементы погребального «обыкновения» как «тело» и «оплакивающие»²². Прежнее от нового в «черном» ритуале России помогут отделить труд Г.К. Котошихина, актуальное по времени извещение об «успении» Ивана V Алексеевича (1696 г.), а также обобщенные А.В. Терещенко сведения «заупокойного» характера²³.

Заинтересовавшие нас «скорбные» мероприятия, которые наблюдал Тяпкин, происходили в Кракове при обширном стечении народа. Но прежде был проведен обряд, которого не видно среди иллюстраций 1558 г., — вынос и захоронение сердца Михаила Вишневецкого в 1674 г.: «Из варшавской каплицы (часовни. — А. Б.) <...> было перенесение и погребение сердца [его] королевского величества и процессия со кресты и со образы чрез Варшаву, даже до кляштора (монастыря. — А. Б.) отцов Францышканов...»²⁴.

Нам не удалось отыскать упоминаний церемонии с сердцем в ныне опубликованных курантах, документальных свидетельств о ней сохранилось немного. С. Чиж среди таковых называет «завещание» короля Михаила,

²¹ Голиков И.И. Историческое изображение жизни и всех дел славного женева, Франца Яковлевича (Франциска Иякова) Лефорта. М.: В Университетской типографии, 1800. С. 170–174.

²² Мохов С.В. Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 3 (86). С. 176.

²³ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Тип. Э. Праца, 1840. XVI, 160 с.; Объявление о кончине государя, царя и великого князя Иоанна Алексеевича и церемониал погребения его // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2012. Т. 3. С. 231–234; Терещенко А.В. Быт русского народа. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1848. Ч. 3. [2], 133 с.

²⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 261 об.; Иванов П.И. Описание... С. 306.

в котором повелевается упокоить сердце государя в варшавской святыне²⁵, путь к которой проделал сам резидент. Наряду с этим исследовательница отсылает нас к историческому сочинению «хрониста» XVII в. Веспасиана Коховского “*Roczników Polski Klimakter...*”²⁶. Больше похожа на описание Тяпкина латинская запись в анналах ордена камальдулов²⁷. Вместе с тем, обычай создания на похороны сердца «меморий», которые могли бы стать подспорьем в научных поисках, еще не оформился (это произойдет в XVIII столетии²⁸). В свете вышеизложенного, значение «религии» россиянина возрастает.

Чудной для «москвиты» акт зафиксирован в красках и подробностях: «Сердце короля его милости перенесено было <...>, тогда <...> господин канцлер Великого княжества Литовского (Христофор Пац. — А. Б.) <...>, вступивши на рундук, взял на гробе с подушкою золотоглавною сердце королевского величества в ковчезе сребряном <...> и отдал до рук <...> ксендза бискупа (познанского епископа Стефана Вежбовского. — А. Б.). Приступил потом ко гробу староста Грабовецкий (Марек Матчиньский. — А. Б.), взял на гробе коруну королевского величества, с подушкою златоглавною, и отдал <...> господину воеводе Сендомирскому (Яну А. Тарло. — А. Б.); скипетр подал <...> господину каштеляну Волинскому (Яну Ф. Любовицкому. — А. Б.); яблоко златое со крестом <...> господину каштеляну Черскому (Самуэлю С. Рудзиньскому. — А. Б.) на златоглавных же подушках...»²⁹.

Манипуляции с внутренностями «царственного» покойника — не особенность именно Речи Посполитой. Сердце короля во Франции, например, было частью мистерии, направленной на сохранение священного монаршего тела³⁰. Другое дело, в Польско-Литовском государстве происходило оформление традиции посмертного обращения с королевским органом, впервые церемониально извлеченным в связи с кончиной жены Сигизмунда III (прежде известен случай Владислава II Ягеллы)³¹. Важно, что московский резидент сберег для потомков один из эпизодов процесса становления данного «канона» уже в Речи Посполитой Обоих Народов.

Возвращаясь к российским реалиям: расписанное у Тяпкина можно считать предзнаменованием хирургических опытов петровской поры, по-

²⁵ Czyż A.S. O pochówkach serc Michała Korybuta Wiśniowieckiego i Klary Izabelli de Mailly-Lascaris Pacowej oraz o nekropoli Paców w Pożajściu // *Biuletyn Historii Sztuki*. 2013. N 4. S. 673-675.

²⁶ Ibid. S. 673.

²⁷ *Mittarelli J.B., Costadoni A. Annales Camaldulenses ordinis sancti Benedicti... Venetiis: Jo. Baptistam Pasquali, 1764. T. 8. P. 426-429.*

²⁸ *Estreicher K. Bibliografia Polska. Kraków: Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1899. T. XVII. S. 154-155.*

²⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 265 об. - 266 об.; *Иванов П.И. Описание... С. 307.*

³⁰ *Giesey R.E. The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France. Genève: E. Droz, 1960. P. 20.*

³¹ *Czyż A.S. O pochówkach serc... S. 671, 672.*

хоронных «изысков» XIX столетия. Именно в конце XVIII–XIX вв. сердца некоторых родовитых россиян принялись хоронить отдельно. Завещал подобное граф Н.М. Каменский; известна похожая история (скорее легенда) с М.И. Кутузовым и М.Б. Барклаем де Толли³². Разумеется, о прямом влиянии записок Тяпкина здесь говорить не приходится, однако сегодня они являются единственным письменным свидетельством того, что отдельные представители России были знакомы с указанным обычаем в 70-х годах XVII в.

Церемония «Сердца короля Михаила» сопровождалась произнесением «орации», явлением, нехарактерным для русской «жалобы» тех дней: «По святой же литургии имел казание (польск. *kazanie* означает моральное “слово”, надгробную проповедь. — А.Б.) <...> ксендз Волский (Францишек Вольский. — А.Б.) [рефермацкого закону чернец...], добрый казнодея...»³³. Представляется сомнительным, что россияне сумели бы вывести существование подобного из изображения похорон Карла V. Во всяком случае, собиратель примеров из российского быта А.В. Терещенко напоминает, что надгробных речей «московиты» на тот момент не знали³⁴ — это стало входить в моду с Петра Алексеевича³⁵. А вот в Речи Посполитой «выступления» над гробом умершего были в XVII–XVIII вв. обычным делом, тешили человеческое самолюбие, украшались строками из Св. Писания³⁶. Захоронение сердца закончилось «вложением» его в стену костела и торжественной трапезой.

Наконец, наступил день похорон непосредственно Яна II Казимира и Михаила Вишневецкого. Зрим, по Герцу, «апофеоз» такого элемента погребальной «манifestации», как «тело». Останки короля Михаила, скончавшегося в 1673 г., были особым образом законсервированы. Тяпкин посвящает соотечественников в тонкости искусства обращения с умершими, приоткрывает премудрости пользования «мастми балсамными»³⁷. При этом «Словарь русского языка XVIII в.» информирует, что знакомство с отдельными аспектами технологии бальзамирования произошло не ранее 1729 г. (бальзам, средство для постмортальных практик, упоминается в 1709 г.)³⁸.

Далее трупы королей перевезли в Краков для соответствующих приготовлений: «И <...> было принесение телу из места, нарицаемого Клепара

³² Иванов О.А. Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский в Москве. М.: Сварог и К, 2002. С. 347; Синдаловский Н.А. Санкт-Петербург: энциклопедия. СПб.: Норинт, 2008. С. 261; Талберг Ф. Барклай де Толли и Балтийский край. Рига: Фонд журнала «История Латвии», 2003. С. 28.

³³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. л. 265 об.; Иванов П.И. Описание... С. 307.

³⁴ Терещенко А.В. Быт русского народа... Ч. 3. С. 105. Объявление о кончине... С. 231–234.

³⁵ Голиков И.И. Историческое изображение... С. 173–174; Логунова М.О. Печальные ритуалы...

³⁶ *Chrościcki J.A. Pompa funebris. Z dziejów kultury staropolskiej.* Warszawa: PWN, 1974. S. 73.

³⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 7 об.

³⁸ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1. Л.: Наука, 1984. С. 134.

(польск. Klerarz. — *А. Б.*), до костела катедрального Святого Станислава в замок Краковской, двух государей преставшихся Казимера и Михаила...»³⁹. Как подчеркивал Тяпкин, всё происходило не только на глазах достаточного числа мещан и шляхты, но и в присутствии иноземных дипломатов (французского посла)⁴⁰. Не исключено, что замечание резидента могло как-то сказаться на последующих «реформациях». Спустя более двух десятилетий такая «публичность» будет сопровождать отдание последних почестей Лефорту («Чрезвычайные послы цесарской и бранденбургской, а за ними резиденты и комиссары <...> в глубоком же троуре...»⁴¹), а затем станет обычной⁴².

Не обошлось без участия военных подразделений, маршировавших со своими знаменами. Есть они и на изображениях процессии Карла V⁴³, но Тяпкин особо концентрируется на этом, перечисляя «регименты»: «Мушкетеры несли мушкеты свои под пазухами левыми, оборотя дулами до земли... Пикинеры пики свои долгие несли, за самые концы копей взяв, а древка влекли по земле... За пехотами ехали хоронжие с хоруговми своими <...> В начале ехали хоругови: Краковская, Виленская, Русская (*Województwo ruskie. — А. Б.*), Масовецкая, Великополская, и прочих земель и воеводств и поветов...»⁴⁴.

«Ратная» составляющая в «скорбных» шествиях Речи Посполитой показала себя на прощании со Стефаном Баторием (1588 г.)⁴⁵, однако была в новинку русскому человеку, которому привычнее здесь видеть духовенство, знать, близких умершего, но не вооруженные отряды⁴⁶. Совершенно нет ничего подобного у Котошихина («Тогда <...> патриарх и власти, и попы и дьяконы, соберутся на царской двор... царица и царевичи и царевны, и бояре и ближние люди, и боярыни и многие жены...»⁴⁷), у Ивана V⁴⁸. Петр I, наконец, вписал военных в погребальный культ, явив их на похоронах Лефорта: «Три полка <...> солдат <...> шли по шесть человек в шеренге... пешие же офицеры <...> с алебардами <...> древки знамен увиты <...> черным же крепом, концы коего влеклися по земле...»⁴⁹. Традиция была

³⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 533 об.; *Иванов П.И.* Описание... С. 315.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 537; *Иванов П.И.* Описание... С. 317.

⁴¹ *Голиков И.И.* Историческое изображение... С. 173.

⁴² *Логунова М.О.* Печальные ритуалы...; *Аронова А.А.* Последнее торжество императрицы Елизаветы Петровны // *Искусствознание.* 2016. № 3. С. 99, 101–102.

⁴³ Погребальное шествие в Брюсселе... Л. 10–11.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 534 об.–535; *Иванов П.И.* Описание... С. 316.

⁴⁵ *Pogrzeb krola Stefana Batorego w Krakowie, dnia 23. Maja, 1588 // Starozytnosci historyczne polskie / A. Grabowski.* Kraków: Józef Czech, 1840. Т. 1. S. 68. S. 67–73.

⁴⁶ *Терещенко А.В.* Быт русского народа... Ч. 3. С. 104.

⁴⁷ *Котошихин Г.К.* О России... С. 16.

⁴⁸ Объявление о кончине... С. 231–234.

⁴⁹ *Голиков И.И.* Историческое изображение... С. 170–171; *Логунова М.О.* Печальные ритуалы...

продолжена — гренадеры состояли в траурном кортеже Прасковьи Ивановны в 1731 г.⁵⁰

Взглянем на «оплакивающих» — другой структурный «код» траурного «процесса». Сопровождающие умершего русского государя должны были громко причитать: «Все вместе <...> рыдающе и плачущее...»⁵¹. В случае 1676 г. вместо надгробного плача, отмененного в России при Петре⁵², «печальный» ход сопровождала музыка — «барабаны обшиты черными сукнами, струны подвязаны платками негромогласного ради гласа <...>. Ехали трубачи в черных плащах и шляпах немецких с трубами серебряными, трубили жалостно и тихо...»⁵³. Нельзя не заметить некоторого «соответствия» в оплакивании Лефорта: «Барабаны, прикрытые черною краскою, издавали глухой тон...»⁵⁴.

Вопрос о первых траурных оркестрах у нас спорен. Так, русский историк Е.Ф. Шмурло относил введение похоронной музыки к реформам Петра Алексеевича⁵⁵. Отмечается также, что на похоронах императрицы Елизаветы (1762 г.) был исполнен реквием⁵⁶, включают сюда и музыкальный аккомпанемент при погребении близкого Екатерине II Станислава Августа Понятовского⁵⁷, связывая траурные мелодии с музыкальной жизнью XVIII века⁵⁸. Информацию об участии музыкантов содержит и иллюстративный ряд церемонии Карла V⁵⁹, в то же время приведенный фрагмент из донесений Тяпкина может придать изысканиям новое движение.

Открытием стало для россиянина и использование лошадей, которые в самой России в рамках погребального культа были задействованы лишь в 1699 г.⁶⁰ Молчат о них Котошихин («И взяв царское тело пойдут с царского двора <...> несут царское тело попы...»⁶¹) и «регламент» царя Иоанна⁶². «Покойниковы парадныя лошади, веденныя конюшими под черным

⁵⁰ Болотина Н.Ю. Последний путь царевны Прасковьи Ивановны... С. 23-32.

⁵¹ Котошихин Г.К. О России... С. 16.

⁵² Николаев С.И. Pompa funebris в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в. // *Europa Orientalis*. 1997. № 16. С. 182.

⁵³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 534 об.-535; Иванов П.И. Описание... С. 316.

⁵⁴ Голиков И.И. Историческое изображение... С. 170.

⁵⁵ Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценках русских мыслителей и исследователей. СПб.: РХГИ, 2003. С. 670.

⁵⁶ Финдейзен Н.Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. М.; Л.: Гос. изд-во, Музсектор, 1925. Т. 2. Вып. 5. С. 121.

⁵⁷ Огаркова Н.А. Церемонии, празднества, музыка русского двора: XVIII — начало XIX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 105, 107.

⁵⁸ История русской музыки в десяти томах. Том 3: XVIII век. Часть 2 // Б.В. Доброхотов, Ю.В. Келдыш, А.В. Лебедева, Е.М. Левашов, О.Е. Левашова, А.В. Полехин, А.М. Соколова. М.: Музыка, 1985. С. 113.

⁵⁹ Погребальное шествие в Брюсселе... Л. 2.

⁶⁰ Логунова М.О. Печальные ритуалы...

⁶¹ Котошихин Г.К. О России... С. 16.

⁶² Объявление о кончине... С. 231-234.

сукном...»⁶³, возникают уже у Лефорта. Между тем в польско-литовском обряде кони, предсказатели смерти, давно сопутствовали королям на “*via mortis*”⁶⁴, чему и стал свидетелем Тяпкин: «Тела везли обоих государей на едином возе шести конми, которые были закрыты в каптурах (польск. *kar-tur*, «покрытие». — А. Б.) червчатых бархатных, даже от голов и до ног...»⁶⁵. На Западе конное сопровождение катафалка было вполне рядовым делом, взять хотя бы похороны Фридриха III Габсбурга (1440–1493) — животные символизировали подконтрольные ему земли⁶⁶. Находим их и среди изображений 1558 г.⁶⁷; напротив, у Тяпкина мы наблюдаем восприятие данной детали конкретно русским человеком XVII века.

Вспоминая события 1676 г., нужно упомянуть о еще одной петровской «инновации»: “*castrum doloris*”, «холме скорби» (пышно украшенном одре). Нечто такое вписано в сцену проводов Карла V под названием «пылающая капелла» (фр. *chapelle ardente*)⁶⁸, однако неясно, насколько верно интерпретировали русские читатели надписи и рисунки из творения Хогенберга. Относительно предмета Котошихин замечал только: «Стоит его царское тело в его царской церкви...»⁶⁹. Имеется утверждение, что первый раз подобное соорудили на похоронах царицы Прасковьи Федоровны в 1723 г., тогда “*castrum doloris*” нашел воплощение в образе «печальной комнаты»⁷⁰. М.О. Логунова сообщает, что специальные сооружения для тела покойного, демонстрировавшие его высокий социальный статус, были известны в Европе XVII–XVIII вв., в России они появились при Петре I⁷¹. Но уже в докладе Тяпкина — «егда на замок приидоша, тогда тела их, государей, постановише на рундук, которой устроен был посреде костела и украшен зело и высок постановлен...»⁷². Так в записи резидента попали “*majestat*”, на который в Речи Посполитой устанавливали гроб, а также соответствующий траурный декор⁷³.

Прощание с Яном II Казимиром и Михаилом Вишневецким происходило своеобразно: «А при погребении открывали гробы их, государские <...>

⁶³ Голиков И.И. Историческое изображение... С. 171.

⁶⁴ *Dyakowski B. Koń, towarzysz człowieka. Warszawa: Wydaw. M. Arcta, 1911. S. 163-167; Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1921. S. 17-18.*

⁶⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 178. Л. 82; Иванов П.И. Описание... С. 316.

⁶⁶ Левченко И.Е. Погребальные практики (историко-социологический экскурс) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. 2009. № 4. С. 160.

⁶⁷ Погребальное шествие в Брюсселе... Л. 19-20.

⁶⁸ Там же. Л. 1.

⁶⁹ Котошихин Г.К. О России... С. 16.

⁷⁰ Аронова А.А. Последнее торжество... С. 100.

⁷¹ Логунова М.О. Траурный церемониал в Российской империи // Власть. 2010. № 3. С. 113; Прокопьев А.Ю. Погребение Петра Великого...

⁷² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 537 об.; Иванов П.И. Описание... С. 317.

⁷³ *Chrościcki J.A. Pompa funebris... S. 183, 185.*

канцлеры и подканцлеры печати государственные и подскарбии ключи скарбовые кидали в гробы, и маршалки великие и надворные обоих народов ломали ляски и бросали там же обломки, знаменуячи отдавание последнее свое служение тем своим умершим государем...»⁷⁴. Тяпкин засвидетельствовал известный ритуал, маршальские жезлы («ляски») являлись знаками могущества, а их уничтожение было жестом слабости перед лицом королевского величия⁷⁵.

В России же символ власти, корона, хотя и клался в царский «саркофаг»⁷⁶, но не использовался в похоронном шествии: «И возложат <...> все <...> одеяние, и корону положат во гроб...»⁷⁷. Позже под державной рукой Петра I скипетр, «яблоко», короны, иногда щит и мечи⁷⁸ все-таки заняли полагающееся им место в «черных» мероприятиях. В «чине» Лефорта участвовали «семь офицеров, несших на... бархатных подушках <...> золотыя шпоры, перчатки, шпагу, шишак, латы, щит и трость...»⁷⁹. Королевские инсигнии видим на похоронах Карла V⁸⁰, имелись они и на зафиксированной у Тяпкина церемонии в Кракове — «и несли обоих умерших государей короны, и скиптры («скифетры», скипетры — *А. Б.*), и яблоки златые...»⁸¹.

Завершилось всё феерией, которой почтили и Лефорта («Выстрелено из 101 пушки, и от поставленного вокруг могилы строем войска трикратно из ружей беглым огнем...»)⁸², — салютом в честь покойных: «По погребении же тех государей, пехота давала огня из мушкетов, из пушек стрелба была множественная в трех городех, в начале в замку, на Кленаре (Клепаре. — *А. Б.*), на Казимере...»⁸³. Троекратный салют вошел в исследования⁸⁴, московский же резидент умолчал о вдохновенном «прощальном слове» краковского епископа Анджея Тшебицкого, впечатлившем Емеловского⁸⁵.

Содержательные донесения Тяпкина передают нам тщательно составленное описание одного из символических событий в истории Речи Посполитой — проводов в последний путь Яна II Казимира и Михаила Вишневецкого, становясь еще одним источником об этом фрагменте прошлого.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 538; *Иванов П.И.* Описание... С. 317.

⁷⁵ *Mielnik P.* Laska marszałkowska w świetle wybranych źródeł ikonograficznych Sejmu polskiego // *Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy.* 2015. Т. 15. S. 78.

⁷⁶ *Тереженко А.В.* Быт русского народа... С. 104.

⁷⁷ *Котошихин Г.К.* О России... С. 15–16.

⁷⁸ *Логунова М.О.* Печальные ритуалы...

⁷⁹ *Голиков И.И.* Историческое изображение... С. 172.

⁸⁰ Погребальное шествие в Брюсселе... Л. 34.

⁸¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 536; *Иванов П.И.* Описание... С. 316.

⁸² *Голиков И.И.* Историческое изображение... С. 174; *Логунова М.О.* Печальные ритуалы...

⁸³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 538; *Иванов П.И.* Описание... С. 317.

⁸⁴ *Rożek M.* Uroczystości w barokowym Krakowie. Kraków: Wydaw. Literackie, 1976. S. 130; *Wasilewski T.* Ostatni Waza na polskim tronie. Katowice: Wydaw. Śląsk, 1984. S. 285.

⁸⁵ *Jemiołowski M.* Pamiętnik... S. 248–255.

В отличие от французского современника, де Отвиля⁸⁶, резидент включил в свои документы подробное изложение траурных обрядов, сделав их более доступными некоторым из своих соотечественников.

Как видим, ко времени петровских реформ в погребальном деле в России уже имелась определенная база, на которой в дальнейшем могла основываться новая погребальная обрядность. Безусловно, то, что было введено Петром I, проистекало во многом из протестантской традиции⁸⁷. Мы же, ссылаясь на Тяпкина, говорим несколько об ином — для образованных государственных деятелей допетровской поры грядущие перемены не были чем-то столь уж экстравагантным и совершенно новым, благодаря, в том числе, «реляциям» российской резидентуры в Речи Посполитой.

Литература

1. *Аронова А.А.* Последнее торжество императрицы Елизаветы Петровны // Искусствознание. 2016. № 3. С. 98–135.
2. *Болотина Н.Ю.* Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых // Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / отв. ред.: М.В. Лескинен, О.В. Хаванова. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 23–32. [online]. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5000993276> (дата обращения: 19.02.2019).
3. *Иванов О.А.* Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский в Москве. М.: Сварог и К, 2002.
4. История русской музыки в десяти томах. Том 3: XVIII век. Часть 2 // Б.В. Доброхотов, Ю.В. Келдыш, А.В. Лебедева, Е.М. Левашов, О.Е. Левашова, А.В. Полехин, А.М. Соколова. М.: Музыка, 1985.
5. *Левченко И.Е.* Погребальные практики (историко-социологический экскурс) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. 2009. № 4. С. 158–165.
6. *Логунова М.О.* Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф, 2011. 272 с. [online]. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5457046141> (дата обращения: 19.02.2019).
7. *Логунова М.О.* Траурный церемониал в Российской империи // Власть. 2010. № 3. С. 111–115.
8. *Мохов С.В.* Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 9. № 3 (86). С. 171–188.
9. *Николаев С.И.* Pompa funebris в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в. // Europa Orientalis. 1997. № 16. С. 179–188.
10. *Николаев С.И.* Рыцарская идея в похоронном обряде петровской эпохи // редкол.: Панченко А.М., Живов В.М., Николаев С.И., Плюханова М.Б. Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 3. С. 584–594.

⁸⁶ *Manuś V.* Recepcja obrzędowości... S. 46.

⁸⁷ *Прокотьев А.Ю.* 1725 г. и опыт мемориальных изданий... С. 60, 61, 62.

11. *Огаркова Н.А.* Церемонии, празднества, музыка русского двора: XVIII — начало XIX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
12. Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценках русских мыслителей и исследователей. СПб.: РХГИ, 2003.
13. *Прокопьев А.Ю.* 1725 г. и опыт мемориальных изданий в Российской империи // Российская история. 2017. № 3. С. 59–79.
14. *Прокопьев А.Ю.* Погребение Петра Великого: протестантский стандарт в православной России // Северная война, Санкт-Петербург и Россия в первой четверти XVIII в.: материалы международной научной конференции / отв. ред. В.Е. Возгрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 47–67.
15. *Талберг Ф.* Барклай де Толли и Балтийский край. Рига: Фонд журнала «История Латвии», 2003.
16. *Chrościcki J.A.* Pompa funebris. Z dziejów kultury staropolskiej. Warszawa: PWN, 1974.
17. *Chynczewska-Hennel T.* Rzeczpospolita XVII wieku w oczach cudzoziemców. Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1993.
18. *Czyż A.S.* О похówках серс Michała Korybuta Wiśniowieckiego i Klary Izabelli de Mailly-Lascaris Pacowej oraz о nekropoli Paców w Pożajściu // Biuletyn Historii Sztuki. 2013. N 4. S. 671–696.
19. *Giesey R.E.* The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France. Genève: E. Droz, 1960.
20. *Hennings J.* Russia and courtly Europe. Ritual and the culture of diplomacy, 1648–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
21. *Manys B.* Recepcja obrzędowości dworu polskiego w świetle Relacji historycznej о Polsce Gasparda de Tende’a // Sensus Historiae. 2014. Vol. XVI. 3. S. 37–47.
22. *Mielnik P.* Laska marszałkowska w świetle wybranych źródeł ikonograficznych Sejmu polskiego // Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy. 2015. T. 15. S. 75–94.
23. *Rożek M.* Uroczystości w barokowym Krakowie. Kraków: Wydaw. Literackie, 1976.
24. *Rożek M.* Wawel i Skałka panteony polskie. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1995.
25. *Solomon H.M.* Public welfare, science and propaganda in seventeenth century France. Princeton: Princeton University Press, 1972.
26. *Wasilewski T.* Ostatni Waza na polskim tronie. Katowice: Wydaw. Śląsk, 1984.
27. *Wójcik Z.* Jan Kazimierz Waza. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1997.

References

1. Aronova, A.A., 2016. Poslednee torzhestvo imperatritsy Elizavety Petrovny [The last triumph of Empress Elizabeth]. *Iskusstvoznanie*, N 3, pp. 98–135.
2. Bolotina, N.Iu, 2015. Poslednii put’ tsarevnyi Praskov’i Ivanovny: tseremonial pohoron chlena imperatorskoi familii Romanovyh [The last journey of Princess Praskovya Ivanovna: the funeral ceremony of a member of the imperial family]

- of the Romanovs]. In: Leskinen, M.V., Khavanova, O.V., eds, 2016. *Romanovy v doroge: puteshestviia i poezdki chlenov tsarskoi sem'i po Rossii i za granitsu* [The Romanovs on the Road: Voyages and Journeys of Members of the Royal Family in Russia and Abroad]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 23–32. [online]. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5000993276> (accessed: 19.02.2019).
3. Chrościcki, J.A., 1974. *Pompa funebris. Z dziejów kultury staropolskiej*. Warszawa: PWN.
 4. Chynczewska-Hennel, T., 1993. *Rzeczpospolita XVII wieku w oczach cudzoziemców*. Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
 5. Czyż, A.S., 2013. O pochówkach serc Michała Korybuta Wiśniowieckiego i Klary Izabelli de Mailly-Lascaris Pacowej oraz o nekropoli Paców w Pożajściu. *Biuletyn Historii Sztuki*, 4, pp. 671–696.
 6. Giesey, R.E., 1960. *The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France*. Genève: E. Droz.
 7. Hennings, J., 2016. *Russia and courtly Europe. Ritual and the culture of diplomacy, 1648–1725*. Cambridge: Cambridge University Press.
 8. Ivanov, O.A., 2002. *Graf Aleksei Grigor'evich Orlov-Chesmenskii v Moskve* [Count Alexei G. Orlov-Chesmensky in Moscow]. Moscow: Svarog i K.
 9. Levchenko, I.E., 2009. Pogrebal'nye praktiki (istoriko-sotsiologicheskii ekskurs) [Funerary practices (historical and sociological excursion)]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, pp. 158–165.
 10. Logunova, M.O., 2010. Traurnyi tseremonial v Rossiyskoi imperii [Mourning ceremony in the Russian Empire]. *Vlast'*, 3, pp. 111–115.
 11. Logunova, M.O., 2011. *Pechaln'ye ritualy imperatorskoi Rossii* [The sad rituals of imperial Russia]. Moscow: Tsentrpoligraf. [online]. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5457046141> (accessed: 19.02.2019).
 12. Manyś, B., 2014. Recepja obrzędowości dworu polskiego w świetle Relacji historycznej o Polsce Gasparda de Tende'a. *Sensus Historiae*, XVI, 3, pp. 37–47.
 13. Mielnik, P., 2015. Laska marszałkowska w świetle wybranych źródeł ikonograficznych Sejmu polskiego. *Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy*, 15, pp. 75–94.
 14. Mokhov, S.V., 2016. Smert' kak problema issledovaniia v sotsial'noi i istoricheskoi antropologii: genesis idei [Death as a research problem in social and historical anthropology: the genesis of ideas]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 3 (86), pp. 171–188.
 15. Keldysh, Iu.V., et al., eds, 1985. *Istoriia russkoi muzyki v desiaty tomah. Tom 3: XVIII vek. Chast' 2* [History of Russian music in ten volumes. Volume 3: XVIII century. Part 2]. Moscow: Muzyka.
 16. Nikolaev, S.I., 1996. Rytsarskaia ideia v pohoronnom obriade petrovskoi epokhi [Knight idea in the funeral rite of the Peter the Great]. In: Panchenko, A.M., Zhivov, V.M., Nikolaev, S.I., Pliukhanova, M.B., eds, 1996. *Iz istorii russkoi kul'tury. T. 3* [From History of Russian Culture. Vol. 3]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, pp. 584–594.
 17. Nikolaev, S.I., 1997. Pompa funebris v Sankt-Peterburge v pervoi polovine XVIII v. [Pompa funebris in St. Petersburg in the first half of the XVIII century]. *Europa Orientalis*, N 16, pp. 179–188.

18. Ogarkova, N.A., 2004. *Tseremonii, prazdnestva, muzyka russkogo dvora: XVIII — nachalo XIX vv.* [Ceremonies, festivals, music of the Russian court: XVIII — early XIX centuries]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.
19. Prokop'ev, A.Iu., 2007. Pogrebenie Petra Velikogo: protestantskii standart v pravoslavnoi Rossii [The Funeral of Peter the Great: The Protestant Standard in Orthodox Russia]. In: Vozgrin, V.E., ed., 2007. *Severnaia voina, Sankt-Peterburg i Rossiia v pervoi chetverti XVIII v.: materialy mezdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* [The Great Northern War, Saint Petersburg and Russia in the First Quarter of the Eighteenth Century]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, pp. 47–67.
20. Prokop'ev, A.Iu., 2017. 1725 g. i opyt memorial'nykh izdaniy v Rossiiskoi imperii [1725 and the experience of memorials in the Russian Empire]. *Rossiiskaia istoriia*, 3, pp. 59–79.
21. Burlaka, D.K., Kara-Murza, A.A., Netuzhilov, K.E., Poliakov, L.V., Svetlov., R.V., eds, 2003. *Petr Velikii: pro et contra. Lichnost' i deianiia Petra I v otsenkah russkikh myslitelei i issledovatelei* [Peter the Great: pro et contra. The personality and deeds of Peter I in the assessments of Russian thinkers and researchers]. Saint Petersburg: RHGI.
22. Rożek, M., 1976. *Uroczystości w barokowym Krakowie.* Kraków: Wydaw. Literackie.
23. Rożek, M., 1995. *Wawel i Skalka panteony polskie.* Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
24. Solomon, H.M., 1972. *Public welfare, science and propaganda in seventeenth century France.* Princeton: Princeton University Press.
25. Talberg, F., 2003. *Barklai de Tolli i Baltiiskii kraj* [Barclay de Tolly and the Baltic Territory]. Riga: Fond zhurnala “Istoriia Latvii”.
26. Wasilewski, T., 1984. *Ostatni Waza na polskim tronie.* Katowice: Wydaw. Śląsk.
27. Wójcik, Z., 1997. *Jan Kazimierz Waza.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

ОДИННАДЦАТЬ ЗАГРАНИЧНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ СВЯТОЙ ВЕНГЕРСКОЙ КОРОНЫ (1205–1978)*

Ге́за Палффи –

доктор Венгерской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт истории Центра гуманитарных
исследований
Почтовый адрес: ул. Тот Кальман, 2–4,
Будапешт, 1097, Венгрия
Электронный адрес: palfffy.geza@btk.mta.hu

Аннотация

Статья символически возвращает один из самых больших долгов венгерской историографии — реконструирует вывозы за границу и возвращения на родину святой венгерской короны. В период между своим первым (в 1205 г. в Австрию) и последним на сегодняшний день (в 1978 г. из США) путешествиями регалия провела на чужбине 135 лет, или одну шестую часть рассматриваемого периода. Самые длительные отсутствия на родине пришлось на XV, XVI и XX вв.: 23 года в Австрии (1440–1463), 57 лет в Вене и Праге (1551–1608) и 33 года в Австрии, Германии и США (1945–1978). Самым длинным путешествием стала перевозка из Германии в Форт-Нокс (штат Кентукки) в 1953 г. Десять из одиннадцати пребываний за границей связаны с Австрией, и семь — с ее столицей Венной, что лишний раз доказывает, насколько история Венгрии была тесно связана с Центральной Европой. Пять раз корона покидала пределы страны из-за военной угрозы: нашествие монголо-татар (1241), экспансия османов (1663, 1683), Освободительная война под предводительством Ференца II Ракоци (1703), наконец, Вторая мировая война (1945). Почти половина историй о возвращении короны на родину связана с поворотными моментами в истории Венгрии — 1463, 1608, 1790, 1853 и 1978 гг.

Ключевые слова

Святая венгерская корона, история Центральной Европы, регалия, коронации, Габсбурги.

Статья поступила в редакцию 25 марта 2019 г.

ELEVEN TRAVELS ABROAD OF THE HOLY CROWN OF HUNGARY (1205–1978)

Géza Pálffy

Doctor of the Hungarian Academy of Sciences,
Senior Research Fellow,
Institute of History of the Research Centre
for the Humanities,
Postal address: Tóth Kálmán u. 2–4,
Budapest, 1097, Hungary
E-mail: palfffy.geza@btk.mta.hu

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта Венгерской академии наук “Lendület”, осуществляемого авторским коллективом «Святая корона» на базе Института истории Центра гуманитарных исследований.

Abstract

The study aims to pay off one of the major debts of Hungarian historiography, the absences on foreign soil and the returns of the Holy Crown of Hungary. Between its first removal from Hungary to Austria (1205) and its latest return there from the USA (1978), the chief symbol of Hungarian statehood had spent some 135 years abroad, that is, roughly a sixth part of the whole period. The longest foreign stays took place in the sixteenth, twentieth, and fifteenth centuries (1551–1608: 57 years in Vienna and Prague, 1945–78: 33 years in Austria, Germany and USA, 1440–63: 23 years in Austria). The longest journey was made after 1953, when it was transported from Germany to Fort Knox, Kentucky. Ten out of the eleven foreign stays concerned Austria and seven the city of Vienna, a clear indication of the extent to which the history of Hungary had been interlocked with that of Central Europe. On five occasions, the crown was taken abroad because of an acute danger of war (1241: Mongol Invasion, 1663 and 1683: Ottoman Conquest, 1703: War of Independence of Francis Rákóczi II, 1945: World War II). In some half of the return journeys exerted a decisive influence of the course of Hungarian history, especially in 1463, 1608, 1790, 1853, and 1978.

Keywords

Holy Crown of Hungary, history of Central Europe, insignia, coronations, the Habsburgs.
Received 25 March 2019.

Святая корона — это один из самых значительных символов не только тысячелетней венгерской государственности, но и истории, это святыня, обладающая мощной духовной силой¹. Это произведение ювелирного искусства, судя по стилю и надписям на эмалевых пластинах, состоит из двух частей: на нижней, или «греческой» короне (*corona Graeca*) изображены правители и святые, на прикрепленной к ней верхней, или «латинской» короне (*corona Latina*) расположены лики восьми апостолов. Согласно легенде, Папа римский Сильвестр II (999–1003 гг.) отправил ее из Рима первому венгерскому королю Иштвану Святому (1000–1038 гг.), но, на самом деле, дошедшую до наших дней святую венгерскую корону изготовили взамен той, утерянной, в XI или XII в. С середины XIII в. регалию, согласно дошедшим до нас источникам, стали называть святой короной.

Главнейшее сокровище венгров за его многовековую историю не раз использовали в разных политических целях, спасали от войн и междоусобиц вокруг престола. За свою многовековую историю святая корона возвращалась на родину 11 раз². Между тем, история пребывания святой венгерской

¹ Из новейших работ см.: *Tóth E. A magyar Szent Korona és a koronázási jelvények.* Budapest: Országház Könyvkiadó, 2018; ср.: *Benda K., Fügedi E. Tausend Jahre Stephanskrone.* Budapest: Corvina Könyvkiadó, 1988; *Kovács É., Lovag Zs. The Hungarian Crown and Other Regalia.* Budapest: Corvina Könyvkiadó, 1988.

² После того как осенью 1551 г. венгерский король Фердинанд I Габсбург (1526–1564 гг.) увез корону в Вену, она лишь на короткое время привозилась на родину — сначала на коронацию эрцгерцога Максимилиана в 1563 г., затем эрцгерцога Рудольфа — в 1572 г. — в тогдашнюю столицу Венгерского королевства Пресбург. После церемонии регалия вновь возвращалась в Вену, поэтому мы считаем, что возвращений было 11, а не 13.

короны за пределами страны еще не становилась предметом систематического изучения. В статье воссоздаются ее 11 заграничных путешествий и возвращений на родину (см. Таблицу) в свете исследований последних лет³.

Незаконные вывозы? Из-за запретительного закона, принятого на Государственном собрании 1608 г. в Пресбурге⁴, в венгерском массовом сознании живет представление, будто любой вывоз короны за пределы страны был деянием незаконным. На самом деле всё гораздо сложнее. С одной стороны, до 1608 г. в законах не содержалось на этот счет никаких распоряжений, т.е. вывозы короны из страны в Средние века (1205, 1241, 1304, 1440) или ее транспортировку к правящему венскому двору в 1551 г. нельзя назвать незаконными. В то же время, три вывоза короны на протяжении «долгого» XVII века — в 1663, 1683 и 1703 гг. — также не столь однозначны, чтобы квалифицировать их как незаконные. В каждом отдельном случае правитель принимал решение в условиях военной угрозы (масштабные боевые действия против турок или восстание куруцев — борцов против власти Габсбургов в Венгрии). Тем самым, вне всяких сомнений, нарушался закон и преступалась коронационная клятва. Однако происходило это по настоянию выбранных венгерскими сословиями хранителей короны и с ведома первых лиц государства.

Итак: даже если венгерская политическая элита старалась переложить ответственность на государя, она в равной мере несла ответственность за нарушение закона. Но и государь стремился себя обезопасить: в 1663 и 1683 гг. Леопольд I (1657–1705 гг.) издавал для венгров специальную декларацию, в которой заявлял о полном понимании того, что вывозом короны в Вену он нарушает данную им коронационную клятву. Поскольку в Венгрии на тот момент не было места, где можно было бы надежно спрятать корону, и сословия не могли предложить никакой альтернативы, император вынужденно на время укрывал ее в своей венской резиденции⁵.

Королевскую декларацию, словно архивный «лист использования», хранители короны клали на место святой короны в Коронной башне Пресбургского замка до тех пор, пока регалии⁶ не вернутся обратно. Тем

³ A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978) / szerk. G. Pálffy. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, 2018.

⁴ Так называемая «предкоронационная» ст. № 4 закона от 1608 г. «О возвращении и хранении святой короны». См.: Corpus Juris Hungarici / Magyar Törvénytár. 1608–1657. évi törvénycikkek / szerk. D. Márkus. Budapest: Franklin Társulat, 1900. 10–13. old.

⁵ Pálffy G. A Szent Korona az 1663–1664. évi török háború idején; *Idem*. A magyar korona először német földön (1683–1687) // A Szent Korona hazatér. 321–362. old.

⁶ К венгерским коронационным регалиям относятся: святая корона, скипетр, держава и меч, которые с 2000 г. хранятся в здании венгерского парламента в Будапеште, а также коронационная мантия и башмаки, которые с целью консервации оставили в фондах Венгерского национального музея. В средние века, подобно регалиям Священной Римской империи, в комплект также входили альба и стола (литургическое облачение), пояс, перчатки и нагрудное украшение, которые до наших дней не сохранились. Два ларца, в которых в разное время хранились регалии, можно в наши дни видеть в рамках экспозиции Национального музея.

самым государь давал понять: нет и речи о насильственном изъятии святыни, всё происходит с ведома венгров, даже по настоянию хранителей короны, которые затем неотступно пребывали при ней. Первым же лицам венгерского государства не нужно было лично участвовать в санкционированном нарушении закона.

Возможность вынужденного обстоятельствами уничтожения короны не поддерживали ни венгерские короли, ни члены политической элиты. На Государственном собрании в Пресбурге в 1712–1715 гг. даже изменили формулировку действующего закона, добавив статью № 38 от 1715 г., согласно которой коронационные атрибуты «можно вывозить отсюда [из Пресбурга] с ведома господина палатина только в случае опасности или крайней необходимости»⁷. Изменения, внесенные в порядок хранения короны, отражали сложившуюся практику и учитывали риски военного времени. С этой точки зрения нельзя квалифицировать как незаконный вывоз короны в марте 1945 г., на исходе Второй мировой войны, в Австрию, ведь это делалось с ведома Ференца Салаша (1897–1946), чей пост «лидера нации» соответствовал должности палатина, тем более что положения закона 1715 г. подтверждала статья закона № 25 от 1928 г.⁸

Из 11 случаев только один был действительно незаконным и противозаконным. Речь, конечно же, идет о декрете Иосифа II (1780–1790 гг.) в апреле 1784 г., изданном несмотря на то, что не было военной угрозы, а условия высказались решительно против. В то же время, не будучи коронованным венгерским королем, он не приносил клятвы о соблюдении венгерских законов. Это был жест абсолютного монарха, притом жест абсолютно осознанный: император просто хотел собрать в венской сокровищнице все главные короны своей центральноевропейской империи⁹.

Причины вывоза за границу. Практически в половине (5 из 11) случаев повод к вывозу давала военная угроза. В 1241 г. — монголо-татарское нашествие, в 1663 и 1683 гг. — походы великих визирей, в 1703 г. — куруцы Ференца II Ракоци (1676–1735), грозившие захватить Пресбург, весной 1945 г. — наступление Красной армии. В трех других средневековых эпизодах (1205, 1304 и 1440 гг.) вывозу предшествовала борьба за престол после кончины короля: в 1205 и 1440 гг. вдовствующие королевы прибегали к похищению коронационного атрибута, причем в последнем случае ход событий до мельчайших деталей помогают восстановить мемуары Илоны Коттаннер (в девичестве Вольфрам) на немецком языке — одни из первых в мировой истории, написанных женщиной¹⁰.

⁷ См.: Corpus Juris Hungarici / Magyar Törvénytár. 1657–1740. évi törvényczikkek. 470–471. old.

⁸ A korona kilenc évszázada. Történelmi források a magyar koronáról / szerk. T. Katona. Budapest, 1979. 394–398. old.

⁹ Soós I. Koronánk a bécsi kincstárban (1784–1790) // A Szent Korona hazatér. 398–417. old.

¹⁰ Die Denkwürdigkeiten der Helene Kottannerin, 1439–1440 / Hrsg. von K. Mollay. Wien, 1971.

Если не считать незаконного вывоза святой венгерской короны в 1784 г. по распоряжению Иосифа II, было еще два (1551 и 1853 гг.) случая, когда транспортировка короны сопровождалась исключительными обстоятельствами. Летом 1551 г. вывоз короны в Вену был санкционирован договором, заключенным в Дюлафехерваре между Фердинандом I и королевой Изабеллой Ягеллон — вдовой короля Яноша I Заполяя (1526–1540 гг.)¹¹. Осенью 1853 г. желание собственными глазами увидеть сокровище изъявил лично император Франц Иосиф (1848–1916 гг.). Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что в 7 из 11 случаев корона изымалась из официально обозначенных мест ее хранения: в 1205 и 1241 гг. — из Секешферхервара, в 1663, 1683, 1703 и 1784 гг. — из Пресбурга, в 1944 г. — из Будапешта.

Пути возвращения на родину. Если для вывоза короны за границу были разные причины, это же можно сказать и о ее возвращении на родину. Впрочем, картина тут менее пестра. В 7 из 11 случаев она возвращалась в Венгрию для проведения церемонии коронации: так было по окончании борьбы вокруг трона в Средние века (1205, 1305, 1463 гг.), после общенациональных, по сути, гражданских, войн (1687, 1712 гг.) или незаконного вывоза из страны (1790). И совершенно неважно, кто был претендентом на престол, член династии Арпадов, Габсбургов или дворянин Матяш Хуняди. Впрочем, при кратковременных возвращениях на родину в 1563 и 1572 гг. речь тоже шла о церемонии коронации. Более того, в первом случае корона сначала фигурировала на коронации Максимилиана Габсбурга, на другой день (9 сентября 1563 г.) «участвовала» в коронации его супруги Марии: регалией прикоснулись к правому плечу новой королевы в знак того, что она должна служить опорой государю¹².

В двух из оставшихся 4 случаев корона возвращалась в Венгрию по окончании больших войн: в 1242 г. — после монголо-татарского нашествия, в 1664 г. — после заключения Вашварского мира с османами. Кстати, во втором случае первые светские и духовные лица Венгрии в присутствии ограниченного круга посвященных внимательнейшим образом осмотрели в императорской сокровищнице коронационные регалии на предмет возможных повреждений¹³. О чем-то подобном в Средние века у нас есть данные в связи с передачей короны императором Священной Римской империи Фридрихом III Габсбургом (1452–1493 гг.) королю Матяшу I (1458–1490 гг.) в Винернойштадте в 1463 г., хотя очевидно, что подобные осмотры проводились перед каждой коронацией. Пока мы не знаем, как до XVII в. проводилось опечатывание ларца, в котором хранились коронационные атрибу-

¹¹ Pálffy G., Teszelszky K. Koronázási jelvényeink leghosszabb távolléte: Erdélyből Bécsen és Prágán át Pozsonyig (1551-1608) // A Szent Korona hazatér. 179-186. old.

¹² Pálffy G. Korunovace královen v raně novověkých Uhrách // Symbolické jednání v kultuře raného novověku. Věnováno Václavu Bůžkovi k jeho životnímu jubileu / Red. J. Hrdlička, P. Král, R. Smíšek. Praha, 2019. S. 65-78.

¹³ Pálffy G. A Szent Korona az 1663-1664. évi török háború idején. 297-301., 315-317. old. № 3.

ты. Новые правила, по которым ларец печатывался печатями короля и его представителей, т.е. первых лиц венгерской сословной элиты, вступили в силу после коронации Матиаса II (1608–1619 гг.) в ноябре 1608 г. в Пресбурге и неукоснительно соблюдались до начала XX в.¹⁴

Два последних возвращения на родину, в 1853 и 1978 гг., также выпадают из общего ряда. С одной стороны, в обоих случаях речь идет не о коронации. В сентябре 1853 г., после того как корону в Вене осмотрел Франц Иосиф, регалии отправили в Буду, в место, назначенное им для хранения в 1790 г. (коронационные атрибуты покидали Буду только для коронаций в Пресбурге осенью 1790 г., затем в 1808, 1825 и 1830 гг.¹⁵).

В 1978 г. регалии проделали долгий путь из США, когда их впервые транспортировали вертолетом и самолетом. После торжественной церемонии передачи (6 января) по просьбе американской стороны их выставили в рамках постоянной экспозиции Венгерского национального музея. Кстати, после обнаружения коронационных атрибутов спрятанными близ Оршовы (ныне — в Румынии), их в середине сентября 1853 г. тоже выставляли в Буде для публичного обозрения в течение трех дней, и тогда многие увидели святую корону воочию.

Судьбоносные возвращения. Краткосрочные вывозы короны за пределы страны обычно проходили без придания делу широкой огласки. Напротив, возвращение на родину чаще всего не только организовывалось исключительно торжественно, но и на долгие годы определяло как восприятие короны обществом, так и судьбу Венгрии. В этом отношении 5–6 событий стоят особняком. Достаточно упомянуть возвращение на родину осенью 1305 г., когда корона легитимировала сначала коронацию Оттона Виттельсбаха в начале апреля 1306 г., затем, после затянувшегося (1307–1310) пребывания регалии в Трансильвании, ее 27 августа 1310 г. наконец-то возложили на чело Карла Анжуйского (1310–1342 гг.): так ему с третьего раза удалось провести коронацию по всем правилам. От этого события отсчитывается блестящая эпоха правления Анжуйской династии в Венгрии¹⁶.

Еще большее значение имели те 5 возвращений на родину, которые в 1463, 1608, 1790, 1853 и 1978 гг. проходили в исключительно торжественной обстановке. И это не случайно. В середине XV в. для Матяша Хуняди получить

¹⁴ A koronázási jelvények okmányai / szerk. R.J. Szvitek, E. Tóth. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2003. См. также: *Németh H.I. A Szent Korona rejtélyei / The Mysteries of the Holy Crown // Nyomot hagytak. Évszázadok — személyiségek — aláírások / Their Traces: Centuries — Personalities — Signatures / szerk. L.S. Németh. Budapest: Archivum, 2017. 70. old. № VI.4.*

¹⁵ *Soltész F.G., Tóth Cs., Pálffy G. Coronatio Hungarica in Nummis. Medals and Jetons from Hungarian Royal Coronations (1508–1916) / ed. K. Bertók. Budapest: Hungarian National Museum, 2019. P. 221–267; Egy elfeledett koronázás a reformkorban. Az utolsó pozsonyi uralkodókoronázás 1830 őszén / szerk. I. Soós. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Központ, 2017.*

¹⁶ *Skorla R. A Szent Korona kalandos körutazása az interregnum éveiben (1301–1310) // A Szent Korona hazatér. 91–121. old.; L'Ungheria angioina / ed. by E. Csukovits. Roma: Viella, 2013.*

обратно корону было вопросом жизни и смерти, ведь только так можно было узаконить его королевский титул. Поэтому для него было огромным успехом, когда летом 1463 г. за огромный выкуп, равнявшийся пятой части государственных доходов (80 тыс. флоринов), удалось заполучить ее обратно из рук Фридриха III. Но символ королевской власти стоил того. После возвращения на родину корону в конце июля выставили на всеобщее обозрение в западно-венгерском городе Шопроне. Затем, после коронации в марте 1464 г., Матяш, заручившись поддержкой сословий, повелел усилить охрану короны¹⁷.

Далекоидущие последствия были как у возвращения летом 1608 г. святой короны из Праги, от двора императора Рудольфа II (1576–1612 гг.), так и у прибытия регалии на родину 18 сентября после полудня, в день, предшествовавший коронации Матяша II (1608–1619 гг.). Многие смогли впервые ее увидеть, появилось немало рисунков, а в 1613 г. первое изображение, изготовленное типографским способом¹⁸. Кроме того, осенью 1608 г. в мельчайших деталях определили действовавший до XX в. порядок запираания ларца и хранения коронационных атрибутов¹⁹. Тогда же изображение короны появилось на венгерском гербе, т.е. сформировался используемый и по сей день венгерский государственный герб со святой короной.

Созданная Петером Реваи (1568–1622) история и теория святой венгерской короны не утратила значения и по сей день²⁰. В 1608 г. святая корона буквально ворвалась в политическую культуру венгерских сословий: наряду с государем, королевской властью и страной она также стала превращаться в символ вернувшей регалию из-за границы «сословной нации», сословной оппозиции неограниченной власти монарха и даже независимости венгерского государства. В первую очередь именно поэтому в 2000 г. стал возможным перенос короны из Национального музея в парламент, по праву считающийся наследником сословного представительства раннего Нового времени.

Наконец, возвращение в конце 1608 г. святой короны в Венгрию создало условия для серии прописанных на бумаге компромиссов между вен-

¹⁷ *Pálosfalvi T.* Koronázástól koronázásig. A korona elrablása és hazatérése (1440–1464) // *A Szent Korona hazatér.* 125–166. old.

¹⁸ *Rewa P., de.* De Sacrae Coronae Regni Hungariae ortu, virtute, victoria, fortuna annos ultra DC clarissimae brevis commentarius. *Augustae Vindelicorum* 1613, иллюстрация на титуле; Ср.: *Teszelszky K.* A magyar korona megjelenése a kora újkori képzőművészetben // *Művészettörténeti Értesítő.* 2011. Vol. 60. 1–10. old.

¹⁹ *Bak B.* A koronaörök fizetelensége. (Thurzó Szaniszló nádor 1624. évi Zágráb szabad királyi városhoz küldött levele) // *Miscellanea fontium historiae Europae.* Emlékkönyv H. Balázs Éva történészprofesszor 80. születésnapjára / szerk. J. Kalmár. Budapest: ELTE Bölcsészettudományi Kar, 1997. 89–106. old.; *Fazakas L., E. Hegedűs. S. Hannel.* A Szent Korona őrzése. A koronaörök, a koronaórség. Budapest: Heraldika, 2002; *Mačuha M.* Úrad strážcu uhorskej koruny v prvej polovici 17. storočia // *Kohutová M. a kol.* Politické a spoločenské pomery na Slovensku v 1. polovici 17. storočia. Bratislava: Filozofická fakulta TU, 2012. S. 51–75.

²⁰ *Rewa P., de.* De Sacrae Coronae.

герскими сословиями и династией Габсбургов, вновь и вновь заключающихся вплоть до Нового времени: 1608, 1622, 1647, 1681, 1711/12, 1790, 1867 гг.²¹ Так, в 1790 г. торжественное возвращение короны из Вены уже не в Пресбург, а в древнюю столицу Буду превратилось в одно из самых зрелищных празднеств в венгерской истории, когда по всему пути следования, затем — в самой Бude, ее выставляли на всеобщее обозрение. Событие ознаменовало окончание абсолютистского правления Иосифа II. Глубоко символично, но святая корона прибыла в Буду на другой день после кончины императора (21 февраля) и была повсюду встречена выкриками «Да здравствует венгерская свобода!»²².

Возвращение короны в 1790 г. в Венгрию означало и новый этап в научном изучении коронационного атрибута: ее вновь и вновь осматривали, изучали и пришли к выводу, что эмалевые пластины можно разделить на греческие и латинские, а самой святой короной точно не могли короновать первого венгерского короля Иштвана I Святого (1000–1038 гг.), поскольку изображения на эмали датируются 1070-ми годами²³. Таким образом, возвращение святой короны на родину в 1608 и 1790 гг. можно с полным правом считать двумя важнейшими вехами в истории Венгрии раннего Нового времени.

Хотя обнаружение короны в сентябре 1853 г. было успешной акцией тайной полиции венского двора, но с точки зрения сохранности коронационных атрибутов это обстоятельство имело колоссальное значение²⁴. Сокровища, закопанные революционерами в конце августа 1849 г. в пойме Дуная близ Оршовы, за годы пребывания в земле серьезно пострадали. До их реставрации дело дошло только в 1867 г., накануне коронации Франца Иосифа в Бude, поскольку сама церемония была немыслима без святой венгерской короны²⁵. Осенью же 1853 г. император сдержанно принял известие об обнаружении символа венгерской независимости, поскольку это влекло за собой неудобные вопросы о легитимном характере его правления. Зато жители Пешт-Буды, напротив, ликовали, и в провинции, по пути следования короны, проводились торжественные мероприятия.

²¹ Палфи Г. Век разрывов и компромиссов: новый взгляд на историю Венгерского королевства XVII века // Славяноведение. 2016. № 2. С. 41–50.

²² Soós I. Koronánk a bécsi kincstárban. 421–472. old.

²³ Bodnár-Király T. Koronaeszmé és történelem. Vita a Szent Koronáról a 18. század végi Magyarországon // Politikai elit és politikai kultúra a 18. század végi Magyarországon / szerk. I.M. Szijártó, Z.G. Szűcs. Budapest: ELTE Eötvös Kiadó, 2012. 170–191. old.; Tóth G. Szent István, Szent Korona, államalapítás a protestáns történetírásban (16–18. század). Budapest, 2016. 152–172. old.; Tóth E. A magyar Szent Korona, 15–16. old.

²⁴ Deák A. A koronás Wargha. Egy kettős ügynök Kossuth és a császári rendőrség szolgálatában. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2010; Hermann R., Manhercz O. A magyar korona a szabadságharc idején és után — föld felett, majd föld alatt (1848–1853) // A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978). 519–531. old.

²⁵ Falk M., Dux A. et. al. Krönungs-Album. 8. Juni 1867. Pest: Deutsch, 1867.

На прибытии короны на родину в январе 1978 г. необходимо остановиться подробнее. Возвращение национальной святыни в разгар Холодной войны, обставленное со всей торжественностью, которую могла себе позволить относившаяся в то время к советской сфере влияния Венгрия, существенно улучшило венгерско-американские отношения. Кроме того, оно не только повлияло на легитимацию кадаровского режима, но, в конечном итоге, способствовало его падению. Теперь вместо интернационализма в широких общественных кругах стало возможным говорить о Иштване Святом и святой венгерской короне. Яношу Кадару (1912–1989) же не оставалось ничего, кроме как принять условия американской стороны и не участвовать в официальной церемонии, организованной в стенах парламента, поскольку не он лично, но венгерский народ получал от американцев обратно свое самое дорогое сокровище. За короткое время миллионы венгров посетили экспозицию, устроенную в Национальном музее. Святая корона вновь стала в Венгрии частью повседневности, а после смены политического строя, когда ее изображение в 1990 г. вновь украсило государственный герб, — одним из главных «действующих лиц» политического диалога²⁶.

С учетом всего сказанного выше не случайно, что от пяти важнейших возвращений святой короны остались ее изображения. Самое раннее, детальное и достоверное цветное изображение короны датировано серединой XVI в. и посвящено ее возвращению Матяшу Хуняди веком ранее. Оно сохранилось в книге аугсбургского историка и герольда Клеменса Егера об истории династии Габсбургов «Честное зеркало Австрийского дома» (“Ehrenspiegel des Hauses Österreich”) и служит иллюстрацией событий лета 1463 г.²⁷ О возвращении короны из Праги в 1608 г. и прибытии в Буду в 1790 г. сохранились не только полотна, но и имевшие широкое хождение гравюры, мотивы с которых переносились даже на дамские веера²⁸. Точно так же появились печатные изображения об обнаружении короны в сентябре 1853 г. под Оршовой, затем о ее осмотре Францем Иосифом в Вене²⁹. О возвращении короны из США в январе 1978 г. до сих пор в руки ученых попадают все новые и новые ранее не известные фотографии. Первые цветные снимки святой короны были сделаны в конце 1977 г. в Форт-Нокс, когда специалисты готовили ее к передаче венгерской стороне³⁰.

²⁶ Glant T. A Szent Korona amerikai kalandja és hazatérése. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 2018. 236–263. old.

²⁷ Buzási E., Pálffy G. Augsburg — Wien — München — Innsbruck. Die frühesten Darstellungen der Stephanskronen und die Entstehung der Exemplare des Ehrenspiegels des Hauses Österreich. Gelehrten- und Künstlerbeziehungen in Mitteleuropa in der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Budapest: Institut für Geschichte des Forschungszentrums für Humanwissenschaften der UAdW, 2015. S. 8: Abb. 1.

²⁸ Tompos L. Egy történelmi esemény tükröződése a viseletben // Folia Historica. 1998–1999. Vol. 21. Budapest, 2000. 215–233. old.

²⁹ Hermann R., Manherz O. A magyar korona a szabadságharc idején, 482: No. 1, 538: No. 24, 542: No. 26.

³⁰ Glant T. A Szent Korona. 18. kép.

После всего этого неудивительно, что в трех из рассмотренных выше пяти «особенных» случаев возвращения короны на родину ее привозили не туда, откуда в свое время увозили. В остальных восьми (из 11) случаях раньше или позже корона помещалась туда, где ее положено было хранить, будь то сначала Секешфехервар (1205, 1242, 1306/10 гг.), потом Вишеградская крепость (1464), затем Пресбург (1664, 1687, 1712 гг.) и, наконец, Буда (1853). В 1608 г. о возвращении на прежнее место речи быть не могло, ведь Вишеградская крепость с 1544 г. находилась в руках османов. Поэтому с конца 1608 г., по воле венгерских сословий, Пресбург стал не только новым столичным и коронационным городом Венгрии, но и новым местом хранения святой короны. Нечто подобное произошло в начале 1790 г., когда регалию оставили на хранение в Буде, которая начиная с лета 1792 г., после церемонии коронации Франца I (1792–1835 гг.) и его супруги новыми королем и королевой, стала новой, пятой по счету столицей Венгрии³¹. Наконец, спустя десятилетия после прекращения существования Венгерского королевства, в 1978 г. регалии вернули не в бывший королевский замок в Буде, но — по настоянию американцев — в расположенный в Пеште Национальный музей.

Чаще всего — в Австрию. Рассмотрим 11 путешествий святой венгерской короны с точки зрения длительности пребывания за границей и расстояния, на которое ее увозили от места хранения. Более половины пребываний за границей (6 случаев) окажутся довольно долгими — не менее четырех лет, при этом в трех случаях более 20 лет: 23 года (1440–1463), 57 лет (1551–1608), 33 года (1945–1978). Вопреки распространенному заблуждению самым длительным был не вывоз в США в XX в. и не в Австрию в XV в., но странствия регалии в XVI в., когда она — не считая упомянутых выше двух перерывов (каждый по одному месяцу) в сентябре 1563 г. и в сентябре 1572 г. — провела в Вене и Праге 57 лет и 2 месяца. Даже если не брать в расчет эти два кратковременных возвращения на родину, и тогда этот период окажется самым длинным: с сентября 1572 г. по ноябрь 1608 г. коронационные атрибуты провели в венской и пражской резиденциях Габсбургов 36 лет. Далее в ряду длительности пребывания по нисходящей: почти 9 лет во время и после Освободительной войны под предводительством Ференца II Ракоци (1703–1712), 6 лет в годы правления Иосифа II (1784–1790) и, наконец, 4 года после второй осады Вены османами (1683–1687).

Остальные 5 кратких пребываний за границей можно назвать «переходными», как, например, в годы монголо-татарского нашествия (1241–1242),

³¹ Soós I. Königskrönungen in Ofen (1792, 1867, 1916) // Deutsche im ersten Stadtbezirk von Ofen / Hrsg. von W. Hambuch. Budapest: Német Kultúregyesület, 2004. S. 75–85; *Albrecht S. Ritual und Transfer des Ritualorts. Die Krönungen in Preßburg und Budapest // Stadtgeschichten — Beiträge zur Kulturgeschichte osteuropäischer Städte von Prag bis Baku* / Hrsg. von B. Conrad, L. Bicknell. Bielefeld: Transkript Verlag, 2016. S. 127–149.

междоусобицы в начале XIV в. (1304–1305), турецких войн середины XVII в. (1663–1664)³², когда корона не находилась за пределами Венгрии дольше года. Самый первый вывоз короны за границу в 1205 г. длился около двух недель; в сентябре 1853 г. корона не задержалась в Вене более, чем на полтора дня.

За почти 770 лет, которые прошли между самым ранним (1205) и на сегодняшний день последним (1978) вывозами святой короны за пределы Венгрии, регалия около шестой части этого периода, 135 лет, находилась за пределами страны. А ведь были еще сходные по характеру перемещения короны внутри страны: 1307–1310, 1620–1622, 1645–1646, 1805–1806 и 1809, а также 1848–1849 гг.³³

Из 11 пребываний за границей 10 раз святая корона находилась в Австрии, из них 7 раз в Вене (см. таблицу), где после создания в 1526 г. центральноевропейской монархии Габсбургов пребывал двор венгерских королей³⁴. Что касается 1205 г., то тогда Констанция Арагонская, вдова короля Имре (1196–1204 гг.), воспользовавшись своими связями с австрийским герцогом Леопольдом Бабенбергом, бежала в Вену³⁵.

В середине XV в. Фридрих III спрятал корону не в Вене, а в Винерной-штадте. Еще в двух случаях корона возвращалась на родину через территорию Австрии. В начале XIV в. корону провезли из Чехии в Вену через Нижнюю Австрию в свите нижне-баварского герцога и будущего венгерского короля Оттона. В 1945 г. корона снова была «проездом» в Австрии, которая после аншлюса стала частью Третьего рейха. Здесь не обошлось без приключений: 26 апреля в Маттзее близ Зальцбурга хранители короны закопали ее в землю в цистерне из-под бензина, где, после обнаружения, регалия 25 июня попала в руки американских военных³⁶.

После 10 (считая транзитные) пребываний в Австрии следуют один краткий и один затянувшийся на годы вывоз в Чехию (1304–1305, 1583–1608 гг.), и, точно так же, один краткий (1683) и один многолетний (1945–1953) вывоз в Германию. Далее, в марте 1953 г., после десятидневного путеше-

³² Pálffy G. A legkevésbé ismert menekítés: a Szent Korona az 1663–1664. évi török háború idején // A Szent Korona hazatér. 301–303, 307–311. old. № 1.

³³ Перемещениями святой венгерской короны внутри страны историческая наука в достаточной мере еще не занималась. Из имеющихся работ см.: Pálffy G. A Szent Korona Bethlen Gábor erdélyi fejedelem birtokában (1619–1622). Egy korona-itinerárium összeállításának lehetőségeiről // A történelem mint hivatás. A Benda-emlékkonferencia előadásai. 2013. november 27. / szerk. I.M. Sziájtó, Budapest: Balassi Kiadó; Ráday Gyűjtemény, 2015. 75–107. old.; Pap J. Egy sikertelen kultuszteremtési kísérlet. A Szent Korona és Eger kapcsolata 1809-ben // Acta Academiae Agriensis. Sectio Historiae. 2013. Vol. 41. 199–214. old.

³⁴ Pálffy G. The Kingdom of Hungary and the Habsburg Monarchy in the Sixteenth Century. New York: East European Monographs, 2009. P. 53–88.

³⁵ Zsoldos A. Az Árpádok koronája először külföldön (1205) // A Szent Korona hazatér. 49–70. old.

³⁶ Glant T. A Szent Korona. 34–40. old.

Одинадцать заграничных путешествий святой короны (1205–1978)

Даты	Продолжительность	Место-нахождение	Причина вывоза	Место-пребывание за границей	Максимальная дальность	Место возвращения	Причина возвращения
апрель — май 1205 г.	около 2 недель	Секешфехервар	борьба за престол	Вена	ок. 200 км	Секешфехервар	коронация Эндре II (29 мая)
сентябрь 1241 г. — март 1242 г.	7 месяцев	Секешфехервар (март) / Зарсб (сентябрь)	монголо-татарское нашествие	Далмация (Сплит, Трогир)	почти 700 км	Клис (март) / Верёце (ноябрь) / Секешфехервар (декабрь)	окончание монголо-татарского нашествия
сентябрь 1304 г. — ноябрь 1305 г.	1 год и 2 месяца	Буда	борьба за престол	Прага, Брюнн	более 500 км	Шопрон / Буда	коронация Оттона Виттельсбаха (начало апреля 1306 г.)
1 ноября 1440 г. — 24 июля 1463 г.	23 года и 8 месяцев	Вишеград (февраль) / Секешфехервар (май) / Прессбург (ноябрь)	борьба за престол	Винерной-штадт	ок. 200 км	Шопрон / Буда	коронация Магяша Хуняди (29 марта 1464 г.)
3 сентября 1551. [сентябрь 1563; сентябрь 1572 г.] — 18 ноября 1608 г.	12+9+36 = 57 лет и 2 месяца	Трансильвания (июль) / Прессбург (сент.)	Дюлафехерварский договор	Вена, после 1583 г. Прага, Вена (июль 1608 г.)	более 300 км	Прессбург	коронация Матяса II (19 нояб.)
28 сентября 1663 — 20 декабря 1664 г.	1 год и 2 месяца	Прессбург	война с османами	Вена	ок. 80 км	Прессбург	окончание войны с османами (подписание Вавшварского мира 10 авг.)

продолжение табл.

5 июля 1683 — 8 сентября 1687 г.	4 года и 2 месяца	Прессбург	война с османами	Вена (5–7 июля), Линц (13 июля), Пассау (17 июля) — 25 августа), снова Вена (после 14 сент.)	ок. 400 км	Прессбург	коронация Иосифа I (9 дек.)
17 декабря 1703 — 15 апреля 1712 г.	8 лет и 4 месяца	Прессбург	Освободи- тельная война под предво- дительством Ференца II Ракоци	Вена	ок. 80 км	Прессбург	коронация императора Карла VI (как венгерский король — Карл III, 22 мая)
13 апреля 1784 — 21 февраля 1790 г.	5 лет и 10 месяцев	Прессбург	декрет Иосифа II.	Вена	ок. 80 км	Буда	окончание правления Иосифа II (20 февр.), коронация Леопольда II (15 нояб.)
19 сентября (после полудня) — 21 сентября (утро) 1853 г.	около 1,5 суток	Оршова (8 сентября) / Буда (16–18 сент.)	Демонст- рация Францу Иосифу (20 сент.)	Вена	более 250 км	Буда	возвращение на прежнее место хранения, в Буду
27 марта 1945 — 5 января 1978 г.	32 года и 9 месяцев	Будапешт, крепость (7 нояб. 1944 г. / Кёсег (март 1945 г.)	Вторая мировая война, приближение линии фронта	Австрия, Германия (1945–1953), Форт-Нокс (23 марта 1953 — 4 янв. 1978 г.)	несколько тыс. км	Будапешт, здание парламента (6 янв.), Национальный музей (31 янв.)	американско- венгерский договор

ствия на корабле через Атлантический океан корона оказалась в Соединенных Штатах Америки. Остается еще только упомянуть, что во время бегства Арпадов от монголо-татар корона была провезена через Славонию и Хорватию и несколько месяцев провела на восточном побережье Адриатики — в Далмации.

Даже султан Сулейман Великолепный (1520–1566 гг.) не вывез корону на турецкую землю, хотя регалия дважды, в 1529 и 1541 гг., оказывалась у него в руках, а в первом случае он уже был готов отправить ее в Стамбул. Однако в октябре 1529 г. он неожиданно переменял собственное решение и передал корону своему союзнику — венгерскому королю Яношу Запольяи³⁷.

Большинство маршрутов короны пролегло на запад и северо-запад: Австрия, Германия, Далмация, Чехия. Дальше всего на восток корона попала в 1307 г., когда была привезена в трансильванский город Бестерце, хотя даже тогда не покинула территории венгерского государства, включавшего в себя бассейн Карпат³⁸.

Дальше всего — в Америке. Наконец, что касается расстояний: вывозы в Вену были одними из самых коротких маршрутов (из Пресбурга — 80 км, из Секешфехервара — 200 км). Прага уже располагалась подальше: в 300 км от Пресбурга, примерно в 500 км от Буды. Летом 1683 г. корону отвезли за 400 км в Пассау, не говоря уже о дороге до Спалато и Трау в 1241 г., растянувшейся на 700 км.

Но самое большое расстояние корона преодолела, когда была отправлена в расположенный за тысячи километров от Венгрии Форт-Нокс, сначала, весной 1953 г., через океан на корабле американских ВМС “General Greeley”, затем оттуда на борту «номер два» ВВС США — обратно на родину³⁹. По воде корона уже путешествовала в 1683 г. из Линца в Пассау, затем в сентябре 1853 г. на пароходе “Albrecht” из Оршовы в Буду, а также совсем недавно, 15 августа 2001 г., в день Успения Пресвятой Богородицы в рамках празднования тысячелетия венгерской государственности из Будапешта по Дунаю в Эстергом — центр венгерского католицизма.

Чудо, что она сохранилась. Не будет преувеличением сказать, что сохранность национальной святыни венгров после почти дюжины ее перемещений по свету подобна чуду. Более чем половина из 11 описанных путешествий приходилась на войны и борьбу вокруг трона, когда опасность уничтожения короны была как нельзя высока. Корона могла попасть в руки татар (1241) или османов (1663, 1683), могла быть захвачена Красной армией (1944/1945). В ноябре 1305 г., на обратном пути из Чехии, корону не-

³⁷ Varga Sz. Volt-e a Szent Korona Pécssett 1529-ben? // Pécsi Szemle. 2009. 12. évf. 1. sz. 18–25. old.; Sudár B. Egy török utazó a magyar Szent Koronáról // Történelmi Szemle. 2012. 54. évf. 1. sz. 23–27. old.

³⁸ Skorka R. A Szent Korona kalandos körutazása. 116–118. old.

³⁹ Glant T. A Szent Korona. 59–62., 223–224. old.

надолго потеряли где-то у переправы через реку Лейту⁴⁰, в феврале 1440 г. регалия чуть не упала в замерзший Дунай. Но так или иначе она всегда возвращалась в Венгрию. В этом свою роль сыграла ее особая легитимирующая сила, необходимость обладания короной, чтобы власть считалась законной, не имеющая аналогов в Европе концептуальная проработанность связанных с ней государственно-правовых теорий.

Одно можно сказать с полным основанием: святую венгерскую корону со всеми ее необычайными приключениями и созданными о ней государственно-правовыми теориями можно с полным правом назвать одним из древнейших, ценнейших и обладающих беспрецедентно богатой историей коронационных атрибутов в мире. Она с полным правом представлена в качестве главного символа венгерской государственности и истории в «Основном законе» Венгрии. Будем надеяться, что в будущем святая венгерская корона более никогда не покинет пределы страны.

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

Список исторических географических названий

- Бестерце — ныне Бистрица в Румынии
- Брюнн — ныне Брно в Чешской Республике
- Верёце — ныне Вировитица в Хорватии
- Дюлафехервар — ныне Альба Юлия в Румынии
- Пресбург — ныне Братислава в Словакии (в венгерской традиции — Пожонь)
- Сполато — ныне Сплит в Хорватии
- Трау — ныне Трогир в Хорватии

Литература

1. *Палфи Г.* Век разрывов и компромиссов: новый взгляд на историю Венгерского королевства XVII века // Славяноведение. 2016. № 2. С. 41–50.
2. A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978) / szerk. G. Pálffy. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, 2018.
3. *Albrecht S.* Ritual und Transfer des Ritualorts. Die Krönungen in Preßburg und Budapest // Stadtgeschichten — Beiträge zur Kulturgeschichte osteuropäischer Städte von Prag bis Baku / Hrsg. von B. Conrad, L. Bicknell. Bielefeld: Transkript Verlag, 2016. S. 127–149.
4. *Bak B.* A koronaörök fizetelensége. (Thurzó Szaniszló nádor 1624. évi Zágráb szabad királyi városhoz küldött levele) // Miscellanea fontium historiae Europae.

⁴⁰ *Skorka R.* A Szent Korona kalandos körutazása. 108–109. old.

- Emlékkönyv H. Balázs Éva történészprofesszor 80. születésnapjára / szerk. J. Kalmár. Budapest: ELTE Bölcsészettudományi Kar, 1997. 89–106. old.
5. *Benda K., Fügedi E.* Tausend Jahre Stephanskrone. Budapest: Corvina Könyvkiadó, 1988.
 6. *Bodnár-Király T.* Koronaeszme és történelem. Vita a Szent Koronáról a 18. század végi Magyarországon // *Politikai elit és politikai kultúra a 18. század végi Magyarországon* / szerk. I.M. Szijártó, Z.G. Szűcs. Budapest: ELTE Eötvös Kiadó, 2012. 170–191. old.
 7. *Fazekas L., Hegedűs E., Hennel S.* A Szent Korona őrzése. A koronaőrök, a koronaórság. Budapest: Heraldika, 2002.
 8. *Glant T.* A Szent Korona amerikai kalandja és hazatérése. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 2018.
 9. *Hermann R., Manhercz O.* A magyar korona a szabadságharc idején és után — föld felett, majd föld alatt (1848–1853) // *A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978)* / szerk. G. Pálffy. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, 2018. 483–559. old.
 10. *Kovács É., Lovag Zs.* The Hungarian Crown and Other Regalia. Budapest: Corvina Kiadó, 1988.
 11. *Mačuha M.* Úrad strážcu uhorskej koruny v prvej polovici 17. storočia // *Kohutová M. a kol.* Politické a spoločenské pomery na Slovensku v 1. polovici 17. storočia. Bratislava: Filozofická fakulta TU, 2012. S. 51–75.
 12. *Németh H.I.* A Szent Korona rejtélyei / The Mysteries of the Holy Crown // *Nyomot hagytak. Évszázadok — személyiségek — aláírások / Their Traces: Centuries — Personalities — Signatures* / szerk. L.S. Németh. Budapest: Archivum, 2017. 65–73. old.
 13. *Pálffy G.* A legkevésbé ismert menekítés: a Szent Korona az 1663–1664. évi török háború idején // *A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978)* / szerk. G. Pálffy. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, 2018. 273–318. old.
 14. *Pálffy G.* A Szent Korona Bethlen Gábor erdélyi fejedelem birtokában (1619–1622). Egy korona-itinerárium összeállításának lehetőségeiről // *A történelem mint hivatás. A Benda-émlékkonferencia előadásai. 2013. november 27.* / szerk. I.M. Szijártó, Budapest: Balassi Kiadó; Ráday Gyűjtemény, 2015. 75–107. old.
 15. *Pálffy G.* Korunovace královen v rané novovekých Uhrách // *Symbolické jednaní v kultúre raného novoveku. Věnováno Václavu Bůžkovi k jeho životnímu jubileu* / Red. J. Hrdlička, P. Král, R. Smíšek. Praha: NLN, 2019. S. 65–78.
 16. *Pálffy G.* The Kingdom of Hungary and the Habsburg Monarchy in the Sixteenth Century. New York: East European Monographs, 2009.
 17. *Pálffy G., Teszelszky K.* Koronázási jelvényeink leghosszabb távolléte: Erdélyből Bécsen és Prágán át Pozsonyig (1551–1608) // *A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978)* / szerk. G. Pálffy. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, 2018. 169–269. old.
 18. *Pap J.* Egy sikertelen kultuszteremtési kísérlet. A Szent Korona és Eger kapcsolata 1809-ben // *Acta Academiae Agriensis. Sectio Historiae.* 2013. Vol. 41. 199–214. old.

19. *Skorka R.* A Szent Korona kalandos körutazása az interregnum éveiben (1301–1310) // A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978) / szerk. G. Pálffy. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, 2018. 91–121. old.
20. *Soós I.* Koronánk a bécsi kincstárban (1784–1790) // A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978) / szerk. G. Pálffy. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, 2018. 395–480. old.
21. *Soós I.* Königskrönungen in Ofen (1792, 1867, 1916) // Deutsche im ersten Stadtbezirk von Ofen / Hrsg. von W. Hambuch. Budapest: Német Kultúregyesület, 2004. S. 75–85.
22. *Sudár B.* Egy török utazó a magyar Szent Koronáról // Történelmi Szemle. 2012. 54. évf. 1. sz. 17–36. old.
23. *Teszelszky K.* A magyar korona megjelenése a kora újkori képzőművészetben // Művészettörténeti Értesítő. 2011. Vol. 60. 1–10. old.
24. *Tompos L.* Egy történelmi esemény tükröződése a viseletben // Folia Historica. 1998–1999. Vol. 21. Budapest, 2000. 215–233. old.
25. *Tóth E.* A magyar Szent Korona és a koronázási jelvények. Budapest: Országház Könyvkiadó, 2018.
26. *Varga Sz.* Volt-e a Szent Korona Pécssett 1529-ben? // Pécsi Szemle. 2009. 12. évf. 1. sz. 18–25. old.
27. *Zsoldos A.* Az Árpádok koronája először külföldön (1205) // A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978) / szerk. G. Pálffy. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, 2018. 49–70. old.

References

1. Albrecht, S., 2016. Ritual und Transfer des Ritualorts. Die Krönungen in Preßburg und Budapest. In: Conrad, B., Bicknell, L., eds., 2016. *Stadtgeschichten — Beiträge zur Kulturgeschichte osteuropäischer Städte von Prag bis Baku*. Bielefeld: Transkript Verlag, pp. 127–149.
2. Bak, B., 1997. A koronaörök fizetlensége. (Thurzó Szaniszló nádor 1624. évi Zágráb szabad királyi városhoz küldött levele). In: Kálmár J., ed., 1997. *Miscellanea fontium historiae Europae. Emlékkönyv H. Balázs Éva történészprofesszor 80. születésnapjára*. Budapest: ELTE Bölcsészettudományi Kar, pp. 89–106.
3. Benda, K., Fügedi, E., 1988. *Tausend Jahre Stephanskrone*. Budapest: Corvina Könyvkiadó.
4. Bodnár-Király, T., 2012. Koronaeszmé és történelem. Vita a Szent Koronáról a 18. század végi Magyarországon. In: Szijártó, I.M., Szűcs, Z.G., eds., 2012. *Politikai elit és politikai kultúra a 18. század végi Magyarországon*. Budapest: ELTE Eöt-vös Kiadó, pp. 170–191.
5. Fazekas, L., Hegedűs, E., Hannel, S., 2002. *A Szent Korona őrzése. A koronaörök, a koronaország*. Budapest: Heraldika.
6. Glant, T., 2018. *A Szent Korona amerikai kalandja és hazatérése*. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó.
7. Hermann, R., Manhercz, O., 2018. A magyar korona a szabadságharc idején és után — föld felett, majd föld alatt (1848–1853). In: Pálffy G., ed., 2018. *A Szent*

- Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978)*. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont. 483–559. old.
8. Kovács, É., Lovag, Zs., 1988. *The Hungarian Crown and Other Regalia*. Budapest: Corvina Kiadó.
 9. Mačuha, M., 2012. Úrad strážcu uhorskej koruny v prvej polovici 17. storočia. In: Kohutová, M., et al., 2012. *Politické a spoločenské pomery na Slovensku v 1. polovici 17. storočia*. Bratislava: Filozofická fakulta TŮ, pp. 51–75.
 10. Németh, H.I., 2017. A Szent Korona rejtélyei / The Mysteries of the Holy Crown. In: Németh, L.S., ed., 2017. *Nyomot hagytak. Évszázadok — személyiségek — aláírások / Their Traces: Centuries — Personalities — Signatures*. Budapest: Archivum, pp. 65–73.
 11. Pálffy, G., 2009. *The Kingdom of Hungary and the Habsburg Monarchy in the Sixteenth Century*. New York: East European Monographs.
 12. Pálffy, G., 2013. A Szent Korona Bethlen Gábor erdélyi fejedelem birtokában (1619–1622). Egy korona-itinerárium összeállításának lehetőségeiről. In: Szi-jártó, I. M., ed., 2015. *A történelem mint hivatás. A Benda-émlékkonferencia előadásai. 2013. november 27.* Budapest: Balassi Kiadó; Ráday Gyűjtemény, pp. 75–107.
 13. Pálffy, G., 2018. A legkevésbé ismert menekítés: a Szent Korona az 1663–1664. évi török háború idején. In: Pálffy G., ed., 2018. *A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978)*. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, pp. 273–318.
 14. Pálffy, G., 2019. Korunovace královen v raně novověkých Uhrách. In: Hrdlička, J., Král, P., Smíšek, R., eds., 2019. *Symbolické jednání v kultuře raného novověku. Věnováno Václavu Bůžkovi k jeho životnímu jubileu*. NLN, pp. 65–78.
 15. Pálffy, G., ed., 2018. *A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978)*. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont.
 16. Pálffy, G., Teszelszky, K., 2018. Koronázási jelvényeink leghosszabb távolléte: Erdélyből Bécsen és Prágán át Pozsonyig (1551–1608). In: Pálffy G., ed., 2018. *A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978)*. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, pp. 169–269.
 17. Palfi, G., 2016. Vek razryvov i kompromissov: novyi vzgliad na istoriiu Vengerskogo korolevstva XVII veka [The century of ruptures and compromises: a new approach to the history of the Kingdom of Hungary in the seventeenth century]. In: *Slavianovedenie*, N 2, pp. 41–50.
 18. Pap, J., 2013. Egy sikertelen kultuszteremtési kísérlet. A Szent Korona és Eger kapcsolata 1809-ben. In: *Acta Academiae Agriensis. Sectio Historiae*, 41, pp. 199–214.
 19. Skorka, R., 2018. A Szent Korona kalandos körutazása az interregnum éveiben (1301–1310). In: Pálffy, G., ed., 2018. *A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978)*. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, pp. 91–121.
 20. Soós, I., 2004. Königskrönungen in Ofen (1792, 1867, 1916). In: Hambuch, W., 2004, ed., *Deutsche im ersten Stadtbezirk von Ofen*. Budapest: Német Kultúr-egyesület, pp. 75–85.
 21. Soós, I., 2018. Koronánk a bécsi kincstárban (1784–1790). In: Pálffy G., ed., 2018. *A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978)*. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, pp. 395–480.

22. Sudár, B., 2012. Egy török utazó a magyar Szent Koronáról. In: *Történelmi Szemle*, 54/1. pp. 17–36.
23. Teszelszky, K., 2011. A magyar korona megjelenése a kora újkori képzőművészetben. In: *Művészettörténeti Értesítő*, 60, pp. 1–10.
24. Tompos, L., 2000. Egy történelmi esemény tükröződése a viseletben. In: *Folia Historica*. 1998–1999, 21. Budapest, pp. 215–233.
25. Tóth, E. *A magyar Szent Korona és a koronázási jelvények*. Budapest: Országház Könyvkiadó.
26. Varga, Sz., 2009. Volt-e a Szent Korona Pécssett 1529-ben? In: *Pécsi Szemle*, 12/1, pp. 18–25.
27. Zsoldos, A., 2018. Az Árpádok koronája először külföldön (1205). In: Pálffy G., ed., 2018. *A Szent Korona hazatér. A magyar korona tizenegy külföldi útja (1205–1978)*. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, pp. 49–70.

ПОЛЬША И ПОЛЯКИ ГЛАЗАМИ ДОНСКОГО КАЗАКА: МЕМУАРНОЕ, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И.С. УЛЬЯНОВА, ОФИЦЕРА ШТАБА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА*

Артём Юрьевич Перетяtko –

кандидат исторических наук, преподаватель,
Южный федеральный университет
Почтовый адрес: Большая Садовая, 105/42,
Ростов-на-Дону, 344006, Россия
Электронный адрес: ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация

Один из известнейших общественных деятелей Дона середины XIX в., генерал-майор И.С. Ульянов, больше 10 лет прослужил в Польше, был офицером штаба великого князя Константина Павловича и попал в плен к полякам в ходе восстания 1830–1831 гг. Он подготовил целый ряд рукописей о Польше и переводах с польского, большая часть которых не публиковалась при его жизни. Наиболее интересные материалы, в частности, «Записки» о пребывании в польском плену, были изданы в начале XX в. в региональных краеведческих сборниках известным донским историком Х.И. Поповым, однако в дальнейшем оказались забыты. В статье впервые в историографии предпринимается попытка систематизировать материалы И.С. Ульянова, связанные с Польшей, как опубликованные, так и хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) и не вовлекавшиеся в научный оборот. Автор анализирует обстоятельства появления этих материалов, их связь с биографией и взглядами И.С. Ульянова. Автор приходит к выводу, что работы И.С. Ульянова интересны и как свидетельства современника, содержащие интересный фактографический материал о Польше 1830–1831 гг., и как культурный феномен, поскольку в их числе есть первые переводы с польского, выполненные донским автором, и как выражение определенной концепции русско-польских отношений, сформировавшейся под влиянием великого князя Константина Павловича, концепции, предполагавшей дружбу и сотрудничество двух народов, но при условии доминирования русских над поляками.

Ключевые слова

И.С. Ульянов, Царство Польское 1820–1830 гг., Польское восстание 1830–1831 гг., любительские переводы с польского, польско-донские связи.

Статья поступила в редакцию 9 апреля 2019 г.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00009 «Казачество 1860–1890 гг. как экономический институт».

POLAND AND THE POLES THROUGH THE EYES OF A DON COSSACK: MEMOIR, JOURNALISTIC AND LITERARY HERITAGE OF IVAN S. ULYANOV, STAFF OFFICER OF GRAND DUKE KONSTANTIN PAVLOVICH

Artyom Yu. Peretyatko

Ph.D, Lecturer,
Southern Federal University
Postal address: Bol'shaia Sadovaia 105/42,
Rostov-on-Don, 344006, Russia
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract

Major General Ivan S. Ulyanov served more than ten years in Poland. He was one of the most famous public figures of the Don Region in the mid-nineteenth century. Ulyanov was an officer of the headquarters of Grand Duke Konstantin Pavlovich and was captured by the Poles during the November Uprising, 1830–1831. He wrote a number of manuscripts about Poland and made translations from Polish into Russian, most of them remained unpublished during his life. Among the most interesting materials, there are, in particular, his “Notes” about the Polish captivity, which were published by the famous Don Region historian Khariton I. Popov in the early twentieth century, in regional editions. Later they were forgotten. In the article, for the first time in historiography, an attempt was made to systematise Ivanov’s materials related to Poland. Both published and unpublished documents from the State Archive of the Rostov Region (GARO) have not yet been put into scholarly circulation. The author analyses the circumstances of appearance of these materials, Ulyanov’s biography and his thoughts. The author concludes that Ulyanov’s work is interesting both as evidence of contemporaries, containing factual material about Poland in the years of 1830–1831, and as a cultural phenomenon as such. It is considered to be unique, because it is the first Polish-Russian translation made by a Don Region author. Also, it was an expression of a certain concept of Russian-Polish relations, formed under the influence of Grand Duke Konstantin Pavlovich. This concept assumed friendship and cooperation between the two nations, but under the condition of the Russian domination over the Poles.

Keywords

Ivan S. Ulyanov, Kingdom of Poland 1820–1830, November Uprising 1830–1831, amateur translations, Russian-Polish cultural communications.

Received 9 April 2019.

История взаимоотношений донского казачества и Польши включает в себя любопытнейший эпизод, до настоящего времени не привлекавший к себе внимания ни казачьей историографии, ни полонистики. Речь идет о польской службе и текстах о Польше Ивана Самойловича Ульянова (1803–1874), одного из самых значимых общественных деятелей Дона середины XIX в. Современным донским историкам И.С. Ульянов известен главным образом как лидер донских «казакоманов» — консервативной местной оппозиции либеральным реформам 1860-х годов. Специально исследовавший этот сюжет А.А. Волвенко, в частности, пишет о том, что по-

литические противники обвиняли И.С. Ульянова в сепаратизме, попытках отделить Дон от остальной России¹. Понятно, что подобная активность несколько заслонила в глазах историков ранние годы донского общественного деятеля. С другой стороны, сохранившийся до наших дней значительный по объему архив семьи Ульяновых (единственный подобный архив, охватывающий первую половину и середину XIX в. в Государственном архиве Ростовской области) делает И.С. Ульянова важной фигурой для изучения быта и повседневности донского дворянства. Ряд работ на эту тему, включая раздел в монографии, опубликовала О.М. Морозова².

Однако для младших современников И.С. Ульянов был еще и ключевым звеном в польско-донских связях, первым донским казаком, начавшим освещать тему Польши в своем творчестве. Например, А.А. Карасев, известнейший донской краевед конца XIX в., характеризуя жизненный путь И.С. Ульянова, особенно выделял «оставленные им записки» о восстании 1830–1831 гг., точнее, о пребывании их автора во время этого восстания в польском плену³. Эти записки, вероятно, действительно казались донским историкам начала XX в. своеобразным *magnum opus* И.С. Ульянова, поскольку только они одни, из всего обширного рукописного наследия умершего автора, были опубликованы в местном научном издании, — «Сборнике Областного войска Донского статистического комитета»⁴. Публикатором и автором предисловия выступил самый авторитетный донской ученый того времени Х.И. Попов, следующим образом характеризовавший предложенную им вниманию читателя работу: «Наблюдательный, с наклонностями к размышлениям, г. Ульянов заносил в свои записки всё, что ему было известно о восстании, о действии русских войск и службе казаков в частности, всё, что приходилось переносить пленникам, о замыслах поляков и отношении их к русским и последних к полякам»⁵.

В личном архиве И.С. Ульянова сохранились и другие рукописи, связанные с польскими историей и культурой. При оценке их значения необходимо учитывать тот факт, что на Дону в первой половине XIX в. фактически отсутствовала художественная и научная печать, единственная местная газета,

¹ *Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina. Братислава, 2015. Vol. 14. Is. 2. P. 101.*

² *Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону: издательство ЮНЦ РАН, 2010. С. 4–65; Она же. Ульяновы. Семья донских казаков за сто лет // Диалог со временем. Москва. 2008. № 23. С. 298–318.*

³ *Донцы XIX века. Ростов-на-Дону: NB, 2003. С. 480–481.*

⁴ *Ульянов И.С. Записки И.С. Ульянова <Часть I> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. II. Новочеркасск, 1901. С. 60–95; Он же. Записки И.С. Ульянова <Часть II> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. III. Новочеркасск, 1902. С. 53–82.*

⁵ *Он же. Записки И.С. Ульянова <Часть I> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. II. С. 60.*

«Донские войсковые ведомости», до 1852 г. содержала только официальный раздел, и произведения донских авторов обычно распространялись в списках⁶. Поэтому то, что многие тексты И.С. Ульянова дошли до нас только в рукописях, не означает, что они не были в свое время известны местной читающей публике: так, в 1830-х годах друг И.С. Ульянова И.И. Краснов считался, по свидетельствам современников, популярным в образованной казачьей среде поэтом, однако его стихи распространялись только в списках, и до наших дней дошел только один отрывок из них, опубликованный в некрологе⁷. С другой стороны, в условиях, когда от художественной и научной донской литературы первой половины XIX в. сохранились только отдельные рукописи, публикации и отрывки из переписки, уже невозможно определить, какие тексты И.С. Ульянова копировались и становились фактом местной литературной, общественной и научной жизни.

Кроме того, дошедший до нас архив И.С. Ульянова очевидно не полон, в частности, мы не обнаружили в нем большей части текста его «Записок» о польском восстании. Рукописи носят черновой характер, переводы никак не отмечены, в них не указан первоисточник. Наконец, нередко представлена только часть рукописи, иногда вырванная из середины. Соответственно, число оригинальных статей и переводов И.С. Ульянова о Польше, вероятно, было больше, однако до наших дней дошла только часть текстов.

Учитывая объем и оригинальность «польских» материалов И.С. Ульянова, нам бы хотелось привлечь к ним внимание российских полонистов. Поскольку наши собственные научные интересы относятся в основном к истории казачества, мы не пытались детально проанализировать рукописи И.С. Ульянова с учетом ситуации в Польше в 1820–1830 гг. и общего контекста русско-польских связей. Вместо этого мы решили сконцентрироваться на близких нам проблемах и представить обзор художественных и публицистических работ И.С. Ульянова о Польше, связать эти работы с биографией донского генерала, а также в общих чертах понять его отношение к Польше и полякам.

И.С. Ульянов прибыл на службу в Варшаву в 1820 г. 17-летним рядовым казаком, не получившим систематического образования⁸. Покинул же польские земли он только в 1832 г., 12 лет отлучаясь из Польши только на время отпусков. За эти годы И.С. Ульянов стал офицером, за отличие по службе был переведен в лейб-гвардии казачий полк⁹ и приобрел серьезные литературные амбиции. Так, в начале 1832 г., еще из Варшавы, он отправил

⁶ *Peretyatko A.Y.* “Look, the British and the French”: a Little about the Don Literary Propaganda during the Crimean War // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. Bratislava, 2018. 5(2). Pp. 40–43.

⁷ *Королев В.Н.* Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1991. С. 222–223.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

письмо некоему Григорию Александровичу, посылая тому «плоды мозольных трудов своих» и интересуясь, «может ли сие мое творение, с такой искренней физиономией и в таком наряде удостоиться права на гражданство в “Северной Пчеле”»¹⁰. Однако, к сожалению, как раз польский период биографии И.С. Ульянова, важнейший для становления его личности, остается сравнительно малоизученным.

В любом случае, никаких свидетельств о близости донского офицера к польским научным или литературным кругам не сохранилось. Вероятно, их и не было: собственное творчество И.С. Ульянова в этом отношении рисует поляков достаточно критично. В частности, в своих «Записках» он жаловался, что уже в плену к нему приходило «несколько академиков», утверждавших, что «все западные российские губернии, причисляя к тому и Украину, принадлежали Польше от рода родов» (академиками назывались по-польски студенты университета, многие из которых были в числе зачинщиков восстания)¹¹. Это описание И.С. Ульянов сопровождает следующей иронической сентенцией: «Невежество поляков в русской истории, в успехах просвещения и в тех средствах и силе нравственных и вещественных, которые поставили ее на первую степень могущества и славы в мире, превосходят всякое вероятие»¹². Не вызывал симпатии у него и неназванный профессор русского языка в Варшавском университете, якобы не способный «сказать двух слов правильно» на нем, но уверяющий русских, что он «по-росинску знает хорошенько»¹³.

Тем не менее, молодой казак контактировал с польской средой, о чем свидетельствует небольшой польско-русский словарь собственного составления, обнаруженный нами в его архиве¹⁴. Вероятно, эти контакты носили бытовой и служебный характер. Во всяком случае, в «Записках» с наибольшей симпатией рисуется круг польского офицерства. Так, крайне нелюбезно охарактеризовав поляков в целом (по мнению русского офицера, поляки были «непостоянны, ветрены, легковерны, буйны, горды в счастье и низки в несчастье»), И.С. Ульянов спешил оговориться, что «есть частные исключения, к которым справедливость требует причислить многих старых офицеров»¹⁵. Кроме того, он сам жил на квартире у поляка, с которым его связывали теплые отношения: И.С. Ульянов описывал, как хозяин квартиры, после того, как в нее пытались ворваться соседи, чтобы побить «москалей», привел из ратуши народных гвардейцев для защиты русских¹⁶.

¹⁰ Переписка И.С. Ульянова с издателями // Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

¹¹ Ульянов И.С. Записки И.С. Ульянова <Часть I>. С. 70.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Литературный материал // ГАРО. Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 29. Л. 76–109.

¹⁵ Ульянов И.С. Записки И.С. Ульянова <Часть I>. С. 70.

¹⁶ Там же. С. 66.

Большая часть «польских» рукописей И.С. Ульянова относится именно к варшавскому периоду¹⁷. Это переводы с польского, с не подписанными источниками, и «Записки», в которых рассказывается про польский плен. Если причины возникновения «Записок» достаточно очевидны (помимо прочего, И.С. Ульянов, по собственному признанию, писал их «на память своему сыну», вероятно, считая возможной гибель в польском плену¹⁸), то с переводами дело обстоит сложнее. Как мы убедились выше, культурные связи с польской интеллигенцией у И.С. Ульянова если и были, то крайне эпизодически, а отношение донского казака к польскому народу можно охарактеризовать как неоднозначное, если не высокомерное. Тем не менее, польская культурная жизнь его явно интересовала, и в его архиве мы нашли даже перевод начала статьи из польского журнала (к сожалению, название журнала не проставлено, но указан номер и том)¹⁹. Возможно, дело было в его собственных литературных амбициях, сформировавшихся, как мы показали выше, к концу польского этапа жизни: донской казак, вращающийся в польскоязычной среде, мог надеяться войти в русскую литературу как переводчик с польского, и любопытно, что упомянутое начало статьи из польского журнала было посвящено именно проблемам перевода²⁰. На наш взгляд, важно не то, почему И.С. Ульянов взялся за переводы с польского, а сам факт существования этих переводов, первых подобных переводов, выполненных донским автором.

После 1832 г. И.С. Ульянова с Польшей напрямую ничего не связывало. Он вернулся на Дон, и о его переписке с поляками неизвестно. Период с 1835 г. по середину 1860-х годов можно назвать временем расцвета государственной, военной и политической деятельности И.С. Ульянова: он занимает различные должности в донском войсковом правлении, командует полком, становится одним из лидеров донских консерваторов²¹. За всё это время в его архиве появился только один новый текст, посвященный польским проблемам: он не подписан, и на месте заглавия стоит дата и место: «Санкт-Петербург, 20 ноября 1835 года»²². Это очередной перевод, на сей раз с французского. В 1835 г. петербургская официозная газета “*Journal de S.-Petersbourg*”

¹⁷ Оговоримся, что личный фонд И.С. Ульянова в ГАРО, в котором хранятся его неопубликованные работы, очень велик по объему и при этом своеобразно систематизирован, о чем мы подробнее будем писать ниже. Отдельные рукописи не выделены в отдельные дела, часто не подписаны, не датированы и часто неразборчивы. Поэтому в нем могут храниться и другие тексты о Польше или содержащие отсылки к Польше, не замеченные нами (в особенности это относится к черновикам, среди которых встречаются даже отдельные вырванные листы, содержащие отрывки из погибших статей и рассказов).

¹⁸ Ульянов И.С. Записки И.С. Ульянова <Часть I>. С. 61.

¹⁹ ГАРО. Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 29. Л. 23–23 об.

²⁰ Там же.

²¹ Донцы XIX века. С. 481.

²² Литературный материал // ГАРО. Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 28. Л. 43.

перепечатала октябрьское выступление парижского “Journal des Debats”, направленное против Николая I и его речи перед варшавскими депутатами, присовокупив к этому собственные комментарии²³. В архиве И.С. Ульянова содержится русская версия этого текста. В данном случае мы, на наш взгляд, имеем дело с ярким примером «донского самиздата», переводом статьи, выполненным человеком, интересующимся ситуацией в Польше, для знакомства с ней новочеркасского общества. В пользу этой версии свидетельствует сам выбор текста для перевода: для публикации в русскоязычной прессе больше подошел бы прямой перевод из “Journal des Debats”, без добавлений и комментариев, внесенных авторами “Journal de S.-Petersbourg”.

Мы не обнаружили в архиве И.С. Ульянова ни одной рукописи, связанной с Польшей и написанной после 1830-х годов. Однако на более старых рукописях содержатся позднейшие пометки, которые по карандашу и по черку следует датировать 1840-ми годами. Таким образом, И.С. Ульянов возвращался к своим «польским» рукописям и в это время, улучшая их для публикации или создания новых списков. О том, что польские события оставались актуальны для него до самой смерти, свидетельствуют его публикации в «Русском архиве» конца 1860-х годов. К этому времени оппозиционная деятельность И.С. Ульянова сделала его персоной non grata в глазах военного министерства, а донские «казакоманы» были разгромлены сверху, в том числе и потеряв возможность публиковать статьи на актуальные темы²⁴. В последние годы своей жизни, с середины 1860-х годов, И.С. Ульянов играл меньшую роль в жизни Донского края и использовал появившееся свободное время, в частности, для того, чтобы подготовить и опубликовать два небольших материала о Польском восстании 1830–1831 гг.

Данные материалы отличались от его капитальных «Записок» тем, что являлись, по сути, критическими откликами на другие работы. В первом из этих откликов, «Заметках о польском восстании 1830 г.», И.С. Ульянов рассмотрел книгу Ф. Смита «История польского восстания и войны 1830 и 1831 г.», отмечая отдельные неточности и критикуя предположение ее автора, согласно которому Польское восстание могло бы быть подавлено в самом начале, при более решительных действиях русских властей²⁵. Во втором отклике, на «статейку» в «Санкт-Петербургских ведомостях», не имеющем даже собственного названия, И.С. Ульянов снова доказывал, что более решительно действовать в начале Польского восстания русские войска не могли, и оправдывал теплое отношение великого князя Константина Павловича к декабристу М.С. Лунину²⁶. Этими двумя небольшими текстами при-

²³ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Т. I. Л.: Наука, 1979. С. 360–361.

²⁴ Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina. Братислава. 2015. Vol. 15. Is. 3. P. 200.

²⁵ Ульянов И.С. Заметки о польском восстании 1830 г. // Русский архив. Москва. 1867. Вып. 1–6. С. 695–712.

²⁶ Он же. Заметка I // Русский архив. 1868. Вып. 1–6. С. 1031–1038.

жизненные публикации И.С. Ульянова на польскую тему и ограничиваются. По свидетельству А.А. Карасева, в конце жизни у его старшего современника сильно ухудшилось здоровье, и он впал в «тихое помешательство», продолжавшееся до самой смерти²⁷.

Таким образом, «польские» тексты И.С. Ульянова тесно связаны с его биографией и могут быть разделены на две основные части. В первую, наиболее оцененную современниками, но сейчас полузабытую, входят его воспоминания о Польском восстании 1830–1831 гг., как в форме личных записок, так и в форме критических возражений на чужие работы. Наиболее ценная часть этих текстов создавалась непосредственно во время описываемых событий, по горячим следам, в польский период жизни И.С. Ульянова. Х.И. Попов, объединивший их под названием «Записки И.С. Ульянова», допустил определенную неточность. Фактически речь идет о двух текстах: собственно «Записках», носящих чисто мемуарный характер и не сохранившихся в рукописи, и «Отрывке из памятных записок NN», который посвящен анализу военного использования донских полков, в том числе и на польском опыте, и в архиве И.С. Ульянова представляет собой совершенно самостоятельный текст²⁸. Поскольку в последней работе полякам и Польше уделено сравнительно мало внимания, в своей статье мы будем говорить только о основном тексте «Записок». Однако в данном случае есть смысл нарушить хронологию и обратиться сначала к критическим откликам И.С. Ульянова на чужие книги, опубликованным им в последний период жизни, после отхода от активной общественной деятельности. Дело в том, что в этих заметках предпринимается попытка анализа русской политики в Польше накануне восстания, и, хотя этот анализ крайне субъективен и призван оправдать великого князя Константина Павловича, но именно поэтому ранние, более непосредственные и эмоциональные тексты И.С. Ульянова есть смысл рассматривать через призму логики его позднейших работ.

Донской казак доказывал, что в своей польской политике великий князь руководствовался «высшей целью» вписать свое имя в историю как имя человека, навсегда «примирившего вековые раздоры между Русью и Польшей»²⁹. С точки зрения самого И.С. Ульянова, подобная цель, хотя и была труднодостижима и являлась мечтой, но «не представляла тогда ничего несбыточного», так как, якобы, под скипетром русской державы поляки процветали и «большая часть граждан <...> развила свое благосостояние в течение 15 лет в таких размерах, каких оно никогда не достигало»³⁰. Однако атмосфера в Польше оставалась нездоровой. И.С. Ульянов считал, что поляки слишком долго пребывали в состоянии анархии, слишком при-

²⁷ Донцы XIX века. С. 482.

²⁸ ГАРО. Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 28. Л. 25-41 об.

²⁹ Ульянов И.С. Заметки о польском восстании 1830 г. // Русский архив. 1867. Вып. 1-6. С. 706.

³⁰ Там же.

выкли «находиться в безначальном, или, что одно и то же, многоначальном состоянии», чтобы просто принять благодетельную власть русских³¹. И всё же никто не рисковал браться за оружие, и в деле примирения русских с поляками были достигнуты серьезные успехи, причем герой нашей статьи особенно подчеркивал, что часть польских частей достаточно долго хранила верность великому князю³². И тут несколько молодых офицеров, недовольных медленным продвижением по службе, подняли бунт, по легкомыслию уничтожив все успехи, достигнутые Константином Павловичем³³. Ссылаясь на разговоры знакомых офицеров, И.С. Ульянов пытался доказать, что этот заговор был личным делом нескольких горячих голов, легкомысленной авантюрой, и за ними не стояло никаких более серьезных политических сил³⁴. Нетрудно заметить, что мы имеем дело с настоящей концепцией польского восстания, пусть и несколько односторонней. Не являлась данная концепция и оригинальной: схожих взглядов на начало восстания придерживались и некоторые другие мемуаристы, в том числе и польского происхождения³⁵. В ее рамках есть русская администрация, желающая примириться с поляками, есть простые поляки, хотя и нелюбящие русских, но уже принявшие их, и есть группа политических авантюристов, поддерживаемых чернью самого низшего пошиба, которые и подняли восстание, увлекая за собой остальных поляков. Нетрудно заметить, что в эту концепцию хорошо вписывается то отношение И.С. Ульянова к полякам, которое было характерно для него в варшавский период: благожелательная позиция по отношению к аполитичным «старым офицерам» и квартирному хозяину при полном неприятии и грубой критике польских патриотически настроенных образованных кругов.

Если даже через три с половиной десятилетия И.С. Ульянов был далек от объективности, то в написанных им по горячим следам «Записках» явно говорит обида. В защиту донского казака следует напомнить, что он писал их для своего сына, а не для печати, не пытался опубликовать при жизни. Поэтому неудивительно, что в адрес издевавшихся над ним поляков И.С. Ульянов не жалел обвинений, укоряя их в самых страшных грехах (пример характеристики донским казаком польского народа мы приводили выше). Однако даже в это время он не мог полностью отказаться от своеобразных польских симпатий, очевидно, перенятых от столь дорогого ему Константина Павловича. В этой связи особенно показательно описание Варшавы после восстания. Донской казак с отвращением пишет о черни, которая пребывала «в таком упоении зверства, что нельзя представить ни-

³¹ Ульянов И.С. Заметки о польском восстании 1830 г. // Русский архив. 1867. Вып. 1-6. С. 705.

³² Там же. С. 708-712.

³³ Там же. С. 704.

³⁴ Там же. С. 704-705.

³⁵ Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о польском восстании 1830-1831 гг. М.: НЛО, 2005. С. 25.

чего подобного в мире»; о «смешном и безобразном» зрелище «площадных ораторов»³⁶. Однако затем он куда более подробно останавливается на доброжелательных польских чиновниках, которым поручили русских пленных: на незнакомом ему человеке, который начал доказывать, что поляки не восстали против России, но борются с нарушением своей конституции, а затем, несмотря на ненависть черни к русским, пригласил И.С. Ульянова жить у себя дома, а также на высокопоставленном сановнике, «просившем не принимать в дурную сторону ареста» и объяснявшем, что он совершен для защиты русских от толпы³⁷.

С нашей точки зрения, «Записки» И.С. Ульянова интересны не только своим фактическим содержанием, но и подобным внутренним противоречием между откровенными оскорблениями в адрес поляков и детальным, комплиментарным описанием тех из них, которые были добры к русским. Любопытно, что подобным благожелательным образом описывается первоначальный диктатор восстания Й. Хлопицкий, который, в интерпретации И.С. Ульянова, проводил в своей политике «похвальную умеренность» и добивался «блага и существенной выгоды Польши», а свою должность вынужден был сложить не из-за нежелания русских идти на уступки, но «истощив все средства к обузданию исступления и к убеждению принять начала миролюбивые»³⁸. В итоге всю вину и за восстание, и за пролитую кровь И.С. Ульянов возлагал на поляков, но в то же время писал: «Кажется, что поляк делает зло не из злобы, сильно овладевшей сердцем, но из самохвальства, в доказательство, что в состоянии что-то да сделать»³⁹. Его негативные высказывания в адрес поляков, на наш взгляд, — скорее реакция эмоционального человека, чья попытка дружбы была отвергнута, чем настоящая ненависть, и даже освобождение русскими из польского плена вызвало у И.С. Ульянова смешанные чувства. Радуюсь этому и не скупясь на похвалы русскому оружию, он возмущался теми офицерами, которые пытались отомстить за перенесенные в плену неудобства и оскорбления, и требовал обращаться с поляками «как можно лучше, дабы показать им, что мелочные чувства мести чужды сердцу благородного человека»⁴⁰.

Остается констатировать, что «Записки» И.С. Ульянова о польском плену представляют собой уникальный источник, раскрывающий чувства офицера, надеявшегося вместе с великим князем Константином Павловичем добиться примирения русского и польского народов и обманутого в этих ожиданиях, проклинающего вероломных поляков и в то же время прощающего их, оправдывающего их поступки «самохвальством» национально-

³⁶ Ульянов И.С. Записки И.С. Ульянова <Часть I>. С. 67.

³⁷ Там же. С. 68.

³⁸ Там же. С. 71–72.

³⁹ Ульянов И.С. Записки И.С. Ульянова <Часть II>. С. 54.

⁴⁰ Там же. С. 59.

го характера. «Записки» еще ждут своего исследователя, и мы не будем останавливаться на деталях их содержания, подробных и многообразных. Кроме революционной Варшавы, И.С. Ульянов описывает и злключения в плену в польских городках, где он подвергался оскорблениям черни и получал помощь от польских женщин, и отношения с другими пленными, некоторые из которых казались ему не лучше самых жестоких и высокомерных из поляков, и ту же Польшу, но после восстания, с напуганными жителями и победоносными русскими войсками.

Вторую часть «польских» текстов И.С. Ульянова составляют его переводы, никогда не публиковавшиеся. В этом нет ничего удивительного: их литературный уровень достаточно низок, хотя от его детального анализа мы воздержимся, оставив его профессиональным филологам. Интерес к этим переводам у нас не столько литературный, сколько исторический: напомним, что И.С. Ульянов был одним из первых донских писателей и видным общественным деятелем, и сам факт его обращения, например, к творчеству А. Мицкевича можно считать первым случаем влияния польской литературы на донскую региональную. Очевидно, и сам автор относился к ним в позднем возрасте критически: литературные произведения в архиве И.С. Ульянова распределены по двум делам, причем в первом собраны в основном беловики, сохранившиеся полностью и расположенные в хронологическом порядке, а во втором — черновики, обычно обрывочные и бессистемные. Все художественные переводы с польского, сделанные еще в варшавский период, попали во второе дело, а в первом представлен только перевод французской статьи из “Journal de S.-Petersbourg” и «Отрывок из памятных записок NN».

Наиболее значимым нам представляется отмеченный выше перевод статьи А. Мицкевича. Едва ли перевод И.С. Ульянова был первым: «Московский телеграф» напечатал на своих страницах русскую версию «Критиков и рецензентов варшавских» в сентябре того же 1829 г., когда вышел польский оригинал⁴¹. Тем не менее, заслуживает сам факт обращения офицера из штаба великого князя Константина Павловича к творчеству весьма скептически настроенного по отношению к царской власти поэта. На первый взгляд, внимание донского казака к чисто польским делам, к полемике местных романтиков и классицистов может показаться странным. Однако критика А. Мицкевичем варшавских литераторов за малообразованность в чем-то близка с их критикой самим И.С. Ульяновым. Если российский офицер в своих «Записках» обличал «невежество поляков в русской истории», то А. Мицкевич писал о характерном для варшавских журналистов «всеобщем невежестве, происходящем не от введения чужеземных наук,

⁴¹ *Мицкевич А.* О критиках и рецензентах варшавских (Предисловие к полному собранию «Стихотворений» Мицкевича). (С польск.) // Московский телеграф. Москва. 1829. № 17. С. 3-36.

но от строгого охранения себя от них»⁴². Возможно, именно подобное «признание» поляком серьезных недостатков своего народа привлекло И.С. Ульянова к его тексту. Во всяком случае, другие переводы из творчества А. Мицкевича в архиве казачьего генерала нами обнаружены не были, зато в его переводах из других авторов также наблюдается сходство с мыслями, высказанными И.С. Ульяновым в оригинальных работах.

Так, молодым казаком был переведен ряд диалогов между различными историческими и легендарными фигурами на философские темы⁴³. В наиболее любопытном диалоге разговаривают польские короли Болеслав Храбрый и Казимир Великий, причем первый из них доказывает главенство в истории ратных подвигов, а второй, выступающий явным носителем авторской позиции, утверждает, что счастье и богатство народа важнее⁴⁴. И в данном случае русский офицер тоже выбрал для перевода текст, близкий его собственным идеям, а конкретно надеждам на мудрость польского народа, который, несмотря на сложную обстановку, должен был воздержаться от прямого восстания против русских, поскольку «кто в тишине занимается внутренним устройством, распространяет земледелие, возвышает торговлю, вводит науки, производит строения, тот может быть предпочтен тому, который с шумом разрушает и уничтожает»⁴⁵. Особого внимания заслуживают последние слова диалога, слова о том, что «народ польский заслуживает необыкновенную похвалу за то, что хотя из властителей своих имел мужественных витязей, между коими ты (это обращение к Болеславу. — *А. П.*) первенствуешь, одного наградил именем великого, того, который заслужил всеобщую любовь»⁴⁶. Трудно воздержаться от параллели между этим текстом, восхваляющим поляков литературных, и жалобами И.С. Ульянова на поляков реальных, которые пренебрегли процветанием, обретенным под русской властью, и восстали против собственных благодетелей.

Единственный «польский» перевод И.С. Ульянова, включенный им в число беловых, сильно отличается от упомянутых выше. Как мы писали выше, он сделан заметно позже, уже на Дону, в середине 1830-х годов, причем сделан не с польского, а с французского оригинала, и не с художественного текста или критической статьи, а со статьи политической. Однако за этим внешним различием скрывается глубокое внутреннее сходство: донской автор в очередной раз возвращался к центральной для него теме, — теме благородных русских и поляков, не понимающих их благо-

⁴² ГАРО. Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 29. Л. 124 об.

⁴³ Оригинал этих диалогов нам не удалось найти, но, судя по подбору персонажей, перевод и здесь осуществлялся с польского текста.

⁴⁴ ГАРО. Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 29. Л. 41-43 об.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 43 об.

родства. В нем описывается достаточно известный в историографии сюжет: в 1835 г. Николай I выступил перед депутацией варшавских горожан, причем, речь его содержала прямые угрозы. В обратном переводе И.С. Ульянова с французского перевода этой речи они звучат так: «Как только малейший шорох, я прикажу разбить вдребезги город, я уничтожу Варшаву, и уже, господа, воля ваша, я не буду возобновлять ее»⁴⁷. Многие поляки остались недовольны выступлением императора, согласно статье в «Journal des Debats», «наполняющим негодованием всякое благородное сердце»⁴⁸. Однако официальный российский «Journal de S.-Petersbourg» доказывал, что поляки и европейцы в целом допустили намеренную ошибку в трактовке этой речи, поскольку «постарались пропустить» заключительную фразу Николая I: «Давно уже простил я обиды, нанесенные мне и моей фамилии. Единственное мое желание — заплатить добром за зло и сделать счастье ваше вопреки вам самим. Я клялся в том пред Богом и не могу быть клятвopеступником»⁴⁹. Соответственно, все угрозы «Journal de S.-Petersbourg» предлагал трактовать как горькие предупреждения, а императорскую речь считать «словами прощения и мира», адресованными «возрождающемуся царству»⁵⁰. Статья из «Journal des Debats» была перепечатана в санкт-петербургском журнале именно как пример недобросовестного «искажения и утаения» слов императора, совершенных «врагами спокойствия»⁵¹. Понятно, что для И.С. Ульянова, требовавшего «как можно лучше» относиться к пленным полякам, была недопустима мысль о том, что его император оказался сторонником жестких мер по отношению к Польше. И он, уже проживая на Дону и не имея прямого отношения к польским делам, обратился к переводу текста из «Journal de S.-Petersbourg», текста, доказывающего, что поляки просто неверно поняли Николая I, желавшего не запугать польский народ жестокостью, но даровать ему свое прощение, оставляя за собой, впрочем, право на применение силы в случае нового восстания. Этим переводом логично замыкается круг польских переводов И.С. Ульянова, создававшихся с надеждой на прекращение вражды русского и польского народов.

Нам осталось подвести краткий итог всему вышеизложенному. Фигура И.С. Ульянова, стоящая у истоков отношений Дона и Польши, поражает своей парадоксальностью. «Казакоман», человек, обвинявшийся в донском сепаратизме, он живо интересовался польскими событиями, но при этом с имперских позиций, отказывая полякам в праве отстаивать свои интересы вооруженным путем. Героизируя русские войска, подавившие Польское

⁴⁷ ГАРО. Ф. 243. Ульяновы. Оп. 1. Д. 28. Л. 45.

⁴⁸ Там же. Л. 46.

⁴⁹ Там же. Л. 43 об.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Л. 43-43 об.

восстание 1830–1831 гг., он при этом хорошо относился к умеренной части восставших и рассматривал действия радикалов как «зло», но зло, совершенное не из «злости», а из «самохвальства», своеобразной детскости и легкомыслия целого народа. Первый донской переводчик А. Мицкевича, И.С. Ульянов резко и иронично отзывался о польских образованных кругах и выбрал для перевода статью великого польского поэта, посвященную их «невежеству».

И всё же, при более близком знакомстве с его литературным, публицистическим и мемуарным наследием, можно проследить мысль, объединяющую все «польские» тексты И.С. Ульянова. Это мысль, вероятно, возникшая в годы его службы в штабе великого князя Константина Павловича, о благодетельности русско-польского примирения, но примирения, заключенного на русских условиях, с признанием поляками роли младшего, «детского», «беспорядочного», «невежественного» народа. Соответственно, избранные им переводы раннего периода, сделанные, вероятно, до Польского восстания, либо доказывают недостатки поляков, либо, напротив, говорят о их мудрости, но мудрости особой, заключающейся в готовности признать великим не воинственного, а мирного правителя, с явной надеждой на подобное миролюбие и в будущем. Тексты, написанные во время самого восстания, пронизаны обидой и непониманием того, что характерная для И.С. Ульянова интерпретация внутренней сущности польского народа для самого этого народа глубоко оскорбительна. В дальнейшем деятельность на родном Дону отодвинула польские интересы И.С. Ульянова на второй план. И всё же он перевел статью 1835 г., доказывающую, что Николай I «простил» поляков, а в 1860-х годах дважды выступил в печати с защитой Константина Павловича, утверждая, что хотя великого князя и постигла неудача в попытке примирить польский и русский народы, но он был близок к своей цели, и лишь случайность помешала ему в ее достижении.

С современной точки зрения исторические и политические концепции И.С. Ульянова донельзя наивны, а переводы — корявы и непрофессиональны. Однако в этом и состоит их ценность: мы имеем дело с уникальной точкой зрения русского офицера, который одновременно был патриотом, крайне правым монархистом и в то же время симпатизировал полякам. Вероятно, именно эта уникальность привела к тому, что на Дону «польские интересы» героя нашей статьи так и остались своеобразным историческим казусом. И хотя младшие современники, в частности, авторитетнейшие Х.И. Попов и А.А. Карасев позиционировали его именно как автора ценных «Записок» о Польском восстании, дело так и не пошло дальше публикации нескольких его мемуарных рукописей с минимальным научным комментарием, а польская тема в позднейшей дореволюционной донской казачьей научной и околонучной литературе не получила развития.

Литература

1. *Королев В.Н.* Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1991.
2. *Морозова О.М.* Ульяновы. Семья донских казаков за сто лет // Диалог со временем. Москва. 2008. № 23. С. 298–318.
3. *Морозова О.М.* Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону: издательство ЮНЦ РАН, 2010.
4. *Peretyatko A. Y.* “Look, the British and the French”: a Little about the Don Literary Propaganda during the Crimean War // Propaganda in the World and Local Conflicts. Bratislava, 2018. 5(2). P. 40–43.
5. *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina. Братислава, 2015. Vol. 14. Is. 2. P. 94–107.
6. *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina. Братислава. 2015. Vol. 15. Is. 3. P. 194–207.

References

1. Korolev, V.N., 1991. *Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh* [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
2. Morozova, O.M., 2008. Ul'yanovy. Sem'ya donskikh kazakov za sto let [Ulyanovs. Family of Don Cossacks for a hundred years]. *Dialogue with time*, N 23, pp. 298–318.
3. Morozova, O.M., 2010. *Tsari, kazaki, krasnye komandiry... Sem' ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta* [Tsars, Cossacks, Red Commanders ... Seven essays in the genre of historical and psychological portrait]. Rostov-on-Don: izdatel'stvo IUNTS RAN.
4. Peretyatko, A.Y., 2018. “Look, the British and the French”: a Little about the Don Literary Propaganda during the Crimean War. *Propaganda in the World and Local Conflicts*, Bratislava, 5(2), pp. 40–43.
5. Volvenko, A.A., 2015. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*, Bratislava, Vol. 14, Is. 2, pp. 94–107.
6. Volvenko, A.A., 2015. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III. *Russkaya Starina*, Bratislava, Vol. 15, Is. 3, pp. 194–207.

СОТРУДНИЧЕСТВО РУССКИХ И ЧЕРНОГОРСКИХ ДИПЛОМАТОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА

Варвара Борисовна Хлебникова —

кандидат исторических наук,
доцент, кафедра региональных исследований,
факультет иностранных языков и регионоведения,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Почтовый адрес: Ленинские горы, 1, стр. 13–14,
Москва, 119991, Россия
Электронный адрес: istfilos@gmail.com

Аннотация

Российско-черногорское сотрудничество в начале XX в. складывалось непросто. С одной стороны, Российская империя прикладывала огромные усилия, чтобы помочь черногорцам в деле государственного строительства и достижения внешнеполитических задач, стоявших перед недавно признанным международным сообществом Княжеством. С другой стороны, отношения официальных должностных лиц разных уровней были довольно нервными. Постоянно всплывали спорные вопросы, по которым у России и Черногории возникали разногласия. Российское правительство твердо придерживалось политики статус-кво на Балканах. Черногорский князь и его окружение надеялись увеличить границы своих владений и готовы были нарушить сложившееся после 1878 г. равновесие в регионе. Все попытки российских дипломатов контролировать и сдерживать активность младших партнеров заканчивались ростом напряжения и взаимного недовольства. Российские руководители рассматривали поведение черногорской элиты как неблагодарность. Однако проблема постоянно возникавшего в двусторонних контактах напряжения была гораздо сложнее. Серьезную роль в ухудшении ситуации играли такие факторы, как национально-психологические особенности черногорского народа, его особый воинственный менталитет и готовность дать отпор любому, кто покушается на национальную независимость. К тому же охранявшиеся пережитки племенного уклада, крайне низкий уровень образования, острая нехватка квалифицированных кадров на государственной службе Черногории усиливали трения между российскими и черногорскими дипломатами. Лучше понимали особый национальный характер черногорцев ученые, занимавшиеся комплексным изучением небольшой славянской страны. Ближе всех к разгадке черногорского менталитета подошел П.А. Ровинский, в трудах которого можно было найти ответы на многие, казавшиеся неразрешимыми вопросы. Опираясь на его исследования, мы можем сегодня по-новому посмотреть на трудности профессионального диалога российских и черногорских руководителей.

Ключевые слова

Российская империя, Черногорское княжество, сотрудничество, трудности диалога.

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2019 г.

COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN AND MONTENEGRIN DIPLOMATS IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY: THE PROBLEMS OF PROFESSIONAL DIALOGUE

Varvara B. Khlebnikova

Ph.D., Associate Professor,
Faculty of Foreign Languages and Area Studies,
Lomonosov Moscow State University
Postal address: Leninskie Gory 1, Building 13,
Moscow, 119991, Russia
E-mail: istfilos@gmail.com

Abstract

In the early twentieth century, cooperation between Russia and Montenegro was not easy. On the one hand, the Russian Empire made great efforts to help Montenegrins in the process of state-building and in achieving the foreign policy objectives by the principality, which had recently been recognised by the international community. On the other hand, relations between officials at various levels were rather tense. Russia and Montenegro permanently had a number of controversial issues. The Russian government firmly adhered to the status quo policy in the Balkans. Montenegrin Prince and his entourage hoped to increase their territories, and after 1878 were ready to break the balance in the region. All attempts of the Russian diplomats to control and restrain the activity of the junior partners ended with the increase in tension and mutual discontent. Russian leaders considered the behavior of the Montenegrin elite as ingratitude. However, the problem of constant tension in bilateral contacts was much more complicated. Such factors as the national-psychological characteristics of the Montenegrin people, their specific militant mentality and readiness to fight back anyone who encroached on national independence, played a serious role in the deterioration of the situation. In addition, the surviving remnants of the tribal way of life, extremely low level of education in the Principality, acute shortage of qualified personnel in the public service of Montenegro contributed to increasing frictions between the Russian and Montenegrin diplomats. Scholars involved into a comprehensive study of this small Slavic country understood the particular national character of Montenegrins better. Pavel A. Rovinsky was an excellent expert on Montenegrin mentality. His answers on many seemingly intractable questions one can find in his writings. Based on his research, we can today take a fresh look at the difficulties of the professional dialogue between the Russian and the Montenegrin leaders.

Keywords

Russian Empire, Montenegro, Pavel Rovinsky, diplomatic relations.

Received 15 April 2019.

Хорошо известна история сотрудничества России и Черногории в XIX — начале XX вв. О содержании и качестве этих отношений написано достаточно статей и монографий, в которых нарисована картина солидарности и верности союзническому долгу двух народов. Нисколько не ставя под сомнение качество и традиции российско-черногорской дружбы, хотелось бы обратить внимание на то, как нелегко было добиваться поддержания на доверительном уровне политических, дипломатических, общественных связей между народами, очень непохожими друг на друга.

История, культура, масштабы партнеров так разительно отличались, что рассчитывать на легкий диалог и полное взаимопонимание было, по крайней мере, наивно. После нескольких лет эйфории в российско-черногорских официальных отношениях, вызванных окончанием войны 1877–1878 гг. и международным признанием Черногорского княжества, наступила трудная пора разногласий, споров и даже ссор, взаимных упреков и недоверия. В начале XX века все чаще российские официальные лица высказывались критически в адрес черногорских властей. Княжеское правительство тоже постоянно жаловалось на давление и непонимание со стороны России. Политические, военные и финансовые причины этого взаимного недовольства исследованы¹. А вот более сложные вопросы о ментальных и национально-психологических особенностях черногорского этноса на рубеже XIX–XX вв., с которыми столкнулись россияне, еще не стали предметом отдельного рассмотрения. Российское правительство, считая себя защитником и патроном славян, ожидало от них благодарности и дисциплины. Сталкиваясь с «непослушанием», оно негодовало и недоумевало, не понимая, как можно быть такими неблагодарными. Однако если бы представители официальных кругов учитывали в практической работе то, что писали о черногорцах путешественники и ученые, возможно им легче было бы понять, почему так часто возникали трудности в диалоге.

Ответы на вопрос, в чем причина непонимания и недоверия, можно найти в трудах русского слависта П.А. Ровинского (1831–1916). Он прожил в Черногории около 20 лет, собрал огромный этнографический, лингвистический и исторический материал, вошедший в многотомную монографию «Черногория в ее прошлом и настоящем». В этой книге была поставлена задача «представить по возможности самую точную и подробную характеристику черногорского народа и его жизнь во всех сферах и отправлениях со всей окружающей его обстановкой»². Автор был убежден, что «душа народа», его самобытность, несхожесть с другими этносами заслуживали такого же внимания, как быт и социально-политическое устройство. Черногорцы были интересны тем, что во второй половине XIX в. переживали переходную эпоху, когда «старые начала еще сохраняются, но вырабатываются уже готовые их заступить новые»³. Племенная жизнь уходила в прошлое. На первый план вышло государство, однако сознание народа всё еще не приспособилось к новым условиям, мораль и социальное поведение черногорцев нередко приходили в противоречие с духом времени. Ментальность черногорского народа формировалась в условиях постоянных войн с соседями: «Война наложила свою печать и

¹ Хлебникова В.Б. Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 31–68, 181–223.

² Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1897. Т. II. Ч. 1. С. 1.

³ Там же. С. XXIII.

на тип черногорца; под ее влиянием воспитались его добродетели и пороки, сложился весь характер, в котором многое поймете и оцените, только изучивши его военную деятельность. Война имела влияние на привычки и даже на мировоззрение черногорца; в ней же проявляется и его народный гений»⁴. В начале XX века, когда эпоха «вечной войны» подошла к концу, у черногорцев появились новые качества, новые ценности и предпочтения. Самой престижной оставалась военная профессия, но если не удавалось стать офицером, то каждый мужчина стремился поступить на государственную службу и обязательно быть начальником. Принадлежность к бюрократии в общественном мнении ценилась выше, чем коммерческая деятельность или физический труд. Черногорцы предпочитали нищету и мнимую принадлежность к власти обеспеченному быту среднего или мелкого буржуа. Кстати, бедность и полуголодное (а зачастую и голодное) существование народ переносил стойчески, как и в старину. Не изменяли черногорцы и другим традиционным ценностям, оставались привержены своему племени и братству, были гостеприимны и делились последним с теми, кто нуждался в помощи. Такое причудливое сочетание старых и новых представлений делало черногорцев весьма непростыми партнерами. В нежелании отказываться от уходящих в прошлое устоев проявлялся консерватизм патриархального народа, оказавшегося в новых экономических и политических условиях.

В монографии П.А. Ровинского обстоятельно разобраны национально-психологические особенности черногорцев, их живой ум и особая впечатлительность, удивительно цепкая память. Славист высоко оценивал интеллектуальный потенциал народа, его природную одаренность, восприимчивость, хваткость. Однако, по мнению исследователя, черногорцы часто ограничивались внешней стороной, не углубляясь в суть вопроса, не любили «долго задумываться», не планировали будущее⁵. Поверхностность мешала доводить до успешного конца необходимые преобразования. Особенно ярко эта национально-психологическая особенность проявлялась в государственном строительстве. Княжеское правительство охотно бралось за различные реформы и нововведения, но столкнувшись с затруднениями, быстро теряло интерес к начатому делу, переключалось на новый проект, ввязывалось в очередную административную кампанию, легко забывая о прежних обещаниях.

С одной стороны, славист высоко оценивал непоколебимую волю, твердость чувств и повышенную эмоциональность, героизм и самоотверженность, которые преобразовывались в особую энергию, дававшую силу «одолевать все возможные препятствия, поставляемые природой, людьми и обстоятельствами. Эта энергия, а не неприступность скал, спасла Чер-

⁴ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 1. С. III.

⁵ Там же. С. 359–360.

ногорию от порабощения»⁶. С другой стороны, была заметна такая неприятная особенность черногорцев, как склонность насмешничать и обижать людей: «Я не знаю никого, кто бы так неумолимо зло умел преследовать своего же товарища за всякую слабость, хотя бы то не зависело от него, а было его врожденным недостатком»⁷. Ученый обратил внимание на то, как причудливо в национальной психологии переплетались склонность к насмешкам и повышенное чувство гордости и личного достоинства. Черногорец посмеивался над другими, но был очень чувствителен к задеванию своей чести: «из-за ничтожного слова, сказанного даже без намерения оскорбить, может возникнуть крупная ссора; неудовлетворение самолюбия сводит с ума, а более глубокое оскорбление доводит людей до убийства другого и до самоубийства»⁸. Повышенное самомнение рождало злопамятность и мстительность, оскорбленный черногорец «годами не может забыть какую-либо обиду, глубоко запавшую в душу»⁹. Славист с сожалением наблюдал в народной среде «сильное расположение к тяжбам и интригам друг против друга»¹⁰. Соединение привлекательных и отталкивающих черт приводило к странным и парадоксальным поступками во вред себе самому. Роковую роль в судьбе человека мог сыграть «инат». Этим словом сербы и черногорцы называли желание сделать наперекор, поступить вопреки здравому смыслу, чтобы «насолить» оппоненту. Как видим, П.А. Ровинский описал и сильные, и слабые стороны национального характера, считая, что «нервно-сангвинистический темперамент» и расчетливый ум «часто сталкиваются в сердце черногорца»¹¹. Эти выводы ученого проливают свет на те многочисленные недоразумения и разногласия, которые возникали у россиян, работавших в Черногорском княжестве в начале XX века.

Сами черногорцы тоже пытались разобраться в своем характере, осознать место своего отечества в мире, понять, как вести себя с представителями других культур. Страна нуждалась в помощи, в сотрудничестве с европейскими государствами, ушедшими вперед по пути прогресса. Особенно ценилась поддержка России, проявлявшей повышенную щедрость к своему союзнику. Однако это не помешало черногорской элите затевать разного рода интриги, выражать свое неудовольствие и проявлять особую обидчивость в совместной работе с иностранными, в том числе и с российскими представителями в Княжестве. В своих мемуарах об этом довольно откровенно писал черногорский министр иностранных дел Г. Вукович. Он

⁶ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 1. С. 368-369.

⁷ Там же. С. 378.

⁸ Там же. С. 374.

⁹ Там же. С. 362.

¹⁰ Там же. С. 375.

¹¹ Там же. С. 368.

не был человеком науки и не ставил перед собой цели понять национально-психологические особенности своих соотечественников, но зато был опытным политиком, побывавшим в самых разных ситуациях, неоднократно сталкивавшийся с серьезными затруднениями, возникавшими из-за тех самых ментальных противоречий, о которых писал П.А. Ровинский.

Министр обратил внимание на неоднозначное отношение князя Николая к русским дипломатам, работавшим в Цетинье. «На посланников русских при своем дворе князь смотрел с некой высоты после того, как две его дочери вошли в царскую семью в 1889 г., ибо каждое свое желание мог через них лично передать царю. Русские, особенно дипломаты, знали об этой близости князя ко двору, поэтому изворачивались, чтобы не попасть в немилость при княжеском дворе. Несмотря на то, что мы были по ощущениям и по должности преданы России, всё же были личные ссоры, небольшие столкновения, бестактности в отношении русских представителей, которые доставляли определенные неприятности»¹². Князю подражали некоторые члены его семьи, которые «причиняли неприятности русским дипломатам без какой-либо нужды». «Двор игнорировал русских посланцев из-за самонадеянности...», — замечал Г. Вукович¹³. Понимая двусмысленность такого поведения, сам министр, в сущности, придерживался той же линии, хотя и считал, что «выбрал пристойную середину». Он гордился тем, что не позволил российской миссии смотреть на себя как на «нечто мелкое», не бегал туда с докладами, а горделиво предлагал россиянам приходить в княжеское министерство и узнавать всё, что их интересует. При этом Г. Вукович неоднократно подчеркивал, что все сложные вопросы решались при поддержке российских представителей, от которых он много раз получал дельные профессиональные советы. Русские дипломаты, в свою очередь, твердо держались тех инструкций, которые обязательно получали от руководства МИД при назначении на должность. Все эти инструкции свидетельствуют о твердом и последовательном намерении России сохранять на Балканах статус-кво, избегать осложнений и кризисов, не допускать интриг и авантюры со стороны небольших государств-союзников, чтобы не нарушить сложившегося к концу XIX века равновесия¹⁴. Отступление от рекомендаций начальства могло самым пагубным образом отразиться на карьере любого дипломата.

¹² Вуковић Г. Мемоари. Одломак из дипломатских односа са Русијом. Обод-Цетинье, 1985. Т. 3. С. 90.

¹³ Там же. С. 91.

¹⁴ Например, в инструкции министру-резиденту А.Н. Щеглову (сентябрь 1902 г.) было сказано, что он должен «бдительно следить за внешними сношениями Черногории, своими советами способствовать, при случае, ее правителю избрать в этой области наиболее правильный и согласный с пользой России путь» // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3313. Л. 9 об.-10.

Известно, как непросто складывались личные отношения черногорского монарха с сотрудниками российской дипломатической миссии в Цетинье¹⁵. Трудности были и у российских министров, к которым обращались княжеские власти с теми или иными просьбами. И даже в отношениях с коллегами-дипломатами россиянам часто не удавалось найти общего языка. О ситуации полного непонимания и раздувания скандала на пустом месте далее пойдет речь. Эта нелепая история нашла подробное освещение в дипломатических донесениях и письмах из Государственного архива Черногории, еще не известных российским читателям.

В 1901–1902 гг. в албанском городе Скутари (Шкодер, Шкодра), входившем в Османскую империю, возникли разногласия между черногорским консулом и российским вице-консулом, которые повлекли за собой оживленную дискуссию министерств иностранных дел двух стран. Даже турецкое руководство было втянуто в эти споры. Конфликт ярко высветил проблемы межкультурного профессионального общения русских и черногорцев.

Скутари (славяне его называли Скадар, потому что он расположен недалеко от Скадарского озера в нескольких километрах от черногорской границы) был отдаленной окраиной Османской империи, цеплявшейся за последние владения в Европе после Берлинского конгресса. В регионе проживало небольшое количество югославын, и черногорский князь мечтал распространить свое влияние на Скутари, чтобы в случае окончательного распада Турции присоединить его к Черногории. В 1893 г. здесь открылось черногорское консульство, которое должно было помочь организовать приграничную торговлю, решать мелкие споры, защищать переселенцев из Черногории. Для расширения влияния и создания положительного образа своей страны черногорские власти открыли здесь две начальные школы — для мальчиков и для девочек, в каждой из которых было по одному преподавателю. Расходы на содержание женской школы в 1901 г. полностью взяла на себя Россия¹⁶. Возглавил княжеское консульство Лазар Миюшкович, черногорец, получивший технологическое образование в Париже. Такое «непрофильное» назначение было связано с тем, что Черногория испытывала острый кадровый голод, у нее не было специальных учебных заведений и вузов, не было подготовленных дипломатов. Даже простое знание французского языка давало возможность заняться дипломатической работой. Г. Вукович считал Л. Миюшковича умным, «энергичным, предприимчивым, но амбициозным, довольно эгоистичным и властолюбивым» человеком¹⁷.

¹⁵ Хлебникова В.Б. Сотрудники Российской дипломатической миссии в Цетинье и князь Николай. Проблема диалога и взаимопонимания // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2011. С. 95–117.

¹⁶ Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 59. № 1405.

¹⁷ Вуковић Г. Мемоари. С. 115.

В 1897 г. в Скутари был назначен российский вице-консул Григорий Степанович Щербина. Его непосредственный начальник, русский посол в Константинополе И.А. Зиновьев считал, что у России здесь нет специальных интересов, но русская консульская служба поможет Черногории наладить добрые отношения с соседями — подданными султана и, тем самым, будет поддерживать статус-кво на Балканах. Выбор пал на Г.С. Щербину не случайно — он был неплохо знаком с черногорскими делами, одно время работал в русской дипломатической миссии в Цетинье. Назначение в такой глухой угол Османской империи не было перспективным с точки зрения карьеры, но Г.С. Щербина на новом месте работал активно и вскоре стал популярен среди местных славян¹⁸. Например, стремясь помочь местным храмам, Г.С. Щербина побывал на приеме у обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева и попросил прислать утварь «для православной церкви Верхней Албании». В личном письме к П.А. Ровинскому Г.С. Щербина сообщил, что К.П. Победоносцев «с самым живым интересом и сочувствием отнесся к моему ходатайству». Вскоре в Черногорию были доставлены 13 ящиков с церковными вещами, и вице-консул просил Ровинского хлопотать о том, чтобы багаж поскорее переслали в Скутари¹⁹.

Вышеупомянутый черногорский консул Л. Миюшкович ревниво реагировал на появление в Скутари иностранных представителей других держав, возможно считая, что они создадут ненужную конкуренцию. Так, когда по инициативе сербских дипломатов в городе была заложена еще одна славянская школа, Миюшкович написал министру иностранных дел Черногории Г. Вуковичу: «...Ничего кроме интриг из сербских усилий не получится, так как все славяне в Скутари — черногорцы по происхождению и по духу»²⁰. Скорее всего, такой настрой черногорского консула и стал отправной точкой конфликта, разгоревшегося в 1901–1902 гг.

В марте 1901 г. Миюшкович стал регулярно сообщать Г. Вуковичу и черногорскому представителю в Константинополе М. Бакичу, что в православной общине Скутари «из-за интриг и наговоров» Г.С. Щербины не прекращаются распри. Л. Миюшкович сетовал, что ничего не может с этим поделать. Местные жители, якобы подстрекаемые российским дипломатом, отказываются посещать черногорское консульство и обсуждать с ним, Миюшковичем, свои проблемы²¹. Главные обвинения в адрес русского вице-консула заключались в том, что тот вмешался в дела местных школ и

¹⁸ Аншаков Ю.П. Российская дипломатия о положении славянского населения Старой Сербии (1902–1912 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 170–189.

¹⁹ Письмо П.А. Ровинскому от 20 октября 1899 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук РАН (СПбФ АРАН). Ф. 123. Оп. 2. Д. 83. Л. 3 об.

²⁰ Распоповић Р. Дипломатија Црне Горе 1711–1918. Подгорица; Београд: Историјски институт Црне Горе; Војска, 1996. С. 397.

²¹ Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 57. № 451, № 465.

отказался выплачивать черногорским учителям какие-то денежные суммы. Также в вину Щербине вменялось, что в местной церкви во время богослужения он занимал самое почетное место в ущерб авторитету черногорского консула. Чтобы доказать правоту своих заявлений, Миюшкович прикладывал к собственным донесениям гневные письма возмущенных жителей Скутари, а иногда и статьи-пасквилы для местных газет. Заодно ябедничал он и правителю Черногории Николе: «Я тонко разяснил князю, как русский консул держит местную общину в руках»²². От непосредственных начальников Г. Вуковича и М. Бакича консул ждал активных действий в свою поддержку. Он настойчиво требовал сообщить все детали конфликта русскому посольству в Константинополе, чтобы там либо поменяли сотрудника, либо наказали его.

Необходимо заметить, что черногорский государственный аппарат сохранился тогда, в основном, на русские дотации. В 1900–1901 гг. Княжество было банкротом и не могло заплатить многочисленных внешних долгов, поэтому правитель страны отчаянно искал возможность встретиться с русским царем и просить о помощи в безвыходной ситуации. В таких обстоятельствах стремление Л. Миюшковича «поставить на место» российского коллегу выглядело не только бестактно, но и комично. Однако представления о престиже страны и повышенная чувствительность черногорцев в вопросах, затрагивавших их самолюбие, заставили княжеского министра иностранных дел без особой охоты, но всё же вмешаться. Он поручил М. Бакичу ознакомить русского посла с сутью дела, чтобы повлиять на Щербину, подчеркивая, что это не жалоба, а только просьба о содействии²³. Вскоре И.А. Зиновьев ответил на обращение черногорских коллег. По его словам, вице-консул прислал подробный отчет, из которого ясно, что никаких интриг он не затевал и держался строго в рамках служебных полномочий. И.А. Зиновьев приложил к своему ответу копию донесения вице-консула в Скутари, где по пунктам опровергались все обвинения. Более того, Щербина назвал истинную причину конфликта: «Разногласия между мной и г. Миюшковичем <...>, — писал он, — проистекают от глубокой разницы в характере нашей обоюдной деятельности и преследуемых целях: г. Миюшкович, связанный здесь родственными и семейными узами, не может беспристрастно относиться к делам (местной. — В. Х.) общины. Я нахожусь в ином положении; для меня существуют в Скутари только интересы православного населения». Вице-консул следовал общему служебному принципу: «Руководствуясь инструкциями его высокопревосходительства А.И. Нелидова, я с самого прибытия в Скутари не переставал давать советы примирения враждующим сторонам...», — подчеркивал он²⁴. Конечно,

²² Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 57. № 488.

²³ Там же. Ф. 58. № 789.

²⁴ Там же. Ф. 60. № 1663.

Щербина не смог скрыть своей обиды, отметив, что никаких доказательств его оппонент не представил: «При этих условиях я затрудняюсь назвать иначе, как клеветой, приписываемые мне г. Миюшковичем и возводимые на меня обвинения».

Русская сторона считала вопрос исчерпанным, тем более что в донесении Щербины были упомянуты конфликты Миюшковича с другими должностными лицами: «...Известны личные качества черногорского консула, имевшего за время своего здесь пребывания столкновения в 1897 г. с французским консулом, в нынешнем году с генерал-губернатором (имелся в виду глава администрации Скутари, валия. — В. Х.), прекратившим с г. Миюшковичем официальные и личные отношения до получения удовлетворения, и, наконец, в настоящее время с греческим консулом из-за места в церкви»²⁵. У работников российского посольства в Константинополе сложилось мнение, что Л. Миюшкович — «невозможный человек», если не смог найти общий язык с российским вице-консулом, который «столько сделал для Черногории»²⁶.

Княжеский консул смотрел на дело иначе. Он продолжал писать о вредном вмешательстве Щербины в школьные и церковные дела, приводя такие подробности и детали, которые сами по себе опровергали правдивость претензий жалобщика²⁷. Круг высокопоставленных лиц, посвященных в конфликт, становился всё шире. Вскоре в него были втянуты Константинопольский патриарх, его подчиненный, митрополит г. Призрена и священник православной церкви в Скутари. Случайно совпало с тяжбой, затеянной Миюшковичем, то, что приблизительно в это же время Константинопольский патриарх разослал во все православные епархии Османской империи инструкции о почетных местах в храмах. Он распорядился отводить дипломатам разных стран лучшие места во время церковных служб по «хронологическому принципу» — «на основании провозглашения независимости церквей в православных государствах»²⁸. То есть, чем раньше та или иная национальная православная церковь стала самостоятельной, тем более престижное место в храме занимал ее дипломатический представитель. Л. Миюшкович, узнав о том, что в Скутари первое место в храме займет русский консул, второе греческий, а он только третье, написал Г. Вуковичу, что предпочтет не появляться на церковной службе вообще, чем подчиниться новому порядку²⁹. Гнев черногорского консула был так велик, что он перенес личную неприязнь к Щербине на весь русский народ: «Легко русским рассуждать, если их закон — это палка, особенно для

²⁵ Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 60. № 1663.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. № 1472, № 1478, № 1738 и др.

²⁸ Там же. Ф. 66. № 1662.

²⁹ Там же.

тех, кто от них что-то ждет»³⁰. «Прегрешения» русского представителя в донесениях Л. Миюшковича становились всё серьезнее. Наверное, самым «художественным» было повествование о том, как Щербина послал своего слугу вместе с несколькими местными жителями ночью отобрать у церковного старосты ключи, передвинуть в церкви консульские стулья с места на место. Из-за этого якобы произошли уличные беспорядки, и турецкий глава администрации был вынужден вмешаться, оставив ключи от храма у себя³¹.

Несмотря на нелепость подобных обвинений, Миюшковичу удалось устроить еще один крупный скандал и поссорить двух вполне уважаемых профессионалов — русского посла И.А. Зиновьева и черногорского представителя в Константинополе М. Бакича. М. Бакич был осторожным и опытным дипломатом, последовательным русофилом, получившим образование в Петербурге и хорошо знавшим, как много было сделано русским посольством в Османской империи для защиты черногорцев и помощи им за границей. Например, предшественник Бакича в Константинополе М. Пламенац тяжело заболел и умер в 1889 г. В последние минуты жизни он вызвал российского посла, который опечатал кабинет М. Пламенаца со всеми секретными бумагами, шифрами и деньгами. Тело покойного в сопровождении почетного караула из русских моряков было перевезено на катере через Босфор в церковь при российском посольстве, где были проведены литургия и отпевание, после чего с большими почестями отправлено в Черногорию³². Как видим, до 1902 г. отношения двух славянских дипломатических представительств были самые доверительные.

Тем не менее, постоянные доносы Л. Миюшковича, наполненные яркими, хотя и неправдоподобными деталями того, как ущемляли интересы Черногории русские и турецкие официальные лица, настроили М. Бакича на решительный лад. Он хотел поддержать престиж своей страны во что бы то ни стало. Так как И.А. Зиновьев явно уклонялся от личных встреч, не желая больше обсуждать подробности этой нелепой истории, черногорский представитель обратился к великому визирю и министру иностранных дел Османской империи. Во время аудиенции М. Бакич выразил свое несогласие с тем, как распределяются места в православных храмах. Он настаивал на том, что Константинопольский патриархат, будучи подразделением официального аппарата империи, «не может менять по своему усмотрению дипломатический церемониал, утвержденный султаном»³³. Черногорский дипломат знал, какие чувствительные струны следует затронуть, и выразил удивление тем, что патриарх, подданный султана, принял подобное решение. Ведь он не Папа римский, а православная церковь — не государство в

³⁰ Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 60. № 1738.

³¹ Там же. Ф. 62. № 97, № 133.

³² Там же. Ф. 25. № 1674.

³³ Там же. Ф. 63. № 526.

государстве. Порта немедленно сделала патриарху серьезное внушение, а тот сразу же стал искать защиты в русском посольстве. Русские дипломаты были вынуждены снова выяснять отношения с черногорскими коллегами. Секретарь посольства посетил Бакича, и, судя по донесению черногорца своему министру, больше часа два почтенных человека ссорились, повышая друг на друга голос. Русский дипломат твердил, что Бакич не должен был через голову русского посла посвящать турок в разногласия и конфликты между православными. А черногорский представитель упрекал Россию в готовности жертвовать интересами его страны не только ради великих держав, например, Австро-Венгрии, но и для удовлетворения непомерного самолюбия «маленькой и дегенерирующей греческой народности»³⁴.

После этого объяснения на повышенных тонах состоялась еще одна, можно сказать, примирительная встреча княжеского представителя с И.А. Зиновьевым. По словам Бакича, русский посол был особенно вежлив и любезен, высоко оценил личные заслуги и качества черногорского коллеги и пообещал уладить все недоразумения с Патриархией. Но «дипломатическая победа» Бакича была омрачена тем, что Миошкович продолжал свою непримиримую страстную борьбу против Щербины. Он отправил письмо призренскому митрополиту и просил довести его содержание до сведения патриарха³⁵. В письме были изложены и пронумерованы все «преступления» русского вице-консула. Черногорский консул как будто подбрасывал дров в огонь затухавшей ссоры, явно не желая ее завершения. М. Бакич делился со своим руководством соображениями по этому поводу: зачем информировать о конфликте Константинопольскую патриархию, которая является составной частью турецкой политической системы? Разве может Константинопольский патриарх «наказать» российского дипломата? «Я считаю, что в наших интересах трения с российскими представителями тщательно скрывать, а не выставлять напоказ», — писал он³⁶. Такая реакция черногорского представителя в Османской империи на недипломатические и бесполезные действия Миошковича в Скутари свидетельствует не только о его трезвом отношении к младшему коллеге. Она подтверждает, что позиции ведущих дипломатов Черногории и России оказались в очередной раз одинаковыми: ни те, ни другие не хотели вмешательства османской администрации в дела православных приходов.

Следовательно, причиной конфликта были не разные внешнеполитические и дипломатические цели, а разные представления о собственной

³⁴ Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 63. № 526.

³⁵ Копию письма М. Бакичу передал сербский представитель в Константинополе, из чего становится ясно, что сербы тоже были в деталях посвящены в конфликт. Руководитель сербского дипломатического представительства иногда присутствовал при встречах Зиновьева и Бакича, в связи с конфликтом в Скутари, возможно для того, чтобы удерживать собеседников от слишком резких слов.

³⁶ Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 63. № 580.

значимости, о чувстве достоинства официального представителя и о том, какими средствами он может пользоваться. Российские дипломаты неукоснительно следовали общему курсу правительства на Балканах и старались избегать каких бы то ни было трений по разным поводам, в том числе и протокольным. Иногда они вели себя формально, соблюдая субординацию и дистанцию, однако всегда придерживались предписаний начальства и не выходили за рамки служебных обязанностей и профессиональной этики³⁷. Черногорцы понимали, что без помощи России им не обойтись, но довольно болезненно переживали эту зависимость. Время от времени национальный темперамент брал верх над рациональным подходом. Непомерное самолюбие чиновника Л. Миюшковича заставляло его любой шаг иностранных коллег воспринимать как интригу, направленную лично против него. А однажды обидевшись, он уже не мог остановиться и считал правильным рассчитаться с обидчиком по полному счету. Оговоры, доносы, клевета представлялись подходящими средствами для мести «врагу». Стремясь свой личный конфликт раздуть до масштабов государственного, чиновник обращался к самым высокопоставленным лицам. Все должны были знать, что происходит, и помогать оскорбленному консулу — министр, князь, митрополит, патриарх, визирь. «Враг» должен быть повержен и наказан любой ценой, даже если для этого придется испортить отношения с покровителями.

Вместе с тем, этот непримиримый борец за черногорское достоинство не отдавал себе отчета в том, как его страна могла бы обойтись без России. Он разрабатывал новые смелые проекты укрепления черногорского влияния в албанских областях: «Я писал в свое министерство, чтобы просили у турецкой власти разрешения открыть в Скутари школу для черногорских подданных и устроить ее как нужно. Пусть г. Бакич договорится с Зиновьевым, чтобы Россия уступила нам денежную помощь, которую выдает [местной] женской школе. <...> Я имел честь сопровождать его высочество господаря в Россию³⁸. Царь принял князя самым лучшим образом, всё, что просили, дал. Черногория больше не оскудеет материально³⁹». Из этого письма-плана становится ясно, что спонсором любых мероприятий княжеского МИД в Скутари, по мнению Миюшковича, «обязана» быть Российская империя. Понятно, что усидеть на двух стульях было невозможно. Быть непреклонным и требовать особого к себе отношения как к представителю суверенной страны и, в то же время, рассчитывать, что кто-то возьмет на себя финансовые проблемы Княжества, уладит все его затруднения, было, по меньшей мере, недальновидно. Это был своего рода чиновничий

³⁷ Хлебникова В.Б. Сотрудники Российской дипломатической миссии в Цетинье и князь Николай. С. 95-117.

³⁸ В 1902 г. князь Никола совершил поездку в Россию, во время которой добивался помощи в погашении внешних долгов Черногории.

³⁹ Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 63. № 580.

инфантилизм, «детская болезнь» молодого государства, которое еще не накопило опыта самостоятельного решения трудных вопросов без опоры на внешнюю поддержку. Такая политическая наивность была следствием особенного переходного состояния Черногории, когда общество продвигалось по пути от племенного уклада к государственному существованию. Однако российским дипломатам от этого было не легче, черногорские коллеги доставляли им немало хлопот.

В завершение хотелось бы написать о том, какую память оставил о себе Г.С. Щербина в южнославянских землях. В 1903 г. он прибыл на новое место службы в только что открывшееся консульство России в Косовской Митровице, но вскоре был убит албанским националистом. Ему было всего 35 лет. Гибель дипломата глубоко взволновала тех, кто хорошо его знал. Российский министр-резидент писал из Цетинья в Петербург: «Трагическая кончина консула нашего в Митровице произвела здесь тем большее впечатление, что покойный Григорий Степанович Щербина пользовался в Черногории широкой популярностью и всеобщими симпатиями. <...> За время своей службы в Скутари он неоднократно посещал Цетинье и одно время заведовал делами императорской миссии, причем сумел внушить к себе уважение и любовь. Все здесь, поэтому, были возмущены до глубины души известием о гнусном покушении на его жизнь, и весть о горестной потере этого добросовестного слуги престола, отечеству и славянскому миру произвела в Черногории удручающее впечатление»⁴⁰. Через какое-то время А.Н. Щеглов сообщил, что на его имя пришла телеграмма от герцеговинцев, которые тоже выражали соболезнования по поводу гибели Г.С. Щербины⁴¹. В 1928 г. в Митровице был установлен памятник русскому дипломату, погибшему при исполнении служебных обязанностей. Но судьба скульптуры была такой же трагичной, как жизнь самого консула. Во время Второй мировой войны памятник изрядно пострадал, а в 1999 г. и вовсе был разрушен албанцами. Однако в 2007 г. его восстановили и торжественно открыли в присутствии российских дипломатов в сербской части Митровицы. Хочется верить, что для косовских сербов этот монумент в какой-то мере стал символом стойкости и сопротивления насилию.

Литература

1. *Анишаков Ю.П.* Российская дипломатия о положении славянского населения Старой Сербии (1902–1912 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 170–189.
2. *Распоповић Р.* Дипломатија Црне Горе 1711–1918. Подгорица; Београд: Историјски институт Црне Горе; Војска, 1996.

⁴⁰ АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1570. Л. 64.

⁴¹ Там же. Л. 137–139.

3. Хлебникова В.Б. Сотрудники Российской дипломатической миссии в Цетинье и князь Николай. Проблема диалога и взаимопонимания // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2011. С. 95–117.
4. Хлебникова В.Б. Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2016.

References

1. Anshakov, Iu.P., 2014. Rossiiskaia diplomatiia o polozhenii slavianskogo naseleniia Staroi Serbii (1902–1912 gg.) [Russian diplomacy on the situation of the Slavic population of Old Serbia (1902–1912)]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, Vol. 16, N 3, pp. 170–189.
2. Raspopović, R., 1996. *Diplomatija Crne Gore 1711–1918* [Diplomacy of Montenegro 1711–1918]. Podgorica; Belgrade: Istorijски institut Crne Gore; Vojska.
3. Khlebnikova, V.B., 2011. Sotrudniki Rossiskoi diplomatičeskoj missii v Tsetin'e i kniaz' Nikolai. Problema dialoga i vzaimoponimaniia [Employees of the Russian diplomatic mission in Cetinje and Prince Nikolai. The problem of dialogue and understanding]. In: Grishina, R.P., ed., 2011. *Chelovek na Balkanakh glazami russkikh* [Man in the Balkans through the eyes of Russians]. Saint Petersburg: Aleteiia, pp. 95–117.
4. Khlebnikova, V.B., 2016. *Chernogoriia: Fenomen natsional'noi gosudarstvennosti. 1878–1916 gg.* [Montenegro: The phenomenon of national statehood. 1878–1916]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

АДМИНИСТРАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В КОРОЛЕВСТВЕ СХС НА ПРИМЕРЕ УНИВЕРСИТЕТОВ В БЕЛГРАДЕ И ЗАГРЕБЕ*

Душан Р. Баягич –

доктор наук, научный сотрудник,
Институт новейшей истории Сербии
Почтовый адрес: Площадь Николы Пашича, 11,
Белград, 11000, Сербия
Электронный адрес: bajagicdusan@yahoo.com

Аннотация

Метод количественно-качественного анализа первичных документов (законов и подзаконных актов) позволил изучить администрацию и характер управления высшими учебными заведениями, находившимися в ведении министерства просвещения. Речь идет о Белградском университете (БУ), а также о Университете (ЗУ) и высших школах в Загребе. Результаты изысканий подтвердили, что в условиях плюрализма правовых систем, сохранявшихся в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС), эти два центра высшего образования, каждый из которых располагал особыми автономными правами, представляли собой различные административные системы. БУ как единое целое формировался и развивался в период до Первой мировой войны. В то время как в КСХС больше внимания уделялось созданию и развитию отдельных факультетов. Так, БУ принял облик автономной, интегрированной и самодостаточной системы управления, которая самостоятельно выбирала свои власти и осуществляла все стоявшие перед ней задачи. ЗУ в составе трех факультетов формировался в течение полувека в составе Австро-Венгрии. В соответствии с территориально-политической автономией области Хорватия и Славония, ЗУ соответствовал модели территориально-функциональной административной системы. Управлял им общественный институт — политическая власть в лице земельного правительства / областной администрации, а также бана / областного наместника. Их взаимосвязанные и взаимозависимые полномочия охватывали большую часть дел и задач, сопровождавших работу ЗУ и высших школ. В КСХС, всего за шесть с небольшим лет, ЗУ, который увеличился в результате открытия трех новых факультетов и трех высших школ, превратился в автономную систему управления.

Ключевые слова

Королевство СХС, администрация, управление, Белградский университет, Загребский университет.

Статья поступила в редакцию 19 июня 2019 г.

* Статья написана в рамках работы по проекту «Сербия и Сербия в югославском и международном контексте: внутреннее развитие и положение в европейском / мировом сообществе» (№ 47027), который финансирует Министерство просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия.

ADMINISTRATION AND MANAGEMENT IN INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION IN THE KINGDOM SHS (BASED ON THE EXAMPLE OF UNIVERSITIES IN BELGRADE AND ZAGREB)

Dušan Bajagić

Ph.D., Researcher,
Institute for Recent History of Serbia
Postal address: Trg Nikole Pašića 11,
Belgrade, 11000, Serbia
E-mail: bajagicdusan@yahoo.com

Abstract

The method of quantitative and qualitative analysis of primary documents (laws and by-laws) made it possible to study the administration and nature of the management of institutions of higher education under the jurisdiction of the Ministry of Education. This is the University of Belgrade (BU), as well as the University (ZU) and the high schools in Zagreb. The findings of the survey confirmed that, in the context of the pluralism of legal systems that remained in the Kingdom SHS (KSHS), these two centers of higher education, each of which had special autonomous rights, were different administrative systems. BU as a whole was formed and developed in the period before WWI. At the same time, in the KSHS more attention was paid to the creation and development of individual faculties. So, BU took the form of an autonomous, integrated and self-sufficient administrative system, which independently chose its own authorities and carried out all the tasks before it. ZU consisting of three faculties had been developing for half a century in Austria-Hungary. In accordance with the territorial and political autonomy of the region, Croatia and Slavonia ZU embodied the model of territorial-functional administrative system. It was governed by the political power — the land government / regional administration, as well as the ban / regional governor. Their interrelated and interdependent authorities covered most of the cases and tasks that accompanied the work of the memory and higher schools. Within the framework of the KSHS, in just over six years, ZU, which grew out as a result of the opening of three new faculties and three higher schools, became an autonomous system of management.

Keywords

Kingdom SHS, administration, management, University of Belgrade, Zagreb University.

Received 19 June 2019.

Количественно-качественный анализ первичных документов (законных и подзаконных актов), а также их исполнения под контролем Министерства просвещения Королевства сербов, хорватов и словенцев¹

¹ Интересующие нас данные содержались во всех релевантных официальных актах, которые издавались компетентными государственными и университетскими органами и структурами и которые имели отношение к Белградскому университету, а также к университету и высшим школам в Загребе. Эти акты публиковались в газетах, которые в качестве официальных государственных изданий распространялись по всему Королевству СХС, или в рамках отдельных ветвей государственной администрации. Основные хронологические рамки исследования охватывают период существования Королевства СХС с 1 декабря 1918 г. по 6 января 1929 г. Одна-

(КСХС), в ведении которого находилась сфера высшего образования, дает нам возможность изучить администрацию и управление учреждений, выбранных нами в качестве примера. С учетом того, что администрация и управление в административных системах осуществляется на основе заданных правовых норм (законов и подзаконных актов), их можно разделить в соответствии со следующими функциями, которые они выполняют: организационные, нормативно-правовые, материальные, кадровые и пр.

КСХС, обретшее суверенитет в результате самого акта его создания, изначально представляло собой государственную власть, самостоятельную в своем развитии. Поэтому правительству Королевства (соответствующим министерствам) принадлежало право надзора и верховного управления в отношении всех вопросов государственного и частного характера. С этим диссонировало требование автономии, служившее отголоском борьбы за федерализм, которую вели Югославянский комитет, а позднее Народное вече СХС. Это требование подразумевало, что на практике до принятия конституции должны сохраниться подконтрольные центральному правительству автономные административные органы².

Тот факт, что в границах КСХС объединились различные государственно-правовые и политические традиции, обусловил наличие автономных административных органов. Поэтому поначалу государство состояло из семи областей, в которых действовали шесть административно-правовых систем. Сербия как область была носителем административно-правовой системы Королевства Сербия; Черногория — Королевства Черногория. В отличие от этих регионов, ранее представлявших собой суверенные государства, остальные пять служили носителями государственно-правовых традиций

ко, в виду того, что исследование сфокусировалось на Белградском и Загребском университетах, хронологические рамки пришлось расширить. В случае с первым нижняя рамка опустилась до 27 февраля 1905 г., когда в Королевстве Сербия вступил в силу Закон об Университете; со вторым — до 5 января 1874 г., когда вступила в действие статья Закона об устройстве Университета. Что касается верхней хронологической рамки, то она отодвинулась до 28 июня 1930 г., когда заработал Закон об университетах, ставший единой правовой основой для существования всех университетов в Королевстве Югославия (*Баралић Д., Борђевић Б.* Сборник закона и уредаба о лицеју, великој школи и универзитету у Београду. Београд, 1967. С. 177–186, 258–273; *Sveučilištni zakon i provedbena naredba o državnim ispitima: Zakonski članak sabora kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavonije od 5. siječnja 1874. ob ustrojstvu sveučilišta Franje Josipa I. u Zagrebu. Zakon od 6. listopada 1894., kojim se preinačuju, odnosno nadopunjuju neke ustanove zakonskog članka sabora kraljevinah Hrvatske, Slavonije i Dalmacije od 5. siječnja 1874. ob ustrojstvu sveučilišta Franje Josipa I. u Zagrebu. Zagreb: Tisk Ign. Granitzta i dr. 1895. 3–41).*

² *Јанковић Д., Кризман Б.* Грађа о стварању југословенске државе. II. Београд, 1964. С. 673–683; *Јовановић С.* Уставно право Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд: Издавачка књижарница Геце Кона, 1924. С. 15–21; *Он же.* Политичке и правне расправе. II. Београд, 1932. С. 310–324, 332–335; *Пујевац К., Милошевић М., Борчић Б.* Водич кроз фондове Краљевине Југославије. Београд: Архив Југославије, 2000. С. 39–41; *Šišić F.* Dokumenta o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca: 1914–1919. Zagreb: Naklada "Matice Hrvatske", 1920. S. 292–300.

бывшей Австро-Венгрии. Две области — Словения и Далмация с островами — относились к австрийским коронным землям и в административно-правовом плане входили в состав Австрии (Цислейтании). Бараня, Бачка и Банат, как одна область, и Хорватия и Славония (ХиС), как другая, будучи землями венгерской короны, были охвачены административно-правовой системой Венгрии (Транслейтании). Что касается Хорватии, то она в Австро-Венгрии располагала автономией в области просвещения, предусмотренной Венгерско-хорватским соглашением (1868 г.). Наконец, в Боснии и Герцеговине (БиГ), пока они находились в составе Монархии, сформировалась особая административно-правовая система, которая находилась под совместным австро-венгерским управлением³.

Итак, в течение провизорного или переходного периода, который наступил сразу после формирования КСХС, в нем параллельно функционировало шесть различных правовых систем, в рамках которых действовали законы тех государств, наследником которых стала Югославия. С другой стороны, постепенно происходила правовая унификация, выстраивался административный централизм, основанный на общих законах, принимаемых в Королевстве. Это во многом сказывалось на функционировании органов государственной власти, в том числе, и на министерстве просвещения — единственном верховном ведомстве, ответственном за культурную политику, предоставление всеобщего школьного образования, а также за сферу высшего образования. Переходный период не закончился и после принятия Видовданской конституции (1921). По сути, работа по формированию единого правового пространства началась только с установления режима личной власти короля Александра I Карагеоргиевича (6 января 1929 г.).

Переходный период характеризовался тем, что бывшие австро-венгерские области и в КСХС сохранили свои прежние территориальные границы и правовые компетенции. В зависимости от области во главе ее мог стоять бан, председатель, наместник или глава, которые председательствовали на заседаниях земельных / областных правительств. В соответствии с правовыми полномочиями в их состав входили агентства по внутренним делам, сельскому хозяйству, социальной защите, просвещению и делам веры, общественным работам и правосудию. Агентства представляли собой последнюю административную инстанцию в областях. Земельное правительство функционировало как единое целое, отвечая перед центральным правительством в Белграде за выполнение своих обязанностей.

³ Помимо этих областей в состав Королевства СХС вошли Прекоmurье и Меджумурье, которые ранее относились к административно-правовому пространству бывшей Венгрии. Следует добавить, что только 30 июня 1919 г. государственно-правовые нормы Королевства, то есть Королевства Сербия, были распространены на те территории, которые Сербия и Черногория получили по итогам Балканских войн. То же касается и областей, которые Королевству СХС уступила Болгария в соответствии с условиями Нейского мирного договора.

Центральные власти контролировали областные кабинеты, направляя им свои инструкции и рекомендации. Белградское правительство создавало на местах собственные представительства, в ведении которых находились следующие отрасли: финансы, железные дороги, транспорт, торговля, промышленность, лесное хозяйство, горнодобывающая промышленность, водоснабжение, строительство, здравоохранение, почта, телеграф и т.д. В министерствах имелись особые департаменты, которые надзирали над работой как собственных представительств, так и областных агентств, а также назначали высокопоставленных чиновников и заведовали делами, связанными с государственным бюджетом.

Тот же объем полномочий, что и земельные правительства, сохранили и временные областные правительства, которые продолжили работу после вступления в силу конституции. Во главе их стоял областной наместник, который действовал через глав департаментов — областных органов соответствующих министерств. Эти департаменты, прежде чем осуществить ту или иную инициативу общего характера или кадровое назначение, принимали во внимание позицию наместника. Сам он напрямую подчинялся министру внутренних дел. Частные лица или правовые субъекты могли направлять жалобы Государственному совету в связи с административными спорами, в которых областная администрация выступала в роли первой и последней инстанции.

В интересах укрепления национального и государственного единства принятая конституция предусматривала упразднение полномочий областных органов. На смену прежним историческим областям с их администрациями должны были прийти 33 самоуправляющиеся единицы — области, на которые предполагалось разделить территорию КСХС. Устройство новых областей предполагало, что административные полномочия в них распределены между, с одной стороны, великим жупаном — органом государственной власти и политическим представителем центрального правительства, компетенции которого покрывали все сферы управления, и, с другой, органами самоуправления — областными скупщинами и комитетами (правительствами).

Последовательность упразднения старых областных администраций была следующей: БиГ — 3.09.1923 г.; Далмация — 18.07.1924 г.; Словения — 3.12.1924 г.; Хорватия и Славония — 22.01.1925 г.⁴

⁴ *Алимпий Д., Јанковић К., Матић Ђ.* Полицијски зборник закона и законских прописа по струци управно-полицијској и самоуправној: издатих од 1. XII 1918. до 15. VI 1924. Београд: Графичко Предузеће «Просвета» А.Д. Хоровиц и Димић, 1924. С. 53–54, 173–177; *Веис I.* Povijest institucija državne vlasti u Hrvatskoj (1527–1945). Zagreb: Arhiv Hrvatske, 1969. S. 179, 180, 328–334, 338 и 339; *Димић Љ.* Историја српске државности (Србија у Југославији). III. Нови Сад: Српска академија наука и уметности, 2001. С. 53–54, 92–96, 133–142; *Manakin V.* Almanah (Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca): 1924–1925, Sv. 2, Deo IV. i V. Zagreb: Hrvatski štamparski zavod, 1925. S. 98–100; Уредба од 3. септембра 1919. године о уређењу Министарства просвете // Службене новине

Вплоть до начала процесса упразднения областных администраций (сентябрь 1923 г.) министерство просвещения, несмотря на то, что оно являлось одной из ветвей центральной государственной власти, на практике функционировало в качестве органа областной администрации в Сербии, Черногории, Банате, Бачке и Баране. При этом министерство не имело полного контроля над сферой просвещения в областях Словения, Далмация, ХиС, БиГ⁵.

Организационная разобщенность, характеризовавшая работу министерства, сказывалась на деятельности всех находившихся в его ведении институтов, включая интересующие нас университеты, факультеты и прочие вузы. Примерами особой уникальной модели организации и функционирования служат следующие высшие образовательные учреждения: Белградский университет (БУ), сформировавшийся в рамках административно-правовой системы Королевства Сербия; Университет и высшие школы в Загребе, существовавшие в рамках той учебно-просветительской автономии, которой пользовалась ХиС в венгерском королевстве⁶.

Автономные права, которыми располагали эти два вуза, ограничивали возможности контроля со стороны министерства просвещения. Что касается БУ, то управление и надзор осуществлялись согласно с принципом университетской автономии. Что касается Загребского университета (ЗУ), надзор, который осуществляло министерство, по сути сводился к рассмотрению жалоб на решения областной администрации. Когда та была упразднена, ЗУ стал работать по модели БУ.

В компетенции Государственного совета (ГС) как верховного административного судебного органа находились автономные права обоих университетов. ГС принимал решение по каждому спорному моменту, когда то или иное решение министра просвещения вступало в противоречие с автономией БУ. В автономной области ХиС Госсовет разбирал жалобы частных лиц и правовых субъектов, а также ЗУ и высших школ (включая

Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. 91 (1 и 2). Београд: Државна штампарија, 1919; Уставотворна скупштина. Устав Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд: Издавачка књижарница Геце Кона, 1921. С. 1–48.

⁵ Вајда Ф. Предлози за нашу просветну управу // Просветни гласник: Службени лист Министарства просвете, XL, 3, (138 и 139). Београд: Државна штампарија Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца, 1923. С. 138–139.

⁶ В системе высшего образования КСХС имелось два ведущих центра: Университет Королевства сербов, хорватов и словенцев в Белграде и Университет Королевства сербов, хорватов и словенцев в Загребе с Королевской высшей технической школой, Королевской высшей ветеринарной школой и Высшей школой торговли, позднее переименованной в Высшую экономико-коммерческую школу. Правовая основа существования БУ была взята за образец для организации и функционирования остальных университетов и факультетов в КСХС: Университета Королевства сербов, хорватов и словенцев в Любляне (Univerze Kraljevine Serbov, Hrvatov in Slovencev v Ljubljani), Юридического факультета в Суботице, а также Философского факультета в Скопье. Исключение из этой системы высшего образования представляли Университет и высшие школы в Загребе, имевшие собственную модель организации и функционирования.

преподавателей и служащих), когда речь шла о нарушении их прав со стороны административных органов. Ни приказы министра в отношении БУ, ни административные меры в ХиС не вступали в силу до тех пор, пока ГС не выносил вердикта по соответствующей жалобе.

БЕЛГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И УНИВЕРСИТЕТ И ВЫСШИЕ ШКОЛЫ В ЗАГРЕБЕ

В принципе, согласно категоризации, БУ и ЗУ имели одинаковую штатную структуру, которая состояла из преподавательского, вспомогательного, чиновничьего и служебно-технического персонала. Сотрудники обоих университетов имели статус профессиональных, специализированных государственных служащих. Различались только детали. И те, и другие имели собственную должность, получали плату согласно тарифной сетки и принадлежали к тому или иному чиновничьему разряду / группе.

Студенты поступали в БУ и ЗУ в соответствии с определенной процедурой и в предусмотренное законом время. Штатными студентами могли стать выпускники классических и реальных гимназий и реальных училищ. В Белграде внештатными студентами становились кандидаты, окончившие 6 классов средней школы, или выпускники средних специализированных школ. В Загребе — кандидаты, которым исполнилось 18 лет и которые после прохождения подготовительных курсов имели право посещения лекций. Что касается сдачи экзаменов, внештатные студенты не могли сдавать экзамены так же, как и штатные. Кроме того, с них причиталась плата за обучение и прочие сборы. В Белграде они не получали стипендию и не могли претендовать на материальную помощь из средств государства или университетских фондов.

Белградский университет

Располагавший автономией Белградский университет представлял собой функциональную управленческую систему или высшее самоуправляющееся учреждение, осуществлявшее преподавание по специальностям, а также научную деятельность. Правовой статус университета ничем не отличался от статуса любого другого самостоятельного правового субъекта. БУ пользовался суверенным правом регулярно осуществлять выборы ректора и деканов факультетов, а также руководящих органов университета — университетского совета, университетского вече, правления, советов факультетов и университетского суда.

Ректор управлял университетом, выполнял представительские функции, а также следил за поддержанием порядка в нем. Глава БУ руководил всей его администрацией, обеспечивал выполнение актов, принятых надлежащим образом, утверждал повестку дня, созывал заседания совета и университетского вече, информировал министра просвещения о всех делах и текущей работе руководства БУ.

С момента основания БУ его главным руководящим органом был Университетский совет под председательством ректора. Состоявший из штатных профессоров совет принимал все важные решения, касавшиеся всего Университета. А именно: выбирал ректора, профессоров, членов Университетского суда; принимал дисциплинарные постановления и правила предоставления помощи студентам; рассматривал отчеты факультетов; направлял предложения министру просвещения; трактовал изменения и дополнения законов и подзаконных актов, затрагивавших Университет (Закон и Постановление об устройстве Университета, постановления об устройстве отдельных факультетов).

Со временем, дабы соответствовать всё более сложным задачам, стоявшим перед БУ, на основе Совета был сформирован представительный орган всего Университета — Университетское вече, которое действовало в том же составе, что и совет до него. После основания Вече возглавляемый ректором Совет в составе проректора, деканов и их заместителей продолжил осуществлять большую часть функций, что и до основания Вече. Из всех органов университетского самоуправления Совет располагал наибольшими возможностями выработки предложений и принятия решений.

Ректор и деканы всех факультетов входили в состав правления Университета, которое следило за всем его имуществом, а также, по согласованию с советами факультетов, распоряжалось средствами БУ — бюджетом, частными пожертвованиями, фондами и полученной прибылью. Кроме того, правление вносило предложения о размере зарплаты части преподавателей и вспомогательного персонала; принимало решения о предоставлении помощи студентам; отбирало и предлагало министру для утверждения кандидатов на замещение административных должностей; на основании решений советов факультетов принимало решения по вопросам преподавания.

Деканы и советы факультетов совместно управляли факультетами. Деканы как главы факультетов осуществляли общее руководство: следили за процессом преподавания и проведения экзаменов; контролировали работу администрации и принимали решения по всем административным вопросам, которые не требовалось согласовывать со всем факультетом.

Советы факультетов под председательством декана и в составе всех штатных и внештатных профессоров самостоятельно принимали решения о завершении студентами семестров, о преподавании и экзаменах, разрешали преподавателям занимать ту или иную должность вне Университета, а также осуществляли выборы профессоров, которых затем утверждало Университетское вече.

В силу вышеописанной институциональной структуры и характера функционирования, БУ представлял собой пропорционально закрытую систему. Подсистемы внутри его были объединены выполнением сложной научно-преподавательской функции. Этим достигалась внутренняя устойчивость университета как автономной самоуправляющейся системы, которая

совершенно самостоятельно решала все стоявшие перед ней задачи. Наиболее важным качеством Университета как административной системы были его полномочия в отношении всех преподавателей, студентов, чиновников и obsługi. Имеется в виду способность самостоятельного правового субъекта распоряжаться имуществом, а также составлять годовой план расходов и доходов. Руководствуясь этим планом, государство в лице министерства просвещения каждый год предусматривало в своем бюджете средства для финансирования Университета.

Высшим проявлением автономии Университета служила несменяемость профессоров и, одновременно с этим, их статус государственных служащих, регулируемый Законом об Университете. Несменяемость профессоров находилась в прямой связи с XVI статьей Видовданской конституции. Они имели особый статус, который, в отличие от всех прочих чиновников, не подпадал под действие Закона о чиновниках. На практике это означало, что профессора можно было перевести на другую работу только с его письменного согласия. Отправка на пенсию и увольнение со службы производились только по предложению и решению Университетского вече.

Автономия вуза предполагала, что его руководство и студенты вправе требовать, чтобы Университет расследовал совершенные ими правонарушения. В этом случае задача полиции, лишенной возможности производить дознание, состояла в том, чтобы не дать студентам избежать заслуженного наказания. За нарушения дисциплины и обычные проступки студенты отвечали перед университетскими властями. Студенты могли основывать собственные объединения, дабы придать импульс научной и культурной деятельности. Они также пользовались свободой слова, оказывали друг другу материальную помощь, занимались физкультурой. Штатные студенты могли рассчитывать на государственную помощь и премии. Не имевшие средств к существованию получали выплаты из Фонда помощи бедным студентам.

За период с 1905/06 по 1929/30 учебный год по итогам выполнения 24.338 функций (100%), заданных заверенными актами министерства просвещения и университетской администрации, БУ в целом (выполнено 9.078 функций — 37,30%) и факультеты в отдельности (15.260 — 62,70%) оформились как автономная, интегрированная и самодостаточная система управления со сформированной администрацией и сложившимися традициями самоуправления.

В довоенное время были заложены основы, завершен процесс организации и обеспечено функционирование Университета как целостной системы, которая выполнила 5.822 функций, или 64,13% от их совокупного количества (9.078, или 100%). Тогда же три факультета — Философский, Юридический и Технический — осуществили 5.994 функций, или 39,28% от общего количества (15.260, или 100%).

За время существования КСХС 9.266 выполненных функций (60,72%) из 15.260 (100%), по большей части, имели целью основание новых факультетов.

тетов: Сельскохозяйственного, Медицинского и Православно-богословского, а также развитие научно-преподавательской базы как на уже существующих, так и на новых факультетах. В течение того же отрезка времени на организацию и функционирование Университета было нацелено 3.256 функций (35,87%) из 9.078 (100%) (см.: таблицы 1, 2, 3).

Таблица 1

Соотношение заданных функций, предусмотренных заверенными актами Министерства просвещения и актами администрации БУ от 1905/06 учебного года до 1929/30 г.

Функции Белградский университет	Органи- зацион- ные	Норма- тивно- правовые	Матери- альные	Кадро- вые	Про- чие	Итого	%
До Первой мировой войны	4.829	189	114	690	0	5.822	64,13
За время КСХС	2.835	103	55	263	0	3.256	35,87
Итого	7.664	292	169	953	0	9.078	100
%	82,42	3,22	1,86	10,50	0	100	100

Источник: *Бајагић Д.* Управљање Министарством просвете Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд: Институт за новију историју Србије, 2009. С. 165–166.

Таблица 2

Соотношение заданных функций, предусмотренных заверенными актами Министерства просвещения и актами администрации БУ на факультетах от 1905/06 учебного года до 1929/30 г.

Функции Акты, принятые в отношении факультетов БУ	Органи- зацион- ные	Норма- тивно- правовые	Матери- альные	Кадро- вые	Про- чие	Итого	%
До Первой мировой войны	5.440	140	31	383	0	5.994	39,28
За время КСХС	8.241	197	30	798	0	9.266	60,72
Итого	13.681	337	61	1.181	0	15.260	100
%	89,65	2,20	0,40	7,74	0	100	100

Источник: *Бајагић Д.* Управљање Министарством просвете Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. С. 165–166. С. 222.

Таблица 3

**Соотношение заданных функций,
предусмотренных заверенными актами Министерства просвещения
и актами администрации БУ в отношении Университета и факультетов
от 1905/06 учебного года до 1929/30 г.**

Функции Акты, принятые в отношении Университета и факультетов	Органи- зацион- ные	Норма- тивно- правовые	Матери- альные	Кадро- вые	Про- чие	Итого	%
Университет	7.664	292	169	953	0	9.078	37,30
Факультеты	13.681	337	61	1.181	0	15.260	62,70
Итого	21.345	629	230	2.134	0	24.338	100
%	87,70	2,58	0,94	8,77	0	100	100

Источник: *Бажацић Д.* Управљање Министарством просвете Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. С. 165–166. С. 222. С. 224–225.

Загребский университет и высшие школы

В соответствии с территориально-политической автономией ХиС, которая, прежде всего, находила выражение в образовательной сфере, деятельность всех образовательных учреждений, в том числе и ЗУ, осуществлялась согласно модели территориально-функциональной административной системы. На практике это означало, что функцию управления в этих учреждениях выполнял общественный институт, то есть политическая власть в лице Земельного правительства / областной администрация ХиС, а также бана / областного наместника. Соответственно, вузы в административном отношении непосредственно подчинялись этим органам политической власти, полномочия которых исторически находились во взаимной зависимости. Эти полномочия были переплетены и тогда, когда речь шла об управлении Университетом и высшими школами в Загребе. Все образовательные учреждения со своими преподавателями, чиновниками и службой находились под контролем политической власти.

Земельное правительство / областная администрация в момент основания факультетов или высших школ выбирало трех профессоров — коллегиальный орган, который вместе с ним предлагал монарху на утверждение список остальных профессоров. Так были основаны профессорские собрания на факультетах или профессорские вече в высших школах.

Монарху принадлежало право как назначения профессоров в вузы, так и подтверждения всех представленных правительством законодательных актов, регулировавших жизнь ЗУ и высших школ.

Руководствуясь этими актами, а также предварительно ознакомившись с мнением Академического сената и факультетских профессорских собраний, правительство / администрация обеспечивало процесс организации и функционирования ЗУ и высших школ:

- ▶ назначало все прочие категории преподавателей и служащих;
- ▶ издавало постановления, в соответствии с которыми принимались уставы университетских факультетов и высших школ;
- ▶ издавало распоряжения, в соответствии с которыми принимались уставы, необходимые для организации семинаров, просеминаров, лабораторий и прочих учреждений, аффилированных с факультетами и высшими школами;
- ▶ осуществляло высший надзор над преподавательским процессом, утверждало правила, по которым студенты слушали обязательные предметы, а также засчитывало прохождение семестров теми студентами, кто обучался за границей;
- ▶ регулировало процедуру сдачи экзаменов;
- ▶ решало все вопросы, связанные со студенческой платой за обучение.

Со своей стороны, Академические советы и профессорские собрания / вече были обязаны регулярно информировать правительство / администрацию о работе факультетов и высших школ.

По представлению Академического сената и профессорских собраний бан / областной наместник осуществлял выполнение законов, подписывал постановления, утверждал результаты выборов ректоров и деканов, назначал приставов / вспомогательных чиновников, принимал на работу преподавателей и выдавал им разрешения на чтение лекций. Кроме того, он руководил кадрами в университетской конторе / канцелярии и библиотеке, а также в канцелярии ректора и библиотеках при высших школах. В высших школах выдавал разрешение на преподавание приват-доцентам, назначал доцентов на гонораре, утверждал научную основу, продлевал срок поступления, освобождал студентов от платы за обучение и т.д.

По сравнению с полномочиями правительства / администрации и бана / областного наместника скромными выглядели компетенции Академического сената и ректора Университета, а также профессорских собраний и деканов факультетов и профессорских вече и ректоров высших школ.

В Университете ректор созывал заседания сената и на него напрямую ориентировался в выполнении своих обязанностей. Сенат во главе с ректором и в составе проректора, всех деканов и их замов заведовал общими административными вопросами, которые касались университетских служащих и персонала. Следил за дисциплиной, а также контролировал учреждения и фонды, основанные частными лицами. На основании специальных законов сенат принимал решения, касавшиеся науки.

На факультетах деканы самостоятельно занимались особо неотложными делами, информируя о предпринятых действиях Профессорское собрание на первом же заседании. Состоявшее из всех штатных и внештатных профессоров Собрание контролировало учебный процесс, поддерживало порядок и дисциплину, предлагало декана, составляло расписание, следило за посещаемостью. Хотя в случае необходимости Собрание могло объявить конкурс на замещение освободившихся должностей, только правительство / администрация имело право производить назначение.

Высшими школами управляло Профессорское вече, избиравшее на год ректора из числа штатных профессоров. Он представлял школу во внешних сношениях и возглавлял Ректорскую контору / канцелярию. В роли заместителя выступал проректор, которым становился бывший ректор после окончания годичного мандата. Вече в составе всех штатных, внештатных профессоров, а также одного-двух приват-доцентов или доцентов на гонораре заведовало администрацией, дисциплиной, занималось научными вопросами. Предлагало создание новых курсов, коллекций, музеев, институтов, а также профессорских кафедр. Представляло бану на рассмотрение кандидатуры на замещение преподавательских должностей.

В период существования КСХС факультетам и высшим школам стала доступна более высокая степень автономии. Однако их профессора не получили несменяемый статус, который не был предусмотрен ни в Законе об Университете, ни в каком-либо другом акте.

Студенты отвечали перед администрацией вузов за невыполнение постановлений руководства или за нарушение дисциплины. Однако в случае совершения гражданских правонарушений участие студентов определяла полиция.

За время существования автономии ХиС (1868–1925 гг.) политические власти всего задали 59.518 (100%) функций с целью организации и функционирования ЗУ и высших школ. В австро-венгерский период (1869–1918 гг.) было задано 25.139 (42,24%) функций, нацеленных на основание Университета в составе трех факультетов (Богословского, Государственно-правового и Философского). В течение последовавших шести лет, проведенных Хорватией в составе КСХС (1918–1925 гг.), в результате заданных 34.379 (57,76%) функций было полностью завершено формирование существовавших факультетов и началось создание трех новых: Медицинского, Лесного и Восточно-православно-богословского, который просуществовал всего два-три года. Наряду с этими факультетами появились и три высшие школы: Королевская техническая высшая школа, Королевская ветеринарная высшая школа и Королевская высшая школа торговли. Благодаря деятельности политических властей автономной ХиС эти три школы вскоре достигли уровня университетских факультетов (см.: Таблица 4).

Таблица 4

*Заданные функции,
предусмотренные законами и подзаконными актами,
на основании которых принимались постановления для Университета
и высших школ в Загребе в автономной ХуС в 1868–1925 гг.*

Функции Законы и подзаконные акты, принятые для ЗУ и высших школ	Организа-ционные	Норма-тивно-правовые	Матери-альные	Кадро-вые	Про-чие	Итого	%
Для ЗУ в АВ	2.594	78	92	339	0	3.103	5,21
Для ЗУ в КСХС	1.090	45	24	116	0	1.275	2,14
Для высших школ в КСХС	7.653	155	158	746	0	8.712	14,64
Для хабилитации приват-доцентов в ЗУ в АВ	546	22	0	82	0	650	1,09
Для хабилитации приват-доцентов в высших школах в КСХС	1.211	51	0	172	0	1.434	2,41
Для организации семинара на Фило-софском факультете в АВ	4.508	105	67	493	0	5.173	8,69
Для организации семинара на Фило-софском факультете в КСХС	1.221	32	18	100	0	1.371	2,30
Для основания института на Фило-софском факультете в АВ	219	3	5	32	0	259	0,43
Для основания института на Фило-софском факультете в КСХС	65	3	1	10	0	79	0,13
Для семинаров на Государственно-правовом факультете в АВ	1.562	33	60	177	0	1.832	3,08
Для семинара на Богословском факультете в КСХС	459	15	4	55	0	533	0,89

Для рентгенологической лаборатории Медицинского факультета в КСХС	215	6	23	31	0	275	0,46
Для институтов на Лесном факультете в КСХС	1.977	51	65	242	0	2.335	3,92
Для институтов в Кор. технической высшей школе в КСХС	1.221	43	30	152	0	1.446	2,43
Для институтов в Кор. ветеринарной высшей школе в КСХС	678	16	23	145	0	862	1,45
Для институтов в Кор. высшей школе торговли	218	9	3	28	0	258	0,43
Для курсов на Философском факультете в АВ	1.860	39	16	163	0	2.078	3,49
Для курсов на Философском факультете в КСХС	999	29	6	93	0	1.127	1,89
Для курса в Кор. технической высшей школе в КСХС	45	3	0	2	0	50	0,08
Для Университетской библиотеки в АВ	42	2	4	2	0	50	0,08
Для Университетской библиотеки в КСХС	180	4	0	4	0	188	0,32
Для проведения госэкзаменов на факультетах в АВ	5.975	91	29	565	0	6.660	11,19

Для проведения госэкзаменов на факультетах в КСХС	2.665	50	57	237	0	3.009	5,05
Для проведения госэкзаменов в высших школах в КСХС	4.471	139	56	365	0	5.031	8,45
Для проведения строгих экзаменов на факультетах в АВ	2.092	28	34	164	0	2.318	3,89
Для проведения строгих экзаменов на факультетах в КСХС	2.368	48	47	226	0	2.689	4,52
Для проведения строгих экзаменов в высших школах в КСХС	485	8	12	51	0	556	0,93
Для нострификации докторатов в КСХС	636	32	6	61	0	735	1,23
Для студентов в АВ	2.633	126	51	206	0	3.016	5,07
Для студентов в КСХС	2.099	70	55	190	0	2.414	4,05
Итого	51.987	1.336	946	5.249	0	59.518	100
%	87,35	2,24	1,59	8,82	0	100	100

Источник: *Bajagić D.* Управљање Министарством просвете Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. С. 437–448.

В период от ликвидации Областной администрации ХиС (22 января 1925 г.) до распространения (19 июля 1926 г.) на Загребский университет и высшие школы Закона о БУ и Общего постановления об Университете со всеми изменениями и дополнениями загребские вузы находились под управлением Министерства просвещения. За этот период министр своими актами задал 2.698 (100%) функций, нацеленных на развитие и совершенствование научно-учебной базы. Из этого числа подавляющее большинство функций (2.671 — 99%) предназначалось высшим школам, которые благодаря этому поднялись до уровня факультетов с четырехлетней программой обучения (см.: Таблицу 5).

Таблица 5

**Соотношение заданных функций,
предусмотренных утвержденными актами Министерства просвещения,
для факультетов ЗУ и высших школ в Загребе
в период после ликвидации областной администрации**

Акты для факультетов и высших школ в Загребе	Функции	Организа-ционные	Норма-тивно-правовые	Матери-альные	Кадро-вые	Про-чие	Итого	%
Факультеты		21	3	0	3	0	27	1
Высшие школы		1.937	262	46	417	9	2.671	99
Итого		1.958	265	46	420	9	2.698	100
%		72,57	9,82	1,70	15,57	0,33	100	100

Источник: *Bajagić D.* Управљање Министарством просвете Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. С. 448–456.

С 1926/27 учебного года высшие школы работали в составе ЗУ в ранге факультетов. Как и в Белграде, административные вопросы в ЗУ перешли в ведение университетских властей, действовавших в соответствии принципами автономии университета. До 1929/30 учебного года в ЗУ было задано 3.140 функций (100%). 3.054 (97,26%) имели целью развитие и совершенствование научно-учебной базы (новые предметы, семинары, институты, учебные коллекции) и преподавательского состава на факультетах (см.: таблицу 6).

Таблица 6

**Соотношение заданных функций,
предусмотренных утвержденными актами Министерства просвещения
и университетских властей для ЗУ и факультетов от 1926/27 учебного года
до 1929/30 г.**

Акты для ЗУ и факультетов	Функции	Организа-ционные	Норма-тивно-правовые	Матери-альные	Кадро-вые	Про-чие	Итого	%
ЗУ		65	15	0	6	0	86	2,74
Факультеты		2.704	55	16	279	0	3.054	97,26
Итого		2.769	70	16	285	0	3.140	100
%		88,18	2,23	0,51	9,10	0	100	100

Источник: *Bajagić D.* Управљање Министарством просвете Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. С. 456–466.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты нашего исследования подтвердили, что находившиеся в ведении Министерства просвещения Белградский университет, с одной стороны, и Загребский университет и высшие школы, с другой, в силу различных автономных прав, которыми они располагали, представляли собой две разных административных системы. БУ как единое целое формировался и развивался в период до Первой мировой войны. В то время как в КСХС больше внимания уделялось созданию и развитию отдельных факультетов. Так, БУ принял облик автономной, интегрированной и самодостаточной системы управления, которая самостоятельно выбирала свои власти и осуществляла все стоявшие перед ней задачи. ЗУ в составе трех факультетов формировался в течение полувека в составе Австро-Венгрии. В соответствии с территориально-политической автономией области Хорватия и Славония, ЗУ соответствовал модели территориально-функциональной административной системы. Управлял им общественный институт — политическая власть в лице земельного правительства/областной администрации, а также бана/областного наместника. Их взаимосвязанные и взаимозависимые полномочия охватывали большую часть дел и задач, сопровождавших работу ЗУ и высших школ. Что касается компетенций Академического сената и ректора ЗУ, декана и профессорских собраний на факультетах, а также профессорских вече и ректора в высших школах, то они были весьма скромными. В рамках Королевства СХС всего за шесть с небольшим лет ЗУ, который увеличился в результате открытия трех новых факультетов и трех высших школ, превратился в автономную систему управления.

Перевод с сербского А.А. Силкина

Литература

1. *Баягић Д.* Управљање Министарством просвете Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд: Институт за новију историју Србије, 2009.
2. *Бјелајац М.* Војска Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца 1918–1921. Београд: Народна књига, 1988.
3. *Вајда Ф.* Предлози за нашу просветну управу // Просветни гласник: Службени лист Министарства просвете, XL. 3 (138 и 139). Београд: Државна штампарија Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца, 1923. С. 138–139.
4. *Димић Љ.* Историја српске државности (Србија у Југославији). III. Нови Сад: Српска академија наука и уметности, 2001.
5. *Димић Љ.* Министарство просвете и министри Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца и Краљевине Југославије: 1918–1941. Београд: Педагошки музеј: Министарство просвете Србије, 2000.
6. *Јовановић С.* Политичке и правне расправе. II. Београд: Издавачка књижарница Геце Кона, 1932.

7. *Јовановић С.* Уставно право Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд: Издавачка књижевница Геце Кона, 1924.
8. *Јовановић С.* Из наше историје и књижевности. Београд: Издавачка књижевница Геце Кона, 1931.
9. *Јовановић В.* Југословенска држава и Јужна Србија 1918–1929. Македонија, Санџак, Косово и Метохија у Краљевини СХС. Београд: Институт за новију историју Србије, 2002.
10. *Пијевац К., Милошевић М., Борчић Б.* Водич кроз фондове Краљевине Југославије. Београд: Архив Југославије, 2000.
11. *Беус И.* Povijest institucija državne vlasti u Hrvatskoj (1527–1945). Zagreb: Arhiv Hrvatske, 1969.
12. *Manakin V.* Almanah (Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca): 1924–1925. Sv. 2. Deo IV. i V. Zagreb: Hrvatski štamparski zavod, 1925.
13. Sveučilište Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca u Zagrebu 1874–1924: spomenica akademičkog Senata / D. Boranić. Zagreb: Tiskara Narodnih novina, 1925.

References

1. Bajagić, D., 2009. Upravljanje *Ministarstvom prosvete Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca* [Management of the Ministry of Education of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes]. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije.
2. Beuc, I., 1969. Povijest institucija državne vlasti u Hrvatskoj (1527–1945) [A History of the State Institutions in Croatia (1527–1945)]. Zagreb: Arhiv Hrvatske.
3. Bjelajac, M., 1988. *Vojska Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1918–1921* [Army of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes 1918–1921]. Beograd: Narodna knjiga.
4. Boranić, D., ed., 1925. *Sveučilište Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca u Zagrebu 1874–1924: spomenica akademičkog Senata*. Zagreb: Tiskara Narodnih novina.
5. Dimić, Lj., 2000. *Ministarstvo prosvete i ministri Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca i Kraljevine Jugoslavije: 1918–1941* [Ministry of Education and Ministers of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes and the Kingdom of Yugoslavia: 1918–1941]. Beograd: Pedagoški muzej: Ministarstvo prosvete Srbije.
6. Dimić, Lj., 2001. *Istorija srpske državnosti (Srbija u Jugoslaviji). III.* [History of Serbian Statehood (Serbia in Yugoslavia)]. Novi Sad: Srpska akademija nauka i umetnosti.
7. Jovanović, S., 1924. *Ustavno pravo Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca* [Constitutional law of the Kingdom of SHS]. Beograd: Izdavačka knjižarnica Gece Kona.
8. Jovanović, S., 1931. *Iz naše istorije i književnosti* [From our history and literature]. Beograd: Izdavačka knjižarnica Gece Kona.
9. Jovanović, S., 1932. *Političke i pravne rasprave. II* [Political and legal debates. II]. Beograd: Izdavačka knjižarnica Gece Kona.
10. Jovanović, V., 2002. *Jugoslovenska država i Južna Srbija 1918–1929. (Makedonija, Sandžak, Kosovo i Metohija u Kraljevini SHS* [Yugoslav State and Southern Serbia 1918–1929. Macedonia, Sandžak, Kosovo and Metohija in the Kingdom of SHS]. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije.

11. Manakin, V., 1925. *Almanah (Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca): 1924–1925. Sv. 2. Deo IV. i V.* Zagreb: Hrvatski štamparski zavod.
12. Pijevac, K., Milošević M., Borčić B., 2000. *Vodič kroz fondove Kraljevine Jugoslavije* [Guide through the funds of the Kingdom of Yugoslavia]. Beograd: Arhiv Jugoslavije.
13. Vajda, F., 1923. Predlozi za našu prosvetnu upravu [Suggestions for our educational administration]. *Prosvetni glasnik: Službeni list Ministarstva prosvete*, XL. 3 (138 i 139), pp. 138–139.

АЛБАНСКИЙ ФАКТОР В РЕСПУБЛИКЕ МАКЕДОНИЯ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX В. — ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI В.*

Марияна Николова Стамова —

доктор по истории, доцент,
секция истории современных Балкан,
Институт балканистики
с Центром по фракологии,
Болгарская академия наук
Почтовый адрес: Московска, 45, София,
1000, Болгария
Электронный адрес: marianastamova@yahoo.com

Аннотация

Более 200 лет албанский элемент в Македонии представляет собой объективную и динамически меняющуюся реальность, которая проявляется в различных измерениях и формах. Спустя 10 лет после создания независимой и суверенной Республики Македония (Бывшая югославская Республика Македония) в начале 2001 г. албанский фактор, наряду с традиционными параметрами, приобретает и ряд новых очертаний. Он превращается в основную проблему существования, конституционного устройства, суверенитета и территориальной целостности Республики Македония. В значительной степени он «косовизируется» после активизации синдрома «сообщающихся сосудов», повторяя косовский и южносербский сценарии. Необходимо отметить, что он также приобретает и военизированный характер — с организацией, вооружением и вовлечением в процессы албанских полувоенных формирований, которые сохраняют свои вооруженные кадры, готовые установить контроль над определенными районами Республики Македония. Можно сделать вывод, что албанский фактор перерастает в региональную и интернациональную проблему, в связи с активным вмешательством ведущих международных сил, которые через оказание «добрых услуг», посредничество, участие в переговорах, наблюдательные и миротворческие силы, финансово-экономическую активность, прочно укоренились в маленькой балканской державе, в той или иной степени оказывая влияние на стимулирование и утверждение стабилизирующих тенденций и процессов в Республике Македония.

Ключевые слова

Албанский национальный вопрос, албанская национальная доктрина, албанцы, македонцы, Республика Македония, Северная Македония, Балканы, «Республика Илирида», Охридское рамочное соглашение, Косово, Албания.

Статья поступила в редакцию 17 марта 2019 г.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Современные Балканы и вызовы для Болгарии» (ДН 20/2, 11.12.2017 г.), финансируемого Фондом научных исследований при Министерстве образования и науки Болгарии.

ALBANIAN FACTOR IN THE REPUBLIC OF MACEDONIA IN THE LATE TWENTIETH AND EARLY TWENTY-FIRST CENTURY

Mariyana N. Stamova

Ph.D. in History, Associate Professor,
Section “Modern history of the Balkans”,
Institute of Balkan Studies
and Center of Thracology,
Bulgarian Academy of Sciences
Postal address: Moskovska 45, Sofia,
1000, Bulgaria
E-mail: marianastamova@yahoo.com

Abstract

For more than two centuries, the Albanian factor in Macedonia has been an objective and dynamically changing reality. It manifested itself in different dimensions, forms and conditions. Ten years after the establishment of the independent and sovereign Republic of Macedonia (Former Yugoslav Republic of Macedonia) in the early 2001, the Albanian factor, along with its traditional dimensions, received a number of new features. It has turned into a major problem for the existence, constitutional order, sovereignty and territorial integrity of the Republic of Macedonia. This problem was to a larger extent “Kosovised” after the triggering of the syndrome of “communicating vessels” and its association with the situation in Kosovo and southern Serbia. In 2001, with the organization, arming and activation of Albanian paramilitary formations in Macedonia ready to establish control over certain areas in the Republic of Macedonia, it received also a military dimension. It has developed into a regional and international problem after the active interference of the leading international players and forums, which have been providing “good services”, mediation, negotiations, monitoring and peacekeeping forces, financial and economic commitments — all of them have an impressive presence in the Republic of Macedonia and are able to influence the strengthening the stabilizing trends and processes in the republic.

Keywords

Albanian national question, Albanian national doctrine, Albanians, Macedonians, Republic of Macedonia, North Macedonia, Balkans, Republic of Ilirida, Ohrid framework agreement, Kosovo, Albania.

Received 17 March 2019.

ВВЕДЕНИЕ

События конца 80-х — начала 90-х годов XX в., которые привели к падению коммунистических режимов в Юго-Восточной Европе, затронули и югославскую федерацию Иосипа Броз Тито. С распадом многонациональной федерации и созданием новых государственных образований в этой части Балкан, в том числе и Республики Македония¹, наряду

¹ Первым государством, которое официально признало Македонию под ее конституционным именем «Республика Македония» 15 января 1992 г., была Болгария. В связи

со всеми осуществившимися важными политическими и общественно-экономическими изменениями, албанский национальный вопрос приобретает актуальность и интернациональный характер. Цель данного научного исследования состоит в том, чтобы изучить, были ли перенесены, и если да, то в какой степени, в недавно созданные после распада Югославии в 1990-х годах государства, в том числе и в Республику Македония, процессы недовольства и эскалации напряжения в рядах албанского населения, имевшие место в самой федерации в 1980-х годах. Еще большее беспокойство внушает наличие компактной массы албанского населения на территории Республики Македония, и возникают опасения относительно того, не окажется ли новое балканское государство на пороге открытого столкновения между македонским и албанским национализмом. Наряду с изучением внутривосточных проблем, которые встают перед новой, независимой Республикой Македония в связи с необходимостью урегулирования межэтнических отношений, в основном, между македонцами и албанцами, одна из задач данной работы — проследить и проанализировать, до какой степени и каким образом соседняя Албания осуществляет натиск на македонское государство, чтобы обеспечить большими правами албанское меньшинство, настаивая на том, чтобы эти права вошли в Конституцию и стали элементом государственности.

* * *

В процессе распада федеративной Югославии лишь Македонии, единственной из всех бывших югославских республик, удастся достичь независимости мирным путем. Одновременно с процессом провозглашения своей независимости в начале 1990-х годов Республика Македония сталкивается с серьезными проблемами в своем собственном государстве. Во внутривосточном плане — с провозглашением окончательной независимости и освобождением от Югославской народной армии (ЮНА), а во внешнем — ее международным признанием. В то время, как последнее десятилетие XX в. связано в основном с международным признанием Республики Македония, в первое десятилетие XXI в. ей приходится решать как тяжелые межнациональные проблемы и проблему противостояния, в основном, между македонским и албанским этносами в стране, так и дилемму в связи с ее дальнейшими шагами по получению членства в евроатлантических

с этим, и поскольку такое наименование этого государства уже устоялось в Болгарии, в своей работе мы будем использовать понятие «Республика Македония», а не то наименование, под которым она получила членство в ООН 8 апреля 1993 г., — «Бывшая Югославская республика Македония (БЮРМ)», в связи с противостоянием Греции и под ее давлением в сторону изменения конституционного имени страны. С другой стороны, так как в статье не рассматриваются внутри- и внешнеполитические события последних лет и особенно месяцев, в этой научной публикации не будет использоваться новое наименование государства — Республика Северная Македония, решение о котором официально вступило в силу 12 февраля 2019 г.

структурах — в ЕС и НАТО — и не находящим решения спором с Грецией по поводу ее именованья.

Так, с установлением многопартийной политической системы в Республике Македония в конце 1980-х–начале 1990-х годов создаются политические партии и объединения и на национальной, и на этнорелигиозной основе². Среди них ярко выделяются Партия за демократическое процветание (ПДП) во главе с Невзатом Халили и Народно-демократическая партия (НДП) во главе с Юсуфом Реджепи, объединяющие албанцев Республики Македония. В основных требованиях их программ фигурируют концепция «редефиниции» Республики Македония — государства не только македонцев, но и албанцев и турок, а также идея обособления албанской общности при получении ими политической и территориальной автономии³. Немалую роль в политике и деятельности этих партий играют установленные тесные связи и взаимодействие с представителями так называемой Косовской альтернативы — лидерами Демократического союза Косово, с политическими партиями и албанскими государственными институтами. «Албанский синдром», или проблема «косовизации» Западной Македонии, в указанный период превращается в реальную угрозу целостности страны. Эта проблема постепенно приобретает международный характер и единодушно оценивается как очень серьезный источник этнического, политического, социально-экономического и военного напряжения, как для Республики Македония, так и для всего региона. В целых районах, таких, как Тетово, Струга, Гостивар, устанавливается численное преобладание албанцев — они составляют 80% населения, что превышает в процентном соотношении показатели в самом Косово⁴. По сути, эта экспансия является повторением той же политической линии, которая была взята в Косово для создания «этнически чистых» албанских поселений и целых районов. Она выглядит не просто как намерения или теоретические построения, а предстает как планомерная и рассчитанная на долгосрочную перспективу политика.

После проведенного 8 сентября 1991 г. референдума в Республике Македония, в последующем развитии общественно-политической жизни уже нового государства, на передний план выходит углубляющаяся сепаратистская активность албанского населения и его политических организаций и партий. После демонстративной политической активности в предвыборной кампании и во время выборов лидеры албанских партий Республики Македония ориентируются на тактику абсентизма — бойкота и неучастия в действиях по созданию плюралистического гражданского общества и

² Велјановски Н. Македонија 1945–1991. Државност и независност. Скопје: Институт за национална историја, Матица македонска, 2002. С. 360–373.

³ Нова Македонија. Скопје, 3 септ. 1990.

⁴ Ачкоска В. Идејата за «Голема Албанија» и албанизацијата на западниот дел на Република Македонија // Вест. № 248. 5.07.2001.

укрепления только что провозглашенной македонской государственности⁵. Албанское население отказалось участвовать в осуществленной в начале 1992 г. переписи населения в Республике Македония, албанские депутаты неоднократно бойкотировали заседания Собрания, когда было нужно принять важные законы и т.д. Дошло до попыток создания параллельных «параллельных» формирований. В 1993 г. было объявлено о намерении выделить автономную албанскую единицу в составе Республики Македония, так называемую Республику Илириду. В 1994 г. производятся попытки создать албанские «паравоенные» образования и сформировать так называемый Штаб национальной обороны вооруженных сил албанцев под руководством Х. Хаскай, в то время заместителя министра обороны Республики Македония, Х. Аруши — косовара, бывшего офицера ЮНА и др.⁶ Согласно донесениям разведки Республики Македония, с 1994 г. в районе Струги действительно существовала некая радикальная исламская террористическая организация «Уникон»⁷.

В активизации албанского фактора на Балканах в 1990-е годы заметную роль сыграла Албанская академия наук. В 1998 г. она обнародовала «Платформу разрешения албанского национального вопроса». Принципы, изложенные в ней, вошли в сходные албанские документы, изданные позднее, а также присутствуют в качестве основы для программ многих албанских партий и нелегальных организаций на Балканах. В документе сформулирована концепция национальной политики албанцев в данном регионе, направленной в основном на изменение их социального и государственного статуса. В качестве главной национальной задачи определяется дальнейшее использование демографическо-миграционного роста албанско-мусульманской общности: в первую очередь, в Косово, после его провозглашения «вторым албанским государством»; во вторую очередь — в Республике Македония, после ее превращения в македонско-албанскую федерацию; в-третьих, в Черногории; в-четвертых, в Греции, где следует активизировать борьбу за увеличение прав албанских меньшинств⁸.

Кроме того, необходимо обратить серьезное внимание на тот факт, что накануне 2000 г. албанские ученые из Албании, Косово и Республики Македония разработали последний вариант албанской национальной доктрины XXI века — новую «Платформу для решения албанского национального

⁵ По вопросам, связанным с этническим национализмом в независимой Республике Македония, см.: *Danforth L.M. The Macedonian conflict: Ethnic Nationalism in a Transnational World. Princeton: NJ, Princeton University Press, 1995.*

⁶ *Първанов А. Косовският възел на Балканите: Възникване, развитие, решения. София: Военно издателство, 2011. С. 218.*

⁷ *Бабановски И. Во Македонија има опасни терористички организации и никој не презема ништо! URL: <http://www.primetime.mk> (дата обращения: 06.02.2013).*

⁸ *Akademia e Shkencave e Shqipërisë. Platformë për zgjidhjen e çështjes kombëtare shqiptare. Tiranë: Tetor, Shtëpia Botuese “Shkenca”, 1998.*

вопроса». В ней установка на «Великую Албанию»⁹ объявляется неактуальной и выявляются новые программные цели:

- ▶ возвышение и утверждение национальной идентичности, самосознания и формирование национальной гордости албанцев;
- ▶ изменение статуса албанских этнических общностей в соседних государствах, благодаря чему они не будут более восприниматься как меньшинства, а получают определенную степень самостоятельности;
- ▶ свободная коммуникация в рамках албанского культурно-этнического пространства;
- ▶ «коллективное» приобщение всех албанцев на Балканах к евроатлантическим структурам, организациям и ценностям, независимо от государственных границ, в которых они находятся.

Выдвигаются и обновленные программы реализации их национальных идеалов, в то время как последние колеблются между стратегическими концепциями, выдвинутыми политической и интеллектуальной албанской элитой в самой Албании и в других албанских этнических общностях на Балканах и в мире. Одна из них призывает к формированию «общеалбанской конфедерации на Балканах» с ядром Албанией, к которой постепенно «прирастут» албанские «парагосударственные» и автономные образования в Косово, Республике Македония и Черногории. Вторая доктрина призывает к формированию «общеалбанского интеграционного экономического и политического пространства», в рамках которого сможет осуществиться «свободная циркуляция людей, товаров и идей между Албанией, Косово, Республикой Македония и Черногорией»¹⁰.

Прямое ангажирование идеи Албании как «государства-матери» в целях поддержки устремлений албанцев, которые живут в непосредственном соседстве с ним, являлось приоритетной задачей не только для Сали Бериша и его правительства¹¹, но и во время правления в Республике Албания социалистической партии. Это подтверждает тайная встреча в начале мая 2000 г. в албанском городе Поградце между албанским премьером Илиром Метой, руководителями Армии освобождения Косово (АОК) и председателем Демократической партии албанцев (ДПА) в Республике Македония Арбеном Джафери. На этой встрече поддержку получила концепция председателя АСП¹² Фатоса Нано, предполагающая создание «паналбанского

⁹ По вопросу о мифе и реализации «Великой Албании» см.: *Борозан Ђ. Велика Албанија. Поријекло — идеје — пракса*. Београд: Војноисторијски институт, 1995; *Kola P. The Myth of Greater Albania*. New York: New York University Press, 2003; *Mertus J.A. Kosovo. How Myths and Truths Started a War*. Berekley and Los Angeles: University of California Press, 1999; *Schwandner-Sievers St., Bernd J.F. (ed). Albanian Identities: Myth and History*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2002.

¹⁰ *Първанов А. Косовският възел... С. 238–239.*

¹¹ Сали Бериша (род. в 1944 г.) — политический и государственный деятель Албании, с 1992 по 1997 гг. был президентом Албании, с 2005 по 2013 гг. — председателем Совета министров Албании (прим. переводчика).

¹² Социалистическая партия Албании (прим. переводчика).

политического форума, который существовал бы для объединения 6 миллионов албанцев, живущих на Балканах», и была достигнута договоренность о дальнейших стратегических действиях албанцев на Балканах. Таким образом, объединение албанцев превращалось в политическую задачу обозначенных 6 миллионов. В свою очередь, программа, которую в связи со своим организационным оформлением приняла созданная в начале июня 2001 г. нелегальная террористическая организация албанских религиозных экстремистов «Национальный комитет обороны и освобождения албанских территорий», представляла собой логическое отражение этого тайного договора трех албанцев в Поградец. Во введении к этому документу, известному под названием «Платформа», границы албанского объединения обозначены как «Дебар-Тирана-Приштина», а в заключении — «Скопье-Тирана-Приштина»¹³.

Между тем, ситуация в Республике Македония накануне и в ходе косовского конфликта 1998–1999 гг. местами сопровождалась эскалацией напряжения¹⁴, в то время как еще в 1996–1997 гг. территория Республики превратилась в исходную логистическую, тыловую базу и основной канал поставки оружия, людей и боеприпасов, используемых Армией освобождения Косово (АОК). Накануне 2001 г. территория Республики Македония использовалась как плацдарм для формирований Армии освобождения Медвежи, Прешево и Буяноваца (АОМПБ), которая создала там свои базы, опорные пункты и военные склады. Сходные в той или иной степени с косовскими процессы развиваются и в Республике Македония, разумеется, в разном темпе и разной степени интенсивности. Ситуация в Республике Македония резко поменялась и, почти минуя промежуточный этап, перешла от состояния сравнительно стабильных межэтнических взаимоотношений и внутривосточной ситуации к вооруженным столкновениям между македонскими силами безопасности и «паравоенными» террористическими формированиями при поддержке подразделений и кадров реорганизованной из армии в партию АОК из Косово и АОМПБ из Южной Сербии¹⁵.

Эскалация напряжения в Республике Македония началась после того, как в Скопье в феврале 2001 г. президенты Воислав Коштуница и Борис Трайковский подписали соглашение о делимитации границы между Сербией и Республикой Македония и признании ее межгосударственной. Соглашение было объявлено нелегитимным как формированиями АОК и АОМПБ в Косово, так и албанскими партиями в Республике Македония,

¹³ Първанов А. Косовският възел... С. 238.

¹⁴ Подробнее о специфике конфликта в Косово, его эскалации и вмешательстве ведущих международных сил в его урегулирование см.: Бояджиева Н. Русия, НАТО и средата на сигурност след Студената война 1989–1999. Ч. 1. София: ИК «Даниела Убенова», 2013. С. 218–234; Clark H. Civil Resistance in Kosovo. London: Pluto Press, 2000.

¹⁵ Стамова М. Създаване и утвърждаване на Република Македония (1991–2001) // Военно-исторически сборник. 2012. Кн. 1. С. 150–151.

поскольку оно оставляло косовских албанцев в стороне от переговоров, а граница проходила между Косовской областью и Республикой Македония и разрывала естественную связь между «собратьями». Непосредственно вслед за этим последовала вооруженная акция по овладению Танушевцами, во время которой на сцене появился новый фактор для македонских албанцев — террористическая организация Армия национального освобождения (АНО).

В течение следующих месяцев действия и поведение албанских политических сил в Республике Македония сместились с политики этнического сожительства и интегрирования к тактике начала 1990-х годов — бойкота и активных ирредентистских действий, «приправленных» вооруженными террористическими актами АНО¹⁶. Бросается в глаза сходство тактики и действий албанских радикальных кругов и сил в Косово в 1998–1999 гг. и в событиях в Республике Македония 2001 г. За позиционированием АНО как носителя экстремистских позиций и первыми военными акциями в Танушевцах и Тетово последовали массовые митинги и демонстрации албанского населения в Скопье и Тетово в поддержку требований изменений в Конституции Республики Македония и легитимации АНО¹⁷.

Необходимо отметить, что характерной особенностью ситуации во время тех месяцев, когда шли активные военные действия в Республике Македония, были всё более тесное сотрудничество и взаимодействие между руководствами политических партий ДПА (созданной в 1997 г. Арбеном Джафери) и НДП с лидерами АНО. Эта тенденция нашла свое выражение в подписании так называемой Призренской декларации 23 мая 2001 г. лидерами ДПА, НДП и АНО. В ней были очерчены общая политическая платформа и программа действий:

- ▶ изменения в Конституции Республики Македония в пользу ее трансформации из унитарного в «двусоставное» государство;
- ▶ пропорциональное участие албанцев во всех государственных институтах;
- ▶ объявление албанского вторым официальным языком;
- ▶ создание отдельной образовательной системы албанцев, включая открытие албанского университета;
- ▶ установление «свободной коммуникации с албанским культурно-этническим пространством» в Албании, Косово, Южной Сербии;

¹⁶ См.: *Phillips J. Macedonia. Warlords & Rebels in the Balkans. London and New York: I.B. Tauris, 2004.*

¹⁷ *Stamova M. The Albanian Factor and Albanian Resistance to the Independent Republic of Macedonia 1991–2001 // Guerrilla in the Balkans. Freedom Fighters, Rebels or Bandits — Researching the Guerrilla and Paramilitary Forces in the Balkans, International Conference Belgrade — Leskovac — Vranje Sept. 14–16 2006 / M. Pavlović, T. Sahara, P.J. Marković. Tokyo — Belgrade: Tokyo: Institute for Disarmament and Peace Studies; Institute of Contemporary History, Faculty for Security Services, 2007. P. 275–276.*

реабилитация АНО и свободная «реинтеграция» общества и восстановление потерь и разрушений, понесенных албанцами вследствие карательных действий македонских властей и армии¹⁸.

Анализ событий показывает, что в деятельности албанских политических элементов проявляется двойной стандарт — с одной стороны, они позиционируют себя как защитники суверенитета и территориальной целостности Республики Македония, а с другой — всё больше поддерживают линию потворства террористическим действиям, легитимации албанских «паравоенных» формирований, их включения в переговорный процесс и усиления требований к македонским властям. В конечном счете, они стремятся к тому, чтобы проблема приобрела международное звучание.

Всё большей опасностью расширения конфликта 2001 г. и превращением его в гражданскую войну грозит отступление международного сообщества от своей первоначальной позиции, определявшей представителей АНО как «террористов». Теперь же ее основная цель — собрать за столом переговоров обе враждующие стороны. Благодаря содействию представителей международного сообщества в Республике Македония и курсу президента Бориса Трайковского на мирное разрешение конфликта, 13 августа 2001 г. после долгих и мучительных переговоров в Охриде был подписан договор, известный как «Охридский (рамочный) договор»¹⁹. Этот документ был подписан президентом Борисом Трайковским²⁰, премьером Любчо Георгиевским, председателем ДПА Арбеном Джафери²¹ в качестве члена правящей коалиции, председателем СДСМ Бранко Цирвенковским и председателем ПДП Имером Имери в качестве представителя оппозиции. Со стороны международного сообщества этот договор подписал Джеймс Пардю как представитель США и Аллен Леруа как представитель ЕС. Вместе с окончанием конфликта и отказом от применения силы договор предусматривает и необходимость конституционных изменений в пользу албанского этноса в Республике Македония.

Тем не менее, по факту, оценки того, что, в сущности, произошло во время этого конфликта и какова итоговая политическая цель тех лиц, которые его спровоцировали, дано не было, и сформулировать ее представляется сложной задачей. Продолжается дискуссия по следующему вопросу: какое

¹⁸ Призренска декларација. Државна библиотека Климент Охридски. Скопје, 2001.

¹⁹ Рамковен договор од 13.08.2001 г., 18 страни // Република Македонија, Кабинет на Председателот, бр. 07-1236, 15.08.2001 г.

²⁰ Вплоть до своей трагической гибели в авиакатастрофе у Мостара (Босния и Герцеговина) 26 февраля 2004 г. президент Трайковский оставался гарантом Охридского соглашения, не позволяя реализоваться идее внутренних этнических границ между македонцами и албанцами в государстве.

²¹ Арбен Джафери (24.01.1948 — 15.08.2012) родился в г. Тетово. Он являлся создателем и почетным председателем Демократической партии албанцев в Республике Македония.

определение дать событиям 2001 г. — было ли это конфликтом, войной, восстанием или борьбой за права человека²². Результатами окончания конфликта остались недовольны и македонцы, и албанцы. Несмотря на всё это и с учетом возможных последствий, можно сделать вывод, что Охридский договор — одно из самых важных международных соглашений Республики Македония после объявления ее независимости в 1991 г. Албанцы Республики Македония превратились в ключевой институциональный фактор. Вместе с Охридским соглашением была создана новая конституционная концепция мультиэтничного общества.

С принятием Охридского соглашения в августе 2001 г. было внесено 15 поправок в македонскую Конституцию в ноябре этого года, правительство приступило к принятию законов, регламентирующих местное самоуправление, образование и употребление языка. В правительстве были введены квоты на основе этнического принципа в различных государственных структурах и ведомствах, включая армию, органы безопасности. В то же время была сохранена непримиримость в позициях и деятельности ангажированных в конфликте сторон. Наблюдаются политика двойных стандартов и пассивность в так называемом международном сообществе, непредсказуемость «безответственных» элементов среди македонцев и албанцев, нарастающая дерзость и нежелание идти навстречу и сотрудничать со стороны экстремистских элементов, связанных с преступным миром, в составе албанских политических сил. Таким образом, ситуация в Республике Македония по-прежнему далека от разрешения²³.

Одним из важнейших пунктов Охридского договора стала организация досрочных выборов с целью достичь новой легитимности для его реализации. В выборах, которые прошли 15 сентября 2002 г., из представителей всего албанского блока победил Демократический союз за интеграцию (ДСИ) под руководством Али Ахмети, который во время конфликта 2001 г. был военным начальником в АНО. Эта партия, как и ее руководящие кадры, целиком представлена выходцами из военных структур АНО. Это ясно показывает, что албанское население сделало выбор в пользу военного конфликта и радикального решения проблем Республики Македония²⁴.

После Охридского соглашения 2001 г. будущее страны в значительной мере зависит от того, до какой степени македонская этническая общность принимает во внимание всё более увеличивающиеся требования албанцев.

²² Велјановски Н. Петнаесет години суверена и независна Република Македонија 1991–2006 // Музејски гласник. 2006. № 3. С. 25–26.

²³ О ситуации в Республике Македония в это время см.: Първанов А. Конфликтната ситуация в Република Македония през 2001: преход от «Македонски модел на етническо съжителство» към етно-политическа криза // България-Македония (Проблеми на евроинтеграцията). Т. 2 / К. Кертиков. София: Кота, 2002. С. 233–244.

²⁴ Стамова М. Република Македония: консолидация и евроинтеграция // Балканите през първото десетилетие на 21. век (Сборник статии) / А. Костов, Е. Никова. София: Парадигма, 2012. С. 251.

Македонские власти вынуждены адекватно реагировать на албанское давление в вопросе более широкого албанского представительства в государственных институтах. В связи с этим в качестве приложения к постановлениям в соглашении выступает Закон о новом территориальном делении и местном самоуправлении, который вступил в силу в конце 2004 г. и в результате которого на практике увеличивается число местных управ под руководством местных же албанских властей²⁵. Такие города, как Струга и Кичево, превращаются в города с преобладающим албанским населением, к которым примыкают преимущественно албанские села. Дискуссия вокруг составления закона спровоцировала сильное напряжение, поэтому чтобы успокоить этнические «страсти», США, вдохновители Охридского соглашения, выступили в августе 2004 г. с инициативой признания Македонии под ее конституционным наименованием.

В последние годы на политическую сцену страны выходят новые албанские партии. Так, в 2008–2009 гг., после отделения от ДПА, создается партия «Новая демократия» (НД) Имера Селмани, который возглавлял ее с середины 2009 г. до середины 2011 г. В начале второго десятилетия XXI в. этот процесс находит свое продолжение вместе с появлением в албанском политическом секторе других партий и движений большей или меньшей значимости. Так, 27 марта 2011 г. университетский профессор и мэр Гостивара Руфи Османи создал новую политическую партию этнических албанцев Республики Македония — Национальное демократическое Возрождение (НДВ)²⁶. В конце ноября 2014 г. Билял Касами представил новую партию — движение БЕСА, первоначально выступившее за гражданский характер Республики Македония и против ее федеративного устройства²⁷. Одно из новейших албанских политических образований было создано в 2015 г. бывшим военным начальником АНО Газимом Острени под именем «Унитети» («Единство»)²⁸. Не стоит игнорировать и всё более активную роль в албанском политическом блоке Республики Македония мэра Струги Зиядина Села, который возглавил в конце сентября 2015 г. новую партию «Движение за реформы ДПА», после разногласий с председателем ДПА Мендухом Тачи²⁹.

²⁵ Чавдарова М. Пет причини за дезинтеграцията на балканския етнодържавен ред // Партньорство за европейска интеграция на Балканите / Д. Динков. София: УНСС, 2008. С. 50.

²⁶ Руфи Османи основа партија. URL: <http://www.zurnal.mk/content.asp?id=2831114826> (дата обращения: 28.03.2011).

²⁷ Платформа на движењето БЕСА. URL: <http://levizjabesa.mk/mk> (дата обращения: 05.04.2019).

²⁸ Gëzim Ostreni sot prezanton partinë e re politike “UNITETI”. URL: <http://www.gazeta-express.com/lajme/gezim-ostreni-sot-prezanton-partine-e-re-politike-uniteti-134573/?archive=1> (дата обращения: 03.10.2015).

²⁹ Движењето на Села стана партија. URL: <http://www.mkd.mk/makedonija/partii/dvizhenjeto-na-sela-stana-partija-dvizhenje-za-reformi-na-dpa> (дата обращения: 29.09.2015).

Несмотря на Охридское соглашение, благодаря которому албанцы значительно расширили свои юридические и политические права в Республике Македония, несмотря на провозглашение независимости Косово в начале 2008 г., имеется ряд серьезных оснований, которые подтверждают тезис о нарастании угрозы националистических и более радикальных действий албанцев в Республике Македония. Одно из них — активизация деятельности созданного в мае 2004 г. в тетовском селе Слатино албанского национального движения «Илирида» во главе с бывшим лидером Партии демократического процветания Невзатом Халили. Это движение в первый раз в сентябре 2007 г., а затем позже, в ноябре 2008 г., приняло декларацию о федерализации Республики Македония и создании Республики Македонии Илириды, федерального объединения двух «народов-творцов государственности». Новый всплеск интереса вызвала связь, существующая между албанцами Косово и Республикой Македония по обеим сторонам границы. Во время конфликта в Республике Македония 2001 г. Н. Халили жил и работал в Приштине, где в 2002 г. был арестован с подачи международного сообщества в связи с участием в создании так называемой Армии Республики Илирида. Согласно информации КФОР³⁰, Халили пытался возобновить военные действия в Республике Македония и сорвать поддержанные международным сообществом и проведенные в соответствии с Охридским рамочным договором выборы 2002 г.

Необходимо отметить и возрождение осенью 2014 г. «новой старой» идеи некоторых албанских политиков Республики Македония, адресованной аудитории внутри страны, но в то же время подающей явные сигналы за ее пределы. В данном случае речь идет об идее, выдвинутой в 1992 г., о проведении референдума среди албанского населения по вопросу формирования Илириды как ответа на референдум о независимости Республики Македония и ее отделении от СФРЮ, во время проведения которого большинство албанского населения не голосовало. Однако 22 года спустя «председатель» Республики Илирида Невзат Халили, некогда руководитель Партии демократического процветания, вновь открыл «ящик Пандоры»³¹.

Существуют различные мнения о том, на что, по сути, нацелено это требование, — представляет ли оно собой реальную опасность разделения страны и нового военного и межэтнического конфликта, останется ли это единственной попыткой вернуть на политическую сцену былых политических лидеров и политиков-маргиналов, которые с годами утратили свою значимость и влияние в политике. Или же идея «Илириды» используется

³⁰ С англ. KFOR, «Силы для Косово» — международные силы под руководством НАТО, отвечающие за обеспечение стабильности в Косовском регионе (прим. переводчика).

³¹ Потпишана декларација: Халили бара референдум за „Република Илирида. URL: <http://www.telegraf.mk/aktuelno/makedonija/195159-potpisana-deklaracija-halili-bara-referendum-za-republika-ilirida> (дата обращения: 18.09.2014).

как уловка, чтобы заставить изменить наименование страны с целью ее интеграции в евроатлантическое сообщество?

Одно из требований Халили состоит в том, чтобы в округах с преобладающим албанским населением первым языком был объявлен албанский, а затем уже македонский и английский. Он выдвинул и требование изменить наименование государства на «Македония–Илирида». Н. Халили заявил: «Государство с таким именем скоро станет идентифицироваться как равноправный союз македонцев и албанцев. Албанцы не могут оставаться заложниками македонского упрямства». По мнению большинства аналитиков, идея объединения всех албанских территорий и создания больших государств в настоящее время не актуальна. Против таких идей направлены высказывания нескольких албанских политиков, согласно которым объединение албанцев возможно лишь в составе Европейского союза и НАТО³².

По мнению других македонских аналитиков, провозглашение перед лицом общественности идеи Республики Илириды «диктует» решение изменить государственное наименование и необходимость международного вмешательства. По заявлению Халили, у него было намерение объявить о создании Илириды в западной Македонии, но «ему помешали обстоятельства международного характера»³³.

Однако, с другой стороны, появление Н. Халили должно стать предупреждением и для самого международного сообщества, которое, очевидно, не усвоило уроки прошлого, а именно, что на Балканах проблемы очень легко могут выйти из-под контроля и иметь необратимые последствия.

Относительно связей македонских албанцев со своими собратьями в Косово и с некоторыми националистическими образованиями необходимо отметить наличие контактов между ними и лидерами косовского радикального движения «Самоопределение», действующего и в Республике Македония. По всей вероятности, его представительства есть в Тетово, Скопье и в некоторых других городах Республики. Мотивом для завязывания таких контактов послужило желание обеспечить пространство для «встреч и коммуникаций студентов из Косово, которые учатся в Республике Македония». В акциях этого движения в Косово и Республике Македония принял участие депутат македонской албанской партии Демократический союз за интеграцию и председатель Объединения ветеранов АНО Фазли Велиу, несмотря на предупреждение со стороны партийного лидера Али Ахмети не делать этого³⁴.

³² Невзат Халили има решение за името: Македонија да се вика «Македонија — Илирида». URL: <http://www.mkd.mk/makedonija/politika/nevzat-halili-ima-reshenie-za-imeto-makedonija-da-se-vika-makedonija-ilirida> (дата обращения: 15.09.2014).

³³ Илирида како диктат за промена на името. URL: <http://www.mkd.mk/kolumni/ilirida-kako-diktat-za-promena-na-imeto> (дата обращения: 16.09.2014).

³⁴ *Стамова М.* Албанският фактор на Балканите в края на XX и началото на XXI век. Тенденции и рискове за сигурността на Балканите // Научните изследвания в от-

В связи с этим необходимо отметить, что в конце 2010 г. и накануне выборов в Косово представители косовских и южносербских албанцев, албанцев Республики Македония, Черногории и Греции собрались в Тиране для подписания документа, главная цель которого была определена как создание общего государства. Политические верхи Албании официально не поддержали этот проект. Но на нем настаивало косовское движение «Самоопределение» Албина Курти, которое впервые 12 декабря 2010 г. участвовало в выборах в Косово. Оно надеялось на поддержку, прежде всего, молодых избирателей, отчаявшихся из-за безработицы и бедности, параллельно делая акцент на дискриминации албанцев в Сербии, Республике Македония и Черногории. В качестве самого активного сторонника этой идеи и проекта известен политолог Кочо Данай из Тираны, советник трех албанских премьеров. Согласно его оценке, численность албанцев на Балканах составляет шесть миллионов, еще несколько сот тысяч албанских мигрантов проживают в Германии, Австрии, Швейцарии, Италии, Швеции, Турции, а также в США и Канаде³⁵.

Интересно также отметить, что 26 ноября 2012 г. в Тиране сформировалось и «Народное собрание местных албанских единиц», на котором присутствовали мэры Ульцина из Черногории, Прешево из Южной Сербии, из македонских общин — Тетово, Гостивара, Струги, Чаира и Дебара. Мэр Тираны заявил, что это собрание послужит продвижению лучших практик, направленных на местное и национальное объединение албанцев³⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение можно сделать следующие важные выводы. Межнациональные отношения, особенно отношения между македонской и албанской общностями, во время всего 20-летнего периода существования Республики Македония как самостоятельного государства никогда не поддерживались на необходимом уровне, зачастую имело место политическое напряжение. В 2001 г. политическая и этно-национальная ситуация в Республике Македония переходит в качественно новую фазу. После почти 10-летнего периода, когда очерчиваются контуры «македонской модели этнического сожительства», в рамках которой македонцы и албанцы пытаются найти общий язык коммуникации и применить европейские стандарты в политике в отношении меньшинств, происходит резкий поворот. Опасность расширения конфликта и его превращения в гражданскую войну была пре-

браната. Вековна традиция и нови хоризонти. Сборник с доклади от международна научна конференция, 7–9 октомври 2014 г. / Я. Янакиев. София: Военна академия «Г.С. Раковски», Институт за перспективни изследвания за отбраната, 2015. С. 64.

³⁵ Башкурти Л. Платформата за Голема Албанија на Данај е како фашистичката идеја на Хитлер // Вечер. 5.04.2011. № 14661.

³⁶ Градоначалници собрани во Тирана. URL: www.telma.com.mk (дата обращения: 06.12.2012).

дотвращена международным сообществом. Охридский рамочный договор 2001 г. не позволил реализоваться идее внутренних этнических границ между македонцами и албанцами в государстве. С принятием поправок в македонской Конституции начали приниматься законы, регламентирующие местное самоуправление, образование и употребление языка, было введено квотное представительство на основе этнического принципа в различных государственных структурах, включая армию и органы безопасности. Албанцы превратились в ключевой институциональный фактор. Вместе с Охридским соглашением была создана новая конституционная концепция мультиэтничного сообщества, но, в конечном счете, и она не была принята до конца албанским меньшинством в стране. Дальнейшие события, и в особенности любая возможность эскалации напряжения и его усиления, умело используются албанской стороной для получения всё больших прав и правомочий в этой балканской стране. В качестве вывода можно отметить тот факт, что во многих случаях албанские цели и устремления в Республике Македония закладываются и подкрепляются внешними силами.

И, наконец, можно сделать заключение, что в последние годы албанскому элементу на Балканах и, если брать это явление лишь в рамках данного научного исследования, непосредственно в Республике Македония, присущи различные формы и измерения, которые на данный момент могут привести к эскалации межнациональных конфликтов и спровоцировать этническую радикализацию страны. Что же касается рекомендованной стратегии действий для ЕС, то реализуя политику по интеграции в свой состав Западных Балкан и в связи с этим и албанской общности, Евросоюзу необходимо иметь в виду, что нельзя допустить радикализации албанского фактора и его связей с исламским фундаментализмом через рекрутирование добровольцев в ИГИЛ и создание «исламских анклавов», наряду с Албанией, Боснией и Герцеговиной, и в Республике Македония. Всё это порождает серьезную угрозу для безопасности в данном европейском регионе.

Перевод с болгарского А.С. Добычиной

Литература

1. *Ачкоска В.* Идејата за «Голема Албанија» и албанизацијата на западниот дел на Република Македонија // Вест. № 248. 5.07.2001.
2. *Бабановски И.* Во Македонија има опасни терористички организации и никој не презема ништо! URL: <http://www.primetime.mk> (дата обращения: 06.02.2013).
3. *Башикурти Л.* Платформата за Голема Албанија на Данај е како фашистичката идеја на Хитлер // Вечер. 5.04.2011. № 14661.
4. *Борозан Ђ.* Велика Албанија. Поријекло — идеје — пракса. Београд: Војно-историјски институт, 1995.

5. *Бояджиева Н.* Русия, НАТО и средата на сигурност след Студената война 1989–1999. Ч. 1. София: ИК «Даниела Убенова», 2013. С. 218–234.
6. *Велјановски Н.* Македонија 1945–1991. Државност и независност. Скопје: Институт за национална историја, Матица македонска, 2002.
7. *Велјановски Н.* Петнаесет години суверена и независна Република Македонија 1991–2006 // Музејски гласник (Кратово). 2006. № 3. С. 25–26.
8. *Първанов А.* Конфликтната ситуация в Република Македонија през 2001: преход от «Македонски модел на етническо съжителство» към етно-политическа криза // България-Македонија (Проблеми на евроинтеграцията). Т. 2 / К. Кертиков. София: Кота, 2002. С. 233–244.
9. *Първанов А.* Косовският възел на Балканите: Възникване, развитие, решения. София: Военно издателство, 2011.
10. *Стамова М.* Албанският фактор на Балканите в края на ХХ и началото на ХХІ век. Тенденции и рискове за сигурността на Балканите // Научните изследвания в отбраната. Вековна традиция и нови хоризонти. Сборник с доклади от международна научна конференция, 7–9 октомври 2014 г. / Я. Янакиев. София: Военна академия «Г.С. Раковски», Институт за перспективни изследвания за отбраната, 2015. С. 57–68.
11. *Стамова М.* Република Македонија: консолидация и евроинтеграция // Балканите през първото десетилетие на 21 век (Сборник статии) / А. Костов, Е. Никова. София: Парадигма, 2012. С. 244–267.
12. *Стамова М.* Създаване и утвърждаване на Република Македонија (1991–2001) // Военноисторически сборник. 2012. Кн. 1. С. 139–154.
13. *Чавдарова М.* Пет причини за дезинтеграцията на балканския етнодържавен ред // Партньорство за европейска интеграция на Балканите / Д. Динков. София: УНСС, 2008. С. 58–60.
14. *Clark H.* Civil Resistance in Kosovo. London: Pluto Press, 2000.
15. *Danforth L.M.* The Macedonian conflict: Ethnic Nationalism in a Transnational World. Princeton: NJ, Princeton University Press, 1995.
16. *Kola P.* The Myth of Greater Albania. New York: New York University Press, 2003.
17. *Mertus J.A.* Kosovo. How Myths and Truths Started a War. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1999.
18. *Phillips J.* Macedonia. Warlords & Rebels in the Balkans. London and New York: I.B. Tauris, 2004.
19. *Schwandner-Sievers St., Bernd J.F., ed.* Albanian Identities: Myth and History. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2002.
20. *Стамова М.* The Albanian Factor and Albanian Resistance to the Independent Republic of Macedonia 1991–2001 // Guerrilla in the Balkans. Freedom Fighters, Rebels or Bandits — Researching the Guerrilla and Paramilitary Forces in the Balkans, International Conference Belgrade — Leskovac — Vranje Sept. 14–16 2006 / M. Pavlović, T. Sahara, P.J. Marković. Tokyo — Belgrade: Tokyo: Institute for Disarmament and Peace Studies; Institute of Contemporary History, Faculty for Security Services, 2007. P. 271–278.

References

1. Ačkoska, V, 2001. Idejata za “Golema Albanija” i albanizacijata na zapadniot del na Republika Makedonija [The Idea of “Great Albania” and “albanization” at the Western part of the Republic of Macedonia]. *Vest*, 248, 5.07.
2. Babanovski, I, 2013. *Vo Makedonija ima opasni teroristički organizacii i nikoj ne prezema ništo!* [There are dangerous terrorist organizations in Macedonia and nobody makes nothing]. URL: <http://www.primetime.mk> (accessed: 06.02.2013).
3. Baškurti, L, 2011. Platformata za Golema Albanija na Danaj e kako fašističkata ideja na Hitler [The Platform for the Great Albania on the Danube as a fascist idea of Hitler]. *Večer*, N 14661, 5.04.
4. Borozan, Đ., 1995. *Velika Albanija. Porijeklo–ideje–praksa* [Great Albania. Origin–ideas–practice]. Beograd: Vojnoistorijski institut.
5. Boiadzhieva, N., 2013. *Rusiia, NATO i sredata na sigurnost sled Studenata vojna 1989–1999. T. 1.* [Russia, NATO and sphere of security after the World War II. Vol. 1]. Sofia: IK “Daniela Ubenova”.
6. Chavdarova, M., 2008. Pet prichini za dezintegratsiata na balkanskiia etno-durzhaven red [Five reasons for disintegration of the Balkan ethno political order] In: Dinkov, D., ed., 2008. *Partnyorstvo za evropeiska integratsiia na Balkanite* [Partnership for European integration of the Balkans]. Sofia: UNSS, pp. 58–60.
7. Clark, H., 2000. *Civil Resistance in Kosovo*. London: Pluto Press.
8. Danforth, L.M., 1995. *The Macedonian conflict: Ethnic Nationalism in a Trans-national World*. Princeton: NJ, Princeton University Press.
9. Kola, P., 2003. *The Myth of Greater Albania*. New York: New York University Press.
10. Mertus, J.A., 1999. *Kosovo. How Myths and Truths Started a War*. Berekley and Los Angeles: University of California Press.
11. Purvanov, A, 2002. Konfliktната situatsiia v Republika Makedoniia prez 2001: prekhod ot “Makedonski model na etnicesko suzhitelstvo” kam etno-politicheska kriza [The conflict situation in the Republic Macedonia in 2001: transition of “Macedonian model of ethnical cohabitation” to the ethno political crisis]. In: Kertikov, K., ed., 2002. *Balgariia-Makedoniia (Problemi na evrointegratsiata). T. 2* [Bulgaria-Macedonia (Problems of European integration). Vol. 2]. Sofia: Kota, pp. 233–244.
12. Purvanov, A, 2011. *Kosovskiia vuzel na Balkanite: Vuznikvane, razvitie, resheniia* [Kosovo junction at the Balkans: origin, development, solutions]. Sofia: Voenno izdatelstvo.
13. Phillips, J., 2004. *Macedonia. Warlords & Rebels in the Balkans*. London and New York: I.B. Tauris.
14. Schwandner-Sievers, St., Bernd, J.F., 2002. *Albanian Identities: Myth and History*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
15. Stamova, M., 2007. The Albanian Factor and Albanian Resistance to the Independent Republic of Macedonia 1991–2001. In: Pavlović, M, Sahara, T., Marković, P.J, eds, 2007. *Guerrilla in the Balkans. Freedom Fighters, Rebels or Bandits — Researching the Guerrilla and Paramilitary Forces in the Balkans. International Conference Belgrade — Leskovac — Vranje Sept. 14–16 2006*. Tokyo — Belgrade, pp. 271–278.

16. Stamova, M., 2012. Republika Makedoniia: konsolidatsiia i evrointegratsiia [The Republic of Macedonia: consolidation and European integration]. In: Kostov, A, Nikova, E, eds, 2012. *Balkanite prez purvoto desetiletie na 21 vek (Sbornik statii)* [The Balkans during the first decade of the 21 century]. Sofia: Paradigma, pp. 244–267.
17. Stamova, M., 2012. Sazdavane i utvurzhdavane na Republika Makedoniia (1991–2001) [The formation and consolidation of the Republic of Macedonia]. *Voenoistoricheski sbornik*, 1, pp. 139–154.
18. Stamova, M., 2015. Albanskiiat faktor na Balkanite v kraia na XX i nachaloto na XXI vek. Tendentsii i riskove za sigurnostta na Balkanite [Albanian factor at the Balkans at the end of XX and beginning of the XXI centuries. Tendencies and risks for the security of the Balkans]. In: Ianakiev, Ia., ed., 2015. *Nauchnite izsledvaniia v otbranata. Vekovna traditsiia i novi horizonti. Sbornik s dokladi ot mezhdunarodna nauchna konferentsiia, 7–9 oktombri 2014 g.* [Scientific researches in defence. Century-long tradition and new horizons. The compendium of presentations from the International scientific conference, 7–9th of October, 2014]. Sofia: Voenna akademiia “G.S. Rakovski”, Institut za perspektivni izsledvaniia za otbranata, pp. 57–68.
19. Veljanovski, N., 2002. *Makedonija 1945–1991. Državnost i nezavisnost.* [Macedonia 1945–1991. Statehood and independence]. Skopje: Institut za nacionalna istorija, Matica makedonska.
20. Veljanovski, N., 2006. Petnaeset godini suverena i nezavisna Republika Makedonija 1991–2006 [Fifteen years of the sovereign and independent Republic of Macedonia]. *Muzejski glasnik (Kratovo)*, 3, pp. 25–26.

РОЛЬ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАЦКОЙ ПОЛИТИКЕ (2016–2018 ГГ.)

Виктор Викторович Никитин –

младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: nikitin.viktor.1979@gmail.com

Аннотация

Миграционный кризис оказал существенное влияние на страны Евросоюза, и Словакия не является исключением. При более внимательном рассмотрении словацкой документальной базы можно выделить несколько сегментов данного влияния: внешняя политика, внутренняя безопасность, макроэкономическая политика и внутриполитическая борьба. Весь этот комплекс складывается в единую линию поведения исполнительной власти в области миграционной политики Словакии, которая, однако, имеет ряд отрицательных черт и немало противников в лице, как правило, оппозиционных депутатов. В статье на основе анализа документов словацкого правительства впервые рассматривается весь комплекс проблем, связанных с миграцией как в области внешней политики, так и его влияние на политику внутреннюю. В отличие от словацких специалистов (С. Года, Д. Фишер), исходящих в своих работах из того, как должны выглядеть словацкая безопасность и оборона, автор анализирует реальные предпосылки проведения внутренних мер в данной области и их последствия в политическом дискурсе Словакии. Этот подход приводит автора к выводу о некоторых сложностях осуществления миграционной политики в Словакии, связанных с использованием западного представления о причинах и результатах украинского и сирийского конфликтов, что не позволит полностью решить проблемы, стоящие перед этим государством.

Ключевые слова

Миграционный кризис, Словацкая Республика, внешняя политика, Евросоюз, безопасность, оборона, внутренняя политика.

Статья поступила в редакцию 16 апреля 2019 г.

THE ROLE OF THE MIGRATION CRISIS IN CONTEMPORARY SLOVAK POLITICS (2016–2018)

Viktor V. Nikitin

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: nikitin.viktor.1979@gmail.com

Abstract

The migration crisis had a significant impact on the EU countries, and Slovakia is no exception. By a closer look at the Slovak documentary base, this field could be divided into several segments of its influence: foreign policy, internal security, macroeconomic policy, and internal political struggle. This whole complex of sources is forming a single line of conduct of the Slovak executive power in the field of the migration policy in Slovakia, which, however, has a number of negative features and quite a lot of opponents. As the rule, these opponents are from the oppositional parliamentary fractions and its deputies. Based on the analysis of the governmental documents, the article for the first time is considering the whole complex of problems related to migration, both in the area of the foreign policy and its influence on the internal sphere. In contrast to the Slovak experts (S. Goda, D. Fisher), proceeding from what Slovak security and defense should look like, the author analyses the actual prerequisites of internal measures in this area and their consequences in the Slovak political discourse. This approach lets the author to conclude that there are some difficulties in the implementation of the migration policy in Slovakia, related to the use of Western conception of the causes and consequences of the conflicts in Ukraine and Syria, which would not completely solve the problems this country is facing.

Keywords

Slovak Republic, migration crisis, foreign policy, European Union, security, defense, domestic policy.

Received 16 April 2019.

Миграционный кризис и проблемы безопасности на европейском континенте оказали сильное влияние на многие страны, в том числе и на Словацкую Республику (СР). В этом государстве они затронули как внешнюю, так и внутреннюю политику. Причем, имеется явная двусторонняя взаимосвязь: с одной стороны, проблемы во внешнеполитической сфере оказывали влияние на внутреннюю политику¹, с другой, внутривнутриполитическая борьба и принятые решения на уровне парламента Национального совета СР (НС СР) вынудили Мирослава Лайчака покинуть пост министра иностранных дел Словакии², хотя всего лишь на одну неделю³.

¹ Fischer D., Goda S. Strategic year 2016 in Defense // Yearbook of Slovakia's foreign policy 2016 / Ed. P. Brezáni. Bratislava: Research center of the Slovak foreign policy association, 2017. P. 59–74. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2017/05/Rocenska_2016_web-1.pdf (дата обращения: 05.03.2019); Fischer D. Adaptation, barriers, and cooperation defense in 2017, in and out of Slovakia // Yearbook of Slovakia's foreign policy 2017 / Ed. P. Brezáni. Bratislava: Research center of the Slovak foreign policy association, 2018. P. 29–42. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2018/04/Rocenska_2017_web985.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

² Lajčák podal demisiu prezidentovi. Pellegrini s jeho rozhodnutím nesúhlasí, ale načrtoľ, kto by ho mohol nahradiť. 30.11.2018. URL: <https://www.hlavnespravdy.sk/lajcak-podal-demisiu-prezidentovi-andrejovi-kiskovi/1595474#> (дата обращения: 05.03.2019).

³ Lajčák zmenil názor. Po garanciách sa rozhodol zostať ministrom. 07.12.2018. URL: <https://www.ta3.com/clanok/1142976/lajcak-zmenil-nazor-po-garanciach-sa-rozhodol-zostat-ministrom.html> (дата обращения: 05.03.2019).

Во всех правительственных документах за 2014–2015 гг. обращается внимание на возникновение сложной ситуации в области безопасности. В глобальном ее измерении отмечаются, во-первых, ухудшение и расширение спектра рисков и угроз со стороны локальных вооруженных конфликтов, во-вторых, распад государств и существование практик геноцида и, в-третьих, глобальные экономические и экологические проблемы и пандемии. На общее развитие области безопасности, по убеждению словацкого правительства, повлияли, прежде всего, рост экономической, социальной, технологической и экологической взаимосвязей стран, как и усложнение архитектуры международной безопасности.

В европейском (и околоевропейском) ее измерении выводятся на первый план отрицательные тенденции эскалации кризисов и напряженности. Дестабилизация и конфликты на восточных, юго-восточных и южных границах Евросоюза (ЕС) проявлялись в форме «интенсификации угрозы терроризма и экстремизма, роста неконтролируемой массовой миграции, усиления обычных и гибридных угроз, нарушения режима контроля за вооружением, военных провокаций, кибер-атак, угроз, влияющих на энергетическую безопасность, а также внешнего информационного давления (пропаганды)»⁴.

Глава Совета безопасности Словакии премьер-министр Роберт Фицо в июле 2016 г. в Отчете о безопасности Словакии за 2015 год проанализировал несколько основных ее направлений. На первое место выводится Украина, кризис в которой был признан им в качестве основополагающего фактора, способствовавшего изменению сферы безопасности в евроатлантическом пространстве.

На втором месте стоит напряженность отношений между западными странами и Российской Федерацией, включая режим санкций. Решающими факторами, детерминирующими развитие сферы безопасности стран-членов НАТО и ЕС, были названы растущий военный потенциал России, увеличение ее военной активности вблизи границ ЕС, разностороннее участие в развитии Украины, как и повышение ее роли в сирийском конфликте.

Третье место занимает нелегальная миграция из региона Ближнего Востока и Северной Африки в Европу. Причины ее виделись ему в усугублении внутренних проблем, таких, как вооруженные конфликты, терроризм, политическая нестабильность, экологическая деградация и неблагоприятные экономические и социальные условия в этих странах.

Документ не обходит стороной и другие регионы, в которых имеются точки напряженности (Афганистан, Африка южнее Сахары, страны Центральной Азии*).

⁴ Správa o bezpečnosti Slovenskej republiky za rok 2015 návrh. 1.07.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21317/1> (дата обращения: 05.03.2019).

* Социальная напряженность в связи с возвращением в эти страны трудового населения из России, потерявшего работу под влиянием антироссийских санкций.

Р. Фицо акцентировал также внимание и на увеличивающейся взаимосвязи между внутренней и внешней безопасностью, как и на росте значения комплексного подхода к ней. Несмотря на то, что территория Словакии находилась вне основного миграционного потока, имело место нарушение пограничного режима со стороны нелегальных мигрантов (сирийцев, афганцев), приехавших в Словакию из Венгрии. Причем, их число постепенно увеличивалось. На словацко-украинской границе чаще всего словацкой пограничной службой задерживались нелегальные мигранты из Украины и Афганистана. Кроме нелегального проникновения в Словакию, мигранты использовали и легальные формы приезда на эту территорию, такие, как заключение фиктивных браков, создание фиктивных компаний или злоупотребление учебными стажировками. Как жесткие условия предоставления статуса беженца, так и «непривлекательные» социальные пособия для мигрантов, в сопоставлении с другими странами Европы, привели к тому, что беженцы предпочли в качестве их дальнейшего транзита в западные страны территорию Австрии, а не Словацкой Республики⁵.

Такое серьезное ухудшение в сфере международной безопасности, оказавшей влияние на внутреннюю политику в данной области, привело в итоге к стремлению Словакии решить проблемы миграционного кризиса во внешнеполитическом измерении. В ноябре–декабре 2015 г. принимались внутренние меры по защите от мигрантов и развитию безопасности Словакии, предполагавшие как увеличение численности полиции и Министерства внутренних дел СР (МВД)⁶, так и организационные, технические и персональные мероприятия МВД в области борьбы с терроризмом⁷.

В 2016 г. Словакия, благодаря своему председательству в Совете ЕС, получает возможность перевести борьбу с терроризмом и сферу обеспечения безопасности во внешнеполитическое пространство. В конце февраля 2016 г. правительство утвердило Основы программы председательства СР в Совете ЕС. Они насчитывали пять ключевых направлений. Первые три касались внутреннего, экономического, энергетического и экологического развития. Последние два — свободы, безопасности, юстиции и внешней политики. «Ключевое значение для обеспечения свободы, безопасности и юстиции в ЕС имеют как управление миграционными потоками, так и сотрудничество в вопросах безопасности. Нынешний миграционный кри-

⁵ Správa o bezpečnosti Slovenskej republiky za rok 2015 návrh. 1.07.2016. S. 8–9. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21317/1> (дата обращения: 05.03.2019).

⁶ Návrh na zvýšenie počtu miest príslušníkov Policajného zboru a miest zamestnancov Ministerstva vnútra Slovenskej republiky. 02.11.2015. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/12431/1> (дата обращения: 05.03.2019).

⁷ Návrh personálnych a technických opatrení Ministerstva vnútra Slovenskej republiky v oblasti boja proti terorizmu. 16.12.2015. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/12577/1> (дата обращения: 05.03.2019); Návrh organizačných a personálnych opatrení v ozbrojených silách Slovenskej republiky na boj proti terorizmu. 16.12.2015. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/12578/1> (дата обращения: 05.03.2019).

зис считается одним из самых важных вызовов, стоящих перед ЕС <...> Особенным приоритетом в этой области становится усовершенствование всех аспектов миграции, включая нерегулярную / нелегальную миграцию, предоставление убежища и защиту границ <...> Словацкая Республика в ходе своего председательства в Совете ЕС будет настаивать на проведении комплексного подхода к решению миграционного кризиса, в том числе и взаимосвязи его внутренних и внешних аспектов»⁸.

Важнейшим направлением в данной области были признаны реализация политики защиты внешних границ ЕС и безопасность шенгенского пространства. В этой сфере еще в феврале 2016 г. был предложен ряд конкретных мер, включавших в себя увеличение эффективности шенгена и его расширение (Болгария, Румыния, Хорватия), пакет решений по усовершенствованию пограничного режима (Smart Border Package, Border Management Package), а также изменение законодательства, нормативных актов и директив Европарламента, Еврокомиссии и Совета ЕС⁹.

Эти подходы затем были приняты постановлением правительства СР № 74 от 30 июня 2016 г. к Программе председательства СР в Совете ЕС. Речь шла об обсуждении и принятии документов по нескольким направлениям в области обеспечения безопасности и решения миграционного кризиса. Во-первых, продолжалась проработка нового европейского кодекса по предоставлению убежища. Во-вторых, ставились вопросы по облегчению интеграции в европейское сообщество граждан третьих стран (План действий в области интеграции граждан третьих стран, обсуждение проекта Директивы Совета ЕС о синих картах). В-третьих, предлагались меры по повышению функциональности шенгенского пространства. В-четвертых, словацкое правительство отмечало необходимость усовершенствования защиты внешних границ (начало деятельности Европейской службы пограничной и береговой охраны (ЕСПБО)). На пятом месте находились вопросы, связанные с борьбой с терроризмом. С одной стороны, кабинет министров предлагал реализовать меры, принятые Советом ЕС в феврале и ноябре 2015 г., с другой, появились и новые подходы. В частности, отмечалась важность проработки системы обмена информацией в разных сферах (расследование преступлений, борьба с финансированием терроризма, деятельность Европейской информационной системы уголовных досье (ECRIS) и др.). Еще одной важной составляющей в этом направлении стало проведение политики в области визового режима (рекодификация Визового кодекса, отмена виз гражданам четырех стран, включая Украину)¹⁰.

⁸ Východiská programu predsedníctva Slovenskej republiky v Rade Európskej únie nové znenie. S. 6. 23.02.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/12707/1> (дата обращения: 05.03.2019).

⁹ Ibid. S. 29–36.

¹⁰ Program predsedníctva Slovenskej republiky v Rade EÚ. 30.06.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21298/1> (дата обращения: 05.03.2019).

Миграционный кризис и безопасность во второй половине 2016 г. стали предметом повестки дня переговоров делегаций Евросоюза на разных уровнях, а также встреч в рамках Вишеградской группы¹¹. В ходе визита представителей Еврокомиссии в Братиславе 30 июня — 1 июля 2016 г. вопросы, связанные с внешней политикой, безопасностью, миграцией и юстицией, находились в первой панели дискуссии¹². На неформальной встрече премьер-министров стран ЕС в сентябре 2016 г. были определены три ключевые сферы — миграция, внутренняя и внешняя безопасность, экономическая и социальная области. Именно на них сфокусировалось внимание Еврокомиссии в дальнейшем¹³. Поставленные задачи стали предметом переговоров двух заседаний Совета ЕС 20–21 октября и 15 декабря 2016 г.¹⁴

Как можно оценивать итоги словацкого председательства в Совете ЕС в области обеспечения безопасности? Министерство иностранных дел СР дало им исключительно положительные оценки. Во-первых, в области защиты внешних границ была создана ЕСПБО, в штат которой входит 1500 человек. Она обеспечила безопасность внешних границ шенгена, что привело к восстановлению функционирования этой зоны. Во-вторых, было принято решение о проведении в дальнейшем переговоров с Европарламентом к проекту поправок к директиве о европейской системе по обмену отпечатков пальцев получателей статуса беженцев (Eurodac). Эти поправки были направлены на облегчение возвращения на родину беженцев и на содействие в борьбе с нелегальной миграцией¹⁵.

Часть экспертов оценивала эти результаты отрицательно¹⁶, другие специалисты отмечали тот факт, что в ходе словацкого председательства в Совете ЕС были решены те проблемы, урегулировать которые на тот мо-

¹¹ *Гопта И.* Роль Вишеградской группы во внешней политике Словакии на современном этапе // Отношения стран Вишеградской четверки и России в новых европейских реальностях. Сборник статей участников XII международной научной конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях» / отв. ред. Л.Н. Шишелина. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 51–62.

¹² Informácia o priebehu a výsledkoch pracovnej návštevy kolégia Európskej komisie v Slovenskej republike v dňoch 30.6.1.7.2016. 28.7.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21410/1> (дата обращения: 05.03.2019).

¹³ Informácia o priebehu a výsledkoch neformálneho zasadnutia hláv štátov alebo predsedov vlád 27 členských štátov dňa 16. septembra 2016 v Bratislave. 04.10.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21483/1> (дата обращения: 05.03.2019).

¹⁴ Informácia o priebehu a výsledkoch zasadnutia Európskej rady v dňoch 20.–21. októbra 2016 v Bruseli. 09.11.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21574/1> (дата обращения: 05.03.2019); Správa o priebehu a výsledkoch zasadnutia Európskej rady dňa 15. decembra 2016 v Bruseli. 13.01.2017. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21730/1> (дата обращения: 05.03.2019).

¹⁵ Správa o priebehu a výsledkoch predsedníctva SR v Rade Európskej únie. 28.02.2017. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21826/1> (дата обращения: 05.03.2019).

¹⁶ *Lehne S.* The EU Global Strategy, a Triumph of Hope Over Experience. Carnegie Europe. July 04, 2016. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/?fa=64003> (дата обращения: 05.03.2019).

мент представлялось возможным¹⁷. Российские аналитики пришли к выводу об успешности словацкого председательства в Совете, документируя ее принятыми мерами в данной области (постановление о контртеррористических мерах, создание Европейского фонда устойчивого развития и др.)¹⁸.

Как бы эти итоги ни оценивались разными экспертами, налицо тот факт, что данная тема деятельности европейских институтов в 2016 г. оказывала прямое, причем, весьма существенное влияние на внутреннюю политику Словакии. Так, например, в связи с вызовами в области безопасности, ставшими перед Словакией, как, впрочем, и перед всем европейским сообществом, словацкое правительство утвердило новую версию Белой книги об обороне СР (предыдущая была принята в 2013 г.)¹⁹, а также Основы актуализации Стратегии безопасности и Оборонной стратегии СР²⁰.

В 2015–2016 гг. миграция приводила в общеевропейском масштабе к плачевным результатам. Теракты в Париже (2015 г.), Брюсселе и Ницце (2016 г.) стали предметом нескольких чрезвычайных заседаний Совета безопасности СР, в ходе которых анализировалось состояние безопасности Словакии²¹. Эта область стала предметом пристального внимания данного органа во всех его документах за 2016 год, хотя и отмечалось отсутствие данных о возможных терактах на словацкой территории²².

Однако в словацких документах имеется одно отрицательное качество, которое, как представляется, не позволит полностью решить проблемы миграционного кризиса. В этом государстве, как в стране-члене ЕС и НАТО, восторжествовал западный, американский подход к урегулированию всех проблем в данной области. В правительственных документах Словакии (как внешнего, так и внутреннего плана) в избытке встречается полити-

¹⁷ Fischer D., Goda S. Strategic year 2016 in Defense // Yearbook of Slovakia's foreign policy 2016. Bratislava: Research center of the Slovak foreign policy association, 2017. P. 60.

¹⁸ Ведерников М.В. Об итогах словацкого председательства в Совете ЕС // Отношения Вишеградской четверки и Европейского союза с Россией. Материалы XI междуна-родной научной конференции Том. 11. Отношения Вишеградской четверки и Европейского союза с Россией / отв. ред. Л.Н. Шишелина. М.: ИЕ РАН, 2017. С. 70–79.

¹⁹ Biela kniha o obrane Slovenskej republiky. 29.07.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21467/1> (дата обращения: 05.03.2019).

²⁰ Východiská aktualizácie Bezpečnostnej stratégie Slovenskej republiky a Obrannej stratégie Slovenskej republiky. 18.08.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21090/1> (дата обращения: 05.03.2019).

²¹ Informácia z 89. mimoriadneho zasadnutia Bezpečnostnej rady Slovenskej republiky zo dňa 22. marca 2016. 11.04.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21161/1> (дата обращения: 05.03.2019); Informácia z 93. mimoriadneho zasadnutia Bezpečnostnej rady Slovenskej republiky zo dňa 15. júla 2016. 01.08.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21408/1> (дата обращения: 05.03.2019).

²² Informácia z 94. zasadnutia Bezpečnostnej rady Slovenskej republiky zo dňa 28. septembra 2016. 10.10.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21520/1> (дата обращения: 05.03.2019); Informácia z 95. zasadnutia Bezpečnostnej rady Slovenskej republiky zo dňa 30. novembra 2016. 20.12.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21688/1> (дата обращения: 05.03.2019).

ческое восприятие кризисных ситуаций в Украине, на Ближнем Востоке и даже в Северной Африке. Эти территории причисляются в них к «евроатлантическому пространству». Российская внешняя политика по отношению к Украине и военное участие России в сирийском конфликте оцениваются как нарушение безопасности стран ЕС и НАТО. Россия признается в качестве угрозы словацкой безопасности в связи с ростом ее военного потенциала и с повышением ее ангажированности в сирийском конфликте. К тому же по отношению к Сирии имеются двойственные оценки. С одной стороны, акцентируется внимание на увеличении численности и расширении территории, контролируемой «террористической организацией Даиш / ИГИЛ». Ее «мощь и продвижение» были остановлены исключительно «благодаря деятельности глобальной коалиции» (США и их партнеры). С другой стороны, в самой Сирийской Арабской Республике имеет место гражданская война (без упоминания ИГИЛ), в которой участвует Российская Федерация. Включение ее вооруженных сил в сирийскую борьбу привело «к последующей активизации военных действий и их расширению в новые области и, как следствие, к росту числа беженцев»²³.

Еще более интересной изображается ситуация в Украине. Во-первых, применительно к минским договоренностям можно прочесть об их роли в остановке проведения сторонами конфликта «интенсивных военных действий. Тем не менее, имело место нарушение перемирия с обеих сторон контактной линии». После этого правительство акцентирует внимание на том факте, что «Украина не контролировала часть своей восточной границы с Российской Федерацией». Здесь также появляется определенная амбивалентность, так как если бы Украина контролировала всю свою границу с РФ, то вряд ли существовал бы «кризис в Украине», на территории которой продолжался «вооруженный конфликт с перспективой внезапной эскалации»²⁴. Попытка со стороны словацкого правительства убрать реально существующие Донецкую и Луганскую народные республики из анализа украинского кризиса вряд ли поспособствует его разрешению или хотя бы поможет обеспечению защиты территории самой Словакии со стороны украинской границы. Во-вторых, в качестве угрозы безопасности Словакии отмечается «систематическое укрепление военных мощностей чужого государства (т.е. России. — *В. Н.*) вблизи стран-членов НАТО и ЕС, включая Словакию»²⁵.

Как уже отмечалось выше, в связи с вызовами в области безопасности были приняты поправки к некоторым документам по обороне Словакии. Вряд ли можно ожидать решения этих проблем с теми политическими подходами, которые демонстрирует словацкое правительство. Однако необходимо отметить три существенных факта. Во-первых, политическое

²³ Správa o bezpečnosti... S. 2, 6, 8-12.

²⁴ Ibid. s. 8.

²⁵ Východiská aktualizácie bezpečnostnej stratégie... S. 6.

восприятие проблем в области безопасности и обороны находится только во введении к «Белой книге», а не в самом ее тексте, в котором даны уже более объективные оценки России и другим странам.

Во-вторых, Стратегия безопасности СР была принята только на совещании правительства, а не на заседании парламента. Правительству пришлось снять с обсуждения словацкого парламента данный документ ввиду отрицательного к нему отношения со стороны депутатов от Словацкой национальной партии (СНП), входящей в правительственную коалицию, и оппозиционной Народной партии «Наша Словакия» (НП-НС). По данным заместителя председателя СНП и главы Комитета НС СР по безопасности и обороне Антона Хрнко, их депутаты выступили против данной стратегии в связи с содержанием в ней отрицательных оценок по отношению к России²⁶.

Необходимо отметить, что данные оценки имеют ярко выраженную внутривластную окраску. Дело в том, что итогом парламентских выборов в Словакии 5 марта 2016 г. стала невозможность формирования левоцентристского или либерального, правоцентристского правительства в связи с прохождением в законодательный орган Словакии НП-НС, которую практически все политические субъекты Словакии обвиняют в неонацизме, несмотря на ее пророссийскую ориентацию. Поэтому для формирования нового правительства Р. Фицо должен был договориться с оппозиционными фракциями либерального и правоцентристского толка (Сиеть, партия Мост)²⁷. Последняя выступала еще накануне выборов с антироссийских позиций. По убеждению их политиков, Россия «из стратегического партнера превратилась в стратегического конкурента или даже противника»²⁸. Правительство, в состав которого входит эта партия, не может не учитывать ее позицию по отношению к Российской Федерации.

В-третьих, миграционный кризис на данный момент вряд ли затронет Словакию, так как основной его поток проходит мимо этой страны. Он больше касается территории Венгрии и Австрии, чем Словацкой Республики. Поэтому любые поправки к внутренним документам словацкого правительства в сфере безопасности и обороны вряд ли серьезным образом усугубят

²⁶ Obranná stratégia je po mesiacoch v NR SR. Nepredložila ju koalícia. 8.11.2018. URL: <https://www.ta3.com/clanok/1140635/obranna-strategia-je-po-mesiacoch-v-nr-sr-nepredlozila-ju-koalicia.html> (дата обращения: 05.03.2019); Ukrajina bola témou v NR SR, koalícia stiahla obrannú stratégiu. 27.11.2018. URL: <https://www.ta3.com/clanok/1142217/ukrajina-bola-temou-v-nr-sr-koalicia-stiahla-obrannu-strategiu.html> (дата обращения: 05.03.2019).

²⁷ Никитин В.В. Политический кризис в Словацкой Республике. Динамика и стратегия партий // Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы. Вып. 2 / отв. ред: О.Ю. Михалев, В.И. Сальников. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. С. 232–234.

²⁸ Задорожнюк Э.Г. Словацкие парламентские политические партии о внешнеполитических предпочтениях (по итогам выборов 2016 года) // Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы. Вып. 2 / отв. ред: О.Ю. Михалев, В.И. Сальников. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. С. 133.

ее безопасность в настоящее время, с каких позиций словацкие министры ни подходили бы к этой сфере.

Совершенно по-другому, однако, выглядит ситуация с Украиной. Миграция из этой страны в Словакию, напряженность на словацко-украинской границе привели в конце ноября 2018 г. к экстренному заседанию Национального аналитического центра по безопасности СР²⁹. Несмотря на сложность обстановки, Украина в правительственных документах преподносится исключительно в качестве проблемы в сфере безопасности. С такой оценкой отчасти можно согласиться. Действительно, напряженность в российско-украинских отношениях, военное положение в Украине в связи с ситуацией в Керченском проливе могут существенно повлиять на украинскую миграцию, в том числе в Словакию. Однако это всего лишь одна сторона медали. Внутриполитические, макроэкономические и социальные факторы могут стать не меньшим катализатором напряженности на словацко-украинской границе, чем российско-украинские отношения.

В украинском направлении также прорисовывается противоречивая позиция. С одной стороны, правительство прописывает влияние нелегальных мигрантов из Украины в качестве фактора, влияющего на безопасность страны³⁰. С другой стороны, уже в 2016 г. принимались документы, в которых значится отмена визового режима с Украиной в качестве важного аспекта в области углубления интеграции Украины с Евросоюзом*. Это притом, что кабинет министров Словакии постоянно решает проблему безработицы национальных меньшинств (в особенности, цыган)³¹ и вопросы, связанные с внедрением в словацкую экономику первой волны мигрантов (2004–2010 гг.)³². Более того, постановлением правительства СР № 279 от

²⁹ Тв Р. Pellegriniho, D. Sakovej a P. Gajdoša po mimoriadnom rokovaní. 28.11.2018. URL: <https://www.taz.com/clanok/1142277/tb-p-pellegriniho-d-sakovej-a-p-gajdosa-po-mimoriadnom-rokovani.html> (дата обращения: 05.03.2019).

³⁰ Správa o bezpečnosti... S. 2, 8.

* В «Программе председательства Словацкой Республики в Совете ЕС», принятой постановлением правительства СР № 267 от 30 июня 2016 г., говорится о новой визовой политике ЕС по отношению (не только) к Украине следующее: «Председательство Словакии в Совете ЕС будет опираться на работу предыдущих председателей в проекте пересмотра Визового кодекса и других предложений в области виз. Особенно важным вызовом являются предложения об отмене визового режима с четырьмя соседствующими с Евросоюзом государствами, которые в совокупности представляют самую значительную волну либерализации визового режима в истории ЕС» (Program predsedníctva Slovenskej republiky... S. 15). Однако в тексте «Программы» нет ни одного упоминания о сроке осуществления этой политики (см.: Ibid. S. 7, 10, 15).

³¹ Monitorovacia správa plnenia Stratégie Slovenskej republiky pre integráciu Rómov do roku 2020 za roky 2012, 2013, 2014 a 2015. 06.09.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21099/1> (дата обращения: 05.03.2019).

³² Súhrnná správa o stave plnenia cieľov a opatrení Integračnej politiky Slovenskej republiky za rok 2015 návrh. 29.04.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21175/1> (дата обращения: 05.03.2019).

5 июня 2013 г. министр труда, социальных вопросов и семьи СР обязывался вплоть до 2020 г. ежегодно отчитываться перед словацким правительством о «последствиях открытия рынка труда в Словацкой Республике для граждан Хорватской Республики»³³. Естественно, никакие отрицательные тенденции в этой сфере не наблюдаются, так как речь идет о незначительном числе работников. Однако тенденция роста налицо: если в 2008 г. в Словакии работало 43 хорвата, а к концу 2013 г. их насчитывалось 146 чел.³⁴, то за 2015 год наблюдался довольно существенный скачок с 376 чел. в январе до 593 чел. в декабре³⁵. Несмотря на это, такое количество работников из другой страны не в состоянии повлиять на словацкий рынок труда.

Тем не менее, если правительство считает необходимым обсуждать последствия для словацкого социально-экономического развития открытие рынка труда для 600 хорватов, то любое внутреннее ухудшение положения в Украине как социально-экономическое, так и в сфере безопасности может привести к немедленному возникновению существенных проблем уже на территории самой Словакии. В целом можно сделать вывод о том, что Словакия в данный момент является в определенном смысле заложницей ситуации, созданной другими странами (США, ЕС, Сирией, Украиной, Россией), которая в итоге может повлиять на ее дальнейшее социально-экономическое развитие.

Ввиду этого словацкие депутаты выступили с резкой критикой предложенного словацким МИД Глобального договора ООН о безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции³⁶, от которого 29 ноября 2018 г. они отказались³⁷. «Антимиграционную» позицию заняли 90 депутатов, как от партий власти (Направление Социал-демократия и Словацкая национальная партия), так и от оппозиции (Народная партия «Наша Словакия», движение «Мы семья»), остальные фракции воздержались от голосования. Документ ООН поддержали всего лишь 15 депутатов³⁸. С точки зрения

³³ Uznesenie vlády Slovenskej republiky č. 279 z 5. júna 2013 k návrhu na otvorenie trhu práce Slovenskej republiky pre občanov Chorvátskej republiky. 05.06.2013. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Resolution/6948/1> (дата обращения: 05.03.2019).

³⁴ Návrh na otvorenie trhu práce Slovenskej republiky pre občanov Chorvátskej republiky. 03.06.2013. S. 2. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/9819/1> (дата обращения: 05.03.2019).

³⁵ Informácia o dopadoch otvorenia trhu práce Slovenskej republiky pre občanov Chorvátskej republiky za rok 2015. 14.12.2016. S. 2. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21682/1> (дата обращения: 05.03.2019).

³⁶ Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration. July 11, 2018. URL: https://www.mzv.sk/documents/10182/3430180/Globalny_amec_pre_migraciu_dokument_EN (дата обращения: 05.03.2019).

³⁷ Parlament žiada vládu, aby odmietla migračný pakt. 29.11.2018. URL: <https://www.aktuality.sk/clanok/645942/parlament-ziada-vladu-aby-odmietla-migracny-pakt/> (дата обращения: 05.03.2019).

³⁸ Poslanci hlasovali o pakte OSN. Pozrite si, ktorí zaujali protislovenský postoj. 29.11.2018. URL: <https://www.hlavnespravdy.sk/poslanci-hlasovali-pakte-osn-pozrite-ktori-zaujali-protislovensky-postoj/1594484> (дата обращения: 05.03.2019).

критиков данного договора, он противоречит словацкой миграционной политике, и поэтому некоторые из них потребовали от правительства, чтобы на заседании ООН в Марракеше никто не представлял Словакию, «даже ассистент, даже шофер»³⁹.

С другой стороны, словацкой промышленности (как, впрочем, и европейской) необходима рабочая сила. Поэтому в ноябре 2018 г. словацкое правительство приняло Стратегию трудовой мобильности иностранцев в Словацкой Республике, вытекающей из программного заявления правительства СР (апрель 2016 г.)⁴⁰. Этот документ появился в связи с отсутствием комплексной стратегии по решению «проблематики планируемого менеджмента управляемой и регулируемой мобильности иностранцев на рынок труда в Словакии, который покрыл бы необходимость словацкой экономики, в особенности стратегических инвесторов в профессиональных кадрах». Речь идет о временных, исключительных мерах по «урегулированию актуальной нехватки высококвалифицированной рабочей силы» с целью «создания обстановки, при которой рынок труда не будет тормозом, но станет катализатором устойчивого экономического развития благодаря наличию качественных и высококвалифицированных человеческих ресурсов, позволяющих Словакии бороться за инвестиции с высокой добавленной стоимостью»⁴¹.

В связи с этой стратегией следовало изменить законодательство для создания более эффективной и более гибкой системы миграционной политики (прибытие и пребывание граждан третьих государств на территории Словакии). Поэтому в конце ноября 2018 г. кабинет министров предложил парламенту поправки к закону № 5/2004 об услугах в сфере занятости от 4 декабря 2003 г.⁴². Против такого решения, однако, выступила часть депутатов НС СР. Так, например, Милан Крайняк из фракции «Мы семья» раскритиковал правительство за поддержку западных транснациональных корпораций (ТНК) и их интересов. С его точки зрения, эти ТНК (Фольксваген, Пежо) тратят на зарплату рабочим всего лишь 3–5% от чистой прибыли и вместо повышения окладов труда лоббируют импорт дешевой рабочей силы (Сербия, Украина)⁴³.

³⁹ 38. schôdza NR SR, 28. novembra 2018. 28.11.2018. URL: <http://tv.nrsr.sk/archiv/schodza/7/38?page=24> (дата обращения: 05.03.2019).

⁴⁰ Programové vyhlásenie vlády SR. 13.04.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21160/1> (дата обращения: 05.03.2019).

⁴¹ Návrh stratégie pracovnej mobility cudzincov v Slovenskej republike. Predkladacia správa. 25.10.2018. S. 1. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/23260/1> (дата обращения: 05.03.2019).

⁴² Návrh zákona, ktorým sa mení a dopĺňa zákon č. 5/2004 Z.z. o službách zamestnanosti a o zmene a doplnení niektorých zákonov v znení neskorších predpisov a ktorým sa menia a dopĺňajú niektoré zákony nové znenie. 26.11.2018. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/23346/1> (дата обращения: 05.03.2019).

⁴³ 38. schôdza NR SR, 28. novembra 2018. 28.11.2018. URL: <http://tv.nrsr.sk/archiv/schodza/7/38?page=27> (дата обращения: 05.03.2019).

С этим связана и определенная двойственность позиции Словакии по отношению к мигрантам. С одной стороны, этому государству нужны высококвалифицированные рабочие из других стран. Причем, их роль в словацкой экономике будет расти пропорционально успешному осуществлению стратегии по созданию и развитию инновационной экономики, которой посвящены несколько правительственных программ⁴⁴. Такой подход, к тому же, лоббируют западные ТНК, владеющие значительной частью словацкой экономики⁴⁵.

С другой стороны, никем не контролируемая миграция, отчасти навязанная ЕС, будоражит словацкое общество, из-за чего даже те депутаты, которые еще в 2016–2017 гг. критиковали словацкое правительство за отказ от поддержки немецкого подхода к миграционной политике ЕС, вынуждены были воздержаться от голосования (31 чел.)⁴⁶. Это связано с низкой зарплатой и неудовлетворенностью со стороны словацких граждан своим социально-экономическим положением.

Таким образом, словацкое правительство стремится к осуществлению внятной, основанной на словацких экономических предпосылках миграционной политики, целью которой является максимально возможное управление этим процессом с его стороны таким образом, чтобы в словацкую экономику внедрялась необходимая его национальному хозяйству рабочая сила из других стран. Однако таким подходам не способствуют имеющиеся военные конфликты в Украине и Сирии, а также украинское внутриэкономическое развитие. Это приводит к напряженности на словацких границах, что влияет на восприятие миграции словацким электоратом и политическим истеблишментом. Стабильности не добавляют и прозападные оценки этих конфликтов, изобилующие в правительственных документах, направленные на поправки к внутренним нормам, регулирующим сферу безопасности и обороны. Тем более что из области миграционной политики намеренно выведены за скобки развитие социально-экономической сферы в Украине и ее возможное влияние на напряженность на словацко-

⁴⁴ Opatrenia v hospodárskej politike na podporu hospodárskeho rastu. 15.05.2013. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/9744/1> (дата обращения: 05.03.2019); Správa o plnení opatrení Inovačnej stratégie a Inovačnej politiky v pôsobnosti Ministerstva hospodárstva SR za rok 2012 a 1. štvrtrok 2013. 18.06.2013. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/9866/1> (дата обращения: 05.03.2019); Národný program reforiem Slovenskej republiky 2017. 25.04.2017. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21969/1> (дата обращения: 05.03.2019); Dlhodobý zámer vo vzdelávacej, výskumnej, vývojovej a ďalšej tvorivej činnosti pre oblasť vysokých škôl na roky 2016–2021. 04.11.2016. URL: <https://rokovania.gov.sk/RVL/Material/21561/2> (дата обращения: 05.03.2019).

⁴⁵ Никитин В.В. Словацкая Республика: путь от евроожиданий к евроскептицизму (1993–2017 гг.) // Европа-Евразия. XXI век начинается / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Исл РАН; ПОЛИМЕДИА, 2018. С. 286–288.

⁴⁶ Poslanci hlasovali o pakte OSN. Pozrite si, ktorí zaujali protislovenský postoj. 29.11.2018. URL: <https://www.hlavnespravdy.sk/poslanci-hlasovali-pakte-osn-pozrite-ktori-zaujali-protislovensky-postoj/1594484> (дата обращения: 05.03.2019).

украинской границе, как и будущий статус этой страны в Евросоюзе. Все эти вопросы уже в ближайшие годы могут стать камнем преткновения в словацкой внутривнутриполитической борьбе и даже усугубить социально-экономическое развитие в Словакии.

Литература

1. *Ведерников М.В.* Об итогах словацкого председательства в Совете ЕС // Отношения Вишеградской четверки и Европейского союза с Россией. Материалы XI международной научной конференции Том. 11. Отношения Вишеградской четверки и Европейского союза с Россией / отв. ред. Л.Н. Шишелина. М.: ИЕ РАН, 2017. С. 70–79.
2. *Гонга И.* Роль Вишеградской группы во внешней политике Словакии на современном этапе // Отношения стран Вишеградской четверки и России в новых европейских реальностях. Сборник статей участников XII международной научной конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях» / отв. ред. Л.Н. Шишелина. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 51–62. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/tom12.pdf> (дата обращения: 15.03.2019).
3. *Задорожнюк Э.Г.* Словацкие парламентские политические партии о внешнеполитических предпочтениях (по итогам выборов 2016 года) // Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы. Вып. 2. / отв. ред: О.Ю. Михалев, В.И. Сальников. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. С. 128–142. URL: http://ir.vsu.ru/resources/library/books/cis_cee/cis_cee2.pdf (дата обращения: 15.03.2019).
4. *Никитин В.В.* Политический кризис в Словацкой Республике. Динамика и стратегия партий // Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы. Вып. 2 / отв. ред: О.Ю. Михалев, В.И. Сальников. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. С. 231–246. URL: http://ir.vsu.ru/resources/library/books/cis_cee/cis_cee2.pdf (дата обращения: 15.03.2019).
5. *Никитин В.В.* Словацкая Республика: путь от евроожиданий к евроскептицизму (1993–2017 гг.) // Европа–Евразия. XXI век начинается / отв. ред.: К.В. Никифоров. М.: Исл РАН: ПОЛИМЕДИА, 2018. С. 266–292. DOI: 10.31168/0409-1.3.5.
6. *Fischer D.* Adaptation, barriers, and cooperation defense in 2017, in and out of Slovakia // Yearbook of Slovakia's foreign policy 2017 / ed. P. Brezáni. Bratislava: Research center of the Slovak foreign policy association, 2018. P. 29–42. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2018/04/Rocenka_2017_web985.pdf (дата обращения: 15.03.2019).
7. *Fischer D., Goda S.* Strategic year 2016 in Defense // Yearbook of Slovakia's foreign policy 2016 / Ed. P. Brezáni. Bratislava: Research center of the Slovak foreign policy association, 2017. P. 59–74. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2017/05/Rocenka_2016_web-1.pdf (дата обращения: 15.03.2019).
8. *Lehne S.* The EU Global Strategy, a Triumph of Hope Over Experience // Carnegie Europe [сайт]. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/?fa=64003> (дата обращения: 15.03.2019).

References

1. Fischer, D., 2018. Adaptation, barriers, and cooperation defense in 2017, in and out of Slovakia In: Brezáni, P., 2018. *Yearbook of Slovakia's foreign policy 2017*. Bratislava: Research center of the Slovak foreign policy association. P. 29–42. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2018/04/Rocenka_2017_web985.pdf (accessed: 15.03.2019).
2. Fischer, D., Goda, S., 2017. Strategic year 2016 in Defense. In: Brezáni, P., 2017, *Yearbook of Slovakia's foreign policy 2016*. Bratislava: Research center of the Slovak foreign policy association. P. 59–74. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2017/05/Rocenka_2016_web-1.pdf (accessed: 15.03.2019).
3. Gupta, I., 2018. Rol' Vishegradskoi gruppy vo vneshnei politike Slovaki na sovremennom etape [The role of the Visegrad group in the foreign policy of Slovakia at the present stage]. In: Shishelina, L.N., ed, 2018. *Otnosheniia stran Vishegradskoi chetverki i Rossii v novykh evropeiskih real'nostiyakh* [Relations between the Visegrad four and Russia in the new European realities]. Moscow: Institut Evropy RAN, pp. 51–62. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/tom12.pdf> (accessed: 15.03.2019).
4. Lehne, S., 2016. The EU Global Strategy, a Triumph of Hope Over Experience. *Carnegie Europe Online*. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/?fa=64003> (accessed: 15.03.2019).
5. Nikitin, V.V., 2018. Politicheskii krizis v Slovatskoi Respulike. Dinamika i strategiiia partii [Political crisis in the Slovak Republic: the dynamics and strategy of the parties]. In: Mikhalev, O.Iu., Sal'nikov, V.I., eds, 2018. *Problemy stran postsovet-skogo prostranstva, Tsentral'noj i Iugo-Vostochnoi Evropy. Vyp. 2*. [Problems of post-Soviet countries, Central and South-Eastern Europe. Issue 2]. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU, pp. 231–246. URL: http://ir.vsu.ru/resources/library/books/cis_cee/cis_cee2.pdf (accessed: 15.03.2019).
6. Nikitin, V.V., 2018. Slovatskaia Respublika: put' ot evroozhidanii k evroskeptitsizmu (1993–2017) [The Slovak Republic: the road from euroexpectaions to euroscepticism (1993–2017)]. In: Nikiforov, K.V., ed., 2018. *Evropa–Evraziia. XXI vek nachinaetsia* [Europe Eurasia. The XXI century begins]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, Polymedia, pp. 266–292. DOI: 10.31168/0409-1.3.5.
7. Vedernikov, M.V., 2017. Ob itogakh slovatskogo predsedatel'stva v Sovete ES [Results of the Slovak presidency in the Council of the EU]. In: Shishelina, L.N., ed., 2017. *Otnosheniia Vishegradskoi chetverki i Evropeiskogo soiuzs s Rossiei* [Relations of the Visegrad four and the European Union with Russia]. Moscow: Institut Evropy RAN, pp. 70–79.
8. Zadorozhniuk, E.G., 2018. Slovatskie parlamentskie politicheskije partii o vneshnepoliticheskikh predpochteniyakh (po itogam vyborov 2016 goda) [Preferences of Slovak parliamentary political parties in foreign policy (following the 2016 elections)]. In: Mikhalev, O.Iu., Sal'nikov, V.I., eds, 2018. *Problemy stran postsovet-skogo prostranstva, Tsentral'noj i Iugo-Vostochnoi Evropy Vyp. 2* [Problems of post-Soviet countries, Central and South-Eastern Europe. Issue 2]. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU, pp. 128–142. URL: http://ir.vsu.ru/resources/library/books/cis_cee/cis_cee2.pdf (accessed: 15.03.2019).

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО КАК «АРХЕТИП» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Татьяна Ивановна Вендина –

доктор филологических наук,
руководитель Центра ареальной лингвистики,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: vendit@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу проблем антропологической лингвистики. Актуализация в последнее десятилетие идей антропологической лингвистики способствовала возрождению интереса к идее В. фон Гумбольдта о языке «как деятельности народного духа». В центре ее внимания — исследование проявлений «человеческого духа» в языке, обычаях, обрядах, мифах, иными словами, анализ процессов восприятия, познания, мышления и эмоционального отношения человека к миру. Язык «как деятельность народного духа» в соответствии с направленностью антропологической лингвистики рассматривается одновременно и как инструмент ментального упорядочивания мира, и как зеркало этнического мировидения. Перед лингвистикой открылось новое поле исследований, связанных с герменевтическим изучением языка, что позволило перейти от эмпирических данных к их интерпретационному анализу, т.е. подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения. Из лингвистики «в самой себе и для себя» (Ф. Соссюр) она превратилась «зачем / почему-лингвистику» (А.Е. Кибрик). И в этом превращении в интерпретационную лингвистику особая роль принадлежит когнитологии, которая дает языковым фактам культурологическое, этнопсихологическое и историческое объяснение. Автор считает, что адекватная характеристика психологии народа и соответственно его культуры может быть получена только с опорой на данные языка. Апелляции к мнениям и оценкам каких-либо авторитетов из области литературы или философской мысли являются мало убедительными, поскольку это всегда взгляд со стороны, который отличается субъективизмом. По мнению автора, необходимо отрешиться от навязываемых оценок и проникнуть в идеологию языка. Тем более что успехи когнитивно-ориентированной лингвистики говорят о том, что «языковая структура не произвольна, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая «отражается» в зеркале естественного языка. Привлекая обширный диалектный материал, автор доказывает, что, изучая диалектное слово, мы сможем понять не только архетип нашей культуры, но и ее подлинную сущность. Это положение автор иллюстрирует на примере такого базового концепта русской традиционной культуры, как ТРУД. Анализ диалектного материала в предложенном ракурсе позволил критически оценить негативные оценки русского народа, для которого якобы характерны лень, пассивность, отсутствие деятельностного начала. ТРУД, по мнению автора, это не просто деятельность, а этически значимая деятельность, которой до сих пор определяется русская ментальность, поэтому отрицание трудолюбия как качества русского человека влечет за собой отрицание самой нравственной основы его жизни.

Ключевые слова

Диалектология, языковое сознание, антропологическая лингвистика.

Статья поступила в редакцию 25 марта 2019 г.

DIALECT WORD AS “ARCHETYPE” OF RUSSIAN CULTURE

Tatyana I. Vendina

Doctor of Sciences,
Head of the Research Centre
for Areal Linguistics,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: vendit@rambler.ru

Abstract

The article analyses the problems of anthropological linguistics. In the last decades, the ideas of anthropological linguistics have been actualised, which contributed to the revival of interest in Alexander von Humboldt's idea that a language is “activity of national spirit.” It focuses on the study of the manifestations of the “human spirit” in language, customs, rituals, myths — in other words, the analysis of the processes of perception, knowledge, thinking, and man's emotional attitude to the world. Language as “activity of national spirit” in accordance with the direction of anthropological linguistics is considered both as a tool of mental ordering of the world and as a mirror of ethnic worldview. Before linguistics opened a new field of research related to the hermeneutic study of language, which allowed us to move from empirical data to their interpretation analysis, i.e. to rise from the level of registration of facts to the level of their explanation. From linguistics “in itself and for itself” (F. Saussure), it turned into a “why/why-linguistics” (A.E. Kibrik). And in this transformation of interpretative linguistics, cognitive science has a special role and gives cultural, ethno-psychological, and historical explanation to the linguistic facts. The author believes that an adequate description of the nation's psychology and its culture should be obtained based on the data of their language. Appeals to authorities' opinions in the field of literature or philosophical thought are not convincing, because it is always a point of view from the outside, which is subjective. According to the author, it is necessary to abandon the imposed assessments and penetrate into the ideology of language. Moreover, the success of cognitive-oriented linguistics suggests that the language structure is not arbitrary and it is significantly motivated by the organization of cognitive structure, which is reflected in the mirror of natural language. Using a lot of dialect material, the author proves that by studying the dialect word we will be able to understand not only the archetype of our culture, but also its true essence. The author illustrates this position on the example of such basic concept of Russian traditional culture as WORK. The analysis of dialect material in the proposed perspective allowed to critically assess the negative perception of the Russian people, who are allegedly characterized as lazy and passive. According to the author, WORK is not just an activity, but an ethically significant activity, which is still determined by the Russian mentality, so the idea that Russians do not accept hard work is denial of the moral basics of their life.

Keywords

Dialectology, linguistic consciousness, anthropological linguistics.

Received 25 March 2019.

Сегодня, когда сами события с неумолимостью ведут нас к осознанию того, что мы живем в условиях опасного смешения элементов культуры и бескультурия, нам надлежит — хотим мы того или нет — попытаться определить сущность подлинной культуры.

А. Швейцер. Культура и этика (М., 1973)

Актуализация в последнее десятилетие идей антропологической лингвистики, обратившейся к изучению «души языка», т.е. опредмеченному в нем мировидению, системы ценностей этноса, способствовала возрождению интереса к идее В. фон Гумбольдта о языке «как деятельности народного духа». Развитие этой идеи проходит сегодня в двух направлениях — исследование «стереотипов» культурного сознания (особенно часто внимание исследователей привлекает проблема восприятия этноса «чужими», а также автовосприятия, так называемые автопортреты) и реконструкция «языкового сознания народа», чаще всего его культурно-антропологического портрета в зеркале того или иного языка.

Между тем оба этих направления, по сути дела, являются реализацией еще одной идеи В. фон Гумбольдта, высказанной им в более ранних работах, — идеи создания «сравнительной антропологии». Под «сравнительной антропологией» он понимал науку, занимающуюся сопоставительным изучением различных социумов с целью выявления специфики их духовной организации, т.е. предметом «сравнительной антропологии» должен был стать вопрос о том, как человек мыслит, чувствует, эмоционально реагирует и действует в условиях различных культур. В связи с этим в центре ее внимания — исследование проявлений «человеческого духа» в языке, обычаях, обрядах, мифах, т.е. иными словами, анализ процессов восприятия, познания, мышления и эмоционального отношения человека к миру. Язык «как деятельность народного духа» в соответствии с направленностью сравнительной антропологии рассматривается одновременно и как инструмент ментального упорядочивания мира, и как зеркало этнического мировидения.

Совершенно очевидно, что решение задач этой науки возможно лишь при условии сопряжения усилий лингвистов, историков, этнографов, культурологов, этнических психологов, социологов и философов, поскольку в самой своей основе она носит интердисциплинарный характер. Перед лингвистикой открывается, таким образом, новое поле исследований, связанных с герменевтическим изучением языка, что позволяет перейти от эмпирических данных к их интерпретационному анализу, т.е. подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения. А это значит, что из лингвистики «в самой себе и для себя» (Ф. Соссюр) она превращается в «зачем / почему-лингвистику» (А.Е. Кибрик). И в этом превращении в интерпретационную лингвистику особая роль принадлежит когнитологии.

Стремление дать языковым фактам культурологическое, этнопсихологическое, историческое объяснение позволило соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и тем опытом, который они в качестве структур знания отражают. Так постепенно пришло осознание того, что именно язык может дать истинную картину языкового сознания человека той или иной культуры со всеми ее сложностями и нюансами. Обосновывая этот тезис, Н.Д. Арутюнова остроумно замечает: «Если Бог создал человека, то человек создал язык — величайшее свое творение. Если Бог запечатлел свой образ в человеке, то человек запечатлел свой образ в языке. Он отразил в языке всё, что узнал о себе и захотел сообщить другому. Человек запечатлел в языке свой физический облик, свое внутреннее состояние, свои эмоции, интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе — земной и космической, свои действия, свои отношения к другому человеку»¹.

Присутствие человека в языке ощущается на всех языковых уровнях (ср., например, развитие категории одушевленности в старославянском и древнерусском языках, которая первоначально зарождалась как категория *л и ца* и появилась сначала у существительных мужского рода, обозначающих общественно полноправных лиц, таких, например, как *отъсьь*, *мжжь*, *къназь* и др.; или возникновение безличных предложений в русском языке, которое первоначально было связано с древними воззрениями славян на природу, поскольку система грамматических форм безличного предложения сформировала значение производителя действия как высшую стихийную, неопознанную силу (ср. *морозит*, *знобит*, *лихорадит* и др.).

Однако более всего антропоцентричность языка проявляется в лексике и особенно в словообразовании, в котором ярко выражена идея языкового созидания (или, по Гумбольдту, «энергейи»). Эта идея является производной от динамической концепции языка, пронизывающей всё учение Гумбольдта, согласно которой язык рассматривается как порождение, как непрерывный акт словотворчества человека. Изучение лексики и словообразования в их погруженности в жизнь показало, что язык является не пассивной объективацией внешнего мира, а сознательным и целенаправленным словотворчеством, в котором познавательное и ценностное сливаются в единое целое. Сам процесс **означивания** предметов и явлений внешнего мира с помощью лексических и словообразовательных средств представляет измерение их **значимости** для носителей языка.

Вот почему осмысление языка культуры начинается, как правило, с изучения его словаря, поскольку лексика является самым чувствительным индикатором культуры. Обратившись к изучению языка культуры, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью исследования слова либо с точки

¹ Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 3.

зрения его семантической структуры (ее разложимости на элементарные смыслы), либо с точки зрения его синтагматики (узусной или свободной сочетаемости), либо с точки зрения его внутренней формы, определения тех мотивационных признаков, которые были актуализированы в слове в языкотворческом акте, либо с точки зрения его коннотативных приращений и т.д. Именно поэтому слово представляет собой культурное творение, которое нельзя объяснить, не обратившись к истории народа, его традициям и религии.

При этом для понимания русской культуры чрезвычайно важным является обращение не просто к русскому языку, а к языку традиционной (или крестьянской) духовной культуры. Однако в контрастивных исследованиях, направленных на выявление своеобразия русского языка, этот аспект часто недооценивается. Внимание исследователей сосредоточено в основном на фактах литературного русского языка, т.е. языка элитарной (книжной) культуры. «И это вполне естественно, — считает Е.Л. Березович. — При недостаточной методологической оснащенности антропологического языкознания исследователям очень важна поддержка собственной интроспекции, собственного языкового “слуха”, а также “прозрачность” изучаемых фактов, их максимальная доступность анализу. Однако при этом неизбежны существенные потери: современные европейские литературные языки испытывают такое жесткое взаимовлияние, и особенно языков международных <...>, что очень сложно говорить об этническом своеобразии той картины, которая может быть получена в ходе анализа»². Кроме того, нельзя забывать и тот факт, что в русской культуре, кроме элитарной, существует и народная (крестьянская) культура, которую репрезентируют диалекты³. Именно они способны дать наиболее полное представление об этнической культуре русского народа. Однако современная этническая традиционная культура русских — «своего рода “ископаемый реликт”, ибо семьдесят лет советской власти было посвящено вполне сознательному и планомерному искоренению традиционного мироощущения. Советская культура вобрала в себя идеологизированный вариант дворянской, т.е. освоенной иноэтнической, культуры, постепенно исключив из культурной социализации этническую культуру с ее обрядами, свадебными и поминальными “плачами”, с её праздниками, которые разыгрывались как многоактные представления»⁴.

Это языковое различие двух культур особенно сильно ощущалось в XIX веке. Так, А.С. Грибоедов, говоря о впечатлении от крестьянского пения на слушателей, принадлежащих «к классу полуюропейцев», писал:

² Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. С. 10.

³ Подробнее см.: Толстой Н.И. Избранные труды. Т. III. Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 8.

⁴ Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). М.: Механик, 1996. С. 131.

«Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими <...>, народ, единокровный наш народ разрознен с нами, и навеки. Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец <...>, он, конечно, бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами»⁵. В XX веке положение усугубилось тем, что языковая политика нашего государства, основные направления которой сформировались еще в 20-е годы, препятствовала научному изучению традиционной духовной культуры. Эпоха «строительства социализма» породила своеобразный социальный заказ, связанный с дискредитацией старых народных традиций, народной культуры и соответственно диалектов. Не случайно в Предисловии к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля интерес к изучению народного языка расценивался как реакционный, «тянувший язык к отсталым формам быта, к отсталой идеологии эксплуатируемых и невежественных масс»⁶. Между тем именно в языке традиционной духовной культуры лежит то исконно русское, незамутненное западноевропейским влиянием, что определяет ее национальное своеобразие.

Не могу в связи с этим не привести мнение известного русского мыслителя и общественного деятеля И.Л. Солоневича, который писал, что «психология народа не может быть понята по его литературе. Литература отражает только отдельные клочки национального быта — и, кроме того, клочки, резко окрашенные в цвет лорнета наблюдателя. Так, Лев Толстой, разочарованный крепостник, с одной стороны, рисовал быт русской знати, окрашенный в цвета розовой идеализации этого быта, и с другой — отражал чувство обреченности родного писателю слоя. Ф. Достоевский — быт деклассированного и озлобленного разночинца <...>. А. Чехов — быт мелкой интеллигенции <...>. М. Горький — социал-демократического босняка <...>. Русскую психологию характеризуют не художественные вымыслы писателей, а реальные факты исторической жизни. **Литература всегда является кривым зеркалом народной души.** Наша литература в особенности, ибо она родилась в эпоху крепостничества, достигла необычайной технической высоты и окрасила все наши представления о России в заведомо неверный цвет. Но в такой же цвет окрасила их и русская историография»⁷.

Продолжая мысль И.Л. Солоневича, следует сказать, что адекватная характеристика психологии народа и соответственно его культуры может быть получена только с опорой на данные языка. Апелляции к мнениям и оценкам каких-либо авторитетов из области литературы или философской мысли являются мало убедительными, поскольку это всегда взгляд со сто-

⁵ См.: *Лескинен М.В.* Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. С. 456.

⁶ *Даль В.И.* Толковый словарь. Т. I. М.: Гослитиздат, 1935. С. 14.

⁷ *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 340.

роны, который отличается субъективизмом. А это значит, что необходимо отрешиться от навязываемых оценок и проникнуть в идеологию языка. Тем более что успехи когнитивно-ориентированной лингвистики говорят о том, что «языковая структура в принципе не произвольна, напротив, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая “отражается” в зеркале естественного языка»⁸. Более того, сама логика развития *зачем / почему-лингвистики* требует реализации общей программы антропоцентрической лингвистики — «найти доступ к Человеку через язык». Поэтому только язык может дать истинную картину языкового сознания человека той или иной культуры со всеми ее сложностями и нюансами.

В этой связи чрезвычайно продуктивным оказывается понятие «архетипа», (от греч. *arche* ‘начало’ и *typos* ‘образ’), предложенное впервые К. Юнгом, которое, однако, сегодня широко используется теоретиками культуры. Архетип представляет собой первичный образ, доминанту *коллективного бессознательного*. Он задает общую структуру личности и последовательности образов, всплывающих в сознании при пробуждении творческой активности, инвариантом которой является языковое творчество. Архетип, по мнению К. Юнга, обнаруживается там, где мы имеем дело с **единообразными и регулярно повторяющимися** способами понимания и интерпретации мира (сознательно обработанный, он принадлежит целым народам или эпохам, представая в сказках, мифах, верованиях, тайных учениях), поэтому каждая культура через архетипы воспроизводит свое прошлое, ведет нас к истокам своего возникновения.

Использование этого понятия при исследовании диалектного слова создаст, как представляется, необходимые предпосылки для перехода от эмпирических фактов к типологическим обобщениям при изучении языкового сознания народа, что заложит лингвистический фундамент для объединения наук о культуре.

Проиллюстрируем эту мысль на примере такого базового концепта русской традиционной духовной культуры, как ТРУД.

Работая в настоящее время над описанием русского микрокосма, мы столкнулись с довольно часто встречающимися негативными оценками русского народа и, в частности, с указанием на его *леность*, пассивность, отсутствие деятельностного начала, ср., например, следующее замечание: «Западное мышление предполагает отделение человеком себя от природы, не признание себя ее частью. В результате вырабатывается прагматично-материалистический подход к окружающему миру, исключаяющий наличие души и других нематериальных нравственных категорий. Это приводит к трансформации функции человека в западной культуре в *активность*, *деятельность*. Незападное мышление, присущее в основ-

⁸ Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 75.

ном русским людям, в философском плане исходит из неразделимости человека и природы, из признания себя ее частью. Следовательно, и функция человека трансформируется в сущест в о в а н и е и гармонию, слияние с природой»⁹.

Эти оценки берут свое начало, как правило, не в объективном анализе языка, а в субъективных высказываниях авторитетов русской философской мысли. Приведу в связи с этим высказывание Н.А. Бердяева, который, говоря об особенностях русской ментальности, указывал на ее связь с необозримостью русских пространств. В статье, которая так и называется «О власти пространств над русской душой», он пишет: «С внешней, позитивно-научной точки зрения огромные русские пространства представляются географическим фактором русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это — география русской души. <...> Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны»¹⁰.

Анализ диалектного материала в предложенном ракурсе позволил критически воспринять подобные оценки, многие из которых являются сомнительными и далекими от истинного положения дел, подлинную сущность которых раскрывает нам диалектное слово.

Верное в своей первой посылке, а именно в признании слияния русского человека с природой (находящее поддержку, в частности, в том факте, что среди русских фитонимов практически не встречаются такие, в которых словообразовательно актуализировалась бы эстетическая оценка, что как раз и доказывает спаянность человека с миром природы, поскольку отсутствие дистанции между человеком и миром природы не позволяет взглянуть и оценить ее как бы «со стороны»)¹¹, это утверждение является ошибочным в своем заключении, поскольку речь может идти скорее не о созерцательном отношении русского человека к природе, а о **деятельностном** отношении,

⁹ Шиверских М.Р. Адаптационные тренинги как средство улучшения межкультурного взаимодействия в процессе реализации совместных образовательных программ // Россия — Запад: диалог культур. Материалы III Международной конференции / отв. ред. А.В. Павловская. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 1997. С. 363.

¹⁰ Бердяев Н.А. Национальность и человечество // Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М.: Издательство Московского университета, 1918. С. 23. Следует отметить, что подобная точка зрения была широко распространена и в русской академической науке XIX в. См., например, работы российского антрополога И.А. Сикорского, историка А.П. Щапова, писателей Н.Н. Златовратского, В.В. Богданова, Ф.П. Еленева, полагавших, что отличительными русскими свойствами являются «леность, вялость, сонливость, неподвижность, недеятельность» и т.д. Подробнее см.: Лескинен М.В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности.

¹¹ Подробнее см.: Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998.

проявляющемся в постоянной борьбе с ней за свое выживание. Думается, что именно суровая природа срединной и северной России, требующая упорного труда, настойчивой и постоянной энергии, способствовала формированию деятельного характера русского человека¹².

Об этом свидетельствует и тот факт, что русская традиционная культура — это **культура** прежде всего **хозяйственной деятельности**, основой созидательных ценностей которой является труд (не случайно *жить* в русских диалектах — это ‘трудиться’ Калуж., Свердл.: *Она в больнице живет медсестрой*; а *живоватый* — это ‘способный трудиться’ Карел., СРНК 2: 55¹³). С точки зрения жизненных и поведенческих установок традиционной культуры, существование человека — это борьба за самосохранение и выживание, и в иерархической структуре ее ценностных ориентаций труд является главной ценностью. Поэтому среди имен, представляющих человека традиционной духовной культуры, на первом месте стоят имена, описывающие его трудовую деятельность, ср., например, многочисленные названия **пахаря**: *оральник* Арх., СРНК 23: 327¹⁴; *оратай* Олон., Карел., Арх., Перм., СРНК 23: 328; *оратый* Зап., СРНК 23: 328; *орбец* Пск., СРНК 23: 330; *орец* Пск., Твер., Ленингр., СРНК 23: 337; *пахальщик* Твер., СРНК 25: 286; **сеятеля**: *засевала* Ряз., Ч: 185¹⁵; *засевальщик* Ряз., СРНК 11: 22; *засевщик* Урал., СРНК 11: 24; *насевщик* Пск., СРНК 20: 155; *подсевала* Яросл., Ч: 428; *севак* Калин., Яросл., Ряз., Моск., Свердл., СРНК 39: 98; *севаль* Свердл., Яросл., СРНК 39: 99; *севальщик* Дон., Перм., Свердл., Киров, СРНК 37: 100; *севарь* Орл., СРНК 39: 100; *севач* Перм., Тюмен., Курган., Свердл., СРНК 37: 100; **косаря**: *косак* Калин., Ч: 233, *косырь* Курск., Ч: 236; *косильщик* Вят., Ленингр., Пск., Ворон., Ч: 233; *косельщик* Свердл., Арх., Ч: 233; *косяк* Вят., Волог., Свердл., Ч: 236; *накосчик* Пск., Ч: 321; **жнеца**: *жалыник* Олон., Ч: 155; *жалыщик* Ворон., Твер., Ленингр., Ч: 155; *жатух* Ср. Урал, Ч: 155; *жневец* Новосиб., Ч: 163; *жней* Челяб., Южн. Урал., Моск., Ч: 163; *жнивец* Смол., Ч: 163; *жнитух* Ср. Урал, Ч: 163; **молотильщика**: *замолотник* Карел., Ч: 179; *замолотчик* Арх., Твер., Ч: 179; *молотельщик* Моск., Перм., Урал., Ч: 306; *молотила* Пск., Твер., Ч: 306; *молотильник* Новосиб., Ч: 306; *молотяга* Сиб., Перм., Ср. Урал, Краснояр., Кемер., Курган., Иркут, Ч: 306; *обмолотчик* Ленингр., Пск., Ч: 382 и т.д.).

¹² См., например: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Т. 1. СПб.: Издательство Д.Е. Кожанчикова, 1872. С. 471; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956. С. 66; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 78.

¹³ *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей.* Вып. 2 / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995.

¹⁴ Здесь и далее: СРНК — *Словарь русских народных говоров.* Вып. 1–51. Л. (СПб.): Наука, 1965–2019.

¹⁵ Здесь и далее: Ч — *Человек в производных именах русской народной речи: словарь* / М.А.Алексеев, О.И. Литвинникова. М.: ЭЛПИС, 2007.

Причем, в отличие от литературного языка семантическое поле *nomina professionalia* характеризуется чрезвычайно детальной лексической проработанностью, так как среди них представлены имена, подробно описывающие сам характер трудовой деятельности человека (ср. *кочкодёр* ‘человек, разделяющий кочковатую землю под посеvy’ Яросл., СРНГ 15: 134; *разбивальщик* ‘человек, разбивающий вилами навоз и разбрасывающий его по полю’ Пск., Смол., Калуж., СРНГ 33: 260; *навивальщик* ‘тот, кто навивает сено, солому на стог’ Ряз., Тул., Курск., Калинин., Новг., Ч: 316; *стогометатель* ‘тот, кто мечет сено в стог’ Амур., Новосиб., Ч: 49 и т.д.), а также указывающие на его временные пределы (ср. *вселетник* ‘работник, нанятый на все лето’ Волог., Ч: 92; *жатник* ‘работник, нанятый на время жатвы’ Ср. Урал, Ч: 155; *замолоченный* ‘работник, нанятый только на молотьбу’ Ср. Урал, СРНГ: 254; *обыдёнщик* ‘рабочий-подёнщик’ Арх., Ч: 387 и т.д.).

Деятельностное отношение к природе прослеживается и в номинациях **земли, отвоеванной у леса** и расчищенной под пашню (ср. *выжига* Яросл., СРНГ 5: 279; *дерюга* Волог., СРНГ 8: 28; *драка* Волог., Яросл., СРНГ 8: 170; *зачисток* Костром., СРНГ 11: 179; *паленище* Яросл., Перм., СРНГ 25: 166), а также в многочисленных **названиях непаханой** (ср. *непахоть* Влад.; *непахотина* Свердл.; *непашка* Урал., Горьк.; *непашь* Саратов., Ряз., Горьк., СРНГ 21: 108) и **паханой земли** (ср. *оранина* Сиб., Свердл., СРНГ 23: 27; *ораница* Новг., Олон., Сев.-Двин., Петерб.; *оранка* Новорос., СРНГ 23: 328; *пахань* Смол.; *паханина* Вят., Арх., Перм., Ворон., Дон., СРНГ 25: 286; *пахотина* Перм., СРНГ 25: 294; *пашнина* Яросл., Костром., СРНГ 25: 307; *пашурица* Арх., СРНГ 25: 308 ‘пахотная земля, пашня’), **лугов** (ср. *косьба* ‘скошенный луг’ Яросл., СРНГ 15: 95) и **полей** (ср. *жатье* ‘сжатое поле’ Арх., СРНГ 9: 87; *попашка* ‘засеянное поле’ Пск., Твер., СРНГ 29: 300). В основе всех этих имен лежит акторный мотивационный признак, т.е. земля в них предстает как объект деятельности человека, причем деятельности чрезвычайно тяжелой, о чем говорят многочисленные **глаголы, обозначающие трудовую деятельность** человека, ср. *бесстужиться* ‘усердно и напряженно трудиться без отдыха’ Арх., СРНГ 2: 279; *горбачиться* ‘много и тяжело работать’ Брян., СРНГ 7: 17; *ломаться* ‘много и тяжело трудиться’ Костром., Арх., Ряз., Твер., Пск., Смол., Урал, СРНГ 17: 118; *запрягаться во весь хомут* ‘делать самую трудную работу’ Калуж., СРНГ 10: 362; *работать до убитого глаза* ‘работать до изнеможения’ Орл., СРНГ 6: 186 и т.д.).

На деятельностное отношение человека к природе указывают и мотивационные признаки многочисленных производных имен семантической сферы «Растительный мир», среди которых на переднем плане оказываются хозяйственные приоритеты, прагматические цели (ср., например, **названия леса**: *избняк* ‘лес, идущий на строительство домов’ ЛАРНГ¹⁶; *кровельник*

¹⁶ Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ): Т. 1. Растительный мир / отв. ред. Т.И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 71-74.

‘лес, идущий на постройку крыш’ Твер., Пск., СРНГ 15: 267; *мостовняк* ‘лес, употребляемый на настил моста’ Моск., СРНГ 18: 291–293; *полозняк* ‘лес, годный для полозьев’ Забайкал., СРНГ 29: 106 и т.д.).

Наконец, об этом свидетельствуют и собственно субъектные номинации, маркирующие отрицательное отношение языка традиционной культуры к человеку ленивому и бездеятельному. Кроме общего названия **ленивого человека**, бездельника (ср.: *безделой* Пск., СРНГ 2: 187; *безработица* Свердл., СРНГ 2: 198; *блудень* Новг., СРНГ 3: 29; *болтень* Костром., СРНГ 3: 81; *валек* Волог., Костром., Перм., Свердл., СРНГ 4: 24; *висляй* ‘Курск., Смол., Пенз., Казан., СРНГ 4: 297; *вихляй* Смол., Влад., Волог., Новг., СРНГ 4: 304; *залежень* Новг., Тул., СРНГ 10: 197; *изленок* Пск., Твер., СРНГ 12: 138; *легкобытчик* Краснодар., СРНГ 16: 312; *легкопар* Тул., СРНГ 16: 313; *лежбечина* Пск., Смол., Олон., Свердл., СРНГ 16: 331; *лентяк* Сев.-Двин, Арх., Волог., Перм., Урал., Заурал., Курган., Иркут., СРНГ 16: 357; *ложбень* Ворон., СРНГ 17: 107; *мякун* Влад., СРНГ 19: 81; *невстань* Пск., СРНГ 20: 362; *недея* без указ. места, СРНГ 21: 13; *неделух* Влад., Ч: 335; *нетрудь* Урал., Ч: 365; *прилавень* Пск., Твер., СРНГ, 31: 268; *пустокорм* Яросл., Костром., Ч: 455 и т.д.), в диалектах существует множество дифференцирующих, социально ориентированных названий, в которых этот признак уточняется.

С точки зрения народной этики ленивый человек и в социальном, и в этическом плане оценивается как человек:

- ▶ ‘**праздний**’, бездельник, который лишь гуляет, праздно шатается (ср. *заброда* Терск., Моск., Волог., Арх., Олон., СРНГ 9: 75; *междудворник* Ворон., Ч: 293; *междедвор* Курск., Дон., Ч: 293; *междедворец* Орл., Ч: 293; *нагульник* Забайк., Ч: 317; *шлында* Новосибир., Ч: 511);
- ▶ ‘**который предпочитает лежать**’ (ср. *валюга* Волог., Костром., Яросл., Влад., Тул., Ч: 68; *валявка* Волог., Арх., Новг., Яросл., Костром., Казан., Ч: 69; *валявок* Арх., Ч: 69; *валяха* Твер., Ч: 69; *завалюжка* Пск., Твер., Ч: 168; *лёга* Курск., Ворон., Яросл., СРНГ 16: 309; *лежень* Яросл., Перм., Ср. Урал, Новг., Брян., СРНГ 16: 332; *леженька* Яросл., Смол., СРНГ 16: 334; *леженья* Нижегород., СРНГ 16: 334; *лежабок* Ленингр., СРНГ 16: 326; *лежак* Южн. Урал., СРНГ 16: 326; *лежаса* Ворон., СРНГ 16: 326; *лежник* Ряз., СРНГ 16: 337; *лежнюга* Брян., СРНГ 16: 337; *лежня* Калин., СРНГ 16: 337; *лежняк* Арх., СРНГ 16: 337; *лежун* Якут., СРНГ 16: 337; *недвига* Курск., Ворон., Дон., Ставроп., Ч: 335; *неподвиль* Пск., Твер., Костром., Ч: 351);
- ▶ ‘**неловкий, неумелый**’ (ср. *мякуля* Яросл., СРНГ 18: 81; *неделаха* Приурал., Ч: 335; *развальня* Яросл., Ч: 463; *развалюга* Костром., Ч: 463; *разваля* Яросл., Ч: 463; *развара* Яросл., Ч: 463; *расхляба* Яросл., Ч: 471);
- ▶ ‘**медлительный, нерасторопный**’ (ср. *валух* Ворон., Дон., СРНГ 4: 31; *валюка* Калин., Ч: 68; *валюга* Влад., Яросл., Волог., СРНГ 4: 34; *мягкий* ‘ленивый, нерасторопный’ Яросл., Калуж., СРНГ 18: 73; *непропёка* ‘неповоротливый, ленивый человек’ Калуж., Твер., Тул., Орл.,

Костром., Ч: 354; *неповоротень* ‘медлительный, неуклюжий человек’ Пск., Твер., Калуж., Курск., Смол., Костром., Новосиб.; // ‘ленивый человек’ Енис., Костром., Ворон., СРНГ 21: 112);

- ▶ ‘**бесхозяйственный**’ (ср. *бездомовица* 1) ‘лентяй’ Перм., Вят.; 2) ‘бесхозяйственный человек’ Свердл., Ч: 33; *междвор* 1) ‘бездельник, лентяй’ Курск., Дон.; 2) ‘бесхозяйственный человек’ Кубан., Ч: 293);
- ▶ ‘**который долго спит, соня**’ (ср. *дрёма* Костром., Пск., Перм., СРНГ 8: 183; *дыхала* Пск., Калуж., СРНГ 8: 232; *засона* Арх., Перм., Ч: 186; *засоня* Тобол., Том., Перм., Урал, Ч: 186; *застиха* Волог., Костром., Ч: 187);
- ▶ ‘**который живет за чужой счет**’ (*алырник* ‘бездельник, лентяй, дармод’ Южно-Сиб., Саратов., Перм., Ворон., Тамб., Твер., Нижегород., Казан., Самар., Ярослав., Волог., Пенз., Ср. Урал., Ч: 14; *чужеспинник* ‘бездельник, лентяй’ Ряз., Ярослав., Ч: 508; *волтруп* ‘лентяй, дармод’ Нижегород., Ч: 86 (*волтрупить* ‘валяться, спать, лениться’); *мироедина* ‘тот, кто живет чужим трудом’ Пск., Ч: 299; *нахлебник* ‘лодырь, дармод’ Кубан., Сиб., Ч: 328; *легкобытник* ‘любитель легкой жизни, лентяй’ Краснодар., Ч: 262; *нетрудник* ‘ленивый человек, живущий за чужой счет’ Арх., Ч: 365; *охребетник* Пск., Твер., Ч: 405).

В диалектном слове, таким образом, отрицательно оцениваются такие качества человека, как праздность, вялость, сонливость, неумелость, недобросовестность в труде, небрежное отношение к работе и в целом к хозяйству, стремление жить за чужой счет, поскольку все они характеризуют его как человека ленивого, бездеятельного. Поэтому лентяй в языке традиционной культуры воспринимается как *злыдень* (Олон., Саратов., Ворон., Калуж., Пск.: *Отроду злыдень, всё бы на чужой шее жил* СРНГ 11: 294; ср. также *злыга* ‘лентяй’ Перм., СРНГ 11: 292; *злыдня* ‘ленивая женщина’ Смол., СРНГ 11: 295; Ярослав., ЯОС 4: 123¹⁷).

На фоне этого многочисленного (но далеко не полного) списка имен названия трудолюбивого человека представлены значительно скромнее (ср. *работень* Ряз., Ч: 459; *работила* Орл., Ч: 459; *робящий* ‘трудолюбивый’ Новосиб., Ч: 473; *роботнувший* Перм., Ч: 473; *радливый* ‘трудолюбивый, усердный, старательный’ Сиб., Влад., Свердл., СРНГ 33: 248; *Мама-то у нас, ой, какая радливая, бойкая была, пойдет, продолтники-те наставит, рыбы наудит, олады утром-от напечет, насокет, шибко мама радливая-то была* Печор.¹⁸; *заразной* ‘трудолюбивый, энергичный’ Волог., Ч: 185; *зарыевой* Вят., Киров., Волог., Краснодар., Ч: 165; *непокойный* ‘трудолюбивый человек, не любящий сидеть без дела’ Моск., Ч: 351; *обитуй* ‘трудо-

¹⁷ Ярославский областной словарь. Учебное пособие. Т.1-10 / науч. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ, 1981-1991.

¹⁸ Калиновская В.Н. Некоторые лексико-семантические особенности слов по теме «Человек» // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). 1998 г. / отв. ред. И.А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 2001. С. 213.

любивый человек' Чкал. (*обитовать* 'прилежно трудиться') Ч: 379; *трудник* 'тот, кто много трудится' Новосиб., Ч: 497; *трудовак* 'то же' Новосиб., Ч: 497; *трудолюбивый* 'трудолюбивый' Перм., Ч: 497; *трудящий* 'то же' Амур., Ч: 497; *трудоливый* Арх., Печор., Перм., Коми, Бурят, СРНГ 45: 155 и т.д.), что вполне согласуется с представлениями о норме, существующими в крестьянской культуре. В традиционном языковом сознании лень входит в противоречие с принципами выживаемости, соборности, коллективности (ведь отлынивая от работы, человек перекладывал ее на другого). Вот почему в русских диалектах так много названий ленивого, нерадивого человека, в которых отчетливо просвечивает отрицательное отношение к человеку пассивному, бездеятельному. Тогда как трудолюбивый человек — явление, вписывающееся в норму, а потому не требующее специального языкового выражения.

Думается, что этот регулярно повторяющийся мотив в концептуализации труда не может быть случайным. Он говорит о том, что в диалектном слове отразилась нравственная установка традиционной культуры, в которой труд является регулятивной категорией. Он воспринимается как неотъемлемая составляющая жизни человека, его естественное состояние. Будучи глубинной основой бытия человека, труд обеспечивает его выживание, поэтому является константой человеческой жизни, наполняя ее смыслом. При этом он составляет основу не только благополучия, но и нравственности человека. Будучи культурной нормой жизни, он формирует личность и определяет ее положение в обществе. Социум выносит свой вердикт, оценивая значимость каждого своего члена через его трудолюбие как форму социально ответственного поведения. В представлениях языка традиционной культуры человек, не обнаруживающий склонности к труду, отторгается социумом как не отвечающий нравственным устоям общества.

Поэтому труд в диалектах — это не просто деятельность, а **этически значимая деятельность**, которою до сих пор определяется русская ментальность (ср. *потрудиться* 'исполнить обет, сделать доброе дело' Ряз., СРНГ 30: 309). Вот почему, отрицая трудолюбие как качество русского человека, мы отрицаем саму нравственную основу его жизни.

Итак, приведенный материал убедительно свидетельствует о том, что адекватная характеристика психологии народа и соответственно его культуры может быть получена только с опорой на данные его языка. Диалектное слово «выступает неким концентратом культуры нации»¹⁹. В диалектах до сих пор живут различные формы культурной традиции, социальной и культурной деятельности человека традиционной культуры, так как диалектный язык «насыщен переживаниями прежних поколений и хранит их живое дыхание»²⁰. Опора на языковые средства позволяет не только избежать

¹⁹ Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1996. С. 29.

²⁰ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 71.

субъективности в оценке, но и в известном смысле «реконструировать» те культурные смыслы, которые образуют целую этическую философию, связанную с осмыслением жизни и духовных ценностей человека традиционной культуры. Поэтому, изучая диалектное слово, мы сможем понять не только архетип нашей культуры, но и ее подлинную сущность, ибо каждая культура живет и развивается в «языковой оболочке», определяя характер и состояние этой оболочки.

Литература

1. *Арутюнова Н.Д.* Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999.
2. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.
3. *Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998.
4. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
5. *Калиновская В.Н.* Некоторые лексико-семантические особенности слов по теме «Человек» // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). 1998 г. / отв. ред. И.А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 2001. С. 211–215.
6. *Кибрик А.Е.* Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.
7. *Лескинен М.В.* Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016.
8. *Лихачев Д.С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1996.
9. *Сикевич З.В.* Национальное самосознание русских (социологический очерк). М.: Механик, 1996.
10. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
11. *Толстой Н.И.* Избранные труды. Т. III. Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки русской культуры, 1999.
12. *Шиверских М.Р.* Адаптационные тренинги как средство улучшения межкультурного взаимодействия в процессе реализации совместных образовательных программ // Россия — Запад: диалог культур. Материалы III Международной конференции / отв. ред. А.В. Павловская. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 1997. С. 363–367.

References

1. Arutiunova, N.D., 1999. *Logicheskii analiz iazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i iazyke* [Logical Analysis of Language. The Image of Man in Culture and Language]. Moscow: Indrik.
2. Berezovich, E.L., 2007. *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.

3. Gumbol'dt, V., 1984. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu* [Selected Writings in Linguistics]. Moscow: Progress.
4. Kalinovskaia, V.N., 2001. Nekotorye leksiko-semanticheskie osobennosti slov po teme "Chelovek" [Some Lexical and Semantic Features of the Words on the Topic "Man"]. In: Popov, I.A., ed., 2001. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniia). 1998 g.* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Studies)]. Saint Petersburg: ILI RAN, pp. 211–215.
5. Kibrik, A.E., 2008. Lingvisticheskaia rekonstruktsiia kognitivnoi struktury. *Vo-prosy iazykoznaniiia*, N 4, pp. 51–77.
6. Leskinen, M.V., 2016. *Velikoross / velikorus. Iz istorii konstruirovaniia etnichnosti. Vek XIX* [Velikoros / Velikorus. From the History of the Construction of an Ethnicity. The Nineteenth Century]. Moscow: Indrik.
7. Likhachev, D.S., 1996. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the Philosophy of Art]. Saint Petersburg: Rus.-balt. inform. tsentr "Blits".
8. Shiverskikh, M.R., 1997. Adaptatsionnye treningi kak sredstvo uluchsheniia mezhkul'turnogo vzaimodeistviia v protsesse realizatsii sovместnykh obrazovatel'nykh programm [Adaptive Training as an Instrument of Improving Intercultural Interaction in the Implementation of Joint Educational Programs]. In: Pavlovskaiia, A.V., ed., 1997. *Rossiiia — Zapad: dialog kul'tur. Materialy III Mezhdunarodnoi konferentsii* [Russia — West: Dialogue of Cultures. Proceedings of the Third International Conference]. Moscow: Tsentr po izucheniiu vzaimodeistviia kul'tur, pp. 363–367.
9. Sikevich, Z.V., 1996. *Natsional'noe samosoznanie russkikh (sotsiologicheskii ocherk)* [Russian National Consciousness (Sociological Essay)]. Moscow: Mekhanik.
10. Solonevich, I.L., 2010. *Narodnaia monarkhiia* [The People's Monarchy]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii.
11. Tolstoi, N.I., 1999. *Izbrannye trudy. T. III. Ocherki po slavianskomu iazykoznaniiu* [Selected Writings. Volume 3. Essays on Slavic Linguistics]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
12. Vendina, T.I., 1998. *Russkaia iazykovaia kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniia (makrokosm)* [Russian Language World Picture Through Word Formation (Makrokosm)]. Moscow: Indrik.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД СЛОВЕНЦЕВ ПРЕКМУРЬЯ НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ.

2. ЧИНЫ И ОБРЯДОВАЯ АТТРИБУТИКА*

Александр Викторович Гура —

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: avgura@mail.ru

Аннотация

Свадебный обряд Прекмурия как в плане своей синтагматической, так и парадигматической структуры показывает, с одной стороны, близкие связи культурно-языковой традиции этого славянского региона с соседней, родственной ей хорватской и в меньшей степени — с другими южнославянскими (и чем далее в этом ареале на восток, тем схождения меньше и они слабее), а с другой стороны, еще более близкие и отчетливые связи с традиционной культурой Словакии и отчасти Моравии, причем, параллели эти не ограничиваются ближайшими к Словении юго-восточными областями Словакии, но и распространяются дальше в северном и восточном направлении на карпатскую зону Словакии и Западной Украины. Отдельные, подчас еще более удаленные географические соответствия, в основном спорадического, одиночного или точечного характера, связывают окраинную словенскую традицию Прекмурия с некоторыми другими архаическими маргинальными или анклавными славянскими традициями — лужицкой, словинско-кашубской, градищанскохорватской, южноболгарской (родопской, фракийской), севернорусской.

Ключевые слова

Свадебные чины, ритуальные предметы, Прекмурие, архаические славянские зоны, параллели.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2019 г.

* Статья является продолжением статьи: Гура А.В. Свадебный обряд словенцев Прекмурия на общеславянском фоне. 1. Обрядовая структура // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Выпуск 13. № 3–4. С. 182–195. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.3-4. 1.16.

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

WEDDING CEREMONY OF PREKMURJE SLOVENES IN THE GENERAL SLAVIC BACKGROUND. 2. CHARACTERS AND RITUAL ATTRIBUTES*

Aleksandr V. Gura

Doctor of Sciences,
Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: avgura@mail.ru

Abstract

Firstly, the Prekmurje wedding rite shows close cultural and linguistic connections of this Slavic region with the neighbouring Croatian and, to a lesser extent, with other South Slavic ones. And the further east in this area, the lower the degree of the convergence. Secondly, there are even closer and more distinct connections with the traditional culture of Slovakia and partly of Moravia. These parallels are not limited to the south-eastern regions of Slovakia closest to Slovenia, but also extend further in the north and east division by the Slovak Carpathian region and Western Ukraine. Separate, sometimes even more geographically distant correspondences, mostly sporadic, single or point-like, link the marginal Slovenian tradition of Prekmurje with some other archaic marginal or enclavian Slavic traditions — Sorbian, Slovincian-Kashubian, Burgenland Croatian, Southern Bulgarian (Rhodopian, Thracian), Northern Russian.

Keywords

Wedding ranks, ritual objects, Prekmurje, archaic Slavic areas, parallel.

Received 5 March 2019.

В отличие от общности прекурского наименования сватовства, терминология сватов в Прекмурье отличается разнообразием: *vogledniki*, *voglednicje* или *voglednicke*; *prosce*, *prošnjače*; (устар.) *snoboke*¹; в Порабье — также *pričniki* (от *pričati* ‘быть свидетелем, свидетельствовать’)². Первая группа терминов роднит прекурско-словенскую традицию прежде всего со словацкой (земплин. *ohl'ednik*, шарийш. *vohl'adnik* и нек. др.) и северноболгарской (*огледник*, плевен., шумен. *огледник*, елен. *угледник*, преслав. *огледници*), в меньшей мере — с великопольской (пильск. *ogłędnik*) и

* The first part of the article see: Gura, A.V., 2018. Svadebnyi obriad sloventsev Prekmur'ia na obshcheslavianskom fone. 1. Obriadovaia struktura [Wedding Ceremony of Prekmurje Slovenes in the General Slavic Background. 1. Ritual Structure]. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii* [Slavic World in the Third Millennium], 13 (3-4), pp. 182-195. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.3-4.1.16.

¹ Žalik D. Ženitovanjska šega in vloga pozvačina v žižkih in okolici. Diplomsko delo. Murska Sobota, 2010. S. 15; Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege v Prekmurju s posebnim obzirom na Porabje // *Traditiones*. 1973. [Letn.] 2. S. 136.

² Austro-ogrska monarhija v besedi in podobi. Slovenci 1. Štajerska, Porabje in Prekmurje, Koroška / Uredili M. Kropelj Telban in I. Slavec Gradišnik. Ljubljana, 2016. S. 91.

сербскобанатской (*огледач, огледачи*)³. Вторая группа наименований сватов характерна для южнославянской традиции в целом: хорв. *prosci, prošci, prošnjače, uprošnjak*, серб., черногор., босн. *prosači, prosoci*, болг. *proseci, prosoci, prosjaci*. Третье название (*snoboke*), славянский архаизм, объединяет архаическую прекмурскую традицию главным образом с соседней хорватской (*snubok, snuboci*) и с другой архаической славянской традицией — южноболгарской (родоп. *снобник*, пазарджик. *снобници*). Последнее название (пораб. *pričnik*) объясняется тем, что нередко главного из сватов — пожилого человека (крестного, дядю и др.), ведущего переговоры с родителями невесты, уже на этом этапе сговора называют так, как впоследствии именуют на свадьбе, где он выступает в роли посаженого отца и свидетеля при венчании (такая преемственная связь ролей свата и посаженого в прекмурской и вообще словенской традиции прослеживается особенно отчетливо⁴), — *starešina* (Прекмурье, Горни Петровцы; Камовцы, община Лендава; Порабье)⁵, *staršina* (Прекмурье)⁶, *stršina* или *starejši* (Прекмурье, Град)⁷, *staršin* (Порабье, Горни Сеник)⁸, *starišina* (Порабье)⁹. У прекмурских словенцев области Горичко, в окрестностях села Кузмы, таким сватом (одним из *voglednikov*, наряду с отцом жениха и самим женихом) был *beli starešina*¹⁰. В Горних Петровцах под этим именем фигурировала женская участница сватовства со стороны жениха — его родственница. Она оповещала родителей невесты о скором приходе сватов и с соответствующим мужским чином составляла свадебную пару (*starešinje*)¹¹. Жених тоже шел вместе со сватами в дом невесты. Лишь в Турнище и окрестных селах прекмурской области Долинско сватать шла пожилая женщина с кем-либо из родственников или соседей жениха, но сам жених к ним не присоединялся¹².

³ Здесь и далее славянские параллели приводятся по книге: Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012.

⁴ Например: в прекмурских Ганчанах (община Белтинцы) *starešina* сватал невесту, а на венчании выступал свидетелем со стороны жениха, на пиру просил благословения для новобрачных (*Maučec I. Kak so se in da v Gančanaj ženili. Beltinci: ZTK, 2017. S. 4, 10, 26*); в Горних Петровцах (область Горичко) посаженным (*starešin*) обычно был тот, кто сватал невесту (*Ženitovanje. Gornji Petrovci. Zapisal Truhan Avgust // Arhiv Inštituta za slovensko narodopisje ZRC SAZU (далее — AISN). Любляна. Št. 221. № 311*); в области Крайна *starejšina* сватал невесту, а в день свадьбы возглавлял процессию жениха за невестой, на свадебном пиру объявлял сбор даров для невесты (*Austro-ogrška monarhija v besedi in podobi. Slovenci 2. Kranjska, Primorje / Uredili M. Kropelj Telban in I. Slavec Gradišnik. Ljubljana, 2018. S. 40, 42, 43*).

⁵ *Ženitovanje. Gornji Petrovci... № 60, 77*; соб. запись 21.05.2018; *Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege... S. 122*.

⁶ *Ibid. S. 136*.

⁷ *Ženitovanje. Grad v Prekmurju. Zapisala Marija Kočar // AISN. Št. 179. 1970. № 61, 77*.

⁸ *Mukicsné Kozár M. Felsőszölnök — Gornji Senik. Szombathely: Savaria Múzeum; Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 1988. S. 131*.

⁹ *Austro-ogrška monarhija... Slovenci 1. S. 91*.

¹⁰ *Ženitovanje. Kuzma (okoliške vasi: G. Slaveči; Dolič, Matjaševci, Trdkova). Zapisala Olga Čerpujak // AISN. Št. 122. 5/4-1970. № 59, 61, 77*.

¹¹ *Ženitovanje. Gornji Petrovci... № 59; Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege... S. 136*.

¹² *Ženitovanje. Turnišče in okolica (Črenšovci, Polana in Dobrovnik). Zapisal Nemeč Štefan // AISN. Št. 270. 1973. № 77, 78*.

Посажённые родители занимали почетное место на свадьбе. Посажённый отец содействовал соединению жениха с невестой, просил их на обручении взять друг друга за руки, сопровождал жениха в свадебной процессии к невесте, а затем в церковь, следил за ходом обряда, руководил свадебным застольем, произносил речи и тосты, делил свадебный хлеб и т.д. Посажённая мать сопровождала невесту к венчанию, раздавала хлеб встречным по пути свадебного поезда, меняла невесте головной убор. Роль посаженного отца жениха как старшего чина пересекается с ролью свадебного свата, что отражено в их однокоренных наименованиях (прекмур. *starešina*, *starejši* и т.п. ‘посажённый отец’ и гореньск., примор. *stari svat* ‘старший сват’), а также частично — с ролью свадебного дружки. Посажённые обычно выступают в паре и часто являются мужем и женой, но терминологически их названия далеко не всегда сходны между собой. Симметрия в наименовании этих лиц (*starešina* ~ *starešinka*¹³; *starešina* / *starešin* ~ *starešica*¹⁴; *starešina* / *starišina* ~ *starišica*¹⁵, *stršica*¹⁶ или *staršica*¹⁷; *staršina* ~ *staršica*¹⁸) объясняется действием аналогии, какую можно видеть в названиях молодежной пары — дружки жениха (парня) и дружки невесты (девушки).

Другое распространенное название посаженной матери — *posnehalja*¹⁹, *posnejalja*²⁰, *posnijalja*²¹, *posnejalka*²² от *sneha*, *sneja* ‘невеста’ (ср. сходные

¹³ Камовцы, община Лендава, соб. запись 21.05.2018; Крижевцы при Лютомеру (Прлекия, Штирия), соб. запись 21.05.2018.

¹⁴ Горни Петровцы, соб. запись 23.05.2018, *Ženitovanje. Gornji Petrovci...* № 311.

¹⁵ Прекурье, *Žalik D. Ženitovanjska šega...* S. 18, 20; Ванча Вас, община Тишина, *Kuhar B. Borovo gostúvanje: ob spremembah, ki jih prinaša čas // Slovenski etnograf. 1963–64. Letn. 16–17. S. 136.*

¹⁶ Богоина, община Моравске Топлице, *Etnološki atlas Jugoslavije* (далее — ЕАЈ). [Неопубликованные материалы Этнографического атласа всех народов бывшей Югославии. Хранятся на отделении этнологии философского факультета Загребского университета.] (*Etnološko Društvo Jugoslavije. Komisija za Etnološki Atlas, Centar za pripremu Atlasa. Filozofski Fakultet, Etnološki zavod. Sveučilište u Zagrebu*). аG 222/222. Vogojina. № 122.3, 4a, b, 6c.

¹⁷ Прекурье, *Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege...* S. 128.

¹⁸ Белтинцы, соб. запись 16.05.2018; Прекурье, Горичко, *Pšajd J. Lik vabovca v poročnem obredju na Goričkem // Prekmurje — podoba panonske pokrajine / Uredila Maja Godina Golija. Ljubljana; Petanjci, 2014. S. 63.*

¹⁹ Прекурье, *Žalik D. Ženitovanjska šega...* S. 18; *Novak V. Ženitovanjski običaji v Slovenski Krajini // Mladika. 1935. [Letn.] 16. [Št.] 2. S. 65, 66;* Горни Петровцы (Горичко), соб. запись 23.05.2018; Стреховцы, община Добровник, соб. запись 21.05.2018; Турнице (Долинско), соб. запись 22.05.2018; Турнице и окрестные села, *Ženitovanje. Turnišče...* № 311, 312; Белтинцы и окрестности, *Ženitovanje. Beltinci, okoliš Beltinci. Zapisala Zadavec Aranka // AISN. Št. 220. Od 1.IV do 25.V.1970.* № 311, 312; Богоина, община Моравске Топлице, ЕАЈ, аG 222/222. № 122.6f; Велика Неделя, община Ормож (Штирия, Прлекия), ЕАЈ, BG 321/412, *Velika Nedelja.* № 122.6f.

²⁰ Камовцы, община Лендава, соб. запись 21.05.2018.

²¹ Белтинцы, соб. запись 20.05.2018; Ганчани, община Белтинцы, *Maučec I. Kak so se inda...* S. 10, 39; Белтинцы и окрестности, *Ženitovanje. Beltinci...* № 311.

²² Ковачевцы, община Град, *Rožnik P. Slepí bratec. Prekmurske ljudske pripovedi. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1981. S. 232.*

русские названия посаженной твер., вят. *поневестница*, владимир. *поневестная* и названия подруги невесты, свидетельницы с ее стороны твер., псков. *поневестница*, *поневестица*). Эта группа терминов, обозначающих посаженую, объединяет прекурскую традицию с хорватской (самобор. *posnehalja*, карловац. *posnehalja*, *posmikalja*, *posneš*, хорв. *posneš*, *podneš*, *posnešala*, *posnaša*), включая хорватов Бургенланда (*posnašnica*²³) и боснийских сербов (*поснешица*; ср. также серб. тимок. *снаша*).

Прямое использование термина родства *teta* 'тетка' в качестве названия посаженной матери невесты представляет собой простейший и, по-видимому, один из архаических способов номинации; ср. подобного рода названия посаженной матери бел. *тітка*, *чэшча*, укр. *матка*, словен. *velika mati*; посаженного отца — рус. *дядька*, *дядько*, *дяде*, укр. *дядя*, рус. *батька*, укр. *батько*, словен. *veliki oče*; свадебного дружки — рус., укр. *дядько*, *дядя*, бел. *дзядзя*, рус. *дяде*, укр. *дід*, рус., бел., укр. *брат*, в.-луж. *braška*, болг., макед., серб., черногор., босн. *девер* (*дјевер*), хорв., словен. *dever*; невесты — серб. *снаха*, *снаша*, словен. *snaha* и т.д. Для Прекмурья употребление термина *teta* применительно к посаженной матери нехарактерно, лишь кое-где он известен пассивно, наряду с основным, местным наименованием, например, в Ганчанах (Долинско) — как синоним названия *posnijalja*²⁴, в Горних Петровцах (Горичко) — при основном названии *starešica*²⁵. Термин *teta* распространен в более западных областях Словении, в Нижней и Верхней Крайне (в Верхней Крайне он документально засвидетельствован уже в XVII веке)²⁶.

Можно указать еще на сходство в названиях посаженных родителей как «толстых», «тучных», «полных» у словенцев восточной Штирии (в частности, на Птуйском поле, в общине Марковцы²⁷) и у других южных славян западной зоны: словен. *debela mati* (вост. Штирия), хорв. *debeli kum* (р-н Самобора, Лика), *debeljak* (р-н Карловаца), с.-з.-босн. (только в песнях) *дебели кум*, черногор. *дебели сват*, серб. *дебели кум*, *дебела кума*. Еще дальше, в западной Штирии и восточной Каринтии, обнаруживается словенско-словацкая параллель в наименованиях посаженных родителей как «широких»: словен. *mati ta široka*²⁸ и словац. *široká, pán široký*.

²³ Плотникова А.А. Этнолингвистическое обследование градищанских хорватов Венгрии // Славянский альманах 2017. Вып. 3–4. М., 2017. С. 410, 411.

²⁴ Maučec I. Kak so se inda... S. 39.

²⁵ Ženitovanje. Gornji Petrovci... № 221. № 631; Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege...: S. 140.

²⁶ Komorovský J. Tradičná svadba u Slovanov. [Bratislava]: Univerzita Komenského, 1976. S. 101; Kotník F. O piri in ženitovanjskem kruhu // Etnolog. 1944. Knj. 17. S. 57.

²⁷ Orel V. Ženitovanjski običaji na Dravskem polju niže Ptuja // Etnolog. 1942. Knj. 14. S. 99–101 (Птуйско поле — равнина между Птуем и Орможем).

²⁸ Зап. Штирия, вост. Каринтия, Komorovský J. Tradičná svadba u Slovanov. S. 101; зап. Штирия, община Солчава на границе с Австрией, Ramovš M. "Osemca" // Traditiones (Ljubljana). 21 (1992). S. 107.

Несомненно, самым зрелищным, красочным персонажем прекурской свадьбы является *pozvačín*, которому посвящено наибольшее число описаний и исследований. Основная его функция — приглашать гостей на свадьбу — отражена в его названиях (см. карту): *pozvačín* — на территории Долинско (села Богоина, Стреховцы, Камовцы, Добровник, Турнище, Неделица, Белтинцы, Одранцы, Чреншовцы, Дольня Бистрица, Полана и др.) и в соседних районах Штирии (Горня Радгона; Птуйско поле)²⁹, а отчасти также в Горичко, но как правило в более позднее время или в воспроизводящем свадьбу масленичном обряде *borovo gostüvanje* — «свадьбы с сосной» (община Горни Петровцы, Луцова; община Град, Мотовилцы; община Пуцонцы, Шаламенцы, Предановцы)³⁰; *pozvač* — в некоторых горичских селах в общинах Град, Шаловцы (Чепинцы, Марковцы, Доленцы) и Горни Петровцы (Шулинцы)³¹; *zvač* — главным образом в Порабье (Верича-Риткарровцы, Отковцы, Сакаловцы, Троще)³² и в отдельных селах областей Равенско и Горичко (в частности, в Горних Петровцах до 1905 г., Шулинцах, Граде; первое упоминание в Прекмурье — в 1771 г.)³³; *zvačín* — в Горичко (община Горни Петровцы, Крижевцы; первое упоминание в Прекмурье — в 1807 г.)³⁴; *pozavčín* — в равнинной части Прекмурья (община Тишина, Ранковцы)³⁵ и в прилегающей Прлекии (Крижевцы при Лютомеру, соб. запись 21.05.2018; р-н Орможа³⁶; р-н Лютомера и Мурско поле³⁷) и, наконец, в распространенных в восточной Штирии названиях *pozvavčín* (Прлекия)³⁸, *zavčín* (вост. Штирия)³⁹, *zafičín* (община Ормож, Велика Неделя)⁴⁰, *zovčín* (Птуйско поле, Марковцы, Нова Вас при Марковцах)⁴¹ и *pozovič* (Птуйско

²⁹ Šarf F. *Občina Gornja Radgona*. Ljubljana: Raziskovalna skupnost Slovenije in Skupščina občine Gornja Radgona, 1982. S. 92; *Bakan J. Prekmurski pozvačini* // *Folklornik*. 2011. Letn. 7. S. 54.

³⁰ *Pšajd J. Lik vabovca...* S. 69, 76.

³¹ *Ibid.* S. 65, 70, 71, 72, 75.

³² *Ibid.* S. 68; *Kozar-Mukič M. Slovensko Porabje*. Ljubljana; Szombathely: Raziskovalna skupnost Slovenije, 1984. S. 69; *Dravec A. Národní vera i navade v vési* // *Traditiones* (Ljubljana). 3, 1974. S. 172.

³³ *Ženitovanje. Gornji Petrovci...* № 164, 173, 178; *Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege...* S. 137, 144; *Pšajd J. Lik vabovca...* S. 63, 65, 70, 71, 74–76; *Žalik D. Ženitovanjska šega...* S. 17, 24; *Ženitovanje. Grad...* № 164, 165, 438.

³⁴ *Pšajd J. Ibid.*; *Žalik D. Ženitovanjska šega...* S. 24.

³⁵ *Orel B. Čarodejni obred in mit nakolenčiča ter bosmana v slovenskih ženitovanjskih običajih* // *Etnolog*. 1942. Knj. 15. S. 35.

³⁶ *Baš A. Prekmurski pozvačín* // *Entografija Pomurja*. Murska Sobota: Pomurska založba, 1967. S. 120, 127, 128.

³⁷ *Orel B. Čarodejni obred...* S. 26–29, 31–32.

³⁸ *Pšajd J. Lik vabovca...* S. 63.

³⁹ *Baš A. Prekmurski pozvačín*. S. 120.

⁴⁰ *EAJ, BG 321/412*. № 122k.

⁴¹ *Orel B. Ženitovanjski običaji...* S. 96, 101.

поле)⁴². Последний термин из восточной Штирии известен также хорватам Меджимурья (хорв. *pozovič*) и венграм (венг. *pozsovícs*), заимствовавшим его от хорватов и словенцев⁴³ (ср.: еще дальше, в западной части южно-славянской территории — у хорватов Самобора, в северной Боснии, Герцеговине, западной Сербии распространен другой термин — *pozivač*). С другой стороны, севернопрекмурско-порабский термин *zvač* дает уже хорошо известное и частотное соответствие с западными регионами Словакии (нитран., тренчин., теков., зволен., гонт. *zváč*). Отметим, что термин *zvač* изредка фиксируется также у украинцев и сербов.

В селах Горичко и на пограничье Горичко и Равенско лицу, приглашающему на свадьбу, могут соответствовать и совершенно иные названия. Это может быть *turbaš* (община Пуцонцы, Предановцы, Шаламенцы; община Горни Петровцы, Крижевцы, соб. запись 20.05.2018, Кукеч, Станевцы)⁴⁴ или *turboš* (Горни Петровцы, соб. запись 23.05.2018; община Горни Петровцы, Шулинцы)⁴⁵ по одному из его атрибутов — сумке (словен. *torba*) с напитками через плечо либо *čuturaš* (Горни Петровцы, до 1905 г.)⁴⁶ — по флягам (словен. *čutara* ‘фляга’ из тур. *çotra* ‘небольшая деревянная баклага для воды’), в одной из которых он носил вино, а в другой просо или вино, смешанное с перцем и солью, для угощения встречаемых так называемым «невестинным молоком». Кроме того, там же приглашающий на свадьбу мог иметь название *drižban*, связанное с наиболее распространенным у славян, старым по происхождению названием свадебного дружки (Кузма и соседние села Горни Славечи, Долич, Матяшевич, Трдкова; Град; Горни Петровцы, после 1905 г.; община Горни Петровцы, Крижевцы; община Пуцонцы, Предановцы; Шаловцы; община Шаловцы, Доленцы, Будинцы; Порабье, Штевановцы)⁴⁷.

В селах Горичко приглашал гостей главным образом *pozvač*, *zvač* или *zvač*, а также *turbaš* и/или *drižban*. Роли этих чинов, их одеяние и атрибуты в большей или меньшей мере перекрываются, но первоначально, как полагают исследователи, роль приглашающего выполнял *drižban*. В Горичко, где он мог называться *zvač*, *zvač* и т.п., он выполнял две функции: приглашал на свадьбу и возглавлял свадебную процессию в церковь, сопровождая молодых к венчанию; в таких случаях функции главного чина, ведущего в свадебном обряде, следившего за соблюдением обряда, брал на себя *turbaš* у лютеран или, в позднейшее время, *pozvač* в смешанных лю-

⁴² *Bakan J. Prekmurski pozvačini*. S. 54.

⁴³ *Vaš A. Prekmurski pozvačini*. S. 139.

⁴⁴ *Pšajd J. Lik vabovca...* S. 67–69, 75.

⁴⁵ *Ibid.* S. 70, 76.

⁴⁶ *Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege...* S. 137.

⁴⁷ *Ženitovanje. Kuzma...* № 161, 312; *Ženitovanje. Grad...* № 164, 165; *Ženitovanje. Gornji Petrovci...* № 164; *Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege...* S. 137; *Pšajd J. Lik vabovca...* S. 63–65, 67–70, 74.

теранско-католических браках⁴⁸. В Порабье гостей приглашал *zvač* (и лишь изредка *drůžban*). А в Долинско это повсеместно делал *pozvačín*, и в данной местности *pozvačín* и *drůžban* выступали как два разных свадебных персонажа⁴⁹. Нетрудно заметить, что в одном и том же селе Прекмурья нередко сосуществуют разные названия свадебного чина, приглашающего гостей на свадьбу. Как и в ряде уже рассмотренных случаев, этот небольшой этнокультурный славянский регион вновь демонстрирует здесь свою высокую терминологическую дробность и вариативность использования синонимичных терминов в отдельно взятых локальных традициях.

Прекмурский «позвачин» выделяется своим внешним видом и атрибутами. Его лицо скрыто цветными бумажными лентами, свисающими с высокой шляпы, так что его невозможно узнать, и сам он весь украшен пестрыми платками, перепоясан или повязан через плечо полотенцами, что должно привлечь к нему внимание и отвратить внимание злых сил от новобрачных. Сочетание такого одеяния с острыми, колючими, издающими звуки и прочими устрашающими и защитными атрибутами наделяет его функцией оберега новобрачных от злых духов⁵⁰. На шляпе у него павлиньи перья, узор в виде глаза на которых считается средством от сглаза. «Позвачин» трубит в бычий рог, стреляет в воздух, а под коленями вокруг голенища у него привязаны звенящие колокольчики. В руке палка, которая могла быть суковатой, короткой, изогнутой, с колокольчиком, часто украшенной, или же деревянный топорик. Верхний конец палки и обух топорика бывали обиты колючей шкуркой ежа.

Прекмурский чин приглашающего на свадьбу объединяет в себе функции оберега с ролью шута и нередко также с обязанностями распорядителя на свадебном пиру и свидетеля при бракосочетании. Это сближает его со свадебным дружкой, особенно севернорусским, который часто наделяется функциями знахаря и скомороха и тоже руководит застольем и угощением, сопровождает молодых к венчанию и выполняет роль брачного свидетеля. Иногда он занимается и приглашением гостей на свадьбу.

Наиболее близко прекмурскому «позвачину» соответствует южнославянский «чауш», известный в Хорватии, Боснии, Черногории, Сербии, Македонии и южной Болгарии (хорв., серб., босн., черногор. *čauš* (*чауш*), хорв. *čaviš*, *čavo*, босн.-хорв. *čiš*, серб. *чауша*, *чава*, *чаја*, хорв., босн., черногор. *čajo* (*чајо*), босн. *čado*, болг. родоп. *чауш*, *чавуш*)⁵¹. Он тоже сочетает в себе шутовские и апотропейные функции, а кроме того может приглашать гос-

⁴⁸ Pšajd J. Lik vabovca... S. 75, 76.

⁴⁹ Ibid. S. 71.

⁵⁰ Novak V. Apotropejske prvine v slovenskih ženitovanjskih običajih // Etnolog. 1942. Knj. 14. S. 48; Baš A. Prekmurški pozvačín. S. 120, 32.

⁵¹ См.: Novak V. Apotropejske prvine... S. 48; Узенева J.C. Чауш // Словенска митологија. Енциклопедијски речник / ред. С.М. Толстој, Љ. Раденковић. Београд: Zepeter Book World, 2001. С. 576-577.

тей на свадьбу, бывает церемониймейстером, распорядителем (в том числе за свадебным столом), следит за выполнением обряда. Немало общего у этих персонажей и во внешнем облике. Лицо «чауша» иногда тоже бывает скрыто — вымазано сажей. Как и у «позвачина», у «чауша» имеются сумка, фляга с вином, ленты, полотенце, те же и другие аналогичные предметы, рассчитанные на устрашение и оберег: павлиньи перья на шляпе, колокольчики, рожок или труба, топорик, деревянная сабля, ожерелье из перцев, луковицы, головки чеснока и т.п.

Отличительной особенностью жезла прекмурского «позвачина» является ежовая шкурка на конце палки или топорика. Топорик, бердыш или алебарда встречаются в качестве атрибута «чауша» у хорватов⁵². Но основные соответствия у этого атрибута прекмурского «позвачина» имеются у западных славян, особенно у словаков. Палка с топориком — атрибут *дружбы* в Словакии и Моравии. У восточных словаков Земплина, в районе Михаловце, он крестит ею дорогу перед молодыми. У польских гуралей в функции предмета-оберега используется «чупага» (трость-топорик) *дружбы*. Еще дальше, в западнорусской зоне, ту же роль выполняет обычный топор: он отмечен у свадебного дружки в Торопецком у. Псковской губ., у дружки-колдуна в Кемском у. Архангельской губ.

Жезл «позвачина» в виде палки, украшенной лентами (лентой) и/или цветами (цветком), дает примерно такие же параллели, и опять-таки главным образом западнославянские. Из южнославянских — лишь у соседей словенцев, в северной Хорватии, в районе Копривницы, «чауш» носил в руке украшенную палку⁵³. У западных славян такая палка была атрибутом лиц, приглашающих гостей на свадьбу. У лужичан с украшенными лентами палкой или тростью (в.-луж. *braškov kij*, н.-луж. *pótykac*) ходил приглашать свадебный дружка; у словаков южного Текова палку с цветами и лентами нес с собой *zváč*. В чешской Силезии кухарка перед свадьбой обходила односельчан с палкой, украшенной «квиткой» (букетиком); заходя в жилище, она садилась на нее верхом, как на коня, и произносила приглашение. В польском Поморье, в районе Эльблонга, *družba* (замужняя молодая женщина) въезжала в каждый дом на палке, увитой венком из барвинка или украшенной сверху букетом из цветов и барвинка и длинной невестинной лентой, сложенной бантом. Наконец, у русских Новосибирской области одна из подруг невесты ходила приглашать гостей на свадьбу с *позывахой* — резной палочкой с ленточками⁵⁴.

К главным ритуальным предметам на свадьбе, кроме жезла, относятся обрядовый хлеб, свадебное деревце и свадебное знамя. Свадебный хлеб на основной территории Прекмурья (преимущественно Долинско и Равенско)

⁵² Например, в Славонии (Нова Градишка), Ваš А. Prekmurski pozvačin. S. 130.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 28. СПб.: Наука, 1994. С. 341.

и в восточной Штирии носит название *bosman*, на юго-восточной окраине Горичко, граничащей с Долинско, — *pletelik (platenik)* (Богоина, Стреховцы)⁵⁵, в Граде, на севере Горичко, — *fötiv* (букв. ‘внебрачный ребенок’, из венг. *fattyú* ‘то же’)⁵⁶. Он большого размера (до 80 см в диаметре), чаще всего плетеный (из трех, четырех, шести жгутов теста), продолговатой формы или круглый. В Горних Петровцах *bosman* может быть не только плетеным хлебом без украшений, но и пирогом, состоящим из слоев дрожжевого теста, перемежающихся последовательно слоями орехов, сушеных слив и изюма, а сверху украшенным целыми ядрами орехов⁵⁷. Сходный пирог (*gibanica*) известен и в Порабье, где с ним танцуют двое участников свадьбы в процессии, сопровождающей невесту в дом жениха⁵⁸. *Bosman* бывает украшен цветами, аспарагусом, а также фигурками из теста в виде птичек (Неделица; вост. Штирия, р-ны Лютомера, Орможа и Св. Юрия об Щавницы), птичек и птичьих гнезд (вост. Штирия, р-н Птуя), домашних животных (бассейн р. Муры), жениха, невесты, участников свадьбы и музыкантов (вост. Штирия, р-н Марковцев); шариками наподобие орехов (Турнище).

Bosman мог восприниматься как дар невесты, которым следовало наделить всю родню. Иногда невеста сама его и приносила. С этим хлебом танцевали, торжественно ставили его на стол перед новобрачными, и посаженный отец (реже посаженная мать) делил его между всеми гостями, часто каждому давали с собой по куску по окончании свадебного пира. В Порабье *bosman* известен в другом значении. При переходе в дом жениха невеста приносила часть своего приданого, завязанного в большую скатерть. Этот узел, как и скромное приданое в нем, назывались *bosman*. В узле находились одежда невесты, простыня и свадебный хлеб (*vrtanek* и *rogača*), который резали и давали по куску каждому из гостей, чтобы невеста «скорее заговорила» (по-видимому, имеется в виду соблюдение невестой молчания на свадебном пиру)⁵⁹. А дубовую палку, на которой был подвешен принесенный узел, перерубали пополам и перебрасывали через крышу дома жениха, подобно тому как в подобной же ситуации поступали у южных славян вплоть до западной Болгарии с предметами, наделяемыми продуцирующей символикой, — яблоком, решетом или ситом, пригоршней жита, орехами (например, яблоко у сербов Крагуеваца невеста бросала через крышу, чтобы иметь легкие роды).

⁵⁵ Orel B. Čarodejni obred... S. 33; Стреховцы, община Добровник, соб. запись 21.05.2018. Еще южнее, в Камовцах, уже на территории Долинско *bosman* известен только как пасхальный хлеб (соб. запись 21.05.2018).

⁵⁶ Orel B. Čarodejni obred... S. 33, 42.

⁵⁷ Ženitovanje. Gornji Petrovci... № 629–630.

⁵⁸ Троще (ныне квартал г. Сентготтарда), Dravec A. Národna vera... S. 172.

⁵⁹ Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege... S. 133, 143. О смысле этого ритуального действия см. в первой нашей статье, опубликованной в предыдущем номере журнала: Гура А.В. Свадебный обряд словенцев Прекмурья на общеславянском фоне. 1. Обрядовая структура. С. 185.

Особенностью прекмурской традиции можно считать ярко выраженную символику деторождения, присущую главному свадебному хлебу. В Вержее, на правом, штирийском берегу р. Муры, невесте перед брачной ночью *starešina* клал в подол юбки хлеб *bosman* в виде младенца, иногда под песню с пожеланием иметь миловидных детей⁶⁰. Этот ритуал, как показал словенский этнограф Борис Орел, тесно соприкасается с другим, аналогичным по смыслу, — с распространенным в более восточных регионах Словении и широко популярным у всех южных славян обычаем сажать на колени невесте маленького ребенка по приезду ее в дом жениха⁶¹. Соответствие обычаю класть хлеб на колени невесте обнаружено А.А. Плотниковой в веро-западной Хорватии, в районе Кастава, и в Македонии⁶².

Хлеб *bosman* олицетворяет собой новорожденного младенца⁶³, даже если он не имеет форму ребенка, а также имеет отношение к репутации невесты как «честной», девственной. В районе Мурского поля каждая женщина приносила плетеный *bosman*, держа его в руках, как держат маленького ребенка⁶⁴. С такой символикой согласуется и наименование этого хлеба внебрачным ребенком (*fōtiv*) на севере прекмурской области Горичко. *Bosman* на свадьбе крестили, как младенца. В области Долинско, в районе Турнища, это делали *drūžban* и *posvarbica*: хлеб, завернутый в белую ткань, разворачивали у печи на камне и «крестили» его, кропя водой, что сопровождалось ритуальным диалогом на тему неизвестно откуда взявшегося ребенка (намек на его внебрачное происхождение), после чего *bosman* ставили на стол и делили⁶⁵. Похожий ритуал в Долинско совершали также в Липовцах (община Белтинцы) и в окрестностях Мурской Сobotы⁶⁶. В восточной Штирии, в Стойницах (община Марковцы), «крестили» три *bosmana*. Посажённый отец спрашивал, что собираются с ними делать, не отправляются ли их крестить. В конце концов совершалось «крещение» этих хлебов и наречение их именем *Pojedež*⁶⁷. В окрестностях Лютомера свадебному *bosmanu* давали имя *Načetek* и фамилию *Pojedek*⁶⁸, потому что его починают (режут, когда делят), а затем поедают.

Наиболее близкие параллели к прекмурско-прелекийскому босману-младенцу обнаруживаются в словацкой традиции, где главный свадебный хлеб носит название *radostnik*. Так, у словаков Нитры на следующий

⁶⁰ *Orel B. Čarodejni obred... S. 25, 42; Kotnik F. O piri... S. 58.*

⁶¹ *Orel B. Čarodejni obred... S. 41.*

⁶² *Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. С. 172.*

⁶³ *Св. Юрий об Щавницы, Orel B. Čarodejni obred... S. 32.*

⁶⁴ *Orel B. Čarodejni obred... S. 28.*

⁶⁵ *Ženitovanje. Turnišče... № 632.*

⁶⁶ *Orel B. Čarodejni obred... S. 34.*

⁶⁷ *Idem. Ženitovanjski običaji... S. 102–103.*

⁶⁸ *Idem. Čarodejni obred... S. 28, 43, 62.*

день после венчания кухарка заворачивала *radostník* в полотно и несла на спине, говоря, что несет невестинного ребенка (т.е. рожденного вне брака). В юго-западной Словакии, Гонте и Нитранском крае, этот хлеб тоже бывает продолговатым, как и в Прекмурье. Кроме того, в этой части Словакии, в окрестностях Нитры и в районе Турьца, известен продолговатый плетеный хлеб длиной 80 см, который использовался как на свадьбе, так и при крещении младенца, и носил название *bosman* (или *bosvan*, *boslan*). На свадьбах словаки выражали пожелание потомства надеждой на то, что за свадебным хлебом «радостником» через год последует крестинный хлеб «босман»: “Dag Vože, dag Vože to o rok dožiť nám, / aby na radostník prišiou zasa bosman!”. Добавим, что и в восточной Штирии, в Щавницкой долине, *bosman* известен как крестинный хлеб, меньшего размера, чем свадебный, и скромнее украшенный: его приносила на крестины и дарила матери новорожденного его крестная⁶⁹.

Другой свадебный хлеб — *vrtanek* (*vrtanik*) — был кольцеобразным, тоже плетеным, но небольшого размера. Лишь иногда он по своему внешнему виду и ритуальному использованию был подобен «босману», например, мог быть не кольцеобразным, а плетеным продолговатой формы⁷⁰; мог быть такой величины, что невеста делила его между всеми свадебными гостями⁷¹. Однако даже небольшие «вртанки» в районе Белтинцев (Долинско) выпекались в таком количестве, чтобы четверти их хватило на раздачу всем родственникам, приглашенным на свадьбу⁷². В Ижаковцах (община Белтинцы) молодые откусывали от *vrtanika* по куску⁷³. Невеста приносила с собой этот хлеб вместе с приданым, завязанным в узел⁷⁴, а свекровь встречала невестку этим хлебом на пороге своего дома⁷⁵. Утром молодая шла по воду и скатывала *vrtanek* под гору, чтобы быть такой же быстрой и расторопной, как быстро катился вниз этот калач. Кто-либо из детей ловил его и забирал себе⁷⁶. Встречается и другое название этого хлеба — *perec* (из венг. *perec* ‘бублик, крендель’), главным образом в Порабье и отчасти в Горичко, но и шире это заимствованное название известно наряду со своим собственным.

По данным А.А. Плотниковой, свадебный плетеный калач с родственным наименованием *vrtanj* изредка фиксируется в Хорватии, но только в одном регионе — на восток от Карловаца и Огулина до хорватско-боснийского пограничья, откуда в прошлом, как полагают, происходила миграция хорватов на территорию будущего австро-венгерского Бургенланда (при

⁶⁹ Orel B. Čarodejni obred... S. 47–48.

⁷⁰ Žalik D. Ženitovanjska šega... S. 119–120.

⁷¹ Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege... S. 130.

⁷² Maušec I. Kak so se inda... S. 7.

⁷³ Rešek D. Šege in verovanja ob Muri in Rabi. Murska Sobota, 1983. S. 40.

⁷⁴ Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege... S. 133, 143.

⁷⁵ Ženitovanje. Beltinci... № 503.

⁷⁶ Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege... S. 143–144.

этом среди регионов фиксации хлеба с таким названием наряду с районами Загреба и Карловаца упоминаются соседняя с ними словенская Бела Краина, а также район Чаковца в хорватском Меджимурье, граничащем со словенским Прекмурьем и Прлекией)⁷⁷. У хорватов региона, откуда предположительно происходило переселение на север, некоторые мужские участники свадьбы (посаженый отец в процессии, сопровождающей невесту в дом жениха, предводитель компании парней) несли *vrtanj*, надев его на руку⁷⁸, как это бывало принято у некоторых других южных славян, в частности, у болгар (ср. сходный в символическом отношении обычай надевать на горлышко бутылки вина *vrtanek*, или *perec*, в Прекмурье⁷⁹, калач *mrván* у словаков Текова или обычай градищанских хорватов Венгрии надевать украшенный *vrtanj* на небольшой бочонок⁸⁰). Больше соответствий, чем с собственно хорватским свадебным плетеным калачом, наблюдается у прекмурско-порабского «вртанека» с аналогичным хлебом градищанских хорватов. Так, в Узлопе (нем. Oslip), в австрийском Бургенланде, невеста приносила в дар приходскому священнику украшенный розмарином *vrtanj* для получения благословения на замужество; в венгерском Хорватском Жидане большой украшенный *vertanj* относили из дома невесты священнику⁸¹, а у словенцев Порабья невеста, отправлявшаяся вместе с женихом к священнику, чтобы сообщить ему о состоявшейся помолвке, раздавала по пути такие хлебцы (*perese*) детям, а самому священнику дарила полотенца⁸². У градищанских хорватов Венгрии большие плетеные «вртани» делили и угощали ими зрителей, собравшихся у церкви посмотреть на венчание и свадьбу⁸³, а у словенцев на севере прекмурского Горичко участники свадебной процессии раздавали *vrtanke* детям по дороге к венчанию⁸⁴. Мотив внебрачной связи в прекмурской свадьбе, о котором говорилось выше, обнаруживается у градищанских хорватов Климпуха (нем. Klingenbach), которые в случае, если невеста выходила замуж беременной, говорили: *vrtanj se spalio* [«вртань» сгорел]⁸⁵. У градищанских «водных» хорватов Словакии, в южных окрестностях Братиславы, *vrtanj* использовался как свадебный и как рождественский плетеный хлеб⁸⁶. У хорватов Моравии одноименный пле-

⁷⁷ Плотникова А.А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: ИСЛ РАН, 2016. С. 130, 136, 138, 155.

⁷⁸ Там же. С. 138-139.

⁷⁹ Горни Петровцы, соб. запись 23.05.2018.

⁸⁰ Хорватский Жидан, Плотникова А.А. Этнолингвистическое обследование... С. 411.

⁸¹ Она же. Славянские островные ареалы... С. 137; Она же. Этнолингвистическое обследование... С. 411.

⁸² *Ložar-Podlogar H. Ženitovanjske šege*... S. 123.

⁸³ Плотникова А.А. Этнолингвистическое обследование... С. 410.

⁸⁴ Р-н Кузмы, *Ženitovanje. Kuzma*... № 453.

⁸⁵ Плотникова А.А. Славянские островные ареалы... С. 137.

⁸⁶ Она же. «Водные хорваты» и специфика их традиции: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах 2018. Вып. 3-4. М., 2018. С. 349.

теньный калач (*vrtaj, vienac*), подобно плетенному свадебному хлебу в Бургенланде и в Прекмурье, имел символическую связь с «честностью» невесты: бросать его назад через голову имела право только невеста, сохранившая девственность; в противном случае она бросала его, повернувшись лицом к собравшимся. Наконец, хлебцы *vrtánu* известны западным словакам в районе Трнавы, где их бросали по возвращении от венчания детям, собравшимся возле дома. В общности и близости словенских и хорватских обычаев, символики и терминологии, связанных со свадебным хлебом (и далеко не только им), можно видеть результат тесного взаимодействия соответствующих традиций в прошлом и, возможно, как полагает А.А. Плотникова, «остатки архаических элементов культуры и языка, имевших распространение ранее на более широкой территории южнославянского Запада»⁸⁷.

Свадебное деревце как особый атрибут почти неизвестно западной группе южных славян. В Прекмурье нам встретился только один подобный случай. В Ранковцах (община Тишина, Равинско) деревце выступает в сочетании со свадебным хлебом *bosman*, составляя с ним одно целое и никак не выделяясь терминологически (подобные гибридные формы свадебных хлебов отмечены в болгарской, македонской, моравской, русской традициях). Деревце здесь составная часть *bosmana*, элемент его убранства: в отверстие в середине этого продолговатого хлеба вставлено деревянное кольцо, где крепится деревянная палка с проволочными ветками, украшенными разноцветными бумажными лентами и фигурками с головкой из теста и одеждой из бумаги, которые представляют собой участников свадьбы. Среди них жених с невестой, *starešina, pozavčín* в украшенной шляпе, с лентой через плечо, топориком и колокольчиками, *drůžbane* и *svalbice*, кухарки с метлами, ухватами или горшками и др.⁸⁸. В соседней восточной Штирии, в районе Марковцев, в функции свадебного деревца выступают сухие цветы, воткнутые в продолговатый *bosman*⁸⁹. Ситуация со свадебным деревцем в этом периферийном регионе Словении находит соответствие в других архаических маргинальных славянских зонах, где данный ритуальный предмет отсутствует, — в Лужице и в западной зоне Русского Севера (Олонекская и Архангельская губ.), которая связана с древней новгородской колонизацией.

Лучше, чем деревце, в Прекмурье представлено свадебное знамя. Но отмечено оно далеко не везде, например, его нет в селах Горни Петровцы, Кузма, Град, Белтинцы, в прлекийском селе Крижевцы при Лютомеру. Знамя представляет собой древко, на котором имеется платок и цветок (в Горичко)⁹⁰, разноцветный платок и красное яблоко на верхушке (в Богоине, на

⁸⁷ Плотникова А.А. Славянские островные ареалы... С. 135, 155–156.

⁸⁸ Oreš B. Čarodejni obred... S. 134–135.

⁸⁹ *Ibid.* Ženitovanjski običaji... S. 102.

⁹⁰ Pšajd J. Lik vabovca... S. 64.

юго-восточной окраине Горичко)⁹¹, 12 цветных платков и яблоко с букетом на верхушке (в Ганчанах, Долинско)⁹². Яблоко, насаженное сверху на древко, встречается у всех южных славян, у словаков, у чехов Моравии, букеты цветов — у моравских словаков и украинцев Закарпатья. Прямой аналог знамени с 12 платками из прекмурских Ганчан составляет знамя из восточной Словакии, у которого число платков тоже доходит до 12-ти. Несколько платков на древке бывает также в северо-западной Хорватии, у моравских словаков и у украинцев Закарпатья, несколько полотенец и насаженное на древко яблоко — в районе Нитры в западной Словакии. Название свадебного знамени *zastava* объединяет словенцев Прекмурья, с одной стороны, с хорватами и шумадийскими сербами, а с другой — со словаками и карпатскими украинцами. Знамя было атрибутом *drůžbana* или специального знаменосца — чинов, которые со знаменем в руках обычно возглавляют свадебную процессию. В восточной Штирии, в районе Птуя, со знаменем танцевал знаменосец возле церкви, где венчались новобрачные⁹³; в Ганчанах — *drůžban* на дворе по прибытии от венчания; при этом верили, что если яблоко и букет упадут со знамени, то это грозит смертью одному из новобрачных⁹⁴. Специальный чин знаменосца известен у южных славян, у словаков, у западных украинцев и белорусов западного Полесья. Терминология этого персонажа в Прекмурье и отчасти Прлекии (*zastavonoša*, *zastavjak*)⁹⁵ дает параллель с его наименованиями в Хорватии и Боснийской Краине (*zastavnik*), а также в северо-восточной Словакии (*zástavník*). У словенцев соседней с Прекмурьем восточной Штирии, в районе Марковцев, зафиксировано другое название свадебного знамени — *kopje*, сходное с хорватским (*koplje*), и название соответствующего свадебного чина — *kopjaš*, имеющего соответствия у словаков горной области Замагурье (*kopijáš*) и у лемков Новосондецкого воев. Польши (*kopijau*). Это знамя представляло собой древко с красивым платком и множеством разноцветных лент. Знамя, украшенное лентами, встречается еще у хорватов западной Славонии, а также у словаков, у чехов Моравии, у западных украинцев и поляков. После венчания знаменосец (*kopjaš*) первым выходил из церкви вместе с музыкантами и танцевал, подбрасывая вверх свадебное знамя⁹⁶.

Свадебный обряд Прекмурья показывает, с одной стороны, близкие связи культурно-языковой традиции этого славянского региона с соседней, родственной ей хорватской и в меньшей степени — с другими южнославянскими (и чем далее в этом ареале на восток, тем схождений меньше и

⁹¹ EAJ, aG 222/222. № 122.6j.

⁹² Rešeh D. Sege in verovanja... S. 40.

⁹³ Austro-ogrska monarhija... Slovenci 1. S. 43.

⁹⁴ Rešeh D. Sege in verovanja... S. 40.

⁹⁵ Богоина, EAJ, aG 222/222. № 122.6j; Велика Неделя, EAJ, BG 321/412. № 122.6j.

⁹⁶ Orel B. Ženitovanjski običaji... S. 98–100.

Названия обрядового чина, приглашающего гостей на свадьбу

1 – <i>pozvačín</i> ;	2 – <i>pozvač</i> ;	3 – <i>zvač</i> ;	4 – <i>zvačín</i> ;
5 – <i>pozavčín</i> ;	6 – <i>zovčín</i> ,
<i>zafičín</i> ;	7 – <i>pozovič</i>
(венг. <i>pozsovics</i>);	
8 – <i>turbaš</i> ;	9 – <i>turboš</i> ;	10 – <i>čuturaš</i> ;	11 – <i>drůžban</i>

они слабее), а с другой стороны — еще более близкие и отчетливые связи с традиционной культурой Словакии и отчасти Моравии, причем параллели эти не ограничиваются ближайшими к Словении юго-восточными областями Словакии, но распространяются дальше в северном и восточном направлении на карпатскую зону Словакии и Западной Украины. Отдельные, подчас еще более удаленные географически соответствия, в основном спорадического, одиночного или точечного характера, связывают окраинную словенскую традицию Прекмурья с некоторыми другими архаическими маргинальными или анклавными славянскими традициями — лужицкой, словинско-кашубской, градищанскохорватской, южноболгарской (родопской, фракийской), севернорусской.

Литература

1. *Гура А.В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012.
2. *Гура А.В.* Свадебный обряд словенцев Прекмурья на общеславянском фоне. 1. Обрядовая структура // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Выпуск 13. № 3–4. С. 182–195. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.3-4.1.16.
3. *Плотникова А.А.* «Водные хорваты» и специфика их традиции: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах 2018. Вып. 3–4. М., 2018. С. 343–356.
4. *Плотникова А.А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: ИСл РАН, 2016.
5. *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.
6. *Плотникова А.А.* Этнолингвистическое обследование градищанских хорватов Венгрии // Славянский альманах 2017. Вып. 3–4. С. 175–182.
7. *Узенева Ј.С.* Чауш // Словенска митологија. Енциклопедијски речник / ред. С.М. Толстој, Ј. Раденковић. Београд: Zepter Book World, 2001. С. 576–577.
8. *Austro-ogrška monarhija v besedi in podobi. Slovenci 1. Štajerska, Porabje in Prekmurje, Koroška; Slovenci 2. Kranjska, Primorje / uredili M. Kropelj Telban in I. Slavec Gradišnik. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2016, 2018.*
9. *Bakan J.* Prekmurski pozvačini // Folklorik. 2011. Letn. 7. S. 54–57.
10. *Baš A.* Prekmurski pozvačin // Entografija Pomurja. Murska Sobota: Pomurska založba, 1967. S. 119–142.
11. *Komorovský J.* Tradičná svadba u Slovanov. [Bratislava]: Univerzita Komenského, 1976.
12. *Kotnik F.* O piri in ženitovanjskem kruhu // Etnolog. 1944. Knj. 17. S. 51–61.
13. *Ložar-Podlogar H.* Ženitovanjske šege v Prekmurju s posebnim obzirom na Porabje // Tradiciones. 1973. [Letn.] 2. S. 121–146.
14. *Novak V.* Apotropejske prvine v slovenskih ženitovanjskih običajih // Etnolog. 1942. Knj. 14. S. 46–52.
15. *Novak V.* Ženitovanjski običaji v Slovenski Krajini // Mladika. 1935. [Letn.] 16. [Št.] 2. S. 65–67.

16. Orel B. Čarodejni obred in mit nakolenčiča ter bosmana v slovenskih ženitovanjskih običajih // *Etnolog*. 1942. Knj. 15. Ljubljana, 1943. S. 25–62.
17. Orel B. Ženitovanjski običaji na Dravskem polju niže Ptuja // *Etnolog*. 1942. Knj. 14. S. 96–110.
18. Pšajd J. Lik vabovca v poročnem obredju na Goričkem // *Prekmurje — podoba panonske pokrajine / Uredila Maja Godina Golija*. Ljubljana; Petanjci, 2014. S. 63–78.
19. Ramovš M. “Osemca” // *Traditiones* (Ljubljana). 21 (1992). S. 105–112.
20. Žalik D. Ženitovanjska šega in vloga pozvačina v Žižkih in okolici. Diplomsko delo. Murska Sobota, 2010.

References

1. Bakan, J., 2011. Prekmurski pozvačini. *Folkloristik*, vol. 7, pp. 54–57.
2. Baš, A., 1967. Prekmurski pozvačin. In: Koren, V., ed, 1967. *Entografija Pomurja*. Murska Sobota: Pomurska založba, pp. 119–142.
3. Gura, A.V., 2012. *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: Semantika i simbolika* [Marriage and Wedding in the Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow: Indrik.
4. Gura, A.V., 2018. Svadebnyi obriad sloventsev Prekmur'ia na obshcheslavianskom fone. 1. Obriadovaia struktura [Wedding Ceremony of Prekmurje Slovenes in the General Slavic Background. 1. Ritual Structure]. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii* [Slavic World in the Third Millennium], 13, N 3–4, pp. 182–195. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.3-4.1.16.
5. Komorovský, J., 1976. *Tradičná svadba u Slovanov*. [Bratislava]: Univerzita Komenského.
6. Kotnik, F., 1944. O piri in ženitovanjskem kruhu. *Etnolog*, vol. 17, pp. 51–61.
7. Kropej Telban, M., Slavec Gradišnik, I., eds, 2016, 2018. *Austro-ogrska monarhija v besedi in podobi. Slovenci 1. Štajerska, Porabje in Prekmurje, Koroška; Slovenci 2. Kranjska, Primorje*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
8. Ložar-Podlogar, H., 1973. Ženitovanjske šege v Prekmurju s posebnim obzirom na Porabje. *Traditiones*, Vol. 2, pp. 121–146.
9. Novak, V., 1935. Ženitovanjski običaji v Slovenski Krajini. *Mladika*, Vol. 16, N 2, pp. 65–67.
10. Novak, V., 1942. Apotropijske prvine v slovenskih ženitovanjskih običajih. *Etnolog*, Vol. 14, pp. 46–52.
11. Orel, B., 1942. Ženitovanjski običaji na Dravskem polju niže Ptuja. *Etnolog*, Vol. 14, pp. 96–110.
12. Orel, B., 1943. Čarodejni obred in mit nakolenčiča ter bosmana v slovenskih ženitovanjskih običajih. *Etnolog*, 1942, Vol. 15, pp. 25–62.
13. Plotnikova, A.A., 2004. *Etnolingvističeskaia geografiia Iuzhnoi Slavii* [Ethnolinguistic geography of the South Slavs]. Moscow: Indrik.
14. Plotnikova, A.A., 2016. *Slavianskie ostrovnye arealy: arkhaika i innovatsii* [Slavic isular ranges: archaic and innovations]. Moscow: The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

15. Plotnikova, A.A., 2017. Etnolingvističeskoe obsledovanie gradishchanskikh khorvatov Vengrii [Ethnolinguistic survey of Burgenland Croats in Hungary]. *Slavianskii al'manakh* [Slavic almanac], 3–4, pp. 408–421.
16. Plotnikova, A.A., 2018. “Vodnye khorvaty” i spetsifika ikh traditsii: obzor etnolingvističeskoi ekspeditsii [“Water Croats” and the Specifics of Their Tradition: A Review of an Ethnolinguistic Expedition]. *Slavianskii al'manakh* [Slavic Almanac], 3–4, pp. 343–356.
17. Pšajd, J., 2014. Lik vabovca v poročnem obredju na Goričkem. In: Godina Golija, M., ed., 2014. *Prekmurje — podoba panonske pokrajine*. Ljubljana: Petanjci, pp. 63–78.
18. Ramovš, M., 1992. “Osemca”. *Traditiones*, Vol. 21, pp. 105–112.
19. Uzeneva, J.S., 2001. Čauš. In: Tolstaja, S.M., Radenković, Lj., eds, 2001. *Slovenska mitologija. Enciklopedijski rečnik*. Belgrade: Zepter Book World, pp. 576–577.
20. Žalik, D., 2010. *Ženitovajska šega in vloga pozvačina v Žižkih in okolici. Diploma thesis*. Murska Sobota.

НАДПИСИ НА МОГИЛЬНЫХ ПЛИТАХ В ХОРВАТСКИХ СЕЛАХ СЛОВАКИИ ЯРОВЦЕ И ЧУНОВО: СПЕЦИФИКА СМЕШЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ СИСТЕМ*

Дарья Юрьевна Ващенко —

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: daranis@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются надписи на надгробных памятниках из хорватских сел Яровце и Чуново, расположенных в южной Словакии, в черте Братиславы. Эти надписи отражают сложную социокультурную ситуацию в регионе, которая отличается особой спецификой ввиду того, что данная территория была присоединена к Словакии лишь после 1946 г., прежде села входили в состав Венгрии; кроме того, хорватский этнос здесь с давнего времени активно контактировал с немецким и венгерским. При этом орфографические нормы литературных хорватского, немецкого, венгерского и словацкого языков, которыми потенциально могли владеть авторы надписей, во многом различаются, несмотря на латиницу. Всё это находит свое отражение в надгробных надписях, представляющих высокую степень смешения кодов. В статье выявляются основные типы фузии на памятниках: отдельные орфограммы, написание девичьей фамилии усопшей в орфографии ее родного языка, традиционное для данной семьи написание фамилии. Кроме того, смешение кодов может быть связано с написанием феминитивов, а также с порядком расположения имени и фамилии в пределах антропонима. В свою очередь, сами населенные пункты представляют разные формы существования этносов в пределах села; надгробные надписи с соответствующих кладбищ также отличаются друг от друга по характеру преобладающей тенденции смешения кодов. В Яровце, где этносы проживают компактно, фузия чаще представлена отдельными иноязычными орфограммами; в Чунове, где этносы составляют некоторый общий конгломерат, чаще представлена традиционная для конкретной семьи передача фамилии на памятнике.

Ключевые слова

Надгробные памятники, социокультурная ситуация, языковые контакты, графические системы.

Статья поступила в редакцию 9 апреля 2019 г.

* Авторская работа выполнена по гранту РНФ «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

THE INSCRIPTIONS ON THE GRAVESTONES IN THE CROATIAN VILLAGES OF SLOVAKIA, CHUNOVO AND JAROVCE: THE SPECIFICITY OF MIXING GRAPHICS SYSTEMS

Darya Yu. Vashchenko

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: daranis@mail.ru

Abstract

The article discusses the inscriptions on funerary monuments from the Croatian villages of Cunovo and Jarovce, located in the South of Slovakia, near Bratislava. These inscriptions reflect the complicated sociocultural situation in the region, which is particularly specific due to the fact that this territory was included to Slovakia's territory only after 1946, while earlier the village was a part of Hungary. In addition, the local Croatian ethnic group was actively in close contact with the German and Hungarian communities. At the same time, the orthographic norms of the literary Croatian, German, Hungarian, and Slovak languages, which could potentially be owned by the authors of the inscriptions, differ in many ways, despite the Latin alphabet used on all the gravestones. All this is reflected in the tombstones, representing a high degree of mixing codes. The article identifies the main types of fusion on the monuments: separate orthograms, writing the maiden name of the deceased in the spelling of her native language, the traditional spelling of the family name. In addition, the mixing of codes can be associated with writing feminitives, also order of name and surname within the anthroponym. Moreover, the settlements themselves represent different ethnic groups coexistence within the village. Gravestones from the respective cemeteries also differ from each other in the nature of the prevailing trend of the mixing codes. In Jarovce, where the ethnic groups live compactly, fusion is often presented as a separate foreign language orthograms. In Cunovo, where the ethnic groups constitute a global conglomerate, more traditional presents for a specific family spelling of the names on the monument.

Keywords

Gravestones, sociocultural situation, languages in contact, graphics systems.

Received 9 April 2019.

Предметом рассмотрения в статье являются надписи на надгробиях, расположенных на кладбищах градищанскохорватских сел Яровце и Чуново (Южная Словакия). Надписи были зафиксированы во время этнолингвистической экспедиции, которая проводилась в мае 2018 г. сотрудниками Института славяноведения РАН А.А. Плотниковой и Д.Ю. Ващенко.

Специфику языковой ситуации в обследованных нами селах определяют два главных фактора:

1. Теснейшие контакты местных градищанцев с представителями немецкого и венгерского населения (как в прошлом, так и в настоящем), проживающими как в соседних селах, так и внутри самих населенных пунк-

тов. Статус немецкого и венгерского этносов в плане языковых контактов несколько отличается в Яровце и Чуново: представители немецкого этноса проживают и внутри самих сел, и в соседних населенных пунктах, в то время как венгры проживают только внутри сел. При этом в Яровце вычленяется компактный ареал их проживания в рамках села, а в Чуново такового не наблюдается и соответствующие семьи достаточно плотно интегрированы в микросоциум села.

2. Данные населенные пункты были включены в состав Словакии лишь в 1946 г., уже после Второй мировой войны. Прежде они входили в состав Венгрии — соответственно после смены территориальной отнесенности поменялся и язык, на котором осуществлялся документооборот в селах / язык обучения в школе. При этом обследованные села в настоящее время административно относятся к словацкой столице, т.е. в административном отношении являются районами Братиславы.

Сложность языковой ситуации в селах — как в плане пестроты межэтнических контактов, так и в плане смены официального государственного языка — не могла не найти естественное преломление в надписях на надгробных памятниках. Значительная часть этих надписей в той или иной степени отражает смешение языковых кодов, которое характеризуется крайней пестротой, существенно большей, чем, например, на градищанских кладбищах Западной Венгрии. Подобное смешение языков, наблюдаемое на надгробиях, в целом характерно для полиязычных регионов. Касательно отдельных областей Славии соответствующее явление отмечалось С.С. Скорвидом и А.Н. Соболевым¹. Подробное рассмотрение переключения кодов в составе соответствующих текстов, т.е. самих надписей на плитах, предпринималось, в частности, в статье Р. Слюжинскаса², где речь идет о смешении кодов в надписях на надгробных памятниках с территории Литвы. Ввиду того, что надписи на надгробиях в Яровце и Чуново отличаются значительной межязыковой вариативностью³, в статье принята первичная попытка обзора и систематизации возможных ее векто-

¹ Ср.: Скорвид С.С. О вариативности фамильных именовании потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 63–74; Skorvid S.S. Czech immigrant dialects in the Northern Caucasus and Western Siberia // International Journal of the Sociology of Language. 238. 2016. P. 127–143; Соболев А.Н. Языки симбиотических сообществ западных Балкан: греческий и албанский в стране Химара, Албания // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 420–442.

² Sliužinskās R. Litauische Verse aus lutherischen Kirchenliedern auf Grabmälern im Memelland // Annaberger Annalen. 2008. N 16. S. 92–123.

³ Анализ надгробных надписей из словацких градищанских сел Хорватский Гроб, Девинска Нова Вес и Шенквице, которые вошли в состав Словакии непосредственно после Первой мировой войны, см. в: Domaracká J. Pohrebná obradovosť v obciach s chorvátskym osídlením na Slovensku // Botík J. (ed.) a kol.: Obyčajové tradície pri úmrtí a pochovávaní na Slovensku s osobitným zreteľom na etnickú a konfesionálnu mnohovážnosť. Bratislava: LÚČ, 2001. S. 185–195.

ров. Оговоримся, что пока что нас интересует собственно языковой аспект проблемы. За рамками данной статьи остается мотивация того или иного написания, которая, очевидно, носит экстралингвистический характер. Прояснение причин, обусловивших смешение кодов в каждом конкретном случае, требует отдельного исследования, беседы с информантами⁴, а также обращения к архивным данным, что в целом составляет дальнейшую перспективу исследований.

Кладбища в каждом из двух обследованных сел несколько по-разному интегрированы в пространство самого населенного пункта. Так, в Яровце кладбище расположено на въезде со стороны соседнего Русовце и при этом находится отдельно от церкви, фактически на месте старой церкви (до XVIII в.) и предположительно на месте прежнего поселения: на самом кладбище в ходе проведения захоронений были обнаружены остатки стен. Эти остатки прежнего поселения парадоксальным образом определяют саму структуру уже современного кладбища, поскольку там, где расположены прежние стены, осуществлять захоронения проблематично; при этом кладбище фактически расширяется по направлению от дороги к селу. В свою очередь, в Чуново кладбище расположено в стороне от дороги — рядом с церковью ближе к Дунаю, и расширяется по направлению от церкви в сторону новой части поселения.

Объем текстов, которым мы располагаем, составляет порядка 300 надписей, сфотографированных на кладбищах соответствующих сел. Большая часть захоронений была произведена начиная со второй половины XX в., т.е. уже после присоединения территории к Словакии. Кроме того, в наших материалах представлено определенное количество надписей периода Второй мировой войны, а также межвоенного периода. В ряде случаев мы будем говорить о частотности некоторого явления, имея при этом в виду, что подобные данные носят здесь условный характер и означают лишь сравнительную частотность того или иного типа фусии относительно общего числа текстов, которыми мы располагаем.

На кладбищах обследованных сел выделяются надгробные надписи без какой-либо фусии и надписи, где языковая отнесенность надписей может представлять некоторые затруднения. Сама структура надгробной надписи предполагает обязательное наличие антропонима и возможное наличие эпитафии, т.е. сопровождающего текста: это может быть предложение, вводящее антропоним (напр.: *Ovde počiva...* «здесь покоится...»), последнее пожелание, выражение признательности и любви и т.п. (напр.: *neka počiva va miru* «пусть покоится с миром»), причем орфография антропонима и сопровождающего текста не всегда совпадают. Сами формулы подобных

⁴ Ср., напр., применение методики «прогулки по кладбищу» в: Сафронов Е.Д. Кладбище в индивидуальном ракурсе: полевые заметки // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 388–396.

надписей являются устойчивыми, часто достаточно архаичными, и требуют отдельного рассмотрения. Говоря в статье о «хорватских», «немецких», «венгерских» надписях, мы будем иметь в виду надписи с сопровождающим текстом на соответствующем языке. Так, выделяются:

1. Надписи с хорватским сопровождающим текстом.

1.1. Надписи, где и сопровождающая надпись, и антропоним выполнены на хорватском идиоме. Их встречается не столь много, более распространены они в Яровце. При этом, однако, даже собственно хорватские надписи предполагают определенную специфику относительно литературной хорватской нормы. Во-первых, основным способом написания окончания фамильного имени в антропонимах является сочетание **-ich**, представляющее старовенгерскую литературную норму — диграф **ch** официально был отменен в 1922 г., можно предположить инерцию традиции, когда фамилия на надгробии записывалась так, как она обычно передавалась в документах покойного. Во-вторых, в некоторых надписях спорадически появляется диакритика над гласными, обозначающая долготу гласного, отсутствующую в хорватском языке и присутствующую в словацком. При этом литературная словацкая форма часто отличается от хорватской лишь наличием этих долгот, ср., напр., графическую вариативность, связанную с разной передачей в разных языках одной и той же фонемы *počivaju / počivajú*.

Так, см. надписи из числа послевоенных захоронений: *Ovde počiva Štefan Jankovich 1954–1991 neka počiva va miru* «Здесь покоится Штефан Янкович 1954–1991 пусть покоится с миром»; *Ovde počivaju va miru Mate Bankovich 1918–1989 Elizabet Bankovich 1929–2014 Jive a Anna Bankovich* «здесь покоятся с миром Мате Банкович 1918–1989 Элизабет Банкович, Иве и Анна Банкович»; *Ovde počiva Simon Jankovich 24.VII.1889–4.XII.1961 neka počiva va miru Amen* «Здесь покоится Симон Янкович 24.VII.1889–4.XII.1961 пусть покоится с миром. Аминь»; *Ovde počiva náš dragi brat Jožef Jankovich 20.3.1930–4.7.1989 slatko srce Jezuševu smiluj mu se* «Здесь покоится наш дорогой брат Йожеф Янкович 20.3.1930–4.7.1989 сладкое сердце Иисусово смилуйся над ним»; а также из числа захоронений межвоенных и военного времени: *Ovde počiva Šimon Radovich 1852–1924* «Здесь покоится Шимон Радович 1852–1924»; *Ovde počivaju Julia Radovich 1907–1945 Stefan Radovich 1936–1946 Simon Radovich 1902–1981 neka počivaju va miru* «Здесь покоятся Юлия Радович 1907–1945 Стефан Радович 1936–1946 Симон Радович 1902–1981 пусть покоятся с миром»; *Ovde počivajú va míru Štefan Poropatich 1874–1946 Štefan Poropatich 1903–1989 pokoj vekovečni daj im Gospodine* «Здесь покоятся с миром Штефан Поропатич 1874–1946 Штефан Поропатич 1903–1989 покой вековечный дай им Господи»; *Ovde počivaju va miru Božjem Jan Palesich 1898–1945 Katarína Palesich 1905–1974* «Здесь покоятся в мире Божьем Ян Палесич 1898–1945 Катарина Палесич 1905–1974».

1.2. Высокую степень вариативности в хорватских надписях предполагают фамилии с финалью [ich’], которая может передаваться как **-ić** (лит. хорв.), **-its** (нем.), **-ics** (венг.) и **-ič** (словац.). Остановимся на каждом из вариантов написания отдельно.

1.2.1. Литературная хорватская финаль фамильного имени *-ić* встрети-лась нам на трех памятниках, причем одно из захоронений относится к периоду Второй мировой войны. Соответствующие надписи, как правило, исключают какую-либо фузию, ср. только в одной фамилии словац-кий феминитив *-ová*: *Ovde počivaju va miru Božjem Ján Kaušić 1919–1996 Mária Kaušić rod. Kovašić 1920–2008 Šimon Kovašić 1896–1968 Agneša Kovašić 1891–1976 srdce Ježuševu smiluj im se* «Здесь покоятся в мире Божьем Ян Каушич 1919–1996 Мария Каушич, урожденная Ковашич 1920–2008 Шимон Ковашич 1896–1968 Агнеша Ковашич 1891–1976 сердце Иисусово смилуйся над ними»; *Ovde počivaju va miru Jozef Dedovič 1907–1983 Mária Dedovičová 1919–1995 neka počivaju va miru* «Здесь покоятся с миром Йозеф Дедович 1907–1983 Мария Дедовичова 1919–1995 пусть покоятся с миром»; *Ovde počivaju Jive Bankovič 1870–1944 Roza Bankovič 1875–1953 Julu Puhovič 1922–1999 Anna Puhovič 1918–2003 Bog jim daj pokoj vekov-ječni* «Здесь покоятся Иве Банкович 1870–1944 Роза Банкович 1875–1953 Юло Пухович 1922–1999 Анна Пухович 1918–2003 дай им Боже покой вековечный».

1.2.2. Словацкая графико-орфографическая норма *-ič* встречается в составе соответствующих фамилий четыре раза, в трех случаях в соста-ве надписей с хорватским сопровождающим текстом, и в одном случае — в составе надписи с немецким сопровождающим текстом. В первом случае надпись не предполагает какое-либо варьирование: *Jan Dedovič ovde počivaju⁵ va miru nar. 30.11.1899 zom. 13.2.1962* «Ян Дедович здесь покоятся с миром род. 30.11.1899 ум. 13.2.1962», во втором случае мы видим, что первые две фамилии записаны с финалью *-ich*, в то время как третья — с *-ič*: *Ovde počivaju va miru Rozina Kaderichova 13.V.1921–5.VIII.1981 Štefan Kaderich 15.X.1914–4.XI.2005 Ferdinand Kaderič 8.IX.1952–28.V.1998* «Здесь покоятся с миром Розина Кадеричова 13.V.1921–5.VIII.1981 Штефан Ка-дерич 15.X.1914–4.XI.2005 Фердинанд Кадерич 8.IX.1952–28.V.1998», в третьей надписи мы видим сочетание словацкой графико-орфографиче-ской нормы со словацким феминитивом и при этом с немецким W в нача-ле фамилии: *Rodina Wareničova* «Семья Варенич». В четвертой надписи сопровождающий текст выполнен по-немецки, при этом характерно, что собственно немецкая фамилия здесь также присутствует, и это девичья фамилия также похороненной здесь жены усопшего, ср.: *Hier ruhet in Fri-*

⁵ Глагол в составе конкретной надписи стоит в форме множественного числа, хотя усопший только один: возможно, это связано с тем, что в данной могиле впоследст-вии будут также другие захоронения.

eden familie Staršič Stefan 1903–1976 Anna geb. Ziegler 1913–2007 «Здесь покоится с миром семья Старшич Стефан 1903–1976 Анна урожд. Циглер 1913–2007» — можно предположить, что подобное сочетание вызвано тем, что муж умер раньше, чем его супруга, соответственно первую надпись на памятнике делал человек, родным языком которого являлся немецкий.

1.2.3. Венгерская финаль *-ics* встретила нас три раза, при этом все три случая значительно отличаются друг от друга в языковом отношении. Первая надпись, относящаяся к раннему межвоенному периоду, выполнена на венгерском языке, с последовательным соблюдением норм венгерской орфографии, однако сама фамилия имеет очевидно хорватское происхождение: *Itt nyugszik Istenben boldogult Kovacsics család Kovacsics Ilona szül. Dunay 1925.6.18. Nyugodjanak békében* «Здесь покоится почившая в бозе семья Ковачич Ковачич Илона урожд. Дунай 1925.6.18. Пусть покоятся с миром». Во второй надписи конкретная фамилия традиционно фигурирует на всех могильных плитах исключительно в варианте с венгерской финалью, вне зависимости от языка, на котором выполнена надпись, ср. сочетание в рамках одной надписи финалей *-ics* и *-ich*: *Ovde počivaju va miru Božjem Terézia Hirsich, rod. Flink 1880–1943 Peter Hirsich 1877–1963 Mária Bodics rod. Hirsich 1912–1976 František Bodics 1919–1995 pokoj vekovečni daj im Gospodine* «Здесь покоятся в мире Божьем Терезия Хиршич, урожд. Флинк 1880–1943 Петер Хиршич 1877–1963 Мария Бодич урожд. Хиршич 1912–1976 Франтишек Бодич 1919–1995 покой вековечный даруй им Господи». Наконец, в третьем варианте венгерская финаль фамильного имени сопровождается словацкой формулой, при этом в конкретной фамилии финаль чаще записывается как *-ich*, а сопровождающая формула пишется на хорватском языке: *Július Hlušek 1949–2016 Viola Hlušeková 1948 — Jozef Jankovics 1921–2004 Irma Jankovicsová 1925–2008 odpočívajte v pokoji* «Юлиус Глушек 1949–2016 Виола Глушекова 1948 — Йозеф Янкович 1921–2004 Ирма Янковичова 1925–2008 покойтесь с миром».

1.2.4. Финаль фамильного имени в варианте *-its* в хорватских фамилиях встречается в наших материалах значительно чаще (около 25 раз), причем преимущественно в составе хорватских надписей, ср.: *Ovde počivaju va miru Jozef Jankovits 1897–1986 Anna Jankovits 1917–2004 Pavol Jankovits 1884–1947 Anna Jankovits ...* «Здесь покоятся с миром Йозеф Янкович 1897–1986 Анна Янкович 1917–2004 Павол Янкович 1884–1947 Анна Янкович...»; *Ovde počivaju va miru Mate Bartolits 6.III.1899 12.X.1952 Katarina Bartolits 8.IV.1915 3.V.19. Mate Bartolits 10.1.1936 ... Bog jim daj pokoj vekovečni* «Здесь покоятся с миром Мате Бартолич 6.III.1899 12.X.1952 Катарина Бартолич 8.IV.1915 3.V.19. Мате Бартолич 10.1.1936 ... дай им Боже покой вековечный». В составе хорватских надписей финаль также может выступать в контаминации со словацким феминитивом *-ová*, ср.: *Šimon Štergenits 5.5.1902 6.3.1973 Anna Štergenitsová 13.5.1903 2.4.1986 Michal Štergenits 24.8.1936 20.11.2004* «Шимон Штергенич 5.5.1902 6.3.1973

Анна Штергеничова 13.5.1903 2.4.1986 Михал Штергенич 24.8.1936 20.11.2004». Кроме того, ср. надпись из Яровце, где помимо контаминации *-its* и феминитива, прослеживается вариативность *ch / ts* в пределах имен тестя и зятя, которых зовут абсолютно одинаково, записаны с разными финалями, также присутствующая здесь женская фамилия (очевидно, речь идет о жене младшего Янковича) записана с той же финалью, что и у мужа: *Ovde počivaju Štefe Jankovič 1897–1932 zet Štefe Jankovičs 1924–1970 Klára Jankovičsová 1927–1999 srdce jezušovo smiluj im se* «Здесь покоятся Штефе Янкович 1897–1932 зять Штефе Янкович 1924–1970 Клара Янковичова 1927–1999 сердце Иисусово смилуйся над ними».

Впрочем, варьирование *-ich / -its* может также прослеживаться в пределах надписей с немецким формульным текстом, ср. текст с плиты, где сама надпись выполнена на немецком языке, имена записаны на хорватском языке, при этом наиболее последовательно нормы немецкой орфографии соблюдаются при передаче девичьей фамилии одной из усопших: *Hier ruhet in frieden Štefan Jankovič 20.VIII.1903–17.IV.1974 Elisabet Jankovič geb. Warenits 18.XI.1904–15.VI.1988 Ján Pauhof 15.I.1932–29.VI.1995 Franc und Elisabet Bruk* (даты жизни не проставлены. — Д. В.) «Здесь покоится в мире Штефан Янкович 20.VIII.1903–17.IV.1974 Элисабет Янкович урожд. Варенич 18.XI.1904–15.VI.1988 Ян Паухоф 15.I.1932–29.VI.1995 Франц и Элисабет Брук».

1.3. Вкрапления немецкой орфографии, не связанные с написанием фамильного имени. Они могут носить относительно регулярный характер, сюда относится написание немецкого *W* в ряде хорватских фамилий — либо появляться спорадически, чаще всего это венгерские орфограммы *cs* и *sz*.

Так, в составе фамилий широко распространено написание начального [v] через *W*, это относится как к современным захоронениям: *Ovde počivaju Štefan Wuketich 2.7.1935 8.7.1957 Anton Wuketich 14.4.1931 9.2.1976* «Здесь покоятся Штефан Вукетич 2.7.1935 8.7.1957 Антон Вукетич 14.4.1931 9.2.1976»; *Michal Wuketich 30.10.1899–3.11.1977* «Михал Вукетич 30.10.1899–3.11.1977»; *Ovde počivaju va miru Božjem Fabián Bankovič 3.2.1896 27.9.1996 Mária Klemensich 17.6.1902 14.3.1977 Otto Bankovič 14.1.1931 21.2.1991 Terézia Wuketich 9.10.1936* — «Здесь покоятся в мире Божьем Фабиан Банкович 3.2.1896 27.9.1996 Мария Клеменсич 17.6.1902 14.3.1977 Отто Банкович 14.1.1931 21.2.1991 Терезия Вукетич 9.10.1936 — »⁶, так и к межвоенным и военного времени: *Ovde počivaju va miru Jožef Warenich 1910–1946 Miko Warenich 1808–1883 Miko Warenich 1876–1928* «Здесь покоятся в мире Йозеф Варенич 1910–1946 Мико Варенич 1808–1883 Мико Варенич 1876–1928».

⁶ В ряде случаев дата смерти открыта: предполагается, что человек еще жив, однако впоследствии будет захоронен в этой могиле (вместе со своими родственниками).

В надписях с начальным W возможны и другие немецкие орфограммы, ср. две разные почти тождественные надписи из Яровце, где в первом случае имя содержит хорватскую графему s = [ts], а во втором — немецкую z = [ts]: *Pongraꝥ Wuketich 1842–29.4.1913 Agnes Wuketich 1856–18.6.1939* «Понграц Вукетич 1842–29.4.1913 Агнес Вукетич 1856–18.6.1939», но: *Ovde počivaju Pongráz Wuketich 1878–1928 Mária Wuketich 1892–1962 neka počiva va miru* «Здесь покоятся Понграц Вукетич 1878–1928 Мария Вукетич 1892–1962 пусть покоится с миром».

В составе подобных надписей возможна дальнейшая фузия, причем двух видов: варьирование начальных W / V: *Štefan Valentich 1906–1979 Mária Valentichová rod. Broszová 1907–1982 Šimon Brosz 1851–1930 odpočivajte va Božjem miru Ján Valentich 1946–2014* «Штефан Валентич 1906–1979 Мария Валентичова урожд. Бросова 1907–1982 Шимон Брос 1851–1930 покойтесь в мире Божьем Ян Валентич 1946–2014», либо же появление венгерской графемы cs, обозначающей звук [ch] в составе фамилии: *Ovde počivaju va miru Šimon Wandracsek 1835–1914 Mária Wandracsek 1880–1945 Maria Mati draga moli Boga za ne* «Здесь покоятся в мире Шимон Вандрачек 1835–1914 Мария Вандрачек 1880–1945 Мария Мать дорогая моли Бога за них»; *Ovde počivaju va miru Božjem Šimon Waracsek 25.3.1918–3.9.2014 Johanna Waracseková rod. Klemensichová 3.5.1927–29.8.2017 pokoj vječni daj im Gospodine* «Здесь покоятся в мире Божьем Шимон Варачек 25.3.1918–3.9.2014 Йоханна Варачекова урожд. Клеменсичова 3.5.1927–29.8.2017 вечный покой дай им Господи».

1.4. Венгерские вкрапления в составе хорватских надписей встречаются значительно реже, чем немецкие, в основном это уже упомянутые выше варьирования в написании [ch] как cs, напр.: *Ovde počivaju va miru Božjem Jožef Kovacsich 18.3.1904–2.11.1996 Terezia Kovacsich rod. Bogovich 9.11.1913–26.1.2001 Margita Skocsik rod. Kovacsich2.1945–15.11.2006 pokoj vekovečni daj im Gospodine* «Здесь покоятся в мире Божьем Йозеф Ковачич 18.3.1904–2.11.1996 Терезия Ковачич урожд. Богович 9.11.1913–26.1.2001 Маргита Скочик урожд. Ковачич2.1945–15.11.2006 покой вековечный дай им Господи».

1.5. Варьирование орфографии также может быть связано с тем, что в конкретной семье написание фамильного имени носит устойчивый характер. Так, см. примеры из Яровце: *Ovde počivaju va miru Maria Treuer srdce jezuševu smiluj se njim* «Здесь покоится Мария Тройер сердце Иисусово смилуйся над ней»; *Ovde počivaju va miru Matilda Strecková 1911–1979 Fabian Streck 1905–1983* «Здесь покоятся с миром Матилда Штрекова 1911–1979 Фабин Штрек 1905–1983»; *Ovde počivaju va miru Anton Streck 1904–1968 Katarína Strecková 1910–2001 sladko srce jezuševu smiluj se njim* «Здесь покоятся с миром Антон Штрек 1904–1968 Катарина Штрекова 1910–2001 сладкое сердце Иисусово смилуйся над ними»; и из Чуново: *Ovde počivaju va miru Božjem Brosz Mikuláš 1922–1999 Alžbeta 1926 — Mikuláš 1892–1987*

Katarína 1897–1952 Pokoj vekovečni daruj im Gospodine «Здесь покоятся в мире Божьем Брос Микулаш 1922–1999 Алжбета 1926 — Микулаш 1892–1987 Катарина 1897–1952 Покой вековечный даруй им Господи»; *Ovde počivaju va miru Brosz Franc 1878–1946 Brosz Maria rod. Flink 1883–1964 Pokoj vekovečni daruj im Gospodine* «Здесь покоятся с миром Брос Франц 1878–1946 Брос Мария урожд. Флинк 1883–1964 Покой вековечный даруй им Господи»; *Ovde počivaju va miru nas drago lubleni otac Stefan Maász 1923–1977 Marta Maászová 1925–2018 ki va žitku po božjoj volí živi ni mirtau pokoj vekovečni daj im Gospodine!* «Здесь покоятся в мире наш возлюбленный отец Стефан Маас 1923–1977 Марта Маасова 1925–2018 кто в жизни по Божьей воле живет, тот не умрет покой вековечный даруй им Господи!».

2.1. Немецкие надписи без вкраплений примерно одинаково представлены в Яровце и Чуново: *Hier ruhen it Gott Franz Hackl 25.IX.1921–5.IX.1989 und gattin Mária Hackl 7.1.1927–23.VII.2017 ruhe sanft* «Здесь покоятся в Боге Франц Хакл 25.IX.1921–5.IX.1989 и его супруга Мария Хакл 7.1.1927–23.VII.2017 тихий покой»; *Familie Harrer Paul Harrer 1906–1994 Marianna Harrer geb. Nestlinger 1917–1966 ruhe sanfti* «Семья Харпер Пауль Харпер 1906–1994 Марианна Харпер урожд. Нестлингер 1917–1966 тихий покой»; *Hier ruhet in Frieden familie Ziegler Josef 1880–1955 Maria 1880–1965 ruhe sanft* «Здесь покоится с миром Циглер Йозеф 1880–1955 Мария 1880–1965 тихий покой». Ср. также немецкие надписи, содержащие девичьи фамилии славянского происхождения: *Hier ruhet in Gott Paul Hönigmayer 25.III.1893–31.XII.1974 Helena Hönigmayer geb. Bogovich 30.VII.1904–27.XII.2005 Stefan Puhovich 20.IV.1932–21.I.2005 Ruhet sanft* «Здесь покоится в Боге Пауль Хенигмайер 25.III.1893–31.XII.1974 Хелена Хенигмайер урожд. Богович 30.VII.1904–27.XII.2005 Штефан Пухович 20.IV.1932–21.I.2005 Тихий покой»; *Hier ruhen in Gott Ludwig Maász 1902–1986 Elizabet geb. Puhovich 1903–1992 Ruhe sanft* «Здесь покоятся в Боге Людвиг Маас 1902–1986 Элизабет урожд. Пухович 1903–1992 Тихий покой».

2.2. Немецкие надписи, содержащие славянские имена и славянские фамилии, которые могут быть записаны как по правилам немецкой орфографии, так и в смешанном регистре. В первом примере одно и то же имя записано в немецком варианте, а во втором — в славянском: *Hier ruhet in Gott Franz Warenich 1908–1918 Marianka Warenich 1944–1969 František Warenich 1917–2009* «Здесь покоится в Боге Франц Варенич 1908–1918 Марианка Варенич 1944–1969 Франтишек Варенич 1917–2009». Часть текста, относящаяся ко второй усопшей, где подчеркивается, что прожила она недолго, выполнена по-словацки. Обе фамилии при этом хорватские, а имена записаны в их немецком варианте: *Hier ruhet im frieden Johann Jankovich 27.11.1925 31.12.2007 Katharina Jankovich žila 17 rokov* «Здесь покоится в мире Йоханн Янкович 27.11.1925 31.12.2007 Катарина Янкович жила 17 лет». В третьей немецкой надписи мужские имена записаны в славянском варианте, а женское имя — в немецком: *Hier ruhet in frieden Štefan Jankovi-*

ch 20.VIII.1903–17.IV.1974 *Elisabet Jankovich geb. Warenits* 18.XI.1904–15.VI.1988 *Ján Pauhof* 15.I.1932–29.VI.1995 *Franc und Elisabet Bruk* (даты жизни не проставлены — Д.В.) «Здесь покоится в мире Штефан Янкович 20.VIII.1903–17.IV.1974 Элисабет Янкович уржд. Варенич 18.XI.1904–15.VI.1988 Ян Паухоф 15.I.1932–29.VI.1995 Франц и Элисабет Брук».

3.1. Венгерские надписи без каких-либо вкраплений чаще представлены в Яровце, нежели в Чуново, по всей вероятности, ввиду того, что в Яровце представители венгерского этноса более обособлены от хорватов, нежели в Чуново: выделяется компактный район их проживания, меньше распространены межэтнические браки и т. п., ср.: *Czafik Markusné 1923–1991 Czafik Márkus 1917–2000 nyugodjatok békében* «Цафик Маркушне (жена Маркуша Цафика) 1923–1991 Цафик Маркуш 1917–2000 пусть покоятся в мире»; *Itt nyugszik Bajnok család Anna 1903–1979 István 1899–1979 István 1931–2006 Nyugodjanak békében* «Здесь покоится семья Байнок Анна 1903–1979 Иштван 1899–1979 Иштван 1931–2006 Пусть покоятся с миром»; *Itt nyugszik Karácsony Vendel 1884–1936 Karácsony Vilma 1889–1959 lányuk Berta 1923–2013 nyugodjanak békében* «Здесь покоится Карачонь Вендел 1884–1936 Карачонь Вилма 1889–1959 их дочь Берта 1923–2013 пусть покоятся в мире»; *Itt nyugszik Hegyi Mihály 1924.9.5–2014.9.7 és néje Hegyi Éva 1931.8.23–2016.7.18 nyugodjanak békében* «Здесь покоится Хедьи Михай 1924.9.5–2014.9.7 и его жена Хедьи Эва 1931.8.23–2016.7.18 пусть покоятся в мире».

Там, где фузия в венгерских надписях представлена, выделяются следующие случаи:

3.2. Славянская девичья фамилия усопшей пишется по правилам хорватской орфографии, при этом окончание записывается по старой венгерской орфографической норме, т. е. как -ch: *Itt nyugszik Lovasi Istvan 1877–1970 Lovasi Anna szül Vojnešich* 1884–1972 *béke hamvaikra* «Здесь покоится Ловаши Иштван 1877–1970 Ловаши Анна уржд. Войнешич 1884–1972 мир их праху». Характерно, что в тех венгерских надписях, где славянские вкрапления присутствуют, сохраняется традиционно венгерский порядок написания “фамилия + имя”.

3.3. Кроме того, встречаются случаи, когда фамилия записывается традиционным для данной семьи способом. В составе венгерских надписей встречаются подобные случаи двух видов. Так, хорватская фамилия может быть у мужа, при этом остальные фамилии на плите являются венгерскими и записаны по венгерской норме: *Itt nyugszik Poropatich Peter 1907–1980 és néje Kajtar Erzsébet 1909–2006 Kürti József 1933 — Anna 1933–2009 béke hamvaira* «Здесь покоится Поропатич Петер 1907–1980 и его жена Кайтар Эржебет 1909–2006 Кюрти Йозеф 1933 — Анна 1933–2009 мир их праху». Хорватская либо словацкая фамилия также может быть представлена у обоих супругов: использование венгерского языка на таких надгробиях, с учетом большого количества смешанных браков в Чуново, можно объяс-

нить тем, что для домашнего общения в таких семьях использовался именно венгерский язык, однако данное предположение требует специального прояснения. Ср.: *Itt nyugszik Simonek Ferdinand 1903.1.9–1985.4.28 és néje Simonek Erzsébet 1909.2.3–1988.3.20 nyugodjanak békében* «Здесь покоится Шимонек Фердинанд 1903.1.9–1985.4.28 и его жена Шимонек Эржебет 1909.2.3–1988.3.20 пусть покоятся в мире»; *Itt nyugszik Istenben boldogult Kovasich Stefan 1910–1989 és neje Kovasich Terézia 1911–1993* «Здесь покоятся почившие в Боге Ковасич Штефан 1910–1989 и его жена Ковасич Терезия 1911–1993».

4. Наконец, словацкие надписи распространены особенно в новой части обоих кладбищ, где похоронены уже словаки (новые жители села), напр.: *Rodina Kuniková Jozef 1913 1990 Mária 1923 1993* «Семья Куников Йозеф 1913 1990 Мария 1923 1993»; *Tu odpočívajú Ludovít Bajnok a manželka Rozália Jozef Matlák odpočívajte v pokoji* «Здесь покоятся Людовит Байнок и жена Розалия Йозеф Матлак покойтесь с миром»; *Lubomír Chlupka 7.1.1946–27.11.2011 ... smrťou neskončí* «Любомир Хлупка 7.1.1946–27.11.2011 ... смертью не кончается»; *Helena Janatová rod. Volárová 15.5.1946–10.5.1996 Eštera Volárová rod. Vrabelová 10.8.1915–30.8.1999* «Хелена Янатова уржд. Воларова 15.5.1946–10.5.1996 Эстера Воларова уржд. Врabelова 10.8.1915–30.8.1999».

5. Отдельно остановимся также на явлениях, которые могут встречаться в надписях вне зависимости от конкретного типа фюзии, как правило, в комбинации с другими. Сюда относятся:

5.1. Написание / не написание феминитива, в первую очередь словацкого -ová, в ряде случаев также венгерского -né. См., напр.: *Tu odpočívajú v pokoji Štefan Warenich 17.2.1918–6.2.1985 Agneša Warenichová 6.1.1918–30.12.1988* «Здесь покоятся с миром Штефан Варенич 17.2.1918–6.2.1985 Агнеша Вареничова 6.1.1918–30.12.1988»; *Ovde počívaju va miru Rafael Teklits 1920–1986 Katarína Teklitsová 1928–2008* «Здесь покоятся с миром Рафаел Теклич 1920–1986 Катарина Текличова 1928–2008»; *Keszeli Karol 1936–2010 Keszeliová Alžbeta 1940 — Kiss Ján 1915–1984, Kissová Alžbeta ...⁷ — 1985* «Кесели Карол 1936–2010 Кеселиова Алжбета 1940 — Кишш Ян 1915–1984, Кишшова Алжбета ... — 1985»; *Ovde počívaju Vindiš Gregor 1852–1940 Vindišová Mária rod. Kuweker 1852–1933 ovde počívaju va miru naši drági starji Wolf Ján 6.X.1931–29.X.1992 Wolfová Irma rod. Waracseková 27.VII.1929 pokoj vekovečni daj im Gospodine* «Здесь покоятся Виндиш Грегор 1852–1940 Виндишова Мария уржд. Кувекер 1852–1933 здесь покоятся в мире наши дорогие старики Волф Ян 6.X.1931–29.X.1992 Волфова Ирма уржд. Варачекова 27.VII.1929 покой вековечный дай им Господи»; *Ovde počiva Juraj Vároš 1.5.1986–7.9.1971 Marie Varošová rod. Ambrošová 19.1.1902–9.5.1978* «Здесь покоится Юрай Варош 1.5.1986–

⁷ Дата рождения на надгробии не просматривается.

7.9.1971 Мари Варошова урожд. Амброшова 19.1.1902–9.5.1978». В составе венгерской надписи ср. контаминацию славянской фамилии с венгерским феминитивом: *Ondrušek Sándor 1927–1990 Ondrušek Sándorné 1929–2014 Nyugodjatok békében* «Ондрушек Шандор 1927–1990 Ондрушек Шандорне (жена Ондрушека Шандора) 1929–2014 Пусть покоятся в мире».

5.2. Порядок имя + фамилия / фамилия + имя. Последнее более характерно для венгерской традиции, однако может быть представлено и не в венгерских надгробиях. Так, фамилия в составе хорватской надписи может целиком записываться по венгерским нормам, причем, как правило, это сопровождается характерным для венгерской традиции написанием сначала фамилии, а затем имени. Ср. примеры — в первом случае славянская фамилия в венгерском варианте соседствует с чисто венгерским мужским именем *ovde počívajú va míru Zsidek Gyula 1920–1992 a Mária rod. Brosz 1924–2008 Zsidek Gyula 1881–1946 Zsidek Katarina 1880–1966 Gospodine smilujimse* «здесь покоятся в мире Жидек Дьюла 1920–1992 и Мария урожд. Брос 1924–2008 Жидек Дьюла 1881–1946 Жидек Катарина 1880–1966 Смилуйся над ними Господи»; во втором случае женская фамилия имеет при себе словацкий феминитив *tu odpočívajú Katarína Witolich 1872–1944 Madarász Rudolf 1936–2014 Madarászová Mária 1937 pane Ježišu bud' im ...* «здесь покоятся Катарина Витолич 1872–1944 Мадарас Рудолф 1936–2014 Мадарасова Мария 1937 господи Иисусе будь им ...»; в третьем случае венгерский феминитив традиционно стоит сперва при указании полного имени мужа усопшей: *Počivali u miru Božjem Stefan Bros 20.3.1958–24.7.2016 Besenyei Kalmanné B.Z. Maasz Julianna 1910–1964* «Почили в мире Божьем Стефан Брос 20.3.1958–24.7.2016 жена Кальмана Бешенеи Б.З. Маас Юлианна 1910–1964».

Рассмотрев различные возможности фузии в зависимости от языка надписи, наметим общие типы смешения графико-орфографических норм в надгробных надписях из Яровце и Чуново:

А) собственно орфографические вкрапления делятся на А1) связанные с написанием финали в хорватских фамилиях — характерно при этом, что финали, записанные в различных орфографических системах, часто встречаются на одном и том же надгробии — А2) не связанные с написанием финали, при этом они могут носить относительно регулярный характер, как написание немецкого W в ряде хорватских фамилий, либо появляться спорадически (чаще всего это венгерские диграфы cs и sz).

В) написание девичьей фамилии усопшей, которая в подавляющем большинстве случаев записывается традиционно.

С) традиционное для конкретной семьи написание, носящее относительно устойчивый характер в случае с венгерскими и немецкими фамилиями.

Д) написание / не написание феминитива, в первую очередь, словацкого –ová, в ряде случаев также венгерского –né.

Е) порядок имя + фамилия Vs фамилия + имя.

Представленная картина смешения в первую очередь графико-орфографических систем, на которую в ряде случаев накладываются словацкие феминитивы либо традиционный венгерский порядок антропонимов, на надгробных надписях отображает сложную социолингвистическую ситуацию, характерную для региона, который многократно попадал в сферу раздела государственной территории. Полиязычие в целом свойственно данной области; в свою очередь, сами надписи являются выражением сразу нескольких речевых жанров: письменного, книжного, устного, в каждом из которых многоязычие проявляет себя по-своему. Официальный государственный язык в селах неоднократно сменялся, так как они трижды меняли территориальную отнесенность, сменялся и язык обучения в школе. При этом орфографические нормы литературных хорватского, немецкого, венгерского и словацкого языков, которыми потенциально могли владеть авторы надписей, во многом различаются, несмотря на латиницу. Вместе с тем в обследованных селах издавна происходили теснейшие контакты трех, а впоследствии четырех этносов — хорватского, немецкого, венгерского и словацкого, как следствие для устного общения в пределах села характерна полиязычная коммуникация; кроме того, в селах представлено значительное количество межэтнических браков. В результате действия указанных факторов на данной территории сложилась некоторая «смешанная норма», которая и находит отражение на рассмотренных надгробных памятниках. При этом сам характер фузии на надгробных памятниках из сел Яровце и Чуново несколько различается ввиду разной этносоциальной ситуации в селах. Так, в Яровце хорватский, немецкий, венгерский этносы проживают компактно в пределах села, в Чуново они теснейшим образом переплетаются и взаимодействуют. Значимым для Яровце является его близость к словацкой столице, а для Чуново — близость к венгерской границе и расположенному там немецкому селу Райка / Ракендорф. Возможно, вследствие этого на надгробных памятниках Яровце преобладает орфографический тип фузии: отдельные вкрапления в составе той или иной надписи. В свою очередь, в Чуново чаще встречается традиционная передача антропонима в рамках традиции, сложившейся в конкретной семье, при этом антропоним и сопровождающий его текст записываются в разных орфографических системах.

В дальнейших исследованиях предполагается сопоставить надгробные надписи из Яровце и Чуново с надписями из других градищанскохорватских сел, где представлена иная языковая и этносоциальная ситуация: в первую очередь, это села Хорватский Гроб и Девинска Нова Вес, которые отошли к Словакии непосредственно после Трианонского мира; не меньший интерес представляет сравнение с надписями из венгерских и австрийских градищанских сел.

Литература

1. Сафронов Е.Д. Кладбище в индивидуальном ракурсе: полевые заметки // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 388–396.
2. Skorvid S.S. О вариативности фамильных именовании потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 63–74.
3. Соболев А.Н. Языки симбиотических сообществ западных Балкан: греческий и албанский в краине Химара, Албания // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 420–442.
4. Domaracká J. Pohrebná obradovosť v obciach s chorvátskym osídlením na Slovensku // Botík J. (ed.) a kol.: Obyčajové tradície pri úmrtí a pochovávaní na Slovensku s osobitným zreteľom na etnickú a konfesionálnu mnohotvárnosť. Bratislava: LÚČ, 2001. S. 185–195.
5. Skorvid S.S. Czech immigrant dialects in the Northern Caucasus and Western Siberia // International Journal of the Sociology of Language. 238. 2016. P. 127–143.
6. Sliužinskas R. Litauische Verse aus lutherischen Kirchenliedern auf Grabmälern im Memelland // Annaberger Annalen. 2008. N 16. S. 92–123.

References

1. Domaracká, J., 2001. Pohrebná obradovosť v obciach s chorvátskym osídlením na Slovensku. In: Botík, J., ed., 2001. *Obyčajové tradície pri úmrtí a pochovávaní na Slovensku s osobitným zreteľom na etnickú a konfesionálnu mnohotvárnosť*. Bratislava: LÚČ, pp. 185–195.
2. Safronov, E.D., 2011. Kladbishhe v individual'nom rakurse: polevye zametki [The Graveyard from a personal perspective: field notes]. *Antropologicheskii forum*, N 15, pp. 388–396.
3. Skorvid, S.S., 2014. O variativnosti famil'nyh imenovanii potomkov cheshskih pereselentsev na Severnom Kavkaze i v Zapadnoi Sibiri [On the variability of the family names of Czech migrants' descendants in the Northern Caucasus and Western Siberia]. *Voprosy onomastiki*, N 1 (16), pp. 63–74.
4. Skorvid, S.S., 2016. Czech immigrant dialects in the Northern Caucasus and Western Siberia. *International Journal of the Sociology of Language*, 238, pp. 127–143.
5. Sliužinskas, R., 2008. Litauische Verse aus lutherischen Kirchenliedern auf Grabmälern im Memelland. *Annaberger Annalen*, N 16, pp. 92–123.
6. Sobolev, A.N., 2017. Iazyki simbioticheskikh soobshchestv zapadnykh Balkan: grecheskii i albanskii v kraine Khimara, Albaniia [Languages in the Western Balkan symbiotic societies: Greek and Albanian in Himara, Albania]. *Vestnik SPbGU. Jazyk i literatura*, vol. 14. vyp. 3, pp. 420–442.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В КУМАНОВЕ*

Александра Игоревна Чиварзина —

младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: mss-vah@yandex.ru

Аннотация

В мае — июне 2018 г. состоялась экспедиция в Северную Македонию в район Куманово. Целью экспедиции стали исследования архаических явлений традиционной культуры и апробация опросника, составленного в рамках углубленного изучения системы цветообозначений балканославянских языков, а также направленного на выявление специфики функционирования цвета в традиционной культуре. Область Куманово представляет собой пограничье трех балканославянских этносов и зону, сохраняющую уникальные архаические черты в области народной культуры. И тем не менее македонская часть рассматриваемой территории изучена до сих пор слабо, не хватает диалектных работ и словарей говоров. Вопрос системы цветообозначений в рассматриваемом диалекте до настоящего момента не ставился. Собранный материал выявляет специфику системы цветообозначений и функционирования цвета в рассматриваемых говорах македонского языка, а также использование цвета в традиционной культуре населения, проживающего в пограничной зоне трех славянских народов. В статье приводятся и анализируются результаты экспедиции в Северную Македонию в район города Куманово. Ранее в рассматриваемом регионе исследований на данную тему не проводилось.

Ключевые слова

Система цветообозначений, цветообозначения, балканские языки, славянские архаические зоны, этнолингвистика.

Статья поступила в редакцию 24 апреля 2019 г.

ETHNOLINGUISTIC STUDY OF THE COLOUR TERM SYSTEM IN THE KUMANOVO REGION

Alexandra I. Chivarzina

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: mss-vah@yandex.ru

* Исследование выполнено при поддержке РНФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования» (рук. акад. С.М. Толстая) № 17-18-01373.

Abstract

In 2018, within the framework of a detailed study of the colour term system in the Balkan Slavic languages, the author's ethnolinguistic questionnaire was prepared and aimed at identifying the specifics of the colour term system and colour functioning in the traditional folk culture. In 2018, May — June, an expedition was held to the Kumanovo municipality, the north part of North Macedonia, with a view to test the questionnaire and to study the archaic phenomena of the folk culture. This area is a borderland of the three Balkan Slavic ethnic groups and a zone that preserves unique archaic features in the folk culture. Nevertheless, the Macedonian part of the borderland has not been researched enough. The problem on the colour term system in the dialect under consideration has not yet been formulated. Dialect dictionaries reflecting the peculiarities of the Kumanovo dialect have not been published yet. The collected material reveals the specifics of the colour term system and colour functioning in the Macedonian spoken dialects under consideration. The use of colour in the traditional folk culture of the population living in the border zone of the three Slavic peoples has not been studied so far. The article provides an analysis of the results of the expedition to the Kumanovo region.

Keywords

System of colour terms, colour terms, Balkan languages, ethnolinguistics, Slavic archaic zones.

Received 24 April 2019.

В 2018 г. в рамках углубленного изучения системы цветообозначений балканославянских языков был составлен авторский этнолингвистический опросник, направленный на выявление специфики системы цветообозначений и функционирования цвета в традиционной культуре. С целью апробации опросника и исследования архаических явлений традиционной культуры в мае — июне 2018 г. состоялась экспедиция на север Македонии в район Куманово. Эта область представляет собой пограничье трех балканославянских этносов и зону, сохраняющую уникальные архаические черты в области народной культуры, а вопрос системы цветообозначений в рассматриваемом диалекте до настоящего момента не ставился. В ходе этнолингвистической экспедиции удалось посетить села в районе Куманова: Младо-Нагоричане, Горно-Койнаре (Коньаре), Долно-Койнаре (Коньаре), Табановце, Стрновац, Пелинце, Стрезовце — и собрать необходимый материал.

В Куманово, как в пограничном регионе, проживает смешанное население. Многие села рассматриваемого региона еще в середине прошлого века были славянскими, однако в настоящее время они считаются полностью албанскими. В Институте фольклора имени Марко Цепенкова в Скопье и в краеведческом музее Куманово нам были обозначены села с македонским и македонско-сербским населением, какие и служили целью обследования. При сборе материала учитывалось, что македонцы живут в полиэтническом сообществе. Село с преобладающим сербским населением — Табановце, однако полученная там информация не отличалась от данных из чисто македонских поселений.

Опросник по цветообозначениям состоит из трех частей. В первой части информанту предлагается посмотреть на спектр от темных до светлых тонов, чтобы назвать цвета, выделив фокус. Во второй части вопросы построены таким образом, чтобы выяснить, с какими объектами соотносится тот или иной цвет, какие коннотации содержит тот или иной цвет, как употребляется и какие есть синонимы. Например:

– С чем вы можете сравнить красный цвет? Красный как что? С чем еще ассоциируется красный цвет? Какие вы знаете синонимы к слову ‘красный’? Как назвать волосы огненного цвета? Как называется человек, у которого такой цвет волос?

В третьей части вопросы относятся к области народного календаря, семейной обрядности, сельскохозяйственной магии и демонологии, составленные на базе этнолингвистического опросника (Плотникова 2009)¹. Эта часть направлена на выяснение обстоятельств, при которых цвет приобретает релевантное значение. Например:

– Как празднуется день прихода весны? Плетутся ли амулеты к этому дню? Какого цвета должны быть нити в амулетах? Вывешивается ли одежда определенного цвета? Какого?

Непосредственно в ходе работы с информантами опросник претерпел изменения, которые могли бы обеспечить более высокую результативность полевого обследования. Народные традиции и обычаи людям старшего поколения (а именно с ними проводилось большинство бесед) ближе и понятнее, поэтому на первый план вышли вопросы из третьего раздела. Абстрактные вопросы по наименованию того или иного цвета задавались в конце интервью, когда информатор лучше понимал тему исследования.

Исследование показало, что на рассматриваемой территории в обычаях народной культуры цвета представлены скудно. Празднование прихода весны (в том числе вывешивание одежды красного цвета и плетение амулетов с разноцветными нитями), распространенное в близкой болгарской этнокультурной традиции, не встречается в обследуемой области. Информанты признаются, что данная традиция им известна лишь потому, что в школах проводятся соответствующие образовательно-воспитательные мероприятия. Если сравнить с картографируемыми материалами распространения явления и термина для обозначения амулета, то мы увидим, что македонская территория в целом представляет собой зону перехода: от повсеместного распространения обряда на болгарской территории до практически полного отсутствия такового на сербском культурно-языковом пространстве².

¹ Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.

² Она же. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. С. 476–477.

Распространенное на сербской языковой территории наименование *Бела Недеља* (серб. *Беле покладе*)³, относящееся к Масленичной неделе и мотивирующееся наличием большого количества угощений из молочной продукции⁴ (ср. *бело како млеко*), в рассматриваемом пограничном регионе не встречается. Лишь в двух селах на север от г. Куманово — Горно-Койнаре и Долно-Койнаре — находим данный термин, но по отношению к сплошной седмице перед Петровым постом. Масленичная неделя называется *Мрсна* (ср. мак. *мрсен* ‘жирный, сальный, масляной’) или *Сирна*, что находит соответствие в других регионах Южной Славии (ср. болг. *Сирна неделя*, *Сирница*, серб. *Сирне покладе*, *Сирница* и др.)⁵.

Похоронная обрядность является особенной областью традиционной культуры, где уделяется пристальное внимание цвету. Цвет жертвенного ягненка, которого режут на поминках, по возможности должен быть светлым, белым: *ако колиме наше, не од пазарот, тогаши бираме бело јагне* [если закалываем своего, не с рынка, то выбираем белого ягненка] (с. Стрновац)⁶. В этом использовании белого цвета прослеживается семантика его как чистого, светлого, безгрешного, тем самым эти качества переносятся на душу умершего. Траур в Кумановском регионе исключительно черный. По словам некоторых информантов, трауром по сыну мотивируется и черное облачение Богородицы, которая приходит определять младенцу судьбу на третий день (с. Долно-Койнаре, Стрезовце).

Во всех обследуемых селах фиксировалось, что белый цвет вызывает приятные ассоциации, он свидетельствует о чистоте, красоте, радости. Тут же приводились сравнения со снегом, молоком, невестой, книгой (бумагой), а также предметами, которые попадали в поле зрения информантов — белый как побелка, белый как мел, как яйцо, как сахар. Сравнение со снегом или молоком являются прототипическим, основным, а сравнение *како невеста* ‘как невеста’ — опосредованным, поскольку основывается на коннотации белого как чистого, повлиявшей на цвет платья современной невесты. Из синонимов приводили лексемы *белињаво* и *беликаво* ‘беловатый’. Для обозначения светлых волос используются лексемы *плавуша*, *белокоса*, *слана коса*. Лексема *белињаво* также может обозначать цвет, потерявший свою насыщенность, выгоревший или вымытый, ‘белесый’. Восприятие белого как бесцветного подтверждает противопоставленность его цветному (*бел / шарен*), которую отмечали носители, отвечая на дополнительный вопрос о существовании цветов, противоположных белому.

³ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 437–438.

⁴ Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. С. 199.

⁵ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 438–442.

⁶ Информант Гордица Станковска, 1962 г.р. — с. Стрновац (из с. Челопек) (соб. зап. 2018 г.).

Черный цвет, по словам всех информантов, ассоциируется со злом, болью, смертью, трауром. Предметы черного цвета сопоставляются с углем, смолой, вороном, дьяволом, цыганами. Среди сравнений *црн како* ‘черный как’ несколько раз встречалась земля, но на отдельный вопрос о цвете почвы (за редким исключением) всегда отвечали — коричневая. Здесь же приводились примеры фразеологизмов, подтверждающих отрицательную коннотацию черного: *црн дан* ‘черный день’, *црно време* ‘черное время’ в значении ‘трудный период’. Из синонимов удалось записать лишь обозначение темных волос — *смеѓа коса* ‘темные волосы’. А вариант *карабоја* (от *kara* (тур.) ‘черный’) был отвергнут, как обозначающий темно-красные оттенки (Табановце).

Красный цвет повсеместно ассоциируется с добром, красотой и радостью, в чем сближается с белым. Как объяснили сами информанты: это самое красивое сочетание двух цветов. Девушку характеризуют выражением *бела ем црвена* ‘белая и красная’, если она очень красивая, на русский язык это выражение можно перевести ‘румяная’ или метафорой ‘молоко с кровью’. Несколько раз встретились ассоциации с Пасхой (*како Велигден* ‘как Пасха’, *за Велигден* ‘на Пасху’), что связано с традицией покраски яиц в красный цвет, а также праздничного облачения священства в главный христианский праздник (Стрновац, Табановце). Красный цвет предметов устойчиво сравнивают с кровью, любовью, огнем: *црвен како жар* ‘красный как жар’, встретилась лексема со встроенным сравнением — *жарирвен* ‘огненно-красный’ (Младо-Нагоричане). Отсутствует однословное наименование для человека с рыжими волосами, а животное с рыжей шерстью может называться *Црвенка* (букв. «краснушка»). Оттенки красного передаются лексемами, образованными суффиксальным способом от основного корня: *црвеникав*, *црвењав*, *црвењушкав*, *црвенкаст* ‘красноватый’. Прилагательное *црвеникав* ‘красноватый’ по отношению к человеку характеризует его как пьяницу (Горно-Койнаре), а *црвењак* букв. «краснуш» обозначает человека, который плохо себя чувствует, — *не е добро за човек* «плохо человеку» (Табановце).

Желтый цвет обозначается лексемой *жут*, характеризующей фонетические особенности данного пограничного с сербским культурно-языковым пространством региона (переход слогового [j] в [u]). Оттенки желтого — *жуткаст*, *жутеникав* ‘желтоватый’, *граораст* ‘гороховый’. В сравнительных оборотах устойчивым сравнением предлагают (*како катјумка* (лит. мак. *качунка*) ‘как крокус’ — на просьбу описать внешний вид цветка информаторы делали особый акцент на желтый цвет лепестков: *Тоа има жолт цвет*. «У него желтый цветок» (Стрновац). *Зеленки листови на стебло и на врв жут цвет*. «Зелененькие листочки на стебле и наверху желтый цветок» (Пелинце)), но также встречаются *како сонце* ‘как солнце’, *како злато* ‘как золото’, *како алтан* ‘как монетка (алтын)’, *како јајце* ‘как яйцо’, *како динче* ‘как дыня’, *како цвеќе* ‘как цветок’. Животных желтова-

той шерсти называют *Жука* (собака), *Жута* (корова). Бледное болезненное лицо сравнивают с айвой и лимоном (*изболен како дуња* ‘больной как айва’, *како лимон* ‘как лимон’, *лицето е жуто како катјунка* «лицо желтое как шафран»). Сама болезнь — желтуха — *жутица*. Помимо болезни, желтый цвет может символизировать ревность: *жута — љубоморна боја* «желтый — цвет ревности» (Стрезовце).

Для обозначения зеленого цвета используется лексема *зелен* (от литературной формы отличается ударением на втором слоге). В качестве объекта сравнения чаще выступала трава (*зелен ко трава* ‘зеленый как трава’) и *како рид* ‘как холм’, что представляет собой метонимию, так как холм зеленый оттого, что покрыт травой. В качестве окказионального сравнения было записано *зелен како марсовец* ‘зеленый как марсианин’ (Горно-Койнаре). В качестве синонимов приводились лексемы *зеленкаст*, *зененикав* ‘зеленоватый’. Повсеместно в рассматриваемой области встречается употребление зеленого цвета для характеристики молодого, неопытного поколения. Были зафиксированы следующие выражения: *млад и зелен* «молодой и зеленый», *младо и зелено аџамиџо* «молодой да зеленый юнец» (Табановце), *још си зелено* «ты еще молод» (Горно-Койнаре), *лудо-младо-зелено* «безумно-молодо-зелено» (Младо-Нагоричане). Зеленый может использоваться также и при характеристике болезненного цвета кожи: *лице позеленеје значи исушено* «позеленеть в лице — значить усохнуть» (Горно-Койнаре), *пуно болен — позеленее, помодрее* «очень болен — позеленел, посинел» (Стрновац). Позеленеть, как говорили собеседники, можно не только от плохого самочувствия, но и от ревности и зависти: *позелени од љубомору, од зависти* «позеленеть от ревности, от зависти» (Младо-Нагоричане).

Оттенки синего цвета: голубой и синий, не противопоставляются: *Боја на ведро небо — плаво*. «Цвет неба в ясную погоду — синее»; *Боја на море — плаво*. «Цвет моря — синее». Однако при уточняющих вопросах носители диалекта вспоминали синонимы — *син* (определяя его как более светлый нюанс), *модар* (темный цвет — *се спрема киша* «дело к дождю» (Младо-Нагоричане)), *чивит* и *тегет* (*позатворено од модар* «темнее чем ‘модар’» (Табановце), *чивит многу темноплаво* «‘чивит’ очень темно-синий» (Табановце)). Либо же приводилась первой лексема *сино небо / море*, а вариант *плав* вспоминался в ходе разговора. Синий цвет носителями кумановских говоров воспринимается как нечто позитивное, красивое, в качестве доказательства всегда приводили цвет глаз, утверждая, что это очень красивые глаза. При этом характеристика *модар* по отношению к человеку исключительно негативна: *модар човек — со здравје не му е весело* «синий человек — со здоровьем невесело» (Горно-Койнаре), *помодрее од пиенје* «посинеть от пьянства» (Горно-Койнаре, Табановце), *помодрее кад умре* «посинеть когда умрешь» (Табановце), *модар — нема спиен* «синий — невыспавшийся» (Младо-Нагоричане).

Для обозначения серого цвета используется лексема *сив*, но также наряду со славянским корнем встречаются слова, образованные от турецкого корня *сур* (от *surlı* (тур.) ‘серый’): *сура вуна* ‘серая шерсть’, — или однословные наименования для животных этого окраса: *Сивча*, *Сивчо*, *Сурко* (вол), *Сивка* (корова), *Сура*. Через метафорическое сравнение с волком-одиночкой нелюдимый человек имеет прозвище *Сурчо* (Стрновац). Для обозначения иных неясных оттенков шерсти используются лексемы от корня *мург* (от *μαύρος* (греч.) ‘темный’, ср. мак. *мургав*, *мурцист* ‘темный, смуглый’, серб. *мургав* ‘смуглый’, *мурга* ‘осадок оливкового масла’): *Мурио*, *Мурчо* (имена собак), носители сопровождают эти имена комментарием, что животное темно-серого цвета, почти черного. Не было зафиксировано употребления производных от лексемы *зелен*, которая в соседних славянских языках (ср. ю.-серб. *зеленка* (Вртогош) ‘кобыла серой масти’⁷, болг. *кон зеленаш* ‘конь серой масти’⁸) может использоваться для обозначения неясных сероватых, кофейно-желтых оттенков⁹. Но в пользу нестабильности серого окраса говорит также и толкование слова-имени *Сурчо* самими носителями: несмотря на очевидную носителям внутреннюю форму *сур*, цвет животного описывают как *поморанцест* ‘оранжеватый’ (Стрновац). Из сравнительных оборотов были записаны следующие: *сура како јагне* ‘серый как ягненок’, *сив како глушец* ‘серый как мышь’, *како гугутки* ‘как горлицы’, *како пепел* ‘как пепел’. В качестве синонимов приводилось также слово *сивкаст*, *сураст* ‘сероватый’. Редко встречающаяся лексема *сив*, наряду с *бел*, по отношению к поседевшему человеку, фиксируется в с. Долно-Койнаре: *сив човек* — *остарел*, *има бела коса* «серый человек — постаревший, с белыми (седыми) волосами».

Цвет цветка фиалки — *лилаков*, *лилат* или *лила боја* ‘фиолетовый, лиловый’. После наводящих вопросов носители вспоминали *виолетов*, *љубичаст* ‘фиолетовый’, которые ими воспринимаются как варианты, также приводился в пример оттенок *вишња-боја* ‘вишневый’, *винесто* ‘цвета вина’, *розе* ‘розовый’.

Коричневый цвет передается исключительно через лексему *кафен* ‘коричневый’. Кора деревьев, почва, кофе спонтанно характеризуются по этому цветовому признаку, однако, после минутной паузы, носители приводили примеры с другими цветообозначениями. Например, дерево кажется серым

⁷ *Златановић М.* Речник говора југа Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.). Врање: Учитељски факултет у Врању, 2014. С. 219.

⁸ *Седакова И.А.* Система цветообозначений в болгарском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / отв. ред. А.П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. С. 192.

⁹ *Цивьян Т.В.* Дискуссија после доклада Н.Г. Голант // Троица. Rusalii. Πεντηκοστή. Rrëshajët... К мотиву зеленого в балканском спектре (Материалы круглого стола 17 апреля 2012 года) / отв. ред. М.М. Макаревич. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 43. См. также: *Ivić М.* O zelenom konju // O zelenom konju. Novi lingvistički ogleđi. Beograd: Slovoğraf, 1995.

(*сиво дрво* ‘серое дерево’), земля чаще всего *црна* (*црна земја го потрупала* «черная земля его засыпала» (Табановце)), но может быть и *црвена*, *бела* (*бела од вар* «белая от извести») в зависимости от свойств почвы, а сам кофе, послуживший базой для формирования этого цветообозначения в македонском и других балканских языках (ср. ю.-серб. *каверенги* (Призрен) ‘коричневый’¹⁰, в.-болг. *кафен* ‘коричневый’, *кафеникаф* ‘коричневатый’ (Доброславци)¹¹, алб. *kafe*, *kafenjtë* ‘коричневый’), называется *црно кафе*. В качестве оттенка может выступать *кафеникаст* ‘коричневатый’, *коштан боја* ‘каштановый’.

Животные с разноцветной шерстью получают клички *Шаро*, *Шара* или *Шарко* (букв. «цветной»), будь то собака или корова, а с пятнами — *чаранест*, *Чарпанка* (букв. «носочный», ср. серб. *чарана* ‘носок’, мак. *чоран* ‘носок’).

Интерес представляют записанные компаративные обороты, то, как сами носители характеризуют разные цвета, как они их воспринимают и с чем сравнивают, поскольку это раскрывает большой пласт устойчивых выражений, специфичных для конкретной местности. Важно, что в литературном македонском языке, как и в соседних балканославянских языках, нет четкого разделения на светлые и темные оттенки синего. Однако при наводящих вопросах носители могут выделить эти нюансы и обозначить их разными способами, не прибегая к словосложению (типа лит. мак. *светлосин* ‘светло-синий’, *небесносин* ‘небесно-синий’¹²), и даже развести их значения, основываясь на коннотациях, подкрепленных соответствующими примерами устойчивых выражений.

На сегодняшний момент не издано диалектных словарей, отражающих особенности кумановского говора. Опросник позволил собрать материал по лексике цветообозначений и отметить особенности функционирования цвета в традиционной культуре края. Были также зафиксированы особенности исследуемого диалекта, в частности, вариативность фонетических форм, свойственная пограничной зоне переходных говоров (ǃ / ħ на месте *dj (*Ѓорѓи*, но *смеħа коса*), ǃ / ħ на месте *tj (*кука*, но *свеħи*), е / а на месте *ь (*паричка за црни денови* наряду со *Спасовдан*), а / у на месте *q (*порака*, но *муж*)), конкурентность в суффиксальных морфемах. Слова с суффиксом *-аст / ест* конкурируют с вариантами на *-никав*: *жутеникав / жуткаст*, *зеленкаст / зеленикав*. У существительных женского рода на *а* фиксируются остатки падежных форм. Именительный падеж противопо-

¹⁰ Петровић С. Турцизми у српском призренском говору. На материјалу из рукописне збирке речи Димитрија Чемериќића. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2012. С. 165.

¹¹ Гълъбов Л. Лексиката на говора в с. Доброславци, Софийско. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2000. С. 342.

¹² Мурѓоски З. Речник на македонскиот јазик. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2005. С. 452, 724.

ставляется так называемому общему падежу, в котором существительные принимают окончание *y*: *od Moskvu, od ljubomoru*¹³. *Na sabajle ke se izmete i ke skochi u tarasu i vika na komshiju tamu — buvi nosi na komshiju toga. Da mu gi nosi buvi na komshiju i ime. Na nekoга*. «Рано утром все подметешь и выйдешь на террасу, и кричишь соседу там — блохи пусть идут к такому-то соседу. Чтобы они ушли к соседу, и имя. Чье-либо» (Пелинце)¹⁴. Б. Видоески отмечает, что кумановский говор занимает центральное место в северно-македонской диалектной группе и сближается с юго-восточными сербскими и северо-западными болгарскими говорами, становясь примером наиболее типичного переходного говора Македонии¹⁵, что подтверждается и материалами настоящей экспедиции.

По результатам апробации можно сделать вывод, что составленный опросник позволяет получить адекватную информацию о системе цветообозначений в македонском языке и может применяться и в других балканославянских зонах.

Опросник для сбора материала по цветообозначениям

I

1. Назовите цвета.
2. Объедините цвета в группы и дайте им общее название (предлагается посмотреть на спектр от темных до светлых тонов, назвать цвета, выделив основной цвет, т.е. фокус цвета).

II

1. С чем вы можете сравнить белый цвет? Белый как что? С чем еще ассоциируется белый цвет? Какие вы знаете синонимы к слову ‘белый’?
2. С чем вы можете сравнить черный цвет? Черный как что? С чем еще ассоциируется черный цвет? Какие вы знаете синонимы к слову ‘черный’?
3. С чем вы можете сравнить красный цвет? Красный как что? С чем еще ассоциируется красный цвет? Какие вы знаете синонимы к слову ‘красный’? Как назвать волосы огненного цвета? Как называется человек, у которого такой цвет волос?
4. Желтый как что? Может ли желтый использоваться для обозначения болезненного цвета кожи? Какие тогда могут быть сравнительные обороты? Лицо желтое как что? Какие вы знаете синонимы к слову ‘желтый’?
5. Зеленый как что? Может ли зеленый обозначать молодость, незрелость? Приведите примеры таких выражений. Может ли зеленый использоваться для обозначения болезни? Для обозначения нечистой силы? Кто еще

¹³ Видоески Б. Кумановскиот говор. Скопје: Институт за македонски јазик, 1962. С. 140–141.

¹⁴ Информант Савка Величковска, 1929 г.р. — с. Пелинце (соб. зап. 2018 г.).

¹⁵ Видоески Б. Кумановскиот говор. С. 18.

может быть зеленого цвета? Приведите примеры. Какие вы знаете синонимы к слову ‘зеленый’?

6. Какого цвета небо в ясную погоду? С чем можно сравнить этот цвет, кроме неба? Какого цвета море? С чем можно сравнить этот цвет, кроме моря? Какие ассоциации может вызывать этот цвет? Какие вы знаете другие слова для обозначения этих оттенков?

7. Серый как что? Как называется животное серого цвета (овца, коза, корова, лошадь, собака, кошка, волк)? Есть ли еще слова для обозначения таких оттенков?

8. Как вы назовете цвет фиалки? Знаете ли вы еще слова для обозначения этого оттенка? С чем ассоциируется у вас этот цвет?

9. Как вы назовете цвет кофе, коры дерева? Какого цвета почва? Знаете ли вы еще слова для обозначения таких оттенков?

10. Как можно назвать животное с разноцветной шерстью? (кошку, собаку, курицу, петуха, вола, корову, коня, овцу, козу, свинью).

11. Какого цвета еще бывают домашние животные (кошка, собака, курица, корова, конь, овца, коза, свинья)? Какого цвета могут быть дикие животные (волк, лисица, ящерица, змея)?

12. Какого цвета бывают волосы у человека?

13. Какого цвета бывает лицо человека?

14. Какого цвета может быть больной человек?

III

1. Народный календарь

– Как празднуется день прихода весны? Плетутся ли амулеты к этому дню? Какого цвета должны быть нити в амулетах? Вывешивается ли одежда определенного цвета? Какого?

– Какие действия предпринимались в этот дни, посвященные волку (медведю, изгнанию мышей), чтобы обезопасить хозяйство? (связывали ножницы красной нитью). Использовали ли нить, чтобы перевязать ножницы или другие острые предметы? Какого цвета была нить?

Что предпринималось, чтобы задобрить животное, какие жертвы приносились? (черный петух / курица) Имело ли значение, какого цвета должна быть жертва?

– Как называется последний день Масленицы? (*Беле Покладе, Бела Неделя*).

2. Хозяйство и связанные с ним обряды

– Как проходил обряд вызывания дождя? Во что нужно было быть одетым главному участнику обряда? Какого цвета была его одежда?

– Как и какие жертвы приносятся для успешного осуществления задуманного (для успешной постройки дома, для успешного окончания дела и др.)? Важен ли цвет жертвы?

3. Семейная обрядность

- Что означает цвет рубашечки младенца?
- Как проходит встреча молодой невесты в новом доме? Нужно ли невесте идти по нити? Какого цвета должна быть нить?
- Какие поверья связаны с единомесечниками и близнецами? Какие предпринимаются действия по лечению единомесечников? Какие цвета используются при осуществлении ритуала?
- Какого цвета должна быть поминальная жертва, приносимая за умершего?
- Каким должен быть траур? Одежда каких цветов используется при трауре?

4. Мифология

- Какого цвета может быть нечистая сила, приносящая вред людям?
- Как выглядят существа, приходящие определять судьбу человека? (цвет одежды).
- Как выглядят вилы и сходные с ними существа? (цвет одежды и волос).
- Как выглядят вампиры и сходные с ними существа (присутствует ли цвет крови в их образе)? Что нужно сделать, чтобы предотвратить превращение покойника в вампира (в частности, использование нитей определенного цвета)?

Литература

1. *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002.
2. *Видоески Б.* Кумановскиот говор. Скопје: Институт за македонски јазик, 1962.
3. *Гълъбов Л.* Лексиката на говора в с. Доброславци, Софийско. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2000.
4. *Златановић М.* Речник говора југа Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.). Врање: Учительски факултет у Врању, 2014.
5. *Мургоски З.* Речник на македонскиот јазик. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2005.
6. *Петровић С.* Турцизми у српском призренском говору. На материјалу из рукописне збирке речи Димитрија Чемериќа. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2012.
7. *Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.
8. *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.
9. *Седакова И.А.* Система цветообозначений в болгарском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / отв. ред. А.П. Василевич . М.: КомКнига, 2007. С. 185–197.
10. *Цивьян Т.В.* Дискуссия после доклада Н.Г. Голант // Троица. Rusalii. Певтѣ-коотѣ. Rrëshajët... К мотиву зеленого в балканском спектре (Материалы круг-

лого стола 17 апреля 2012 года) / отв. ред. М.М. Макарецов. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 43.

11. Ivić M. O zelenom konju // O zelenom konju. Novi lingvistički ogledi. Beograd: Slovoğraf, 1995. S. 87–101.

References

1. Agapkina, T.A., 2002. *Mifopoeticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendara. Vesenne-letnii tsikl* [Mythopoetic Basis of the Slavic Folk Calendar. Spring and Summer Cycle]. Moscow: Indrik.
2. Gulubov, L., 2000. *Leksikata na govora v s. Dobroslavtsi, Sofijsko* [Vocabulary of the dialect of the Dobroslavtsi village, Sofiysko]. Sofia: Universitetsko izdatelstvo "Sv. Kliment Ohridski".
3. Ivić, M., 1995. O zelenom konju [About the green horse]. In: Ivić, M., 1995. *O zelenom konju. Novi lingvistički ogledi*. Belgrade: Slovoğraf, pp. 87–101.
4. Murgoski, Z., 2005. *Rečnik na makedonskiot jazik* [Dictionary of the Macedonian language]. Skopje: Filološki fakultet "Blaže Koneski".
5. Petrović, S., 2012. *Turcizmi u srpskom prizrenskom govoru. Na materijalu iz rucopisne zbirke reči Dimitrija Čemerikića* [Turcisms in the Serbian Speech of Prizren: Based on Material from the Lexicon Manuscript by Dimitrije Čemerikić]. Belgrade: Institut za srpski jezik SANU.
6. Plotnikova, A.A., 2004. *Etnolingvističeskaia geografiia Iuzhnoj Slavii* [Ethnolinguistic geography of Southern Slavia]. Moscow: Indrik.
7. Plotnikova, A.A., 2009. *Materialy dlia etnolingvističeskogo izučeniia balkanoslavianskogo areala* [Materials for ethnolinguistic investigation of the Balkan-Slavic area]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
8. Sedakova, I.A., 2007. Sistema tsvetooboznachenii v bolgarskom iazyke [The system of the color terms in the Bulgarian language]. In: Vasilevich, A.P., ed., 2007. *Naimenovaniia tsveta v indoevropskikh iazykah: Sistemy i istoričeskii analiz*. Moscow: KomKniga, pp. 185–197.
9. Tsivian, T.V., 2013. Diskussiiia posle doklada N.G. Golant [Discussion after the report by N.G. Golant]. In: Makarcev, M.M., ed., 2013. *Troitsa. Rusalii. Пεντηκοστή. Rrëshajët... K motivu zelenogo v balkanskom spektre (Materialy kruglogo stola 17 aprelia 2012 goda)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, p. 43.
10. Vidoeski, B., 1962. *Kumanovskiот govor* [The Kumanovo dialect]. Skopje: Institut za makedonski jazik.
11. Zlatanović, M., 2014. *Rečnik govora juga Srbije (provincijalizmi, dijalektizmi, varvarizmi i dr.)* [Dictionary of the South Serbian dialect (provincialism, dialectism, barbarism)]. Vranje: Učiteljski fakultet u Vranju.

«ПЕЙЗАЖ», «НАТЮРМОРТ» И «ПОРТРЕТ» КАК ЗАГЛАВИЯ ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Виктория Яковлевна Малкина –

кандидат филологических наук,
профессор,
Институт филологии и истории,
Российский государственный
гуманитарный университет
Почтовый адрес: Миусская площадь, 6, Москва,
ГСП-3, 125993, Россия
Электронный адрес: poetika@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию одного из аспектов визуального в лирическом стихотворении — репрезентации жанров живописи в заглавии стихотворений, а также взаимодействию визуального и вербального в соответствующих лирических текстах. Цель статьи — проанализировать семантику такого заглавия и его влияние как на развертывание лирического сюжета и образной системы стихотворения, так и на читательскую стратегию рецепции такого текста. Для этого в статье решаются несколько задач. Во-первых, определяется понятие визуального в литературе вообще, и разграничиваются понятия визуального и визуализации, в частности. Во-вторых, рассматриваются основные способы репрезентации визуального в лирическом тексте (с учетом специфики лирики как рода литературы): лирический сюжет, лирический образ, композиционно-речевые формы (описание, сон, экфрасис) и отображение визуальных искусств, в частности, аллюзии на жанры и приемы живописи. В-третьих, обосновывается важность анализа заглавия для лирического стихотворения. Наконец, в-четвертых, анализируются выбранные и представляющиеся наиболее репрезентативными тексты под указанным углом зрения, то есть исследуется, как в них проявляется заявленная в заголовке аллюзия на произведение живописи. Материалом служат стихотворения российских и польских поэтов XIX–XX вв., заглавия которых совпадают с основными жанрами живописи — «Пейзаж», «Портрет» и «Натюрморт». Но при этом тексты не являются экфрасисом, то есть не описывают конкретную картину, настоящую или воображаемую, а воссоздают визуальную образную систему вербальными средствами и апелляцией к зрительскому опыту читателей. В частности, анализируются стихотворения А. Майкова, И. Сельвинского, Ю. Левитанского, Б. Ахмадулиной, Л. Мартынова, Ю. Пшибоса, А. Пушкина, В. Ходасевича, Д. Кедрина, Ю. Хартовиг, И. Бродского, А. Сверциньской.

Ключевые слова

Визуальное в литературе, визуальное в лирике, живопись и литература, пейзаж в лирике, портрет в лирике, натюрморт в лирике, заглавие лирического стихотворения, лирический сюжет.

Статья поступила в редакцию 24 марта 2019 г.

LANDSCAPE, STILL LIFE, AND PORTRAIT AS TITLES OF POEMS

Victoria Ja. Malkina

Ph.D., Professor,
Institute for Philology and History,
Russian State University for Humanities
Postal address: Miusskaya Square 6, Moscow,
GSP-3, 125993, Russia
E-mail: poetika@gmail.com

Abstract

This paper is devoted to the problem of visual aspect in literature. We study one of the aspects of the visual in a lyrical poem: the representation of painting genres in the titles of the poems, as well as the interaction between the visual and the verbal in lyrical texts. The goal of the paper is to analyse the semantics of such a title and its influence on both the unfolding of the lyrical plot and the figurative system of the poem, also on the strategy of the perception of such text by a reader. To do this, we solve several problems. First of all, we define the concept of the visual in literature; the concepts of the visuality and the visualisation are delimited. Secondly, we consider the main ways of representing of the visual in a lyrical text (taking into account the specifics of the lyric as a kind of literature): lyrical plot, image, compositional forms (a description, a dream, an ekphrasis), and allusions to the genres of painting. Thirdly, the importance of analysing the title for a lyrical poem is justified. Finally, the most representative texts are analysed from the specified point of view: we examine how the allusion to the painting is manifested in the title. The material of the paper is the number of poems by the Russian and the Polish poets of the nineteenth — twentieth centuries. Their titles coincide with the main genres of paintings, for example, “Landscape”, “Portrait” and “Still Life (nature morte)”. But at the same time, they are not considered to be ekphrasises. That means there is no any description of a real or imaginary picture there, but there is a recreation of the visual imaginative system by the verbal means; and the poems appeal to the reader’s viewing experience. In particular, we analyse the poems of A. Maikov, I. Selvinsky, Y. Levitansky, B. Akhmadulina, L. Martynov, J. Przyboś, A. Pushkin, V. Khodasevich, D. Kedrin, Y. Hartwig, I. Brodsky, A. Svershchinskoy.

Keywords

Visual in literature, visual in lyric, painting and literature, landscape in lyric, portrait in lyric, still life (nature morte) in lyric, title of lyrical poem, lyrical plot.

Received 24 March 2019.

Проблема соотношения живописи и поэзии возникала в истории новой европейской культуры неоднократно. Этот вопрос поставил еще Готхольд Эфраим Лессинг, когда противопоставил живопись и литературу как, соответственно, пространственный и временной виды искусства: «живопись — тела и краски, взятые в пространстве, поэзия — членораздельные звуки, воспринимаемые во времени»¹. Живопись, согласно Лессингу, фиксирует одно мгновение, поэзия — протяженность во времени. В то же

¹ Лессинг Г.Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М.: Гослитиздат, 1957. С. 186–187.

время поэзия может описывать как видимое, так и невидимое, в живописи же видимо всё. Поэтому в живописи предметом изображения становятся в основном видимые (материальные, телесные) свойства предметов, а в литературе — поступки и действия. То есть живопись — это статика, а литература — динамика.

Однако уже романтики стали пытаться преодолевать это противопоставление, заговорив о синтезе искусств. Поэзия и живопись начали взаимодействовать друг с другом, причем это взаимодействие стало осуществляться разными способами. Нас интересует тот вариант, когда особенности поэтики визуальных искусств становятся особенностями поэтики вербального текста. Мы обозначаем его термином визуальность, или визуальное в литературе.

Визуальное в литературе мы понимаем как видимость (зримость) внутреннего мира художественного произведения, то есть возможность его зрительной рецепции. Особенности визуального восприятия задаются автором и воспринимаются читателем в рамках его собственного зрительского и читательского опыта. Изучение визуального в лирике является проблемой актуальной и малоизученной. Оговоримся, что предметом нашего исследования является не поэзия как разновидность художественной речи, а лирика как род литературы. Ее специфика заключается, согласно концепции С.Н. Бройтмана, в особых субъект-субъектных отношениях: герой становится для автора не объектом (как в эпосе), а другим — равноправным — субъектом. Отсюда «синкретизм субъектов, отсутствие между ними четкой внешней границы»² и большая роль лирического субъекта как носителя речи и основной точки зрения на мир в лирическом стихотворении. При репрезентации визуального лирический субъект становится носителем точки зрения в буквальном смысле слова: именно он — тот, кто видит внутренний мир произведения, и от его позиции зависит то, что видит читатель.

Визуальное в лирическом стихотворении может возникать на нескольких уровнях (см.: Схема 1 — визуальное в лирическом стихотворении). Первый и самый очевидный — это уровень словесного образа. Под словесным образом мы понимаем языковое выражение, создающее в художественном тексте многоплановую картину мира. Для воссоздания картины визуальной используются, соответственно, визуальные образы: цвет, свет, линия, картина, скульптура, кино, фотография, зеркало, отражение, глаза и т.п. Очень часто при этом используются и глаголы зрительного восприятия (видеть, замечать, наблюдать, смотреть и т.п.).

Второй возможный уровень репрезентации визуального — это лирический сюжет. Под лирическим сюжетом мы понимаем систему событийно-ситуативных элементов лирического произведения, данную с позиции лирического субъекта в процессе развертывания его рефлексии. И эта реф-

² Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М.: РГГУ, 2001. С. 109.

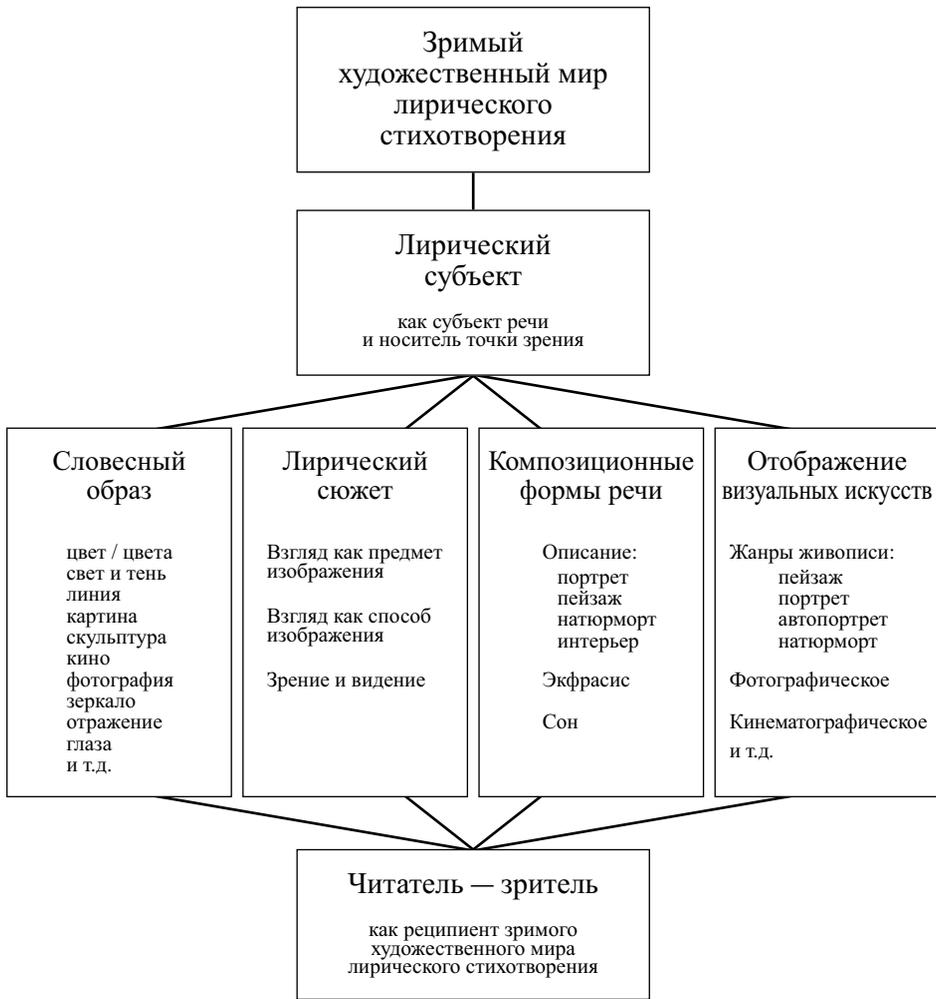

Схема 1 — визуальное в лирическом стихотворении

лексия может начинаться с акта видения либо столкновения с любым другим визуальным явлением. В таком случае взгляд и зрение могут стать как способом, так и предметом изображения, а лирическим событием становится смена точек зрения либо переход через какую-то видимую границу.

Третий уровень — это композиционно-речевые формы. Вслед за Н.Д. Тамарченко мы понимаем композиционные формы речи как «фрагменты текста произведения, имеющие типическую (повторяющуюся, узнаваемую) структуру, приписанные автором-творцом какому-либо из “вто-

ричных” субъектов изображения»³. Формы, связанные с визуальным, — это описания (пейзаж, портрет, интерьер, натюрморт), экфрасис и сон (сновидение).

Наконец, четвертый уровень репрезентации визуального в лирике — это отображение визуальных искусств, в частности, аллюзии на жанры и приемы живописи. Именно этот способ нам хотелось бы рассмотреть подробнее в данной статье на примере трех основных жанров — пейзажа, портрета и натюрморта. Материалом послужат стихи российских и польских поэтов XIX–XX вв., причем те, где аллюзия возникает прямо в заглавии, то есть когда заглавие стихотворения совпадает с названием жанра живописи («Пейзаж», «Портрет», «Натюрморт»).

Как известно, в лирике заглавие есть далеко не у всех текстов, но тем больше его значение, когда оно появляется. С.Д. Кржижановский писал, что «книга — развернутое до конца заглавие, заглавие же стянутое до объема двух-трех слов книга»⁴. Еще одна важная особенность заглавия заключается в том, что оно ориентировано и вовне, и внутрь текста: с одной стороны, провоцирует читательские ожидания, апеллируя к его (читательскому) опыту (в интересующем нас случае — визуальному), с другой — заглавие так или иначе соотносится с основным текстом: «Заглавие — первое, с чем сталкивается читатель, обращаясь к тексту. Оно предсказывает характер содержания, ориентирует восприятие на ту сферу действительности, которая воссоздается в тексте»⁵. Так, заглавия «Пейзаж», «Портрет» или «Натюрморт» предлагают читателю обратиться к живописи и представить, что речь идет о картине. И, конечно, есть немало текстов, где действительно описывается картина — реальная или воображаемая (и тогда можно говорить об экфрасисе). Нас, однако, будут интересовать те стихотворения, где читательские ожидания обманываются: нам не рассказывается о живописной картине, а картина воссоздается поэтическими средствами. Одним из таких средств и является заглавие, побуждающее читателя к визуальному восприятию следующего за заглавием текста.

Наиболее многочисленны в российской традиции стихотворения, озаглавленные «Пейзаж». Стихотворения с таким названием есть у Аполлона Майкова, Ильи Сельвинского, Юрия Левитанского, Беллы Ахмадулиной, Леонида Мартынова, Ярослава Смелякова и др. А еще есть «Зимний пейзаж» Константина Случевского, «Осенние пейзажи» Николая Заболоцкого, «Городской пейзаж» Евгения Долматовского и т.п.

³ Тамарченко Н.Д. Композиционные формы речи // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной: Intrad, 2008. С. 102.

⁴ Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий. М.: Никитинские Субботники, 1931. С. 4.

⁵ Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... д-ра филол. н. М., 1990. С. 22.

Это неувидительно — описания природы в лирике встречаются настолько часто, что существует даже выражение «пейзажная лирика». Нередко пейзаж встречается в лирике как композиционно-речевая форма, разновидность описания. И, конечно, он всегда связан с визуальным — пространство вообще визуальная категория, а его описание вербальными средствами заставляет включать зрение (и воображение) читателя. А заглавие «Пейзаж» удваивает визуальность и заставляет увидеть не просто образ природы, а художественный, изображенный образ.

Как мы знаем, в живописи пейзаж — это «жанр, посвященный изображению естественной или измененной человеком природы»⁶. Сам человек там если и присутствует, то лишь в качестве детали (причем, скорее всего, не на переднем плане). В названных нами стихотворениях ситуация другая: человек там присутствует всегда.

Так, стихотворение А. Майкова начинается со слов «Люблю дорожкой лесною, / Не зная сам куда, брести»⁷, то есть сразу появляется «я». По мере его движения мы видим, как картина леса — закрытого пространства, дикой природы, с мухоморами, которые «что карлы сказочные, спят», — сначала сменяется видом реки (открытого пространства), а затем наполняется следами человеческого присутствия: мельницей, дорогой, возом на ней и, наконец, появлением других людей: «И криком кляче помогает / Старик, а на возу — дитя». Звуки леса (шорох листьев) сменяется шумом «человеческим» — от колес мельницы до криков деда и лая его собаки, которая оказывается как бы соединяющим звеном между природным и человеческим: «И звонко в сумраке лесном / Веселый лай идет кругом».

В «Пейзаже» Б. Ахмадулиной люди вообще занимают гораздо больше места, чем собственно природа, поскольку все три строфы посвящены людям и их восприятию первого снега и льда. Как и в предыдущем тексте, здесь действуют лирический субъект и ребенок («дитя»), только если у Майкова вначале мы видели путь субъекта, а в конце — ребенка, то здесь лирический субъект появляется в первой и третьей строфах, а ребенок — в середине. Таким образом, лирический субъект показывает нам не только свое видение картины, но и ребенка на этой картине. Снег («благодать») оказывается одушевлен и наделен способностью не только к действию, но и к зрению («уж смотрит с неба»). О живописи здесь нам напоминают только визуальные образы: свет, тень и цвет («Иду и хоронюсь от света, / чтоб тенью снег не утруждать», «по снегу белому иду»⁸).

Отчасти аналогичная картина в «Пейзаже» И. Сельвинского:

⁶ В мире искусства: словарь основных терминов / научн. ред. А.А. Мелик-Пашаев. М.: Искусство в школе, 2001. С. 90.

⁷ Майков А.Н. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1980. С. 79.

⁸ Ахмадулина Б. Озноб: избранные произведения. Frankfurt/Main: Посев, 1968. С. 89.

*Белая-белая хата,
Синий, как море, день.
Из каски клюют цыплята
Какую-то дребедень.*

*Вполне знакомая каска:
Свастика и рога...
Хозяин кричит: «Параска,
Старая ты карга!»*

*Параске четыре года.
Она к цыплятам спешит.
Хозяин
сел
на колоду,
На каску хозяин глядит.*

*«Видали? Досталась курам!»
Он был еще молод, но сед.
«Закурим, что ли?» –
«Закурим».*

*Спички. Янтарь. Кисет.
И вот задумались двое
В голубоватом дыму.
Он воевал под Москвою.
Я воевал в Крыму⁹.*

Картинка нам дается только в первой и начале второй строфы: от цветного заднего плана (белая хата / синий день), который охватывается панорамным взглядом, — взгляд переходит к детали на переднем плане (каска), и после этого картина наполняется движениями и звуками (вторая половина второй и третья строфа). Чей взгляд, мы пока не знаем — в отличие от текстов Майкова и Ахмадулиной, здесь картина описывается сначала от третьего лица. Так же, со стороны, мы видим изображенный взгляд — хозяина. Он смотрит в ту же точку, куда уже смотрим и мы: на каску. Цвет фона остается тем же, но из яркого и интенсивного становится приглушенным (был «синий, как море» — стал «голубоватый дым»). То, что на картине есть и лирический субъект, мы узнаем только в последней строке. И тогда понимаем, что он показывает нам пейзаж одновременно и изнутри, и снаружи, говоря о себе сначала в третьем лице, потом в первом: «И вот задумались двое / В голубоватом дыму. / Он воевал под Москвою. / Я воевал в

⁹ Сельвинский И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1971. С. 432.

Крымю». Внезапно появляющееся «я» позволяет и читателю приблизиться не только к взгляду героев стихотворения, но и к их восприятию каски — через призму призрака войны, которая уже в прошлом (глагол стоит в прошедшем времени), но незримо присутствует в настоящем.

Обратим внимание, что во всех трех текстах слово «пейзаж» фигурировало только в заглавии, в самом тексте это никак не акцентировалось, в отличие от стихотворения Ю. Левитанского, в котором лирический субъект не только описывает картину, но и рефлексивирует над ее созданием.

*Горящей осени упорство!
Сжигая рощи за собой,
она ведет единоборство,
хотя проигрывает бой.*

*Идет бесшумный поединок,
но в нем схлестнулись не шутя
тугие нити паутинок
с тугими каплями дождя.*

*И после краткой подготовки,
Над перелеском покружив,
повалят листья, как листовки, —
сдавайся, мол, покуда жив.*

*И сдачи первая примета —
белесый иней на лугу.
Ах, птицы,
ваша песня спета,
и я помочь вам не могу...*

*Таков пейзаж. И если даже
его озвучить вы могли б —
чего-то главного в пейзаже
недостает, и он погиб.*

*И всё не то, всё не годится —
и эта синь, и эта даль,
и даже птица,
ибо птица —
второстепенная деталь.*

*Но, как бы радуясь заминке,
пока я с вами говорю,
проходит женщина в косынке
по золотому сентябрю.*

*Она высматривает грузди,
она выслушивает тишь,
и отраженья этой грусти
в ее глазах не разглядишь.*

*Она в бору — как в заселенном
во всю длину и глубину
прозрачном озере зеленом,
где тропка стелется по дну,*

*где, издалёка залетая,
лучи скользят наискосок
и, словно рыбка золотая,
летит березовый листок.*

*То простодушно-величава,
То целомудренно-тиха,
Она идет,
и здесь начало
картины, музыки, стиха.*

*А предыдущая страница,
где разноцветье по лесам, —
затем, чтоб было с чем сравниться
ее губам, ее глазам¹⁰.*

Здесь мы тоже сталкиваемся с одушевлением природных явлений, как было у Ахмадулиной. Пейзаж при этом совсем не мирный и не гармоничный. В первых трех строфах картина описывается от третьего лица, «я» появляется только в четвертой, вместе со звуком и птицами, точнее, с сожалением о них. В пятой строфе фигурирует уже не только лирический субъект, но и его собеседники, и разговаривает он с ними (с нами) как раз о пейзаже — как о произведении искусства. Появление в ряду традиционных поэтических образов термина «второстепенная деталь» только подчеркивает дистанцию: там (в первых четырех строфах) рисовалась картина, тут (в пятой и шестой строфах) мы обсуждаем эту картину. Но в седьмой строфе два события начинают происходить одновременно: «пока я с вами говорю, / проходит женщина в косынке / по золотому сентябрю». В пейзаже появляется человек, и он оживает. Так же, как хозяин у Сельвинского, здесь изображенный на картине человек может смотреть, видеть и слышать. Появляется цвет (золотой, зеленый). Картина становится более спокойной, гармоничной и целостной — причем независимо от художника-поэта (он

¹⁰ Левитанский Ю.Д. Избранное: стихи. М.: Художественная литература, 1982. С. 20–21.

ведь в этот момент разговаривает с нами). Если вначале были отдельные мазки / штрихи — или, быть может, даже отдельные наброски, то с появлением женщины картина обретает художественную завершенность и становится произведением искусства, причем любого («Она идет, и здесь начало / картины, музыки, стиха»).

Процесс создания картины присутствует и в стихотворении Л. Мартынова, но тут в этом процессе принимает участие сам пейзаж:

*Пейзаж
 Возник передо мною —
 Сумбурный, в рамки не вошедший,
 Как будто бы не что иное,
 Как явь, полна противоречий:
 Неслись клубящиеся тучи,
 Повсюду свет боролся с тенью...*

— *Пейзаж, ты мог бы стать и лучше!*
 — *Конечно, в этом нет сомненья!*

*Какой уж есть сам по себе я —
 Я всё же и творенье ваше!
 Хотите неба голубее,
 Погоды тише, красок краше —
 Дерзайте, чтоб стремилось небо
 На ваши грезы стать похожим
 Не только на полотне бы,
 Но и в действительности тоже!¹¹*

Здесь пейзаж становится полноценным субъектом — участником диалога. Если вначале есть только свет и тень, да и сам пейзаж выбивается из рамы, то в конце он (пейзаж) предлагает решения по собственному изменению. При этом размываются границы не только между живописью и поэзией, но и между художественной и нехудожественной реальностью — правда, обе они всё равно находятся внутри стихотворения, а потому являются в конечном итоге художественными. Зато становится отчетливо ощутимо их удвоение.

Для большей репрезентативности рассмотрим еще стихотворение Юлиана Пшибоса (Julian Przyboś, 1901–1970) с тем же заглавием — «Пейзаж» (“Krajobraz”):

*Zanim przejrzę się w rozstajnym krajobrazie, kędy
 linie wywrózonych dłoni przechyliły pagórek...*

*Droga, powtarzana kopytami, okracza wzniesienie,
 widać ją, jak jedzie w uprzęży z kasztanów, przez które
 przewleka dwa łby końskie, wzdłużone od pędu.*

¹¹ Мартынов Л. Золотой запас: книга стихов. М.: Советский писатель, 1981. С. 23.

*Wieczór, woźnica cienia, wzgórzami jak końmi
powozi, zatrzymując widok przed miastem zamkniętym,
po czym słońce, zawieszane nisko, u strumienia poi.*

*Z odjazdu wypływa na niewidzialnej łodzi
Muza tych miejsc, uwożąc ostatnie spojrzenie
z pagórka, który ukwiecony dwiema dłońmi,
nie przepłynął widnokręgu wpływ.*

*Gdzie tai się staw, głęboko uwikłany w trzcinie
śniącej, jak swoje odbicie do jawy natężyć,
i las, wyszumiałały z zadumy, drzewami podchodzi
do wody, powianej światłem. Staw
wynurza błękitowi księżyc.*

*Dalej, nad wzgórzem nieruchomym, stoi
powietrze: lustro zdmuchnięte¹².*

*Прежде чем я погляжусь в прощальный пейзаж,
где линии выколдованных ладоней пригнули пригорок.*

*Замелькала дорога копытами, на взгорье въезжая,
движется в упряжи из каштанов, сквозь череду которых
продевает быстрые морды коней, едва держа на вожжах.*

*Вечер, возница теней, в хвост и в гриву гонит
холмы, задерживает разбег перед въездом в город,
и солнце, свесившееся низко, в ручье поит.*

*И уже из отъезда выплывает в незримой ладье
Муза здешних околиц, увозящая взгляд-провожанье
с пригорка, который, как цветы, подняв две ладони,
не переплыл горизонта вплавь.*

*Где таится пруд, в тростниках, склоненных ко сну
и пытающихся свое отражение вымечтать в явь,
а отгрезивший лес приближает деревья к воде,
чуть зыблемой ветром. Пруд
вызволил из лазури луну.*

*Вдали, над возвышенностью неподвижной, стоит
Потушенное зеркало: воздух¹³.*

(пер. В. Британишского)

¹² Przyboś J. *Utwory poetyckie: zbiór*. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1975. S. 24.

¹³ Польские поэты XX века: антология: в 2 т. Т. 1 / пер. с польск., сост., предисл.: Н. Астафьева, В. Британишский. СПб.: Алетейя, 2000. С. 238.

Пейзаж тут фигурирует не только в заглавии, но и в первой строке — только там подразумевается не живописная картина, а реальная (для лирического субъекта). Лирический субъект говорит о себе от первого лица, он является тем, кто действует (видимо, уезжает и по дороге оборачивается), тем, кто смотрит, и тем, кто описывает нам видимое. Изображение при этом не статично — движутся и сама картина (кони, например), и взгляд субъекта, и его рефлексия. Так, вполне буквальные во второй строфе дорога — упряжь — кони в третьей превращаются в образ (возницей оказывается вечер).

Обратим внимание, что в строфах разное количество строк, сначала постепенно увеличивающееся, а потом уменьшающееся: 2–3–3–4–5–2. Это соотносится с движением взгляда субъекта: сначала он смотрит вдаль, на линию горизонта, и всё кажется уменьшенным в размерах. Потом он постепенно приближается, может рассмотреть детали — не только пруд, но и отраженные в нем луну и деревья. А в конце — взгляд снова уходит вдаль, пропадают и детали, и фокусировка. Зрение присутствует в тексте и напрямую (погляжусь, взгляд-провожаенье, незримая), и через визуальные образы: линии, замелькала, тень, солнце, горизонт, сон, отраженье, свет, лазурь, луна и, наконец, зеркало. Когда оно появляется, всякое движение замирает, всё становится неподвижным. Свет исчезает тоже: «потушенное зеркало — воздух». Пейзаж если и продолжает существовать, то только в отражении, в зеркале. При этом вспомним, что в первом предложении лирический субъект смотрит не *на* пейзаж (*patrząc na krajobraz*), что является привычной грамматической конструкцией, а *в* пейзаж («погляжусь в прощальный пейзаж» / “*przejrzę się w rozstajnym krajobrazie*”). А с предлогом «в» / “w” (тем более в сочетании с возвратной частицей «сь» / “*się*”) гораздо более привычно выражение «смотреться в зеркало» (“*patrzyć w lustro*”). В зеркало же смотрят, чтобы увидеть себя. То есть лирический субъект смотрит в пейзаж — и в то же время в зеркало — оно же воздух, который на самом деле невидим. Прощание с пейзажем приводит к исчезновению и его, и субъекта, который в этой художественной реальности перестает существовать, потому что перестает видеть. А без его зрения не существует и самой картины.

Итак, первое, что мы можем сказать о пейзаже в лирике, это то, что он не просто дается через восприятие человека, а что человек всегда является его частью. Второй важный момент (это связано с различиями живописи и поэзии, о которых говорил Лессинг) касается статики и динамики: в лирическом стихотворении пейзаж всегда динамичен, причем динамичен именно из-за присутствия людей: у Майкова и Ахмадулиной идет лирический субъект, у Левитанского — женщина на картине, у Сельвинского движется девочка на картине, у Мартынова — сам одушевленный пейзаж. Кроме того, дополнительную динамику может придавать течение времени. Третья особенность — появление других чувств и других органов восприятия, кро-

ме зрения и глаз: у Майкова, Левитанского, Сельвинского и Мартынова это звуки (природные, разговор и т.п.), у Ахмадулиной — вкус.

Важно, что все вместе — человек и природа, движение на картине и движение взгляда, пространство и время, восприятие различных органов чувств — рисуют целостную картину. Причем это одна картина, а не их смена. Несмотря на динамику, пейзаж не превращается в кино: зрение читателя должно улавливать не мелькание кадров, а постепенное дополнение картины планами, деталями, цветами, его взгляд должен перемещаться по той траектории, которую задает автор.

Не менее частотно в лирике заглавие «Портрет»: у Александра Пушкина, Владислава Ходасевича, Максимилиана Волошина, Рюрика Ивнева, Николая Заболоцкого, Дмитрия Кедрина, Арсения Тарковского, Валерия Брюсова и др. Однако если заглавие «Пейзаж» не подразумевало описания конкретной картины (как произведения живописи), то «Портрет» нередко является именно экфрасисом.

Так, Н. Заболоцкий описывает «Портрет А.П. Струйской» Ф. Рокотова, а у А. Тарковского стихотворение начинается со слов: «Никого со мною нет. / На стене висит портрет»¹⁴; правда, портрет описывается не особенно подробно, зато с ним выстраивается диалог.

А. Пушкин также описывает известный в истории портрет — А.Ф. Закревской работы Д. Доу (точнее, свое впечатление от него¹⁵), М. Волошин — «Автопортрет» М.В. Сабашниковой. Хотя, поскольку в обоих текстах нет слова «портрет», их можно воспринимать и как описание портрета, и как описание человека, послужившего моделью для портрета. При этом интересно, что у Пушкина визуальность в описании отсутствует — единственный визуальный образ появляется в последних строках, в сравнении: «Как беззаконная комета / В кругу расчисленном светил»¹⁶. Зато весь текст выстроен на динамике и контрасте: «жены Севера» (то есть холодные) — «пылающая душа» героини, она «является» и «стремится» и т.д.

Стихотворение М. Волошина, в отличие от пушкинского, написано от первого лица, что понятно — он ведь описывает не портрет, а автопортрет, и лирический субъект в данном случае — голос изображенной и изобразившей себя художницы:

*Я вся — тона жемчужной акварели,
Я бледный стебель ландыша лесного,
Я легкость стройная обвисшей мягкой ели,
Я изморозь зари, мерцанье дна морского.*

¹⁴ Тарковский А. Стихотворения и поэмы. М.: Гослитмузей, 2015. С. 39.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Сурат И.З. Портрет // Сурат И.З. Вчерашнее солнце: о Пушкине и пушкинистах. М.: РГГУ, 2009. С. 420–421.

¹⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Стихотворения. 1827–1836. Изд. 4-е. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1977. С. 66.

*Там, где фиалки и бледное золото
Скованы в зори ударами молота,
В старых церквах, где полет тишины
Полон сухим ароматом сосны, —*

*Я жидкий блеск икон в дрожащих струйках дыма,
Я шелест старины, скользящей мимо,
Я струйки белые угаснувшей метели,
Я бледные тона жемчужной акварели¹⁷.*

Мы видим, что это стихотворение, напротив, наполнено визуальными образами. Первая и третья строфы строятся как кумулятивное нанизывание таких образов, причем это не столько сравнение, сколько отождествление героини с разного рода явлениями. Первая строфа аккумулирует образы природные, третья — в основном «человеческие», вторая (выделяющаяся и грамматически, и ритмически) как раз и переносит нас из одного пространства в другое. Но всюду присутствуют цвет (и оттенки), осязание, звук, запах (как и в пейзаже, тут есть не только зрение, но и другие органы чувств). Наконец, дважды и в наиболее маркированной позиции (первая и последняя строки) повторяется образ, прямо отсылающий к живописи: «тона жемчужной акварели». Здесь нет движения как такового, но динамика всё равно есть. Во-первых, за счет трех причастий в трех строках последней строфы, во-вторых, за счет постоянной смены ритма. Пяти- и шестистопный ямб с пиррихиями в первой строфе сменяется трех- и четырехстопным дактилем во второй, при этом рифмовка меняется с перекрестной на смежную, а клаузула — с женской (1–4 строки) на дактилическую (5–6) и мужскую (7–8). В третьей строфе сохраняется смежная рифмовка, а вот клаузула снова женская (как в первой строфе). Происходит также возврат к пяти- и шестистопному ямбу, но если в первой строфе было плавное нарастание (две строчки пятистопного ямба, две — шестистопного), то тут более резкая смена: 9-я строка — полноударный шестистопный ямб, 10-я — пятистопный с облегченной второй стопой, 11-я и 12-я — снова шестистопный, но уже с пиррихиями. Таким образом, к средствам визуальным (краски, их тона и оттенки) добавляются и средства поэзии — звук и ритм.

Р. Ивнев в своем стихотворении «Портрет» уже прямо сопоставляет мастерство художника и поэта, декларируя необходимость передать красоту женщины визуальными средствами, — но передает, тем не менее, вербальными. Вторая и третья строфы выстраивают пространство (горизонталь / вертикаль) и движение, а четвертая снова возвращает к описываемому образу, но уже с точки зрения возможных зрителей гипотетического портрета. Причем имя женщины не указывается, она только описывается. Как

¹⁷ Волошин М.А. Собрание сочинений: в 10 т. (17 книгах). Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926. М.: Эллис Лак 2000, 2003. С. 45.

и у Волошина, в последней строке присутствует повтор образа из первой строфы («свет горящих / Неповторимых темно-синих глаз»). Вдобавок всё стихотворение наполнено не только визуальными образами (цвет, свет, тень и т.п.), но и образами зрения и взгляда: «блеск темно-синих глаз», «вобрав в зрачки», «любовались», «глядели», «смотрящих», «видел», «свет <...> темно-синих глаз»¹⁸.

Стихотворения В. Ходасевича и Д. Кедрина картины, насколько нам известно, не описывают. Оба текста посвящены конкретным людям, то есть (как и определено жанром живописного портрета¹⁹) рисуют не воображаемый образ, а человека: у В. Ходасевича — Е. Муратову, у Д. Кедрина — Ф. Сорокина.

«Портрет» В. Ходасевича сразу начинается с динамики («Царевна ходит в красном кумаче»²⁰), первая строфа описывает несколько внешних деталей ее облика, вторая — скорее внутренние предпочтения, причем связанные с запахом и звуком. Как и в стихотворениях М. Волошина и Р. Ивнева, тут присутствует повтор основного визуального образа в начале и в конце стихотворения, и он тоже связан с цветом: «Румянит губы» (2-я строка) — «сердце пьяно / От поцелуев и румян» (7–8 строки). Подчеркнем, что портрет создается при помощи нескольких деталей.

А вот в стихотворении Д. Кедрина человек описывается подробно и последовательно: глаза — ресницы — лоб — лицо целиком — губы. При этом каждая деталь сочетается с образом, очень часто визуальным (например, «война / Огнем чертила письма»). Кроме того, портрет создается не только в синхронии (как человек выглядит сейчас), но и в диахронии: почему он так выглядит («в следах тревоги и войны»). В итоге человек состоит из двух частей (прошлого и настоящего, ребенка-поэта и воина, внешнего и внутреннего). И портрет — тоже из двух: визуальной и вербальной. Сочетаясь, они образуют художественную целостность портрета:

*Так ты, единый, весь раздвоен,
И, чередуясь, тьма и свет
Живут в тебе, дитя, поэт,
Ленивый бражник, хмурый воин*²¹.

Интересно, что динамика в портрете сохраняется даже тогда, когда рисуется не человек. Так, в стихотворении Юлии Хартвиг (Julia Hartwig, 1921–2017) «Портрет» (“Portret”) изображается корова, но мы можем найти

¹⁸ Ивнев Р. Избранное: стихотворения и поэмы. 1907–1981. М.: Художественная литература, 1985. С. 311.

¹⁹ «Портрет — жанр, посвященный изображению человека» // В мире искусства: словарь основных терминов... С. 90.

²⁰ Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Полное собрание стихотворений. М.: Русский путь, 2009. С. 74.

²¹ Кедрин Д. Дума о России. М.: Правда, 1989. С. 224–225.

там те же особенности, которые видели в предыдущих текстах, — движение, детали, цвет, другие органы чувств:

Moja przyjaciółka krowa. Siedzi ze zgiętymi kolanami obok rzewnego cielęcia, które tuli się do niej szukając ciepła na zroszonej trawie.

Wyciąga wielki płat jezora podobny do czerwonego storczyka i raz po raz wygladza mu sierść, delikatną i miękką²².

Моя приятельница корова сидит, подогнув колени, около трогательного теленка, который льнет к ней, ища тепла на росистой траве.

Она вытягивает огромный лоскут языка, похожий на красный ятрышник²³, и раз за разом выглаживает ему шерсть, нежную и мягкую²⁴.

(Пер. Н. Астафьевой)

Обратим также внимание, что ни в одном из текстов описание не является отстраненным — везде оно дается через субъективное восприятие говорящего / рисующего. Таким образом, в стихотворениях, озаглавленных «Портрет», сохраняются те же особенности, что и в «Пейзаже» (присутствие человека, привлечение других органов чувств, динамика, в том числе временная, но в то же время единая картина, а не мелькание кадров). Однако есть и отличие: портрет в большей степени связан с вторичной репрезентацией визуального в вербальном тексте, то есть с описанием не только (а иногда и не столько) модели как таковой, сколько ее уже созданного живописного портрета. Таким образом, портрет является маркером произведения визуального искусства более сильным, чем пейзаж.

Еще сильнее с живописью связано заглавие «Натюрморт». Ю.М. Лотман не случайно отметил, что натюрморт — это самый «нелитературный» вид живописи²⁵. Хотя в текстах стихотворений это слово встречается, заглавие «Натюрморт» нам известно только одно — у Иосифа Бродского. Стихотворение это анализировалось неоднократно, хотя и с других точек зрения²⁶. Для нас важно, что в тексте вовсе не рисуется картина и визуальных образов (особенно предметных, которые должны фигурировать в натюрморте) не так много: лирический сюжет стихотворения — это рефлексия (в том числе метафизическая) субъекта о близкой смерти. И заглавие «Натюрморт» здесь не только отсылка к жанру живописи, но и возвращение

²² Hartwig J. Poezje wybrane. Warszawa, 2008. S. 42.

²³ Травянистое растение, корни которого используются для изготовления некоторых медицинских препаратов.

²⁴ Польские поэты XX века: антология: в 2 т. Т. 2. С. 48.

²⁵ См.: Лотман Ю.М. Натюрморт в перспективе семиотики // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 348.

²⁶ См., например: Адлерберг А. В поисках вечности: к интерпретации стихотворения И. Бродского «Натюрморт» // Prosōdia. 2017. N 7. Осень-зима. С. 164–174; Лосев Л.В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2008 и др.

к исходному этимологическому значению слова — *nature morte*, мертвая природа:

*Вещь. Коричневый цвет вещи.
Чей контур стерт. Сумерки.
Больше нет ничего.
Натюрморт²⁷.*

Человек становится вещью и мертвой природой, превращение в натюрморт равно исчезновению, переходу в небытие.

Тот же исходный смысл слова есть и в стихотворении «Натюрморт» (“*Martwa natura*”) Анны Свирициньской (Anna Świrszczyńska, 1909–1984):

*W kałuży błota i krwi,
pomiędzy na pół zwęglonym ciałem konia
i na pół zwęglonym ciałem człowieka,
obok urwanej rynny, fotela z frędzlami, imbryka
i trzech kawałków rozbitej szyby,
leży spalony po brzegach
strzęp miłosnego listu:
«Jestem taka szczęśliwa»²⁸.*

*В луже грязи и крови,
между полуобугленным телом лошади
и полуобугленным телом человека,
рядом с оторванной водосточной трубой, креслом, чайником,
осколками оконных стекол
лежит обгоревший обрывок
любовного письма:
«Я такая счастливая»²⁹.*

(Пер. Н. Астафьевой)

Хотя здесь мы видим нарисованную вербальными средствами визуальную картину, эта картина состоит не из целых предметов, а из разбитых деталей, приобщенных к смерти. Причем материальное, животное и человеческое оказывается в равной степени неживым, что еще больше подчеркивает надпись на обрывке: она пришла из прошлого, которое не было «натюрмортом», а было жизнью.

Конечно, двух стихотворений недостаточно для обобщений, но можно сделать предположение: в стихотворениях, озаглавленных «Натюрморт», присущая поэзии динамика достигается за счет не физического движения, а течения времени (прошлого), и художественную целостность картине придает смерть.

²⁷ Бродский И. Сочинения: в 4 т. Т. 2. СПб.: Пушкинский проект, 1994. С. 273.

²⁸ Świrszczyńska A. Poezja. Warszawa, 1997. S. 296.

²⁹ Польские поэты XX века: антология: в 2 т. Т. 1. С. 320.

Подведем итоги (см.: Табл. 1 — выводы). Используя в заглавии своих стихотворений названия жанров живописи, поэты формируют горизонт читательских ожиданий. Он должен быть связан с их зрительским опытом: стихотворение надо воспринимать как произведение словесного искусства на фоне искусства визуального. Но при этом поэты не копируют живопись, эти стихотворения — не «картинки в стихах». Живопись становится частью поэтики лирики, то есть образной и сюжетной структур стихотворения. Читательские ожидания во многом обманываются, но, с другой стороны, сопоставление с привычными картинами позволяет более точно увидеть отличия и специфику пейзажа, портрета и натюрморта именно в лирическом тексте. Кроме того, предваряя свой текст такого рода заглавием, автор еще раз подчеркивает, что там создаются художественный мир и художественная реальность, целостная и завершенная, в которой живопись и поэзия не противопоставляются, а взаимодействуют друг с другом.

Таблица 1

Выводы

	Пейзаж	Портрет	Натюрморт
Отсылка к произведению живописи	Не всегда явная, имплицитная	Эксплицированная (часто — к конкретному портрету)	Только в заглавии; актуализация этимологии слова
Единая картина	да	да	да
Удвоение художественной реальности	да	да	да
Присутствие человека	да, причем может быть и несколько человек	да (один человек)	нет (смерть)
Динамика	да	да	нет
Движение взгляда	да	возможно, но не обязательно	нет
Течение времени	да	да	да
Визуальные образы	да	да	да

Детали	да	да	да
Другие органы чувств	да	да	нет

Литература

1. Адлерберг А. В поисках вечности: к интерпретации стихотворения И. Бродского «Натюрморт» // *Prosōdia*. 2017. № 7. Осень–зима. С. 164–174.
2. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М.: РГГУ, 2001.
3. В мире искусства: словарь основных терминов / научн. ред. А.А. Мелик-Пашаев. М.: Искусство в школе, 2001.
4. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий. М.: Никитинские Субботники, 1931.
5. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2008.
6. Лотман Ю.М. Натюрморт в перспективе семиотики // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 340–348.
7. Польские поэты XX века: антология: в 2 т. / пер. с польск., сост., предисл.: Н. Астафьева, В. Британишский. СПб.: Алетейя, 2000.
8. Сураг И.З. Вчерашнее солнце: о Пушкине и пушкинистах. М.: РГГУ, 2009. 652 с.
9. Тмарченко Н.Д. Композиционные формы речи // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. ред. Н.Д. Тмарченко. М.: Издательство Кулагиной: Intrada, 2008. С. 102.
10. Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... д-ра филол. н. М., 1990.

References

1. Adlerberg, A., 2017. V poiskakh vechnosti: k interpretatsii stikhotvoreniia I. Brodskogo “Natiurmort” [In search of eternity: to the interpretation of the poem by I. Brodsky “Nature morte”]. *Prosōdia*, N 7, pp. 164–174.
2. Astaf’eva, N., Britanishskii, V., eds, 2000. *Pol’skie poety XX veka* [The Polish Poets of the XXth c.]. Saint Petersburg: Aleteia.
3. Brojtman, S.N., 2001. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow: RGGU.
4. Fomenko, I.V., 1990. *Poetika liricheskogo tsikla* [The Poetics of the Lyric Cycle]. Moscow.
5. Krzhizhanovskii, S.D., 1931. *Poetika zaglavii* [The Poetics of the Titles]. Moscow: Nikitinskie Subbotniki.
6. Losev, L.V., 2008. *Iosif Brodskii: opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky: the experience of literary biography]. Moscow: Molodaia gvardiia.

7. Lotman, Yu.M., 2002. Natiurmort v perspektive semiotiki. In: Lotman, Yu.M., 2002. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the Semiotics of Culture and Art]. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, pp. 340–348.
8. Melik-Pashaev, A.A., ed., 2001. *V mire iskusstva: slovar' osnovnykh terminov* [In the world of art: a dictionary of basic terms]. Moscow: Iskusstvo v shkole.
9. Surat, I.Z., 2009. *Vcherashnee solntse: o Pushkine i pushkinistakh* [Yesterday's Sun: About Pushkin and the Pushkinists]. Moscow: RGGU.
10. Tamarchenko, N.D., 2008. Kompozitsionnye formy rechi [Compositional Forms of Discourse]. In: Tamarchenko, N.D., ed., 2008. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii* [Poetika: a Dictionary of Actual Terms]. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoi: Intrada, p. 102.

ЭКФРАСИС В ЛИРИКЕ О ФОТОГРАФИИ: СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ*

Мария Дмитриевна Самаркина –

аспирант,
историко-филологический факультет,
Российский государственный
гуманитарный университет
Почтовый адрес: Чайнова, 15, Москва,
125993, Россия
Электронный адрес: enkelinaiivius@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена экфрасису (вербальному описанию визуальных произведений искусства) в лирике о фотографии. Её цель — прояснить возможность использования термина «экфрасис» по отношению к «фотографической» лирике и разграничить явление фотопэтики и фотоэкфрасиса. На примере анализа текстов польской поэтессы Виславы Шимборской («Фотография 11 сентября», «Первая фотография Гитлера»), а также российских поэтов Беллы Ахмадулиной («Снимок») и Генриха Сапгира («Из альбома») можно увидеть, как эти понятия разнятся. Всем четырём текстам свойственна особая временная организация: прошлое, настоящее и будущее, с некоторой закономерностью, присутствуют в рамках описания одних и тех же фотографий. Кроме того, пространство всех четырёх текстов является разомкнутым. Это — свойство не только фотоэкфрасиса, но и фотографического как типа визуальной поэтики в целом, которая не зависит от типа описания. Во всех четырёх текстах неизбежна авторская позиция по отношению к запечатлённому. В первых трёх случаях нам известны снимок или персона, на которые ссылается субъект, в четвёртом же идёт отсылка к нашим личным архивам или воспоминаниям. Но «Первая фотография Гитлера» отсылает к известной исторической персоналии лишь в заглавии и некоторых упоминаниях в тексте. Таким образом, на наш взгляд, в избранном нами ряду произведений экфрасисами можно считать только «Фотографию 11 сентября» В. Шимборской и «Снимок» Б. Ахмадулиной. В стихотворениях «Из альбома» Г. Сапгира и «Первая фотография Гитлера» В. Шимборской фотографический дискурс и отрывочные описания служат созданию фотопэтического текста, но не экфрастичного. Экфрасисом фотографии, по-видимому, стоит считать не только описание одной конкретной и существующей в культуре фотографии, но и восстановление её поэтики в лирическом тексте.

Ключевые слова

Экфрасис, визуальное в литературе, визуальное в лирике, фотография в лирике, фотопэтика.

Статья поступила в редакцию 24 марта 2019 г.

* Статья подготовлена в рамках работы по научному проекту РГГУ «Категория наблюдателя и проблемы визуального в литературе» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

EKPHRASIS IN PHOTOGRAPHY LYRICS: METHODS OF REPRESENTATION

Mariia D. Samarkina

Ph.D. student,
Institute for Philology and History,
Russian State University
for the Humanities
Postal address: Chaianova 15, Moscow,
125993, Russia
E-mail: enkelinaiivius@gmail.com

Abstract

The article deals with ekphrasis (verbal description of visual artworks) in lyrics about photography. The purpose of this article is to clarify the possibility of using the term “ekphrasis” in relation to photographic lyrics and to divide the phenomena of photopoetics and photoekphrasis. The difference becomes obvious as we analyse the following texts: “Photograph from September 11” and “Hitler’s First Photograph” by Polish poet Wislawa Szymborska, “A Snapshot” by Russian poet Bella Akhmadulina and “From the Album” by Russian poet Genrikh Sapgir. The four texts are characterised by a special timing structure: past, present and future, with some regularity, exist within the description of the same photographs. In addition, the space of all four texts is open. This is a feature not only of photoekphrasis, but also of photopoetics as a type of visual poetry, which does not depend on the type of description. In all four texts, the author’s position is inevitably present and recognised. In the first three cases, we know the picture or the person to which the subject refers. In the fourth one, the poet refers to his personal archives or memories. But “Hitler’s First Photograph” refers to the well-known historical personality only in the title and some mentions in the text. Thus, in our opinion, only “Photograph from September 11” by Wislawa Szymborska and “A Snapshot” by Bella Akhmadulina can be considered as ekphrasis. However, “From the Album” by Genrikh Sapgir and “Hitler’s First Photograph” by Szymborska features photographic discourse and fragmentary descriptions to create a photopoetic text, but not an ekphrasis. Apparently, the ekphrasis of a photograph is not only a description of one specific and existing in common culture photograph, but also a restoration of its poetics in a lyrical text.

Keywords

Ekphrasis, visual in literature, visual in lyrics, photography in lyrics, photopoetics.

Received 24 March 2019.

Данное исследование посвящено экфрасису в лирике о фотографии. Цель его — прояснить возможность применения термина «экфрасис» (описание визуальных объектов, реальных или вымышленных, особенно визуальных произведений искусства) к избранным нами текстам и выделить экфрасис среди более общих случаев поэтики фотографического. Может ли стихотворение, посвященное одной, но личной или выдуманной, а не исторической фотографии, быть экфрасисом? Может ли экфрасис фотографии быть лишь элементом текста, включенным в лирический сюжет?

Термин этот по отношению к фотографии в научной литературе почти не отрефлексирован. Так, в статье Н.С. Бочкаревой и И.А. Новокрещен-

ных «Проблемы взаимодействия литературы и других искусств в контексте интермедиальности» фотоэкфрасис упоминается как одна из возможных вариаций такого типа описания¹. Кроме этого, упоминание фотоэкфрасиса есть в учебнике «Поэзия»². Проблема заключается в том, что фотография как визуальный объект, который можно описать вербальными средствами, чаще всего рассматривается аналогично живописи, хотя довольно очевидна разница между этими двумя искусствами (если фотографию можно считать искусством).

Достаточно ясно и то, что классическое определение экфрасиса не отвечает современным его примерам. Так, Е.С. Аникеева и Л.П. Прохорова в статье «От описания к диалогу: механизмы вербализации артефакта в жанре экфрасиса» отмечают следующее: «Вербализованный артефакт начинает не только создавать визуальный образ в сознании читателя, но в большей степени репрезентировать отношение автора к эпохе, событиям и объектам. Происходит становление диалога между автором, артефактом и читателем»³. Возможно, данным определением можно было бы ограничиться, но перед нами стоит задача понять специфику фотографии в этом отношении.

Полноценно разработанных концепций, известных нам, две.

Первая представлена в книге Эндрю Миллера «Poetry, Photography, Ekphrasis: Lyrical Representations of Photographs from the 19th Century to the Present». Автор пишет о том, что классический экфрасис есть восхваление творца через описание его творения, но, поскольку фотография — продукт работы автомата, машины, восхвалять некого. Вместо этого фотография работает как индекс, указывая на объект снимка, с которым можно вступить в прямой контакт. Фотография — это метонимия объекта, которая вызывает к диалогу и стирает границы времени. То, что было в фотографии временным, становится пространственным. Хронотоп фотографии — двойное сгущение времени и пространства: фотографии и поэта. Экфрасис фотографии — это вербализация пространственного индекса; это поддержка нерукотворности фотографии; это описание временной метонимии⁴. Таким образом, хронотоп фотографии включает в себя гораздо более широкий круг текстов, чем только те, в которых есть описание фотографии.

¹ Бочкарева Н.С., Новокрепленных И.А. Проблемы взаимодействия литературы и других искусств в контексте интермедиальности (опыт кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 2. С. 117–130. DOI 10.17072/2037-6681-2017-2-117-130.

² Поэзия: учебник / сост. Н.М. Азарова, К.М. Корчагин, Д.В. Кузьмин, В.А. Плунгян и др. М.: ОГИ, 2016.

³ Аникеева Е.С., Прохорова Л.П. От описания к диалогу: механизмы вербализации артефакта в жанре экфрасиса // Вестник КемГУКИ. 2013. № 23. С. 12–22.

⁴ Miller A.D. Poetry, Photography, Ekphrasis: Lyrical Representations of Photographs from the 19th Century to the Present. Liverpool University Press, 2015. P. 9–19.

Вторая концепция принадлежит Виктории Яковлевне Малкиной. В статье «Фотоэкфрасис в лирическом стихотворении: постановка проблемы» она анализирует функции фотоэкфрасиса в лирическом тексте. Присущие фотоэкфрасису признаки, по ее мнению, следующие: упоминание самой фотографии, объект фотографии, позиция лирического субъекта относительно снимка, указание на особые время и пространство. Фотоэкфрасис — частный случай экфрасиса как композиционно-речевой формы, кроме того, он может пересекаться с фотопэтикой как разновидностью визуального в литературе. Функция его — «создание многомерного визуального образа художественного мира, проблематизация границ между разными пластами (временными, пространственными, бытийными) этого мира и взаимное видение (взаимоотражение) этих пластов»⁵.

Итак, мы имеем две теории экфрасиса в лирике о фотографии. Первая — расширение понятия экфрасиса до хронотопа, вторая — использование экфрасиса как основы для нового понятия с уточнением некоторых особенностей. Объединяет их недостаточность привычного понимания экфрасиса.

В статье Л.П. Прохоровой, посвященной теме фотоэкфрасиса, также встречаются идеи, которые можно было бы распространить на больший объем текстов: «Лирический герой осознает свою сопричастность, так как запечатленное на фотографии событие, хотя и значительно удалено в пространстве, находится в одних с ним временных координатах. <...> Таким образом, переживаемая лирическим героем одновременность происходящего сближает пространство объекта и наблюдателя, эта близость становится ощутимой»⁶. Переключки в формулировках с выше обозначенными нами выводами неслучайны.

Любопытно, что схожее суждение относительно фотографии вообще встречается в одном из ключевых сочинений XX в., посвященной ей: «Что такое, собственно говоря, аура? Странное сплетение места и времени: уникальное ощущение дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был»⁷. Так пишет Вальтер Беньямин в «Краткой истории фотографии» (1931). Именно время и пространство кажутся самыми проблемными точками в отношении фотографий. Попробуем теперь в свете вышеупомянутых теорий, взглянуть на некоторые тексты⁸ и проанализировать их с точки зрения соотношения времени и пространства.

⁵ Малкина В.Я. Фотоэкфрасис в лирическом стихотворении: постановка проблемы // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения / под ред. Т. Автухович. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej i Badań literackich im. Franciszka Karpińskiego. Stowarzyszenie, 2018. С. 431.

⁶ Прохорова Л.П. Поэзия и фотография: метаморфозы времени и пространства в экфрасисе // Сетевое сообщество «Российская культурология» [сайт]. URL: www.culturalnet.ru/f/download.php?aid=31 (дата обращения: 20.03.2019).

⁷ Беньямин В. Краткая история фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 26.

⁸ Полные тексты анализируемых стихотворений см. в приложении.

Первый из них — «Фотография 11 сентября» Виславы Шимборской⁹.

Стихотворение начинается с экспозиции, которая имеет отношение к самому событию террористических актов 11 сентября 2001 г., а не к тому, что запечатлено: «Прыгнули вниз из горящего зданья — // один, два, несколько человек // выше, ниже»¹⁰. Во второй строфе упоминается фотография, которая, как и экспозиция, дана в прошедшем времени: «прыгнули», «задержала». Однако все последующие события открываются своей незавершенностью: «еще цел», «Времени еще хватает, // чтобы волосы растрепались», «еще витают». Кроме того, обозначено пространство, которое «как раз открылось», то есть начало существовать одновременно в момент прыжка людей и его фотографирования. В момент, когда это пространство открылось и для лирического субъекта, то есть наблюдательницы этого снимка, происходит смещение двух времен и пространств, и потому возникает время настоящее и незавершенность действий. И именно поэтому для героев фотографии еще можно что-то сделать, и поэтесса, зная, как и любой свидетель событий 11 сентября, судьбу своих героев, делает ответственный выбор — сохранить их такими, какими они есть для нее здесь и сейчас.

Данное стихотворение на сайте В. Шимборской проиллюстрировано фотографией Ричарда Дрю, и мы, как читатели, обладаем источником, к которому мог обращаться лирический субъект. В стихотворении есть достаточно деталей, указывающих на данный снимок и похожих на него. Так, наличие обозначенного визуального образа, которым можно сопроводить текст, приближает нас к установлению границ фотоэкфрасиса.

Второй текст — «Первая фотография Гитлера» В. Шимборской.

В нем описание как таковое отсутствует, первые десять строк — скорее реакция окружающих на самого малыша, причем в довольно типичных выражениях, отражающих умиление: «А кто этот бутуз, такой прелестный? // Это ж малыш Адольф, чадо супругов Гитлер!»¹¹. И действительно, возраст запечатленного ребенка не позволяет, во-первых, дать более характерное описание, во-вторых, самому объекту фотографии что-либо ответить. Примечательно, что посторонняя точка зрения в сочетании с грамматическим будущим временем — это довольно частая форма конструирования фото-поэтического в лирическом тексте.

Кроме того, здесь есть отсылка к процессу самого фотографирования, данного в формах будущего времени, которое позволяет нам оказаться непосредственными наблюдателями процесса («Ну не будем же плакать, господин фотограф // накроется черной накидкой и сделает: пстрык»).

⁹ Вислава Шимборская (Wisława Szymborska, 1923–2012) — польская поэтесса, лауреат Нобелевской премии по литературе (1996).

¹⁰ Шимборская В. Фотография 11 сентября // Иностранная литература. 2003. № 5. С. 81–82.

¹¹ Там же. С. 113–114.

Настоящее время самой фотографии («похож на папу-маму, на котика в корзинке, // на всех других детишек в семейных альбомах») длится и в следующих строках, относящихся уже к пространству. Рассказ ведется из точки, в которой мы якобы не знаем, что произойдет в будущем. Таким образом, мы, как читатели, оказываемся с лирическим субъектом в одних пространственно-временных границах, как бы держа дистанцию между знанием и незнанием, что создает иронический эффект. Но ирония стихотворения опрокидывается в последних строках, в которых «Не слышно ни воя собак, ни шагов судьбы», а «учитель истории <...> зевает, скучая», тем самым всё описанное до этого начинает приобретать значение и вес в перспективе, теряя легкость момента, которая присуща была обычному детскому, похожему на все остальные, снимку. Лишь заглавие выделяет ее из всех последующих, указывая на ее смысл в контексте истории.

Третий текст — «Снимок» Беллы Ахмадулиной (1937–2010).

Описание снимка А. Ахматовой здесь составляется из указанных на протяжении всего текста деталей и ситуации фотографирования и разглядывания, создающих цельный для восприятия и узнаваемый образ, в отличие от стихотворения о первой фотографии Гитлера.

Границы времени здесь снова преодолеваются тем, что зрительница снимка знает исход жизни своей героини: «Сложила на коленях руки, // глядит из кружевного нимба. // И тень ее грядущей муки // защелкнута ловушкой снимка»¹². Пространство же преодолевается временем: Ахматова в стихотворении существует сразу в трех временных рамках: в прошлом, когда позирует для фотографии; в настоящем, когда является объектом рассматривания снимка зрительницей; и в будущем, когда встречается с «запоздалыми соглядатаями», о которых Ахматова даже не подозревает. Еще один способ совместить пространство и время лирического субъекта и фотографии — обращение к вечности, мотивы которой прослеживаются на протяжении всего текста: «как в янтаре окаменевшем, // она пребудет невредима».

Сама Ахмадулина признавалась, что данное стихотворение имеет реальную основу в виде подаренного ей снимка Ахматовой: «Однажды в Петербурге мне подарили фотографическую карточку, сделанную в Италии, с ее автографом. Там было написано: “Апрель (через “ять”) 12-го года. Анна Ахматова.” — И точка в конце поставлена. На ней она была молода, прекрасна <...>».

Так вот, стихотворение называется “Снимок”. Сначала я думала, что фотографию подарила и больше ее нет, но потом в каком-то, по-моему, нерусском журнале увидела схожие снимки — там просто профиль несколько раз повернут. У меня точно такая же была карточка, но с другим выражением лица <...>. (Читает)»¹³. Похожие снимки можно найти и сейчас. Таким

¹² Ахмадулина Б. Снимок // Сочинения. М.: ИАН Корона-Принт, 1997. Т. 1. С. 217–218.

¹³ Интервью с Б. Ахмадулиной // Бульвар Гордона. 2010. № 35. 31 авг. URL: http://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s35_64106/6364.html (дата обращения: 20.03.2019).

образом, перед нами снова, как и в первом тексте, весьма конкретный артефакт, относящийся к общей культуре.

Четвертый текст — «Из альбома» Генриха Сапгира (1928–1999).

Перед нами не одна фотография, а несколько («Фото: на холме желтый дом с белой колоннадой // Фотография учеников колледжа — третий слева // Любительское: с девушкой на фоне чего-то»¹⁴), и лирический субъект не дает нам подробного описания каждой из них, ограничиваясь лишь упоминанием необходимых деталей, значение которых он сам подвергает сомнению: «Почему во мне напечатлелось?» Помимо этого в тексте есть и описание процесса фотографирования, который, кажется, не относится ни к одному из упомянутых снимков: «Дорожка в парке — солнце — вот-вот появится // Крупно: лицо — мельканье — ладонь лезет на объектив»¹⁵.

Пространство прошлого неизвестно, границы разных событий, соположенных рядом в альбоме, в пространстве настоящего, стираются. Время также оказывается смутным, ибо альбом существует сейчас, в момент его разглядывания. Кроме того, фотографии субъекта — не только предмет архива, но повод задаться вопросом о жизни и смерти. Примечательна пунктуация данного стихотворения — большое количество тире и отрывочность строк, не завершенных точками, — которая также отвечает шатким границам существования.

Всем четырем текстам свойственна особая временная организация: грамматическое прошлое, настоящее и будущее присутствуют в рамках описания одних и тех же фотографий. Это — свойство не только фотоэкфрасиса, но и фотографического как типа визуальной поэтики в целом, которая не зависит от типа описания. Во всех выбранных нами стихотворениях неизбежно авторское ценностное отношение к запечатленному. Однако в первых трех текстах мы видим документы всеобщей истории, в четвертом — лирический субъект апеллирует к артефактам личной биографии и потому избегает подробного их описания, выделяя лишь то, что важно для него в данный момент. В первых трех случаях мы знаем снимок или персону, на которые ссылается субъект, в четвертом же идет отсылка к нашим личным архивам или воспоминаниям. Но «Первая фотография Гитлера» отсылает к известной исторической персоналии лишь в заглавии и некоторых упоминаниях в тексте.

Пространство же анализируемых нами поэтических текстов не имеет границ, но в силу разных причин. У Шимборской — потому что фотография открыла новое пространство, пространство приобщения к трагедиям мировой истории. У Ахмадулиной — потому что фотография обращена к вечности, а значит, к любому зрителю, который ее увидит. У Сапгира — потому что сами фотографии расположены подряд в одном альбоме.

¹⁴ Сапгир Г. Из альбома // Собрание сочинений: в 4 тт. М.: Третья волна, 1999. Т. 2. С. 92.

¹⁵ Там же.

Таким образом, на наш взгляд, экфрасисами можно считать только «Фотографию 11 сентября» В. Шимборской и «Снимок» Б. Ахмадулиной. В стихотворениях «Из альбома» Г. Сапгира и «Первая фотография Гитлера» В. Шимборской фотографический дискурс и отрывочные описания служат созданию фотопозитического текста, но не экфрасического.

Наконец, стоит решить, насколько термин «экфрасис» применим к фотографии. На наш взгляд, опираясь на существующее понятие, необходимо сформулировать новое; например, в виде уточнения — фотоэкфрасис. Как нам кажется, объективность фотографии, ее фактическая независимость от того, кто ее делает, и вероятность для читателя ее увидеть ограничивают понятие фотоэкфрасиса, исключая из него описание личной или выдуманной фотографии, локализуя возможности ее репрезентации в тексте. Когда мы говорим об описании фотографии в тексте, всегда имеет смысл обратиться к реальному фотодокументу, что не всегда соответствует, например, экфрасису живописному, где визуальный источник может быть вообразен самим автором. Экфрасисом фотографии, по-видимому, стоит считать не только описание одной конкретной и существующей в культуре фотографии, но и восстановление ее поэтики в лирическом тексте, в которую включен хронотоп встречи читателя/зрителя с объектом снимка; эта встреча невозможна без исходной визуальной составляющей фотоснимка. Возможно, хронотоп фотографии, понятие, которое предлагает А.Д. Миллер, — не самый точный из терминов, однако специфика времени и пространства действительно является одним из ключевых моментов для понимания особенностей описания фотографии и ее функционирования в лирическом тексте.

Приложение

Вислава Шимборская

Фотография 11 сентября

*Прыгнули вниз из горящего зданья —
один, два, несколько человек
выше, ниже.*

*Фотография их задержала при жизни,
а теперь сохраняет
над землею к земле.*

*Каждый из них еще цел,
со своим лицом
и кровью хорошо укрытой.*

*Времени еще хватает,
чтобы волосы растрепались,
а из карманов повывпадали
ключи, мелкие деньги.*

*Они еще витают в воздухе,
в пределах этого пространства,
которое как раз открылось.*

*Только две вещи я могу для них сделать —
описать их полет
и не добавлять последней фразы¹⁶.*

Первая фотография Гитлера

*А кто этот бутуз, такой прелестный?
Это ж малыш Адольф, чадо супругов Гитлер!
Может быть, вырастет доктором юриспруденции?
Или же в венской опере будет тенором?
Чья это ручка, шейка, глазки, ушко, носик?
Чей это будет животик, еще неизвестно:
печатника, коммерсанта, врача, священника?
Куда эти милые ножки, куда они доберутся?
В садик, в школу, в контору, на свадьбу,
может быть, даже с дочерью бургомистра?*

*Лапушка, ангелочек, солнышко, крошка,
когда на свет рождался год назад,
на небе и земле не обошлось без знаков:
весеннее солнце и герани в окнах
и музыка шарманки во дворе,
счастливая планета в розовой бумажке,
а перед родами пророческий сон матери:
голубя во сне видеть — радостная новость,
поймать его же — прибудет гость долгожданный.
Тук-тук, кто там, стучится будущий Адольфик.*

*Пеленочка, слюнявчик, соска, погремушка,
мальчонка, слава Богу и тьфу-тьфу, здоровый,
похож на папу-маму, на котика в корзинке,
на всех других детишек в семейных альбомах.
Ну не будем же плакать, господин фотограф
накроется черной накидкой и сделает: пстрык.*

¹⁶ Шимборская В. Фотография 11 сентября // Иностранная литература. 2003. № 5. С. 81–82.

*Ателье Клингер, Грабенштрассе, Браунау,
а Браунау — город маленький, но достойный,
почтенные соседи, солидные фирмы,
дух дрожжевого теста и простого мыла.
Не слышно ни воя собак, ни шагов судьбы.
Учитель истории расстегивает воротничок
и зевает¹⁷.*

Белла Ахмадулина

СНИМОК

*Улыбкой юности и славы
чуть припугнув, но не отторгнув,
от лени или для забавы
так села, как велел фотограф.*

*Лишь в благоденствии и лете,
при вечном детстве небосвода,
клянется ей в Оспедалетти
апрель двенадцатого года.*

*Сложила на коленях руки,
глядит из кружевного нимба.
И тень ее грядущей муки
защелкнута ловушкой снимка.*

*С тем — через «ять» — сырым и нежным
апрелем слившись воедино,
как в янтаре окаменевшем,
она пребудет невредима.*

*И запоздалый соглядатай
застанет на исходе века
тот профиль нежно-угловатый,
вовек сохранный в сгустке света.*

*Какой покой в нарядной даме,
в чьем четком облике и лице
прочеть известие о даре
так просто, как названье книги.*

¹⁷ Шимборская В. Первая фотография Гитлера // Новый мир. 1995. № 3. С. 113–114.

*Кто эту горестную мету,
оттиснутую без помарок,
и этот лоб, и челку эту
себе выпрашивал в подарок?*

*Что ей самой в ее портрете?
Пожмет плечами: как угодно!
и выведет: «Оспедалетти.
Апрель двенадцатого года».*

*Как на земле свежо и рано!
Грядущий день, дай ей отсрочку!
Пусть она допишет: «Анна
Ахматова» — и капнет точку¹⁸.*

Генрих Сапгир

Из альбома

*Фото: на холме желтый дом с белой колоннадой
Фотография учеников колледжа — третий слева
Любительское: с девушкой на фоне чего-то
Он и еще кто-то в комнате — угол окна*

*Фото на документ: выпучил глаза как рыба
Фото: не похож на себя — голый весь в мыле
Тот же вид — другой ракурс — пьян или не по себе
Фото с закрытыми глазами — убит или притворяется*

*Переплыв: какие-то люди поджидают у садовой ограды
Дорожка в парке — солнце — вот-вот появится
Крупно: лицо — мельканье — ладонь лезет на объектив*

*Где? Кто снимал? Почему во мне напечатлелось?
Чья жизнь? Чья смерть? Втоптан в глину брелок с ключом
Фотография смуглой девушки с белыми волосами¹⁹.*

¹⁸ Ахмадулина Б. Снимок // Сочинения. М., 1997. Т. 1. С. 217-218.

¹⁹ Сапгир Г. Из альбома // Собрание сочинений: в 4 т. М.: Третья волна, 1999. Т. 2. С. 92.

Литература

1. Аникеева Е.С., Прохорова Л.П. От описания к диалогу: механизмы вербализации артефакта в жанре экфрасиса // Вестник КемГУКИ. 2013. № 23. С. 12–22.
2. Беньямин В. Краткая история фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
3. Бочкарева Н.С., Новокрещенных И.А. Проблемы взаимодействия литературы и других искусств в контексте интермедийности (опыт кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 2. С. 117–130. DOI 10.17072/2037-6681-2017-2-117-130.
4. Малкина В.Я. Фотоэкфрасис в лирическом стихотворении: постановка проблемы // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения / под ред. Т. Автухович. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej i Badań literackich im. Franciszka Karpińskiego. Stowarzyszenie, 2018. С. 413–431.
5. Поэзия: учебник / сост. Н.М. Азарова, К.М. Корчагин, Д.В. Кузьмин, В.А. Плунгян и др. М.: ОГИ, 2016.
6. Прохорова Л.П. Поэзия и фотография: метаморфозы времени и пространства в экфрасисе // Сетевое сообщество «Российская культурология» [сайт]. URL: www.culturalnet.ru/f/download.php?aid=31 (дата обращения: 20.03.2019).
7. Miller A.D. Poetry, Photography, Ekphrasis: Lyrical Representations of Photographs from the 19th Century to the Present. Liverpool University Press, 2015.

References

1. Anikeeva, E.S., Prokhorova, L.P., 2013. Ot opisaniia k dialogu: mekhanizmy verbalizatsii artefakta v zhanre ekfrasisa [From Description to dialogue: Verbalisation Mechanisms of Artifacts in Ekphrasis]. *Vestnik KemGUKI*, N 23, pp. 12–22.
2. Azarova, N.M., Korchagin, K.M., Kuz'min, D.V., Plungian, V.A., et al., 2016. *Poeziia: uchebnik* [Poetry: A Textbook]. Moscow: OGI.
3. Ben'jamin, W., 2015. *Kratkaia istoriia fotografii* [A Short History of Photography]. Moscow: Ad Marginem Press.
4. Bochkareva, N.S., Novokreshchennykh, I.A., 2017. Problemy vzaimodeistviia literatury i drugikh iskusstv v kontekste intermedial'nosti (opyt kafedry mirovoi literatury i kul'tury Permskogo gosudarstvennogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta) [Problems of Relations between Literature and Other Arts in the Context of Intermediality (Research Experience of the Department of World Literature and Culture of the Perm State University)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, vol. 9, issue 2, pp. 117–130. DOI 10.17072/2037-6681-2017-2-117-130.
5. Malkina, V.Ia., 2018. Fotoekfrasis v liricheskom stikhotvorenii: postanovka problem [Photoekphrasis in a Lyric Poem: A Problem Statement]. In: Avtukhovich, T., ed., 2018, *Teoriia i istoriia ekfrasisa: itogi i perspektivy izuchenii* [Theory and History of Ekphrasis: Results and Prospects of Study]. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej i Badań literackich im. Franciszka Karpińskiego. Stowarzyszenie, pp. 413–431.

-
6. Miller, A.D., 2015. *Poetry, Photography, Ekphrasis: Lyrical Representations of Photographs from the 19th Century to the Present*. Liverpool University Press.
 7. Prokhorova, L.P., 2009. *Poeziia i fotografiia: metamorfozy vremeni i prostranstva v ekfrasisie*. [online]. URL: www.culturalnet.ru/f/download.php?aid=31 (accessed: 20.03.2019).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ УСИЛИТЕЛЬ

Радосвет Стефанов Коларов –

доктор филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт литературы,
Болгарская академия наук
Почтовый адрес: Бульвар Шипченски проход, 52,
к. 17, София, 1113, Болгария
Электронный адрес: r.kolarov@yahoo.co.uk

Аннотация

В статье исследуется герменевтическое отношение одного текста к другому, в частности тот случай, когда конкретное произведение проясняет определенное значение другого, делая на нем акцент, усиливая степень его выраженности. Художественный текст с подобной толковательной интенцией определяется термином «произведение-усилитель». Его функционирование продемонстрировано на материале двух произведений Ф.М. Достоевского — романа «Идиот» и повести «Кроткая». Вводится понятие «растянутой мотивной сети», которой обозначается такая мотивная структура, элементы которой находятся друг от друга на значительном расстоянии и связаны с разными нарративными ситуациями. Связь между мотивами неочевидна и не бросается в глаза — она, скажем так, нанесена пунктиром, имплицитна и требует расшифровки. В романе «Идиот» звенья мотивной цепочки следующие: осенение себя крестом перед иконой, смертельная бледность, прыжок, толпа, кровь. Но эти же звенья составляют и цепочку мотивов «Кроткой». Только, будучи прочтенной сквозь призму «Идиота», их связь в повести выглядит ускоренной. То, что удалено друг от друга во времени и связано неявно, уплотняется, «растянутая мотивная сеть» словно «сворачивается» в единый нерасчленимый жест, где причина и следствие сливаются в единую траекторию — прыжок завершается смертью. В романе «Идиот» словно потенциально заложено то, что случится в повести «Кроткая». Броситься вниз по лестнице и выпрыгнуть из окна — варианты важного для Достоевского мотива «пограничной ситуации, перешагивания через порог в буквальном и переносном смысле, акта, через который происходит перелом в сюжете, герои принимают решения, переживают кризис, выходят за пределы несовместимых ситуаций. Читаемая сквозь призму «Идиота», повесть «Кроткая» функционирует как семантический усилитель: стремительное движение вниз с невысокого места превращается в прыжок с большой высоты, почти ритуальный и неосознанный поклон перед иконой — в прыжок с иконой в руках, мертвенная бледность (в переносном смысле) — в буквальную бледность мертвеца. И так, на пути к построению собственной художественной концепции одно произведение проникает в глубины другого, раскрывает его тайные послания и озвучивает их, проговаривает их своим голосом.

Ключевые слова

Герменевтическая модель, растянутая сеть мотивов, пограничная ситуация, теория интертекстуальности, автотекстуальность.

Статья поступила в редакцию 25 марта 2019 г.

THE LITERARY WORK AS A SEMANTIC AMPLIFIER

Radosvet Stefanov Kolarov

Doctor of Sciences,
Senior Researcher,
Institute for Literature,
Bulgarian Academy of Sciences
Postal address: Shipchenski prohod Blvd, 52
Building 17, Sofia, 1113, Bulgaria
E-mail: r.kolarov@yahoo.co.uk

Abstract

This article investigates the hermeneutic position of one text in relation to another one. More precisely, it is the case when one of the texts clarifies the meaning of another, amplifies the emphases of the other text, raises it to a higher power. A literary work with such explanatory intention is designated in the article with the term “semantic amplifier”. Its action is demonstrated by an analysis of two literary works of Dostoevsky: the novel “The Idiot” and the long short story “The Meek One”. The term “dissipative motif network” is introduced in order to designate a network of motifs, whose links stand significantly wide apart and refer to different narrative situations. The connections among the variants of the motifs are not obvious or graphic; they are so to speak dotted, implicit and require deciphering. In “The Idiot” the links of the motif network are such as marking oneself with a sign of the cross in front of an icon, deadly paleness, jumping, and blood. However, those are also the links of the motif chain that constitutes the suicide of the character in “The Meek One”. Nevertheless, when a reader goes through the lens of “The Idiot”, the linkage among these motifs in the long short story seems to be accelerated. What is separated in time and is indirectly connected, it becomes tightened and assembled. The dissipative motif network so to speak gathers up into one indivisible gesture in which this cause and effect merge together into one single trajectory of the jump, the end of which is the death of the character. It is as if what happens in “The Meek One” is latently set in advance in “The Idiot”. A jump from the stairs and a leaping from the roof are variants of the very important for Dostoevsky motif “threshold situation”, which is crossing the threshold in a literal and in a figurative sense; an act which marks a turning point in a plot when decisions are taken, characters go through a crisis and cross the border of incompatible events. When “The Meek One” is read in the sense of framework of “The Idiot”, the story has the function of a semantic amplifier: the jump from a low height turns into a jump from a great height; the almost unconscious ritual of bowing in front of the icon turns into jumping with an icon held in both hands, the deadly paleness understood figuratively turns into the real paleness of a dead body. Thus, in the process that is aimed at creating its artistic conception, a literary work enters into the depths of another literary work, deciphers its innermost messages, enunciates and articulates them with its own voice.

Keywords

Hermeneutic model, dissipative motif network, prototype situation, threshold situation, intertextual theory, autotextuality.

Received 25 March 2019.

В теории интертекстуальности выражение «герменевтическое отношение одного текста к другому» чаще всего означает манипулятивные операции одного текста, вытесняющие в другом его собственное значение. Так, например, Карлхайнц Штирле подразумевает под этим «ироничную дистанцированность, расширение, корректирование или исчерпывание игрового пространства <...> придание другому произведению таких очертаний, которыми оно само не обладает»¹.

Подобные операции замещения относительно литературного произведения описывает Жерар Женетт в книге «Палимпсесты»², используя для их описания риторические фигуры.

В обоих случаях авторы подчеркивают, что один текст меняет другой. Но, строго говоря, это не герменевтическое отношение, требующее от одного текста чтения, осмысления, толкования второго. Данные операции кажутся несовместимыми со стратегией интертекстуального отношения, которая, скажем так, «эгоцентрична» — текст-манипулятор вспоминает, цитирует другой текст, чтобы вобрать его в себя, вовлечь в свою орбиту, подчинить логике собственного развития. Поэтому преувеличенным кажется мнение Райнера Варнинга о том, что всякое интертекстуальное отношение есть герменевтическое³. Оно является герменевтическим в том частном случае, когда один текст наряду со своими собственными задачами или, точнее, решая эти задачи, пытается прояснить смысл другого, вскрыть его «темные места», подчеркнуть его акценты и т.д. Меня интересует толковательная интенция текста осуществлять подобного рода чтение. Игорь Смирнов рассуждает в схожем ключе: «Интенция одного из таких текстов будет заключаться тогда в том, чтобы перейти в статус метатекста — интерпретировать или эксплицировать референтный смысл другого»⁴.

Автотекстуальность создает благоприятные условия для появления герменевтических отношений между двумя текстами. Причина проста: два текста — функции одного и того же творческого сознания и на каком-то уровне имеют общую интенцию. Присутствие, пользуясь выражением Женетта, гипо- в гипертексте есть не нечто, привнесенное извне, найденное между делом и для иллюстрации — оно есть изначальная и потенциальная инаковость текста как сходная и ожидающая своего прояснения и доработки задача.

¹ Stierle K. *Werk und Intertextualität // Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität / Wolf Schmid und Wolf-Dieter Stempel (Hrsg.)*. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1983. S. 17. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 11.)

² Genette G. *Palimpsestes. La littérature au second degré*. Paris: Éd. du Seuil, 1982.

³ Stierle K. *Werk und Intertextualität*. S. 23.

⁴ Смирнов И.П. *Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака)*. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1985. S. 9. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 17.)

Я выделю два вида герменевтических отношений. В первом случае конкретное произведение проясняет определенное значение другого, делая на нем акцент, усиливая степень его выраженности. Я назову художественное произведение, выступающее в такой роли, — *текст-усилитель*. Во втором случае текст проясняет значение другого текста, эксплицируя то, что выражено в нем с помощью сложной художественной организации. Литературное произведение с подобной функцией будет являться *текстом-эксplikатором*.

Первый вид герменевтического отношения я попытаюсь продемонстрировать, обнаруживая неявно действующие связи между двумя текстами Достоевского. Перефразируя Гарольда Блума («Значением одного стихотворения может быть только другое стихотворение»⁵), можно утверждать, что в образе Кроткой из одноименной повести содержатся закодированные смыслы образа Настасьи Филипповны из романа «Идиот».

Как известно, поводом к написанию повести «Кроткая» стала заметка в хронике газеты «Новое время». Достоевский прочел сообщение о смерти швеи Борисовой, из-за бедности покончившей жизнь самоубийством: перекрестившись и взяв в руки икону (образ Богородицы), она бросилась с крыши шестизэтажного дома, в котором проживала. Эта сцена поразила воображение писателя. «Этот образ в руках, — отмечал он в 1876 г. в “Дневнике писателя”, — странная и неслыханная еще в самоубийстве черта! Это уж какое-то кроткое, смиренное самоубийство. Тут даже, видимо, не было никакого ропота или попрека: просто стало нельзя жить, “бог не захотел” и — умерла, помолвившись»⁶.

Есть свидетельство того, что еще на начальном этапе работы над произведением Достоевский обращался к своим более ранним записям, которые он использовал как готовый материал для сюжета. В конце октября Достоевский написал в тетради: «Осмотреть старый материал сюжетов повестей» (из романа «Дети»)⁷. Исследователи повести «Кроткая» подробно анализируют записи 1869 г. к двум небольшим произведениям, «После Библии зарезал» и «План для рассказа (в “Зарю”», в которых находят первоисточник основных сюжетных звеньев и характерных черт образов героев (в первую очередь образа рассказчика). Они также отмечают сходство между двумя самоубийствами — Оли из романа «Подросток» и героини «Кроткой», обнаруживая близость образов Кроткой и Милуши из романа «Пугачевцы» Салиаса де Турнемира⁸. Но ни сам Достоевский, ни его исследователи нигде не упоминают о связи образов Кроткой и Настасьи Филипповны.

⁵ Bloom H. The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry. New York: Oxford University Press, 1973. P. 70.

⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1982. Т. XXIV. С. 381.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 381–384.

Такое молчание примечательно и в то же время объяснимо: согласно концепции повести, это образы-антиподы: эксцентричное, вызывающее поведение Настасьи Филипповны бесконечно далеко от представления о кротости и смирении — а это в первоначальном замысле являлось главной идеей образа Кроткой (одно из черновых названий повести — «Запуганная»). Однако здесь концепция образа меняется, точнее — усложняется: образ невинной Кроткой словно «отвердевает», героиня демонстрирует характер, своенравие и бунтует (ср. часть «Кроткая бунтует»)⁹ против семейной философии своего супруга, а проявления истерики, «дурная улыбка» и «сверкающие глаза» уже прямо указывают на модель поведения Настасьи Филипповны. Однако в повести есть одна деталь, которая окончательно подтвердит предположения о связи двух образов, поскольку является цитатой из романа «Идиот» и касается смерти обеих героинь. Это мотив небольшого количества вытекшей крови. В повести рассказчик прибывает на место происшествия через несколько минут после того, как его жена выбросилась из окна, и вспоминает: «Помню только того мещанина: он всё кричал мне, что “с горстку крови изо рта вышло, с горстку, с горстку!”, и указывал мне на кровь тут же на камне»¹⁰. И немного позже эта деталь снова появляется в лихорадочных мыслях героя: «И ведь как упала — ничего не размозжила, не сломала! Только одна эта “горстка крови”. Десертная ложка то есть. Внутреннее сотрясение»¹¹. Сравним эти фрагменты с аналогичным отрывком из «Идиота». Парфен Рогожин рассказывает князю Мышкину, как он убил Настасью Филипповну: «И... и вот еще что мне чудно: совсем нож как бы на полтора... али даже на два вершка прошел... под самую левую грудь... а крови всего этак с пол-ложки столовой¹² на рубашку вытекло; больше не было... — Это, это, это, — приподнялся вдруг князь в ужасном волнении, — это, это я знаю, это я читал... это внутреннее излияние называется...»¹³.

⁹ Вот как рассказчик описывает изменения в образе героини: «Она была совсем не в своем характере, можно даже сказать — в обратном характере: являлось существо буйное, нападающее, не могу сказать бесстыдное, но беспорядочное и само ищущее смятения». Цитируя этот фрагмент и подчеркивая выражение «обратный характер», Б. Грифцов обращает внимание, что такое развитие персонажа в противоположном направлении представляет собой «эстетический закон всего творчества Достоевского» (Грифцов Б.А. Эстетический канон Достоевского // Вопросы литературы. 2005. № 2. С. 205).

¹⁰ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIV. С. 33.

¹¹ Там же. С. 35.

¹² Станный выбор ложки для определения количества крови рождает парадоксальный двойной эффект несовместимых представлений: происходит раздвоение между умалением значимости смерти через ее репрезентацию в понятиях кулинарного быта и, с другой стороны, болезненным, вызывающим отвращение имплицитным ощущением вкуса крови.

¹³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1973. Т. VIII. С. 505.

Можно обнаружить еще один мотив, родственный этому, который перешел из «Идиота» в «Кроткую», — мотив наивного желания не расставаться с покойником, не хоронить его. В «Идиоте» читаем:

- ... Так пусть уж она теперь тут лежит, подле нас, подле меня и тебя...
- Да, да! — с жаром подтвердил князь.
- Значит, не признаваться и выносить не давать.
- Ни-ни за что! — решил князь, — ни-ни-ни!¹⁴

И соответствующий эпизод в «Кроткой»: «Странная мысль: если бы можно было не хоронить? Потому что если ее унесут, то... о нет, унести почти невозможно!»¹⁵

Добросовестный интертекстуальный анализ можно было бы завершить здесь и извлечь из него значения, которые обогащают чтение этих произведений. Оба художественных текста интерферируют: накладываются друг на друга и в то же время друг от друга отталкиваются, и в этом наложении-отталкивании рождается смысл, являющийся «прибавочной стоимостью» интертекстуального чтения. Например, вопрос о вине рассказчика в «Кроткой», оцениваемый через призму убийства Рогожина, теряет двусмысленность, сомнениям героя в причине смерти жены выносятся обвинительный приговор. С другой стороны, рассматриваемый в контексте поведения рассказчика в «Кроткой» поступок Рогожина больше не выглядит одномерным, его однозначная острота притупляется. Итак, анализ можно было закончить здесь. Да, но наша задача состоит в том, чтобы обнаружить «герменевтическую автотекстуальность» Достоевского, поэтому мы продолжаем дальше.

Сопоставление похожих деталей, связанных со смертью героинь, только констатирует связь, однако не объясняет ее возникновения. Не объясняет оно и того, почему концепция образа Кроткой развивалась от невинной и цельной природы к «инфернальной», по выражению Бахтина, атмосфере вокруг образа Настасьи Филипповны. Разумеется, вопрос «почему» в литературе рискованный, и наш шанс на точный ответ всегда выглядит сомнительным. Но мы всё же попробуем его получить.

Пытаясь объяснить связь между двумя смертями, я введу понятие «растянутая мотивная сеть» (болг. *разпръсната мотивна мрежа* — прим. пер.). Под этим термином я понимаю такую мотивную структуру, элементы которой находятся друг от друга на значительном расстоянии и связаны с разными нарративными ситуациями. Связь между мотивами неочевидна и не бросается в глаза — она, скажем так, нанесена пунктиром, имплицитна и требует дешифровки. Взятые по отдельности и выхваченные из «сети», которую они образуют, мотивы могут оказаться недостаточными для запоминания и идентификации, их функция реализуется через совмест-

¹⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. VIII. С. 504.

¹⁵ Там же. Т. XXIV. С. 35.

ное, «рассредоточенное», назовем его так, означивание. Обычный интертекстуальный анализ больше рассчитан на компактные мотивные структуры, где траектория их элементов короче и очевиднее, она видна с первого взгляда. В нашем случае объект исследования представляет собой такую систему мотивов, распознать которую гораздо труднее. Итак, я буду утверждать, что деталь «пол столовой ложки крови» и нежелание расставаться с телом покойника в романе «Идиот» — часть *растянутой сети мотивов*, только ее полное восстановление (при обнаружении других элементов) может пролить свет на взаимосвязь мотивов двух произведений.

Вернемся к сцене бегства Настасьи Филипповны с Рогожиным накануне венчания с князем Мышкиным, когда в романе «Идиот» еще не был реализован мотив половины столовой ложки крови. Вот соответствующий фрагмент: «Настасья Филипповна поднялась, взглянула еще раз в зеркало, заметила, с “кривою” улыбкой, как передавал потом Келлер, что она “бледна как мертвец”, набожно поклонилась образу и вышла на крыльцо»¹⁶. Затем следует реакция собравшейся толпы, крики восхищения и улюлюкание. Текст продолжается: «Уже отворились дверцы кареты, уже Келлер подал невесте руку, как вдруг она вскрикнула и бросилась с крыльца прямо в народ. Все проважавшие ее оцепенели от изумления, толпа раздвинулась пред нею»¹⁷.

Связь между сценой бегства и мотивом крови каузальная, хотя она не выражена напрямую и удалена во времени: шаг (героиня «бросилась с крыльца») оказывается фатальным, в конечном итоге он приводит (после ряда событий) к смерти героини. Звенья цепочки мотивов таковы: осенение себя крестом перед иконой, смертельная бледность, прыжок, толпа ... кровь. Но эти же звенья составляют и цепочку мотивов «Кроткой». Только, будучи прочтенной сквозь призму «Идиота», их связь в повести выглядит ускоренной. То, что удалено друг от друга во времени и связано неявно, уплотняется, «растянутая сеть мотивов» словно «сворачивается» в единый нерасчленимый жест, где причина и следствие сливаются в единую траекторию — прыжок завершается смертью.

Параллельное чтение дает ключ к толкованию странных мест в тексте «Идиота». Майкл Риффатер отмечает, что в художественных произведениях встречаются такие фрагменты, которые «сопротивляются расшифровке или появление которых трудно или невозможно объяснить»¹⁸. Их интерпретация осуществляется благодаря тому, что Риффатер называет «герменевтической моделью» — в частности, благодаря другому тексту, предлагающему «когнитивную рамку или знаковую систему», подсказывающему читателю, как и где искать решение»¹⁹. Пользуясь данной терминологией,

¹⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. VIII. С. 492.

¹⁷ Там же. С. 493.

¹⁸ Riffaterre M. Hermeneutic Models // Poetics Today. 1983. Vol. 4/1. P. 8.

¹⁹ Ibid. P. 7.

можно сказать, что финальная сцена «Кроткой» представляет собой герменевтическую модель текстовых особенностей в сцене бегства Настасьи Филипповны в романе «Идиот». Речь, конечно, не идет о не подлежащих расшифровке, необъяснимых местах в тексте. И всё же налицо коннотации, семантические обертоны, которые незаметно вытесняют в словах исходное значение. Это относится прежде всего к фразе «как вдруг она вскрикнула и бросилась с крыльца прямо в народ». Обиходным значением глагола «бросилась» здесь является «стремительно подбегать», «устремляться». Но выражение «бросилась с крыльца» уже активизирует, хотя и только в качестве нюанса, значение слова «бросаться», связанное с самоотречённостью, с прыжком с высоты и падением. Далее, «бросилась прямо в народ» продолжает развитие этого смыслового сюжета. Локатив «прямо» в данном случае имеет значение усилительного слова. Оно увеличивает силу и стремительность этого врзания в толпу («народ»), воспринимаемую как общий, пространственно нерасчленимый ориентир, и мысленно удлиняет траекторию воображаемого прыжка. В выражении «бросилась прямо в народ» слова говорят больше того, что они выражают при первом прочтении.

Вот еще одно особое место в «Идиоте», где проявляется взаимосвязь с сюжетом «Кроткой». Станным образом в сцене бегства Настасьи Филипповны текст построен так, что позволяет двойственное прочтение: в том, как она сбежала с крыльца, будто бы закодирован прыжок из окна. Вернемся к уже процитированному мной предложению: «Уже отворились дверцы кареты, уже Келлер подал невесте руку...». Синхронизация действий и их ситуационная взаимосвязь заставляют читателя представить Настасью Филипповну перед дверью кареты (которая, отметим, застекленная), готовую войти в нее. Текст продолжается: «...как вдруг она вскрикнула и бросилась с крыльца». Оказывается, что Настасья Филипповна в другом месте, не перед каретой, а на крыльце, но скрыто, имплицитно остается действовать представление о прохождении через застекленную дверь (или окно). В романе «Идиот» словно потенциально заложено то, что случится в повести «Кроткая». Читаемая сквозь призму «Идиота», повесть «Кроткая» функционирует как семантический усилитель: стремительное движение вниз с невысокого места превращается в прыжок с большой высоты, почти ритуальный и неосознанный поклон перед иконой — в прыжок с иконой в руках, мертвенная бледность (в переносном смысле) — в буквальную бледность мертвеца.

В художественном замысле повести чувствуется связь с «Идиотом» и она получает свое развитие через внимательное параллельное чтение романа, погружение в его атмосферу, цитирование его отрывков. Я уже отмечал ранее мотив крови и нежелания погребения тела. Есть еще одна деталь, относящаяся к сцене бегства. И в романе, и в повести тело героини окружает толпа. В романе героиня устремляется в толпу, а в повести толпа собирается, окружая тело выпавшей из окна героини. Но есть одна деталь, которая повесть полностью заимствует из романа и воспроизводит в новом

контексте — толпа расступается, раздвигается, чтобы освободить место или дать пройти тому, кто движется по направлению к ней, — подобно кругу на водной глади после брошенного в нее камня. «Толпа раздвинулась перед нею», — так сказано о Настасье Филипповне. А вот как в «Кроткой»: «А тут толпа в наших воротах», «все передо мной расступаются»²⁰.

Итак, фабульный финал «Кроткой», подсказанный ходом повествования, ассоциативно актуализирует и признает сцену бегства Настасьи Филипповны из романа «Идиота» как свой прототип. Можно допустить, что эта актуализация сцены до известной степени является причиной отклонения образа от первоначального замысла. «Кроткая» заимствует опорные точки текста из романа «Идиот», попадая под влияние его художественной ауры. Со своей стороны, повесть, как уже говорилось, увеличивает «громкость», экспрессию, «повышает децибелы» приглушенных и, на первый взгляд, второстепенных деталей в сцене бегства в романе «Идиот». Я поясню свою мысль. «Прыжок» с крыльца с точки зрения фабулы не является необходимым мотивом бегства. С таким же успехом героиня могла бы исчезнуть, смешавшись с толпой, или под каким-либо предлогом изменить свой маршрут и т.д. В еще большей степени это относится к поклону перед иконой. Однако очевидно, что Достоевский был чувствителен к подобным деталям и, как я уже отмечал, наделил их теми значениями, которые ненавязчиво, через полисемию, монтирование двойного прочтения и перемещение слов в контексте «возвышают» их над факультативностью и периферийностью. Почему Достоевский был чувствителен к таким деталям?

Броситься с крыльца и прыгнуть из окна — варианты реализации очень важного для Достоевского мотива пограничной ситуации, перешагивания через порог в буквальном и переносном смысле, акта, через который происходит перелом в сюжете, переживается кризис, осуществляется выход за пределы несовместимых, относящихся к разным «возможным мирам» ситуаций. Перечисляя те места, где у Достоевского происходит «перешагивание через порог», Бахтин упоминает «лестницу», «порог», «крыльцо». Они, по мнению знаменитого ученого, «получают значение “точки”, где совершается кризис, радикальная смена, неожиданный перелом судьбы, где принимаются решения, переступают запретную черту, обновляются или гибнут»²¹. Эти слова словно написаны как раз о рассматриваемых сценах из романа «Идиот» и повести «Кроткая». Д. Арбан, исследовательница пограничных ситуаций в творчестве Достоевского, пишет: «В нем [пороге] опасная угроза встречи с тем отрицаемым, но неизбежно иным, которое таится в самом человеке»²². К пограничным ситуациям в анализируемых

²⁰ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIV. С. 32.

²¹ Бахтин М. Проблемы на поетиката на Достоевски. София: Наука и изкуство, 1976. С. 193.

²² Арбан Д. «Порог» у Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования / ред. Г.М. Фридлендер. Л.: Наука, 1976. Т. 2. С. 22.

фрагментах обоих произведений Достоевского применимы с известной оговоркой и слова В.Н. Топорова, касающиеся универсальных мифопоэтических схем, — решение задачи «в кризисной ситуации, когда организованному, предсказуемому (“видимому”) космическому началу угрожает превращение в деструктивное, непредсказуемое (“невидимое”), хаотическое состояние»²³.

Итак, на пути к построению собственной художественной концепции одно произведение проникает в глубины другого, раскрывает его тайные послания и озвучивает их, проговаривает их своим голосом. Это, говоря в целом, голос герменевтической автотекстуальности, при котором произведение действует как семантический усилитель.

Перевод с болгарского Н.А. Луньковой

Литература

1. Арбан Д. «Порог» у Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования / ред. Г.М. Фридлиндер. Л.: Наука, 1976. Т. 2. С. 19–29.
2. Бахтин М. Проблемы на поетиката на Достоевски. София: Наука и изкуство, 1976.
3. Грифцов Б.А. Эстетический канон Достоевского // Вопросы литературы. 2005. № 2. С. 191–208.
4. Смирнов И.П. Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака). Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1985. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 17.)
5. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления // Structure of Texts and Semiotics of Culture / eds. J. van der Eng, M. Grygar. The Hague; Paris: Mouton, 1973. P. 225–302.
6. Bloom H. The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry. New York: Oxford University Press, 1973.
7. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré. Paris: Éd. du Seuil, 1982.
8. Riffaterre M. Hermeneutic Models // Poetics Today. 1983. Vol. 4/1. P. 7–16.
9. Stierle K. Werk und Intertextualität // Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität / W. Schmid, W.-D. Stempel (Hrsg.). Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1983. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 11.)

References

1. Arban, D., 1976. “Porog” u Dostoevskogo [“The Threshold” in Dostoevsky’s works]. In: Fridlender, G.M., ed, 1976. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia. Tom 2* [Dostoevsky, Materials and Studies. Volume 2]. Leningrad: Nauka.

²³ Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления // Structure of Texts and Semiotics of Culture / eds. J. van der Eng, M. Grygar. The Hague, Paris: Mouton, 1973. P. 227.

2. Bahtin, M., 1976. *Problemi na poetikata na Dostoevski* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Sofia: Nauka i izkustvo.
3. Bloom, H., 1973. *The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry*. New York: Oxford Univesity Press.
4. Genette, G., 1982. *Palimpsestes. La littérature au second degré*. Paris: Éd. du Seuil.
5. Grifitsov, B.A., 2005. Esteticheskii kanon Dostoevskogo [Dostoevsky's aesthetic canon]. *Voprosy literatury*, 2005, N 2, pp. 191–208.
6. Riffaterre, M., 1983. Hermeneutic Models. *Poetics Today*, vol. 4/1, pp. 7–16.
7. Smirnov, I.P., 1985. *Porozhdenie interteksta (Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L. Pasternaka)* [Generating intertekst (Elements of intertextual analysis on the examples of B.L. Pasternak)]. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 17).
8. Stierle, K., 1983. Werk und Intertextualität. In: W. Schmid, W.-D. Stempel, Hrgg., 1983. *Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität*. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 11).
9. Toporov, V.N., 1973. O structure romana Dostoevskogo v sviazi s arkhainymi skhemami mifologicheskogo myshleniia [On the structure of Dostoevsky's novel in connection with the archaic schemes of mythological thinking]. In: J. van der Eng, M. Grygar, eds., 1973. *Structure of Texts and Semiotics of Culture*. The Hague, Paris: Mouton, pp. 225–302.

КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ О.М. БОДЯНСКОГО В ИНОСТРАННОМ ФОНДЕ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**Мария Владимировна
Колмакова –**

кандидат философских наук,
научный сотрудник,
заведующая сектором
Славянского фонда,
Отдел фондов и обслуживания,
Библиотека Российской академии наук
Почтовый адрес: Биржевая линия, 1,
Васильевский остров, Санкт-Петербург,
199034, Россия
Электронный адрес: slav.fond.rasl@gmail.com

**Дарья Юрьевна
Чернышенко –**

главный библиотекарь
сектора Славянского фонда,
Отдел фондов и обслуживания,
Библиотека Российской академии наук
Почтовый адрес: Биржевая линия, 1,
Васильевский остров, Санкт-Петербург,
199034, Россия
Электронный адрес: slav.fond.rasl@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена тридцати двум книгам, некогда принадлежавшим Осипу Максимовичу Бодянскому (1808–1877) и составлявшим его личную рабочую библиотеку. Приведены предварительные результаты исследования, в которых отражена история перемещения библиотеки ученого после его смерти, указаны известные в настоящее время места нахождения книг. В фондах Библиотеки Российской академии наук (далее — БАН) были выявлены экземпляры, составлявшие ранее библиотеку ученого. Издания пребывают в хорошем состоянии и не подвергались реставрационным работам, что позволило их изучить и произвести первичную реконструкцию обстоятельств включения этих изданий в фонды БАН. Также стало возможно описать владельческий знак ученого — надпись на форзацах, несущую множество информации о времени и месте приобретения / получения книги. Произведен анализ текстов таких надписей, выявлен ряд закономерностей. Сделаны предварительные выводы о времени, месте и цели покупки изданий, а также приведены примеры использования книг из рабочей библиотеки в научных текстах ученого. В завершение статьи дан аннотированный перечень библиографических описаний книг, выявленных в иностранном фонде БАН, которые можно уверенно атрибутировать как экземпляры из библиотеки О.М. Бодянского. Каждое описание снабжено текстом владельческой надписи, который позволяет читателю самостоятельно обратить внимание на детали их содержания. Статья является продолжением общего дела — реконструкции личной библиотеки О.М. Бодянского, которая проводится усилиями многих сотрудников различных российских учреждений науки и культуры.

Ключевые слова

Осип Максимович Бодянский (1808–1877), Библиотека Российской академии наук, Иностраннный фонд, личная библиотека, книговедение, славяноведение, реконструкция книжного собрания.

Статья поступила в редакцию 25 марта 2019 г.

O.M. BODIANSKY'S LIBRARY BOOKS IN RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES LIBRARY FOREIGN FUND

Maria V. Kolmakova

Ph.D., Researcher,
Head of the Sector
Slavic Literature Fund,
Department of Funds and Services,
Russian Academy of Sciences Library
Postal address: Birzhevaya liniya 1,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
199034, Russia
E-mail: slav.fond.rasl@gmail.com

Daria U. Chernyshenko

Main Librarian,
Sector Slavic Literature Fund,
Department of Funds and Services,
Russian Academy of Sciences Library
Postal address: Birzhevaya liniya 1,
Vasilievsky Island, St. Petersburg,
199034, Russia
E-mail: slav.fond.rasl@gmail.com

Abstract

The article is devoted to 32 books owned by Osip Maksimovich Bodyansky (1808–1877) and compiled by his personal working library. Preliminary results of the research reflect the history of the books after his death and indicate the currently known locations of the books. Copies that previously belonged to the scholar were found and identified in the Funds of the Russian Academy of Sciences Library (hereinafter — RASL). The books are in good condition and have not undergone restoration. It allowed the researchers studying and understanding of the circumstances of the appearance of these publications in the RASL Funds. The marks such as the inscription on the flyleaf, carrying a lot of information about the time and place of purchase, receipts of the books made it possible to identify it as the scholar's possession. The authors analysed the inscriptions and identified their common features. The authors make the conclusions about the time, place, and purpose of buying the books. The librarians give some examples of using the books. The annotated list of bibliographic descriptions of the books is published at the end of the article. The books from this list can be confidently attributed as the items from Osip M. Bodyansky's library. All descriptions are provided with the owner's inscriptions, which allows the reader to independently draw attention to the details of the texts. The article is a continuation of the common efforts to reconstruct the Bodyansky's library, which are made by many employees of various Russian science and culture institutions.

Keywords

Osip Maksimovich Bodyansky (1808–1877), Russian Academy of Sciences Library, Foreign Fund, personal library, bibliography, reconstruction of the book collection.

Received 25 March 2019.

Статья является более подробным представлением материалов, упомянутых в тезисах и описанных на заседании молодежной научной конференции, проведенной в рамках Дней славянской письменности и культуры «Славянский мир: общность и многообразие» (2018 г.)¹. Эти материалы касаются книг Осипа Максимовича Бодянского (1808–1877), которые удалось выявить в Иностранном фонде Библиотеки Российской академии наук.

Статья посвящена тридцати двум изданиям, некогда входившим в многочисленный корпус библиотеки ученого.

Но прежде чем приступить к описанию изданий, необходимо сказать о самой библиотеке О.М. Бодянского, ее судьбе после смерти владельца, а также о тех сложностях, которые стоят в настоящее время перед исследователями этого книжного собрания.

О.М. Бодянский — филолог, историк, археограф, славист, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1854 г.) — был большим знатоком, ценителем и собирателем книг, оттого многие издания, включенные им в собственную библиотеку, являются не только важными источниками информации, но зачастую и уникальными произведениями искусства и книжного дела.

Известны по крайней мере две библиотеки, составленные О.М. Бодянским для разных целей.

Одна из них — учебная. Она собиралась ученым во время его первой командировки за границу в период с 1837 по 1842 г., позже была выкуплена Московским государственным университетом² (далее — МГУ) и в настоящее время хранится в стенах его научной библиотеки. Готовясь занять в Московском университете новую кафедру — истории и литературы славянских наречий, — ученый создал фундаментальную базу для преподавания на ней соответствующих дисциплин. Как писал современник Бодянского К. Гавличек-Боровский, «едва ли у кого найдется такое прекрасное собрание на всех славянских наречиях, как у него»³. Изучению этой библиотеки посвящено немало работ: Н.М. Пашаевой⁴, Л.Ю. Аристовой⁵, М.О. Мель-

¹ Колмакова М.В., Чернышенко Д.Ю. Книги из личной библиотеки О.М. Бодянского в Славянском фонде БАН // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г. / отв. ред.: Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 15–17. DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.1.4.

² Аристова Л.Ю. Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского: каталог / под ред. В.П. Гудкова. М.: Издательство Московского университета, 2000. 336 с.

³ Сапожникова О.С. Экземпляры из личной библиотеки О.М. Бодянского в Библиотеке Бестужевских курсов // Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2. М.: Индрик, 2017. С. 247.

⁴ Пашаева Н.М. Библиотека О.М. Бодянского // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета / под. ред. С.О. Шмидта. М.: Издательство МГУ, 1993. С. 38–49.

⁵ Аристова Л.Ю. Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского.

ниченко⁶ и др. — благодаря их усердному труду собрание О.М. Бодянского было выявлено в фондах библиотеки МГУ, сверено с имеющимися инвентарными документами, описано, систематизировано и введено в научный оборот.

Другая — личная (рабочая) библиотека О.М. Бодянского, собиралась им для своих научных исследований и домашнего чтения. После смерти ученого она не была сохранена единым корпусом — была передана или продана различным учреждениям. Эмоциональный отклик современников на судьбу библиотеки нашел отражение в «Газете А. Гатцука»⁷. Автор статьи отмечает, что затянувшиеся переговоры о передаче собрания МГУ результатов не принесли. Поэтому библиотека была выкуплена фрагментами разными лицами. Это обстоятельство делает весьма затруднительной возможность реконструкции личной рабочей библиотеки О.М. Бодянского.

Большая часть этой библиотеки была куплена частным лицом — книгопродавцем Афанасием Афанасьевичем Астаповым (1840–1917), который благодаря этому приобретению стал известным человеком в букинистическом деле. Воспоминания о тяготах начала своей деятельности он оставил на страницах книги «1862 — 22 октября — 1912»⁸. Отдельная глава в ней посвящена покупке бумаг, рукописей и книг О.М. Бодянского в 1880 г.⁹ Эти воспоминания являются крайне важными и подробными сведениями для восстановления картины перемещения книг из личной библиотеки Бодянского после его смерти. А.А. Астапов трепетно относился к своему приобретению: «Я любил книгу и ее лелеял, 32 года берег славянские книги после О.М. Бодянского, но не мог я решиться сбить их за границу и потому согласился лучше уступить все книги букинисту Ивану Михайловичу Фадееву»¹⁰. Вероятно, какие-то отдельные книги всё же могли быть проданы А.А. Астаповым в первые годы после получения им значительного фрагмента библиотеки ученого.

Иван Михайлович Фадеев (?–?) был хорошо знаком с А.А. Астаповым, так как состоял на службе в его магазине в качестве приказчика. Кроме того, с 1895 г. владел собственным букинистическим магазином¹¹. Извест-

⁶ Мельниченко М.О. Первые шаги О.М. Бодянского по созданию Славянской библиотеки // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). Сборник статей / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 107–119.

⁷ *Москвич*. Гибель библиотеки О.М. Бодянского // Газета А. Гатцука. 1880. Г. 6. Т. 6. № 15 (12 апр.). С. 259–260.

⁸ Астапов А.А. К 50-ти-летию книгопродавческой деятельности А.А. Астапова: 1862 — 22 октября — 1912. М., 1912.

⁹ Там же. С. 37–55.

¹⁰ Там же. С. 34.

¹¹ Шибанов П.П. Антикварная книжная торговля в России // Книжная торговля: пособие для работников книжного дела / под ред. М.В. Муратова и Н.Н. Накоряка. М.; Л., 1925. С. 240.

ный книгопродавец П.П. Шибанов оставил следующее воспоминание очевидца о продаже магазина А.А. Астаповым И.М. Фадееву: «Любопытна судьба книжной лавки Астапова. Прекратив торговлю, Астапов начал искать на нее покупателя, причем в неперемное условие ставил, чтобы товар был куплен “вместе с ним”, т.е. чтобы он имел пожизненное право пребывать у нового обладателя накопленных им сокровищ. Условия эти принял народившийся в 1895 году на Моховой антикварий И.М. Фадеев и, к чести его нужно сказать, честно выполнил их. Начиная с 1908 года, со времени продажи ему своего товара, в течение десяти лет, по конец дней своих, Астапов неизменно находился в магазине Фадеева, где для него было даже приобретено какое-то особое историческое кресло, на котором он и восседал, не неся никаких обязанностей по обслуживанию магазина, а только служа, так сказать, почетной его реликвией»¹². Таким образом книги, некогда составлявшие корпус личной библиотеки О.М. Бодянского, были приобретены И.М. Фадеевым. Это крайне важное обстоятельство позволяет нам понять, каким образом они поступили в БАН.

Сохранились сведения о том, что в 1911 г. БАН было получено разрешение на приобретение коллекции «до 400 томов, изданий XVI–XVIII вв., относящихся к средневековой истории вообще, а также к литературе Чехии и Польши за ту же эпоху. Коллекция эта продается московским книгопродавцом Фадеевым, который согласен рассрочить просимую сумму на несколько лет»¹³. Книги были приобретены у книгопродавца И.М. Фадеева и распределены, согласно принятому профилю комплектования, между Иностранным и Славянским отделениями библиотеки. В отчете Иностранного отделения БАН за 1911 год читаем следующее: «Только благодаря очень выгодным условиям удалось приобрести от московского книгопродавца Фадеева коллекцию старопечатных книг для обоих Отделений Библиотеки, хотя в числе иностранных книг оказались дублеты»¹⁴. Приведенные документы позволяют нам укрепиться в предположении, что книги, выявленные в настоящее время в Иностранном фонде БАН, являются книгами О.М. Бодянского, купленными у И.М. Фадеева. Но зарегистрированы они были значительно позже, так как в начале XX в. Иностранное отделение БАН чрезвычайно нуждалось в дополнительных помещениях и сотрудниках для размещения вновь поступивших изданий, вследствие чего учет и обработка книг производились с большой задержкой¹⁵. Окончательно устранить эту

¹² Шибанов П.П. Антикварная книжная торговля в России // Книжная торговля: пособие для работников книжного дела / под ред. М.В. Муратова и Н.Н. Накоряка. М.; Л., 1925. С. 240–241.

¹³ Летопись Библиотеки Российской академии наук (по протоколам РАН: 1900–1928). Т. 2 / науч. рук. В.П. Леонов, отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб.: БАН; Альфарет, 2014. С. 530.

¹⁴ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1911 год / сост. С.Ф. Ольденбург. СПб., 1911. С. 15.

¹⁵ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1906 год / сост. С.Ф. Ольденбург. СПб., 1906. С. 45.

проблему удалось только после 1925 г., когда БАН переехала в новое помещение на Биржевой линии (где располагается и в настоящее время). Тем не менее книги были сохранены и доступны для исследователей сегодня, что позволяет производить полноценное изучение этих памятников печати.

Во второй половине XX — начале XXI в. исследователи в различных российских институтах стали фиксировать в фондах научных библиотек отдельные экземпляры, которые можно уверенно атрибутировать как ранее принадлежавшие ученому. В настоящее время опубликовано несколько работ, позволяющих получить сведения о наличии книг из библиотеки О.М. Бодянского в Библиотеке Российской академии наук (Санкт-Петербург)¹⁶, Государственной публичной исторической библиотеке (Москва)¹⁷, Российской государственной библиотеке (Москва)¹⁸, библиотеке Санкт-Петербургского университета¹⁹, Государственным литературном музее А.С. Пушкина²⁰.

Наша статья посвящена изданиям, выявленным в ходе работ с Иностранном фондом БАН*. Книги не подвергались реставрации и замене переплета, что позволило сохранить ряд уникальных внешних признаков на этих памятниках печати. Наиболее интересной и информативной для нашего исследования стала владельческая надпись О.М. Бодянского (Рис. 1.), которая является единственным знаком, использованным ученым для маркирования принадлежащих ему изданий. Надпись представляет собой условную формулу: «Инициалы Фамилия число / месяц год. Город». Примерами могут служить следующие варианты: «*О. Бодянского 13/ IX 1845 Москва*» или «*И. Бодянского 1839 V-VI/27-8 Вена*». Не во всех случаях эта формула соблюдается во всей полноте, некоторые надписи не несут информацию о

¹⁶ Колмакова М.В., Чернышенко Д.Ю. Бодянский Осип Максимович: 210 лет со дня рождения // XXIII Державинские чтения: современные и исторические проблемы болгаристики и славистики: сборник статей по материалам XLVII Международной филологической конференции / отв. ред. О.В. Васильева, З.К. Шанова. СПб.: Издательство «ВВМ», 2018. С. 28–32.

¹⁷ Плющ М.А. Информация о частных библиотеках, вошедших в фонд библиотеки Государственного исторического музея до 1917 г. (обзор) // Научно-техническая информация: ежемесячный научно-технический сборник. Серия 1: Организация и методика информационной работы. М., 2009. № 10. С. 23–32.

¹⁸ Ковригина С.И. О.М. Бодянский (книги из его библиотеки в Отделе хранения основных фондов РГБ) // Румянцевские чтения: материалы международной научной конференции (11–13 апр. 2006) / сост. Л.Н. Тихонова. М.: Пашков дом, 2006. С. 133–137.

¹⁹ Горфункель А.Х., Николаев Н.И. Список важнейших книжных коллекций, хранящихся в Научной библиотеке Ленинградского университета // Неотчуждаемая ценность. Рассказы о книжных редкостях университетской библиотеки Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 171–172; Сапожникова О.С. Экземпляры из личной библиотеки О.М. Бодянского в Библиотеке Бестужевских курсов. С. 247–258.

²⁰ Аристова Л.Ю. Осип Максимович Бодянский как источниковед и исследователь славянских языков: автореферат дис.... кандидата филологических наук: 10.02.01. М., 2007.

* Авторы благодарят библиотекаря Иностранного фонда БАН Софию Борисовну Миколко за проделанный труд в выявлении владельческих экземпляров.

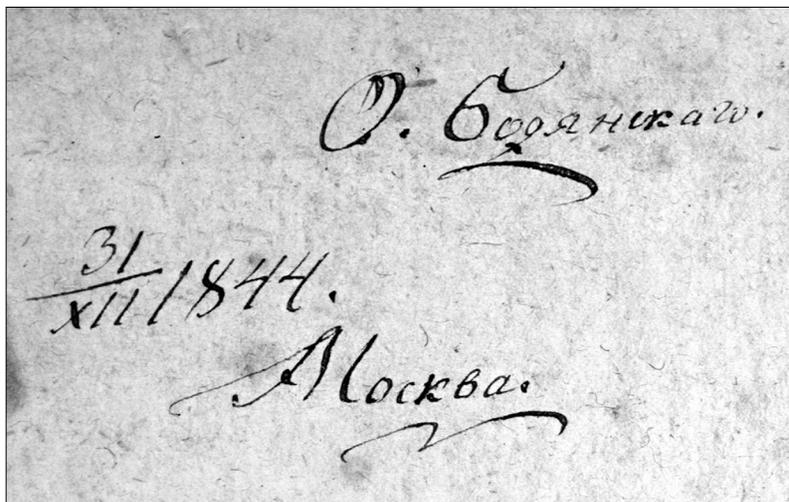

Рис. 1. Владельческая надпись О.М. Бодянского

точной дате и месяце получения книги (например, «*О. Бодянского 1843 Москва*»), в других отсутствует обозначение места получения / приобретения (например, «*О. Бодянского 31/II 1845*»). Но неизменным остается обозначение имени и фамилии владельца, а также общая архитектура надписи, что делает ее хорошо узнаваемым знаком при работе с собранием.

Общее число выявленных в Иностранном фонде изданий, обладающих владельческой надписью О.М. Бодянского, — 32 единицы. Все эти книги были зарегистрированы в БАН в 1926 г., о чем свидетельствует формула присвоенных им шифров (“Inv 1926” — в числителе). Издания имеют общую тему: история и филология европейских стран. Из текстов владельческих надписей можно получить следующие сведения.

Книги были куплены/получены в период с 1838 по 1870 гг. Значительная часть надписей датирована 1843 (11 единиц) и 1844 г. (8 единиц).

Подавляющее большинство надписей имеет указание места получения / приобретения книги — г. Москва (25 единиц), Вена (1 единица), Прага (1 единица).

Две единицы имеют фирменные наклейки московского книгопродавца Старикова: “D’que Renaud libraire a la Petrowka maiscri Starikoff a Moscou”.

Одно издание было приобретено из дублетного фонда Императорской Публичной библиотеки, о чем свидетельствует текст надписи на форзаце: «*О. Бодянского Из двойников Имп. Публичной Библиотеки в [Петербурге] 14/XI 1850 Москва*». Возможно, куплено через посредника в Москве.

На титульных листах пяти экземпляров отчетливо читается штамп: “Z Hankowych” — что указывает на принадлежность этих книг к библиотеке Вацлава Ганки (1791–1861).

Несомненно, что большинство изданий было включено О.М. Бодянским в личную библиотеку после командировки по славянским землям (1837–1842 гг.) и во время его службы в качестве профессора кафедры истории и литературы славянских наречий МГУ. Работая с этими книгами, он мог создавать и совершенствовать свои курсы.

Очевидно, что книги из личной библиотеки были постоянными спутниками ученого в его научных трудах. Нам удалось найти несколько таких пересечений.

При подготовке одного из самых важных своих переводов трудов П.Й. Шафарика «Об имени и положении города Винеты, иначе Юмина, Юлина, Иомсбурга»²¹ О.М. Бодянский использовал издание “*Volumen secundum complectens scriptores rerum germanicarum*”*, которое имелось в его личной библиотеке и указано в списке выявленных изданий в Иностранном фонде БАН под № 15.

В диссертационном исследовании «О времени происхождения славянских письмен»²², изданном в 1855 г., на с. 349 ученый ссылается на издание “*Corpus historicum Medii Aevi, sive Scriptores res in orbe universo, praecipue in Germania, a temporibus maxime Caroli M. imperatoris. C.N.XV. Gestas enarrantes aut illustrantes primum editi Jo. Georgio Eccardo*”, которое имелось в его личной библиотеке в двух экземплярах и представлено в списке выявленных изданий в Иностранном фонде БАН под №№ 8 и 9.

В настоящее время эти, а также многие другие книги могут стать помощниками для современных исследователей и преподавателей широкого спектра дисциплин.

Количество выявленных изданий невелико, но тем не менее позволяет говорить о том, что важный фрагмент библиотеки О.М. Бодянского сохранен в Санкт-Петербурге. Надеемся, что в последующие годы нам удастся расширить перечень «находок», которые дополняют наши знания о количественном и качественном составе личной рабочей библиотеки одного из основоположников российского славяноведения.

В завершение нашего обзора публикуем перечень выявленных изданий в Иностранном фонде БАН.

1. **Bonfini, A.** *Asculani Rerum Hungaricarum decades libris XLV comprehensae ab origine gentis ad annum MCCCXCV. Editio septima. Lipsiae. 1771. [4], 756, [54] p. На форзаце надпись: «О. Бодянского 26/VI 70 Москва». Inv 1926/B 4414.*
2. **Busbequius, A.G.** *Epistolae deque rebus turcicis quae extant, alia editio nova et correctior. Cui accedunt Laudini eqvitis Hierosolymitani aliorumque Cla-*

²¹ Шафарик П.Й. Об имени и положении города Винеты, иначе Юмина, Юлина, Иомсбурга / пер. с чеш. О. Бодянского. М., 1847. 20 с.

* Об этом свидетельствуют подстрочные сноски внутри текста перевода.

²² Бодянский О.М. О времени происхождения славянских письмен. М.: в Университетской типографии, 1855.

- riss. Virorum de rebus turcicis epistola impense hactenus defideratae. Cum privilegio. Lipsiae. 1689. [22], 702, [28] p. **На форзаце надпись: «И. Бодянского 14/VII 1843 Москва». Inv 1926/B 4449.**
3. **Calvör, C.** Saxonia inferior antiqua gentilis et christiana. Das ist: Das alte Heydnische und Christliche Nieder-Sachsen. Darin vorgestellt wird, was es für eine Beschaffenheit mit dem alten Nieder-Sachsen, zuzorderst was das Religions- und Kirchen-Wesen betrifft, ... Es werden auf solche maße die Heydnischen Teutsche und Nieder-Sächsische Abgötterer sampt derselben Götzen-Dienst, Altaren, Opfern, Priestern, Götzen-Bildern und dergleichen / Caspar Calvör; zur Illustration des heutigen Kirchen- und Policey-Wesens In den Teutsch- und Nieder-Sächsischen Landen Ans Licht gestellt. Goslar, 1714. [26], 614, [34] S. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 12/II 1857». Inv 1926/B-4420.**
 4. **Carpзов, J.B.** Neueröffneter Ehren-Tempel merckwürdiger Antiquitätен des Markgraffthums Oberlausitz ... Leipzig und Budischin, 1719. [24], 380, 271, [21] S. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 12/II 1857 Москва». Inv 1926/B 4419.**
 5. **Červenka, V.V.** Notitia collegij convictorum Societ. Jesu Pragae ad s. Bartholomaeum: continens ejusdem ortum, progressum, fundatores virósque, pietate, litteris, [et] dignitationibus quà sacris quà politicis illustres. Pragae, 1674. [16], 240 p. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 1843 Москва». На тит. л. штамп: “Z Hankowuch”. Inv 1926/B 4434.**
 6. **Dinzenhofer, W.** XXVIII genealogische Tafeln der Böhmischn Fürsten, Herzogen und Könige. Mit Anmerkungen erläutert, nebst einer chronologischen Tafel der Böhmischn-Mährischn Fürsten und Markgrafen, dann einem all-gemeinen Register / von Wenzel Dinzenhofer. Prag: Barth, 1805. Physical descr. XXX, 200, 50 S., tab. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 1843 Москва». Inv 1926/B-4440.**
 7. **Dobner, G.** Epistola apologetica adversus Luciferum urentem, non lucentem, qua gentis czechicas origo a veteribus Zechis Asiae populis, et Ponti Euxini Maeotydisque accolis vindicatur. Seu appendix et elucidatio Prodromi Annalium hagecianorum... / Gelasius Dobner. Praha, 1767. [12], 335, [1] p. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 1843 Москва». На тит. л. штамп: “Z Hankowuch”. Inv 1926/B-4441.**
 8. **Eccardus, J.G.** Corpus historicum Medii Aevi, sive Scriptores res in orbe universo, praecipue in Germania, a temporibus maxime Caroli M. imperatoris. C.N.XV. Gestas enarrantes aut illustrantes. primum editi Jo. Georgio Eccardo. T. 1 / Georg J. Eccardus. Lipsiae. 1723. [22], 2176 col., [28] p. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 31/II 1845». Inv 1926/B-4445.**
 9. **Eccardus, J.G.** Corpus historicum Medii Aevi, sive Scriptores res in orbe universo, praecipue in Germania, a temporibus maxime Caroli M. imperatoris. C.N.XV. Gestas enarrantes aut illustrantes. primum editi Jo. Georgio Eccardo. T. 1 / Georg J. Eccardus. Lipsiae. 1723. [22], 2176 col., [28] p. — Экз. деф. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 5/V 1846 Москва». Inv 1926/B-4452.**

10. **Fabricius, E.L.** Erpoldi Lindenbrogii Scriptores rerum Germanicarum septentrionalium vicinorumque populorum veteres diversi quibus continentur Historia ecclesiastica et religionis propagatio gesta que Saxonum, Sclavorum, Wandalorum, Danorum, Norwegorum, Svedorum etc. Hamburg, 1706. [24], 276, [4] S.; **Lambecii, P.** Origines Hamburgenses, sive rerum Hamburgensium. Lib. 1: Ab urbe condita usque ad annum AE. C.M CC XXV. Cum appendice... / [Petrus Lambeck]. Hamburg, 1706. [6], 40, 144 S.; **Anckelmann, T.** Inscriptiones antiquissimae et celeberrimae urbis patriae Hamburgensis. Editae pridem *Theodoro Anckelmanno Heidelbergae apud Guil. Waltherum Academie Typographum, Anno MDC LXIII*. Nunc cum novo auctario recuso. Hamburgi, 1706. 56, [8] S.; **Lambecii, P.** Origines Hamburgenses, sive rerum Hamburgensium. Lib. 2: Ab anno aerae Christianae vulgaris CCXXV usque ad annum CCXCII. Cui accedunt chronologia et auctarium libri primi, ab anno ... DCCCVIII usque ad annum LXXII. [/Petrus Lambeck]. Hamburg, 1706. [12], 168, [30] S. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 31/XII 1844 Москва». Inv 1926/В 4496.**
11. [**Le Grand P., Warnaer P.**]. Grammatica Gallica, ex celebrioribus grammaticis collecta, in pluribus aucta & emendata studio & industriâ Thomae de la Grue, Natione Galli, L.A.M. & Med. Doctor. Amselodami, 1664. [12], 236, [2], 7 handschrift. Bl. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 23/I 1844 Москва». Inv 1926/В 4459.**
12. **Glafey, A.F.** Pragmatische Geschichte Der Cron Böhmen: Worinnen dasjenige, Was unter jedwedem Hertzoge und Könige von Böhmen von Zeiten zu Zeiten merckwürdiges vorgegangen, Und So wohl in die ehemalige als jetzige Grund-Verfassung dieses Königreichs Und dessen besondern Nexum mit dem Römischen Reiche einschlägt, Historisch erörtert wird Leipzig: Riegel, 1729. [6], 921, [72] S. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 1843 Москва». На авантитуле надпись: “Ex libris A. Korobifursj”. Inv 1926/В-4457.**
13. **Hoffmann, C.G.** Scriptores Rerum Lusaticarum Antiqui & recentiores, Seu Opus, In quo Lusaticae Gentis Origines, Res gestae, Temporum vices ... recensentur: quidam nunc primum ex Manuscriptis eruti, inter quos Christophori Manlii Rerum Lusaticarum Commentarii diu desiderati deprehenduntur, nonnulli vero ex Libellis fugientibus, ob raritatem in Corpus conjecti, ex Bibliotheca Senatus Zittaviensis editi / Christian Gottfried Hoffmann; Christophorus Manlius. Lipsiae; Budissae. 1719. [4], 468, 160, 396, 200, 222, [120] p. **На форзаце надпись: «О. Бодянского Из двойников Имп. Публичной Библиотеки в [Петербурге] 14/XI 1850 Москва». Inv 1926/В-4545.**
14. **Lenfant, J.** Histoire du concile de Constance. T. 1. Amsterdam, 1727. [6], LXVIII, 609 p.; **Lenfant, J.** Histoire du concile de Constance. T. 2. Amsterdam, 1727. [2], 527 p.; **Lenfant, J.** Apologie pour l’auteur de l’histoire du Concile de Constance, contre le journal de trevoux, du mois de decembre, 1714. Amsterdam, 1716. [2], 22, [47] p. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 9/VI 1844 Москва». Inv 1926/В 4480.**

15. **Ludewig von J.P. (pseud. Giovanni L.P. Hohenhard von P.)**. Complectens scriptores rerum episcopatus bambergensis. Vol. 1. Francofurti et Lipsiae, 1718. [12], 15, [1], [15], [18] с., 1285 стл., [60] p.; **Ludewig von J.P. (pseud. Giovanni L.P. Hohenhard von P.)**. Complectens scriptores rerum germanicarum. Vol. 2. Francofurti et Lipsiae, 1718. [1], 8, [2], 679, [34] p. **На форзаце надпись: «I. Бодянского 1838 4-1/III Прага».** Inv 1926/B 4539.
16. **Masch, A.G.** Beiträge zur Erläuterung der Obotritischen Alterthümer / Andreas Gottlieb Masch. Schwerin u.a., 1774. XIX, [1], 171 S. **На форзаце надпись: «O. Бодянского 13/IX 1845 Москва».** Inv 1926/B-4505.
17. **Meißner, A.G.** Historisch-malerische Darstellungen aus Böhmen: nebst XIV illuminirten Kupfertafeln nach Zeichnungen von F.C. Wolf. Prag, 1798. [4], IX, [6], 267 S., 14 Bildbögen. **На форзаце надпись: «O. Бодянского 1843 Москва».** Inv 1926/B 4507.
18. **Owen, J.** Epigrammatum Ioan Oweni Cambro Britannii Oxoniensis editio postrema correctissima et posthumis quibusdam adaucta. [б.м.], [1622?]. 215 p. — Экз. дефектный. **На форзаце надпись: “Josepho Bodjanskij Th. Bodjanskij 16/VIII 1862”.** Inv 1926/B 4485.
19. **Pelcl, F.M.** Abbildungen böhmischer und mährischer Gelehrten und Künstler: nebst kurzen Nachrichten von ihren Leben und Werken. Th. 1. / František Martin Pelcl. Prag, 1773. XLII, 122, [1] S.; **Pelcl, F.M.** Abbildungen böhmischer und mährischer Gelehrten und Künstler: nebst kurzen Nachrichten von ihren Leben und Werken. Th. 2. / František Martin Pelcl. Prag, 1775. [8], XXVI, 183, [1] S. *Два тома в одном переплете.* **На тит. л. Т. 1 штамп: “Hankowych”.** **На форзаце надпись: «O. Бодянского 1843 Москва».** Inv 1927/B 4372.
20. **Pelcl, F.M.** Abbildungen böhmischer und mährischer Gelehrten und Künstler, nebst kurzen Nachrichten von ihren Leben und Werken. Th. 3. Prag, 1777. [8], XXX, 191, [1] S.; **Pelcl, F.M.** Abbildungen böhmischer und mährischer Gelehrten und Künstler, nebst kurzen Nachrichten von ihren Leben und Werken. Th. 4. Prag, 1782. XV, [1], 192 S. *Два тома в одном переплете.* **На тит. л. Т. 3 штамп: “Hankowych”.** Inv 1927/B 4372.
21. **Rudawski, Wawrzyniec, J.** Historiarum Poloniae ab excessu Vladislai IV. ad pacem Olivensem usque libri IX. seu Annales regnante Joanne Casimiro Poloniarum Sueciaeque rege ab anno 1648 usque ad annum 1660. Auctore Laurentio Joanne Rudawski equite Polono, cathedralis ecclesiae Olomucensis Canonico, Sacrae Caesareae Majestatis ac Serenissimi Leopoldi Guilielmi Archiducis Austriae consiliario, ex manuscripto celeberrimae bibliothecae Zaluscianae edidit; notas, ubi opus videbatur, et historiam in compendio ab anno 1660. usque ad annum 1668. adjecit ac praefatus est Laurentius Mizlerus Philos: et Med. Doctor, in Sereniss. Regis Poloniarum aula Consiliarius et Medicus, Academ. Moguntinae Scientiarum utilium in medicis et historicis socius ordin., nec non Societ. Scientiar. Mus. in Germania senior. Cum Serenissimi Regis Poloniarum privilegio. Varsoviae et Lipsiae : Typis Stopfelianis, Sumpt. Mizlerianis, 1755. Str. [14], 516, [30]. Estr. 189329. **На форзаце надпись: «O. Бодянского 31/XII 1844 Москва».** Inv 1926/B-4530.

22. *Rzeczyński, G.* Historia naturalis curiosa regni Poloniae... Sandomiriae, 1721. [16], 424, [425-446] p. — Экз. дефектный. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 1843 Москва». На тит. л. штамп: “Z Hankowuch”. Inv 1926/B 4532.**
23. *Schez, P., Schmutzer, A., Dietel, C.* Historia Ducum Styriae: In Tres Partes divisa; Augustissimo Romanorum Imperatori Carolo VI. Germaniae, Hispaniae, Hungariae, Bohemiae Regi, Archi Duci Austriae, Duci Styriae ... Rars I–III. Graecii, 1728. [8], 185, [3], 123, [3], 84, 10 p. **На авантитуле надпись: «I. Бодянского 3/II 41». Inv 1926/B 4472.**
24. *Schilter, J.* Scriptorum rerum Germanicarum a Carolo M. usque ad Fridericum III.: inclusivè: partim denuo, desiderati hactenus in Tabernis, partim auctiores, partim de novo in unum volumen collecti ; unà cum omni re diplomatica Friderici imp. et indicibus convenientibus. Dulssecker, 1702. [12], 378, 148, 326, [16], 98, [68] p. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 31/ XII 1844 Москва». Inv 1926/B 4544.**
25. Spicilegium observationum historico-geographicarum de Bosniae Regno Hungarici : quondam iuris occasione armorum caesareorum anno 1737 in Bosniam motorum. Lugdunum Batavorum, 1737. [8], 148 p. **На форзаце надпись: «I. Бодянского 1839 V-VI/27-8 Вена». Inv 1926/B-4526.**
26. *Strada, F.* Romani e Societate Jesu De bello Belgico decas prima: ab excessu Caroli V imp. usque ad initia praefecturae Alexandri Farnesii Parmae ac Placentiae Ducis III... Romae, 1653. [6], [1 card sheet], 520, [124] p. **На форзаце три надписи: «О. Бодянского 11/ VI 1844 Москва» “Th. Carelsky Decemb. d. 22 An. 1823” «бельгиский цари и губернаторы». Inv 1926/B 4550.**
27. *Struve, B.G.* Corpus historiae Germanicae: A prima gentis origine ad annum usque 1730. Ex genuinis historiarum documentis coaevorum scriptorum monumentis diplomatibus et actis publicis. Illustratum cum variis observationibus et figuris aeneis. Adiecto indice locupletissimo et opusculis ad historiam Germanicam facientibus / Gotthelf Burkhard Struve. 1730. [16], 154, [12], 1621(?), [97], 20, 110 p., 4 tab. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 31/ XII 1844 Москва». Inv 1926/B-4552.**
28. Über die Malerei der Alten: Ein Beitrag zur Geschichte der Kunst / veranlasst von B. Rode. Verfasst von A. Riem. Berlin, 1787. [6], IV, [2], 163 S. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 26/XII 1843 Москва». Inv 1926/B-4528.**
29. *[Valerius Maximus]* Valerii Maximi dictorum factorumque memorabilium libri IX. Lugduni, 1671. 464, [6] p. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 2/VI 63 Москва». Inv 1926/B 4557.**
30. Via sancta Praga Vetero-Boleslaviam ad dei genitricem omni honore dignissimam virginem Mariam deducens, per quadraginta quatuor stationes secundum numerum titulorum litanij Lauretanicis comprehensum. Gloriosioribus ejusdem in Bohemia iconibus exornata. Praga, 1690. [4], 47, [45] p. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 1843 Москва». Inv 1926/B 4561.**

31. **Wirth, L.P., Wiclefii, I.D.** Berühmt gewesenen Lehrers auf der Universität Oxford in Engelland, Wahrhafte und gegründete Nachrichten Von seinem Leben, Lehrsätzen und Schriften. Aus denen bewährtesten Urkunden und Schriftstellern gezogen und entworfen von Ludwig Philipp Wirth ... Bayreuth und Hof: J.G. Vierling, 1754. [6], 68 S.; **Wycliffe, J.** Ioannis Wiclefi viri vndiquaque piissimi Dialogorum libri quatuor : quorum primus diuinitatem et ideas tractat, secundus vniuersarum rerum creationem complectitur, tertius de virtutibus vitiisque ipsis contrariis copiosissime loquitur, quartus Romanae Ecclesiae sacramenta, eius pestiferam dotationem ... graphice perstringit, quae ut essent inuentu facilia, singulorum librorum, tum caput, tum capituli summam indice praenotauius : auctus est denique liberr, catalogo pracipuorum de Wiclefo nostro scroptorum, quem vita ex optimis fontibus, Germanico idiomate depicta, sequitur. Francofurti et Lipsiae: Impensis Io. Gottl. Vierlingii, 1753. [8], 318 p. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 9/VI 1844 Москва».** Inv 1926/B 4569.
32. **Wolf, J.C.** *Historia Bogomilorum : qua potissimum ex Panoplia dogmatica Euthymii Zigabeni ejusque codice graeco non edito eorum fata, doctrinae et mores ita exponuntur ut simul consensus cum veteribus ac recentioribus fanaticis strictim indicetur* / Jo. Christophori Wolfii. Witembergae: Ludovicus, 1712., 1712. [8], 136 p. **На форзаце надпись: «О. Бодянского 1843 Москва».** Inv 1926/B-4570.

Литература

1. **Аристова Л.Ю.** Осип Максимович Бодянский как источниковед и исследователь славянских языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. М., 2007.
2. **Аристова Л.Ю.** Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского: каталог / под ред. В.П. Гудкова. М.: Издательство Московского университета, 2000. 336 с.
3. **Горфункель А.Х., Николаев Н.И.** Список важнейших книжных коллекций, хранящихся в Научной библиотеке Ленинградского университета // Неотчуждаемая ценность. Рассказы о книжных редкостях университетской библиотеки. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 161–175.
4. **Ковригина С.И.** О.М. Бодянский (книги из его библиотеки в Отделе хранения основных фондов РГБ) // Румянцевские чтения: материалы международной научной конференции (11–13 апр. 2006) / сост. Л.Н. Тихонова. М.: Пашков дом, 2006. С. 133–137.
5. **Колмакова М.В., Чернышенко Д.Ю.** Бодянский Осип Максимович: 210 лет со дня рождения // XXIII Державинские чтения: современные и исторические проблемы болгаристики и славистики: сборник статей по материалам XLVII Международной филологической конференции / отв. ред. О.В. Васильева, З.К. Шанова. СПб.: Издательство «ВВМ», 2018. С. 28–32.
6. **Колмакова М.В., Чернышенко Д.Ю.** Книги из личной библиотеки О.М. Бодянского в Славянском фонде БАН // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской пись-

менности и культуры. 22–23 мая 2018 г. / отв. ред.: Е.С. Узенёва, О.В. Хава-
нова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 15–17. DOI 10.31168/2619-
0869.2018.1.1.4.

7. Летопись Библиотеки Российской академии наук (по протоколам РАН: 1900–1928). Т. 2 / науч. рук. В.П. Леонов, отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб.: БАН; Альфарет, 2014.
8. Мельниченко М.О. Первые шаги О.М. Бодянского по созданию Славянской библиотеки // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). Сборник статей / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 107–119.
9. Пашаева Н.М. Библиотека О.М. Бодянского // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета / под. ред. С.О. Шмидта. М.: Издательство МГУ, 1993. С. 38–49.
10. Плюц М.А. Информация о частных библиотеках, вошедших в фонд библиотеки Государственного исторического музея до 1917 г. (обзор) // Научно-техническая информация: ежемесячный научно-технический сборник. Серия 1: Организация и методика информационной работы. М., 2009. № 10. С. 23–32.
11. Сапожникова О.С. Экземпляры из личной библиотеки О.М. Бодянского в Библиотеке Бестужевских курсов // Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2. М.: Индрик, 2017. С. 247–258.
12. Шибанов П.П. Антикварная книжная торговля в России // Книжная торговля: пособие для работников книжного дела / под ред. М.В. Муратова и Н.Н. Накоряка. М.; Л., 1925. С. 200–265.

References

1. Aristova, L.Iu., 2000. *Slavianskaia uchebnaia biblioteka O.M. Bodianskogo: katalog* [O.M. Bodyansky's Slavic Educational Library: catalog]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
2. Aristova, L.Iu., 2007. *Osip Maksimovich Bodianskii kak istochnikoved i issledovatel' slavianskikh iazykov: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01*. [Osip Maksimovich Bodyansky as a source and Slavic languages researcher]. Moscow.
3. Gorfunkel', A.Kh., Nikolaev, N.I., 1984. Spisok vazhneishikh knizhnykh kollektzii, khраниashchikhsia v Nauchnoi biblioteke Leningradskogo universiteta. In: Gorfunkel', A.Kh., Nikolaev, N.I., 1984. *Neotchuzhdaemaia tsennost' . Rasskazy o knizhnykh redkostiakh universitetskoj biblioteki* [Inalienable value. Stories about the book rarities of the University library]. Leningrad.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 161–175.
4. Kolmakova, M.V., Chernyshenko, D.Iu., 2018. Bodianskii Osip Maksimovich: 210 let so dnia rozhdeniia. In: Vasil'eva, O.V., Shanova, Z.K., eds, 2018. *XXIII Derzhavinskie chteniia: sovremennye i istoricheskie problemy bolgaristiki i slavis-tiki: sbornik statei po materialam XLVII Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii* [XXIII Derzhavin reading: modern and historical problems of Bulgarian and Slavic studies: a collection of articles on the XLVII International Philological Conference]. Saint Petersburg: BBM, pp. 28–32.

5. Kolmakova, M.V., Chernyshenko, D.Iu., 2018. Knigi iz lichnoi biblioteki O.M. Bodianskogo v Slavianskom fonde BAN. In: Uzeneva, E.S., Khavanova, O.V., eds, 2018. *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy molodezhnoi nauchnoi konferentsii v ramkakh Dnei slavianskoi pis'mennosti i kul'tury. 22–23 maia 2018 g.* [Slavic world: community and diversity. Abstracts of the youth scientific conference in the framework of the Days of Slavic Literature and Culture]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 15–17. DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.1.4.
6. Kolpakova, N.V., Leonov, V.P., eds, 2014. *Letopis' Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk (po protokolam RAN: 1900–1928). T. 2* [Chronicle of the Russian Academy of Sciences Library (according to the protocols of the Russian Academy of Sciences: 1900–1928). T. 2]. Saint Petersburg: BAN; Al'faret, 2014.
7. Kovrigina, S.I., 2006. O.M. Bodianskii (knigi iz ego biblioteki v Otdel' khraneniia osnovnykh fondov RGB). In: Tikhonova, L.N., ed., 2006. *Rumiantsevskie chteniia: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (11–13 apr. 2006)* [Rumyantsev's Readings: Materials of the International Scientific Conference (April 11–13, 2006)]. Moscow: Pashkov dom, pp. 133–137.
8. Mel'nichenko, M.O., 2009. Pervye shagi O.M. Bodianskogo po sozdaniiu Slavianskoi biblioteki. In: Nikiforov, K.V., ed., 2009. *O.M. Bodianskii i problemy istorii slavianovedeniia (K 200-letiiu so dnia rozhdeniia uchenogo)*. Sbornik statei [O.M. Bodiansky and the problems of the history of Slavic studies (to the 200th anniversary of the birth of the scientist)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 107–119.
9. Pashaeva, N.M., 1993. Biblioteka O.M. Bodianskogo. In.: Shmidt, S.O, ed., 1993. *Iz fonda redkikh knig i rukopisei Nauchnoi biblioteki Moskovskogo universiteta* [From the collection of rare books and manuscripts of the Moscow University Scientific Library]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, pp. 38–49.
10. Pliushch, M.A., 2009. Informatsiia o chastnykh bibliotekakh, voshedshikh v fond biblioteki Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia do 1917 g. (obzor). *Nauchno-tekhnicheskaiia informatsiia: ezhemesiachnyi nauchno-tekhnicheskii sbornik. Seriia 1: Organizatsiia i metodika informatsionnoi raboty*, N 10, pp. 23–32.
11. Sapozhnikova, O.S., 2017. Ekzempliary iz lichnoi biblioteki O.M. Bodianskogo v Biblioteke Bestuzhevskikh kursov. *Slavianskii al'manakh. 2017*, Vyp. 1–2, pp. 247–258.
12. Shibanov, P.P., 1925. Antikvarnaia knizhnaia torgovlia v Rossii. In: Muratov, M.V., Nakoriak, N.N., eds, 1925. *Knizhnaia torgovlia: posobie dlia rabotnikov knizhnogo dela* [Book Trade: A Handbook for Book Workers]. Moscow; Leningrad, pp. 200–265.

**«У НАС В СУЩНОСТИ ЕЩЕ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ НЕТ...»
ПИСЬМО КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
КИЕВСКОЙ ОБЛАСТИ ГЕНЕРАЛА А.М. ДРАГОМИРОВА
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ
НА ЮГЕ РОССИИ ГЕНЕРАЛУ А.И. ДЕНИКИНУ
ОТ 12 (25) ДЕКАБРЯ 1919 Г.**

Андрей Владиславович Ганин —

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: andrey_ganin@mail.ru

Аннотация

Публикуемый документ — письмо командующего войсками Киевской области генерала А.М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А.И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г. — представляет собой ценный исторический источник о событиях Гражданской войны на Украине и о взглядах руководства Белого движения на Юге России на целый ряд вопросов политики и стратегии на Украине. Письмо обнаружено в Гуверовском архиве Стенфордского университета в США в коллекции генерал-лейтенанта П.А. Кусонского. Документ относится к тому периоду, когда белые армии Юга России после ярких успехов летне-осеннего «похода на Москву» 1919 г. оказались остановлены частями Красной армии и были вынуждены отступать под ударами противника. На страницах письма Драгомиров подробно описывает удручающие картины развала белого лагеря на Юге России, рассуждает о том, как исправить ситуацию. Среди причин неудачи белых Драгомиров видел прежде всего отсутствие регулярных войск, слабость офицерского состава, недисциплинированность и, как следствие, грабежи и погромы. В этой связи Драгомирова особенно волновал вопрос нравственного оздоровления армии. Часть письма посвящена вопросам гражданского управления на занятых белыми территориях. Драгомиров предлагает меры как рациональные, так и откровенно утопические. Однако мысли одного из ближайших сотрудников Деникина о происходящем интересны для понимания сути Гражданской войны и мировоззрения руководства антибольшевистского лагеря.

Ключевые слова

А.М. Драгомиров, А.И. Деникин, Украина, Гражданская война, Белое движение.

Статья поступила в редакцию 9 февраля 2019 г.

**“IN FACT, WE DO NOT HAVE A REGULAR ARMY YET...”
A LETTER OF THE COMMANDER
OF KIEV REGION ARMED FORCES GENERAL A.M. DRAGOMIROV
TO THE COMMANDER-IN-CHIEF OF THE ARMED FORCES
OF SOUTH RUSSIA GENERAL A.I. DENIKIN.
12 (25) DECEMBER 1919**

Andrey V. Ganin

Doctor of Sciences,
Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Abstract

The document published is a letter from the commander of the Kiev Region General Abram M. Dragomirov to the Commander-in-Chief of the Armed Forces in the South of Russia General Anton I. Denikin of December, 1919. The source covers the events of the Civil War in Ukraine and the views of the leadership of the White Movement in the South of Russia on a number of issues of policy and strategy in Ukraine. The letter was found in the Hoover Archives of Stanford University in the USA in the collection of Lieutenant General Pavel A. Kusonsky. The document refers to the period when the white armies of the South of Russia after the bright success of the summer-autumn “March on Moscow” in 1919 were stopped by the Red Army and were forced to retreat. On the pages of the letter, Dragomirov describes in detail the depressing picture of the collapse of the white camp in the South of Russia and talks about how to improve the situation. Dragomirov saw the reasons for the failure of the White Movement such as, first of all, the lack of regular troops, the weakness of the officers, the lack of discipline and, as a consequence, the looting and pogroms. In this regard, Dragomirov was particularly concerned about the issue of moral improvement of the army. Part of the letter is devoted to the issues of the civil administration in the territories occupied by the White Army. Dragomirov offers both rational and frankly utopian measures. However, the thoughts of one of the closest Denikin’s companions about the reasons what had happened are interesting for understanding the essence of the Civil War and the world-view of the leadership of the anti-Bolshevik Camp.

Keywords

Abram M. Dragomirov, Ukraine, Anton I. Denikin, Civil war, White Movement.

Received 9 February 2019.

Трудно переоценить значимость переписки видных деятелей противоборствующих лагерей Гражданской войны. Вниманию читателей предлагается письмо командующего войсками Киевской области генерала от кавалерии Абрама Михайловича Драгомирова (1868–1955) главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) генерал-лейтенанту Антону Ивановичу Деникину (1872–1947) от 12 (25) декабря 1919 г. о действиях подчиненных ему войск. Вскоре после написания письма Драгомиров оставил свой пост и перешел в распоряжение Деникина.

Письмо обнаружено нами в Гуверовском архиве Стенфордского университета в США в коллекции генерал-лейтенанта П.А. Кусонского, где отложились разнообразные материалы переписки штаба главнокомандующего ВСЮР и Русской армии. Оно написано на бланке Драгомирова, но содержит многочисленные исправления. Окончание документа с подписью отсутствует, но наличие на письме резолюций, как и нахождение письма в архиве Кусонского (в эмиграции генерал занимал пост помощника начальника штаба Русской армии), дают основания предполагать, что это не черновик, а отправленное Деникину письмо. Как бы то ни было, документ представляет значительный интерес, поскольку в нем один из видных деятелей Белого движения на Юге России размышляет о причинах неудач белых.

Письмо относится к тому периоду, когда белые армии Юга России после ярких успехов летне-осеннего «похода на Москву» 1919 г. оказались остановлены частями Красной армии и были вынуждены отступить под ударами противника. 11 декабря красные взяли Полтаву, на следующий день — Харьков, 16 декабря — Киев.

На страницах письма Драгомиров подробно описывает удручающие картины развала белого лагеря на Юге России, рассуждает о том, как исправить ситуацию. Драгомиров начинает письмо с заверения в сохранении своей веры в конечную победу белых, но сразу переходит к анализу неудач. Он пишет о неподготовленности войск, отсутствии у них отдыха, паникерстве (в том числе офицеров), оправдывается за неудачи перед Деникиным, объясняя свою непопулярность в войсках суровыми наказаниями за грабежи и погромы. Затем долго и витиевато объясняет мотивы написания письма, подчеркивая отсутствие стремления найти виноватого.

Среди причин неудачи белых Драгомиров видел прежде всего отсутствие регулярных войск, слабость офицерского состава, недисциплинированность и, как следствие, грабежи и погромы. По свидетельству Драгомирова, мародерством отличались не только терские казаки и горцы, имевшие соответствующую репутацию, но и регулярные войска. Драгомиров даже предлагал расформировать наиболее разложившиеся части. Прежде всего он обратил внимание на возрожденные в рядах ВСЮР гвардейские формирования, которые Драгомиров предлагал свести в полк, а затем расформировать и его.

Другим предложением Драгомирова стала идея создания офицерских школ при каждой из армий для повышения квалификации младшего офицерства. Школы в тылу одновременно являлись бы и гарнизонами для защиты от восстаний и бандитизма.

Остро стоял вопрос с резервами. Автор письма предлагал на каждые две-три дивизии фронта формировать еще одну в тылу. Драгомиров обратил внимание на необходимость конных частей для борьбы с бандами в тылу. Однако идеи массивирования конницы в целях достижения стратеги-

ческих изменений на фронте, к чему пришли в Советской России, генерал не высказал.

Писал Драгомиров и о жесточайшем кризисе железнодорожного транспорта, в результате чего даже он сам, несмотря на все усилия железнодорожной администрации, едва перемещался на поезде, а нижестоящие командиры передвигались еще медленнее, причем на железной дороге постоянно происходили диверсии. Особое внимание Драгомиров придавал вопросу снабжения пополнений.

На проведение изложенного в жизнь генерал отводил три-четыре месяца, рассчитывая к весне 1920 г. существенно укрепить ряды ВСЮР. Однако эти предложения оказались запоздалыми. В последовавшие месяцы белые потеряли практически все подконтрольные им территории и были загнаны в Крым.

Особенно волновал Драгомирова вопрос нравственного оздоровления армии. По словам генерала, грабежи со стороны войск носили повальный характер, что дискредитировало белых. Драгомиров приводил в пример вопиющий случай, когда командир одного из бронепоездов даже отцепил бронеплощадку с орудием, чтобы вывезти больше награбленного сахара. Население, встречавшее белых как освободителей, отворачивалось от них и теперь уже ожидало возвращения красных. Попытки активного сопротивления грабегам со стороны населения способствовали активизации повстанческого движения в белом тылу. Драгомиров надеялся лишь на то, что красные установят еще худшие порядки, а их войска выйдут из подчинения.

Схожие желания в конце 1919 г. высказывал и полковник А.А. фон Лампе в своем дневнике: «Грабег идет открытый и не дай Бог, если большевики не будут грабить, — тогда наше дело будет дискредитировано раз и навсегда — это несомненно»¹.

На Востоке России в период неудач белое командование занялось формированием воинских частей по религиозному признаку². На Юге Драгомиров также не придумал ничего лучше, чем обратиться к религиозным чувствам населения с целью создания особого религиозного братства для укрепления армии и искоренения беспорядков. Разумеется, такая идея на фоне общего упадка религиозности в русском обществе являлась утопией и реализована не была. Показательно, что одного из высокопоставленных деятелей разваливающейся деникинской армии в переломный для судьбы фронта период живо волновал вопрос будущей символики предложенного им утопического церковного братства. Увы, таким был уровень мышления не одного Драгомирова, но и других белых руководителей³.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 165.

² Подробнее см.: *Карлов Н.Д.* Крестоносцы — последний резерв Колчака. М.: Русская панорама, 2014.

³ См., напр., об уровне мышления генерала Н.Н. Стогова: *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013. С. 675–677.

Белое командование было вынуждено заниматься и вопросами гражданского управления. Часть письма Драгомирова посвящена этой проблематике. Особенно волновал генерала вопрос о завоевании доверия населения, для чего требовалось щедрое финансирование занимаемых регионов. Однако и здесь утопическая стратегия — предложение не занимать те территории, которые белые не в состоянии прокормить. Этот взгляд Драгомиров развивает в разделе о стратегии белых. По мнению генерала, в настроенных анархически малороссийских губерниях белые в дальнейшем не встретят поддержки, поэтому необходимо активизировать наступательные действия в великорусских поволжских губерниях. Описание обстановки на Украине, содержащееся в письме, достаточно интересно, в том числе в отношении восприятия этой действительности белым генералом.

Несмотря на катастрофу ВСЮР, письмо Драгомирова проникнуто оптимизмом и верой в конечную победу белых. Письмо, по сути, является приговором белым в изложении одного из их руководителей. Это, в том числе, приговор самому Драгомирову. Многословие, неспособность отделить главное от второстепенного, склонность к оторванному от реальности бессмысленному прожектерству демонстрируют низкий уровень мышления одного из видных представителей белого командования. В целом, такого рода документы типичны для русского генералитета эпохи Первой мировой войны. Едва ли в тяжелой боевой обстановке у Деникина было время вникать в пространные 40-страничные рассуждения своего соратника.

Предложения автора документа вряд ли могли привести к успеху. Тем более что и сам генерал продемонстрировал недооценку противника и непонимание обстановки. Драгомиров предлагает меры как рациональные, так и откровенно утопические. Однако мысли одного из ближайших сотрудников Деникина о происходящем интересны для понимания сути Гражданской войны и мировоззрения руководства антибольшевистского лагеря.

Документ публикуется по современным правилам правописания при сохранении стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

*Вступительная статья,
публикация и комментарии
А.В. Ганина*

Генерал от кавалерии
А.М. Драгомиров

Декабря месяца 12 дня 1919 г.
Ст. Голта Херс[онской] губ.⁴

Глубокоуважаемый Антон Иванович!

Пользуясь поездкой к Вам ген. Флуга⁵, пишу Вам опять бесконечное письмо о последних событиях. Вполне сознаю, что самые серьезные события происходят не у нас, а на Харьковско-Ростовском направлении и, если бы, не мой никогда не сдающий оптимизм и глубокая вера, что наше святое и правое дело не может быть задушено анархо-разбойничьим режимом большевиков и им присных, — то в сердце могло бы закрасться опасение за конечные результаты нашего общего дела. Но я ныне, как и прежде, твердо убежден, что посланное нам испытание принесет нам только оздоровление от наших недугов, а с ним вместе и новые успехи на пути к нашей заветной цели.

Мне только крайне тяжело сознание, что я со своими войсками не оказываю Вам той помощи, на которую Вы вправе были рассчитывать.

Вместо активных ударов всюду, не считаясь с силами красных, вместо самых дерзких маневров по тылам, мои войска оказались способными только на затыкание дыр и на позорное временами «непротivление злу» и оставление своих позиций даже без сопротивления от одного вида большевиков, идущих в атаку. Наиболее удручающим было то, что сами начальники сознавали, что красных не так уж много, что настроение у них неважное, что они босы, легко одеты, голодны, злы на своих комиссаров, что это, в сущности, «рвань», против которой достаточно одного-двух хороших полков. И тем не менее мы все уходили от этой «рвани» и никакими силами нельзя было вызвать войска не только на смелые, активные решения, но и на самое элементарное упорство.

Те приемы, которыми мне когда-то удавалось обращать панические толпы в героев, бравших мне неприступные, казалось, позиции, теперь оказались неприменимыми. Частей войск никогда не видишь, а если видишь, то крошечную группу 100–150 человек, затерянных на необъятном пространстве позиции.

Поездки на позиции связаны с такою потерей времени, что мне удалось за время моего пребывания в Киеве съездить на позиции, и то лишь на Ирпене, всего два раза. В резерве войск никогда не было. Обучения никакого. Отдыха не было со дня моего приезда, т.е. с 17 сентября⁶.

⁴ Резолюция простым карандашом: Опер. 21/1. Резолюция синим карандашом: Хранить всё письмо.

⁵ Флуг Василий Егорович (1860–1955) — генерал от инфантерии.

⁶ 30 сентября 1919 г. по новому стилю.

Мои самые твердые начальники, вроде Непенина⁷, перестали верить своим войскам и считали их готовыми на всякие неприятные сюрпризы. События 1го октября⁸, когда войска в несколько часов отскочили на 15 верст и бросили Киев, совершенно не пытаясь сопротивляться, показали, что они не совсем были неправы.

После 1го октября нервничество и паничность настроений дошли до степени прямо гнусной. Никакие слова и призывы к благоразумию ни на кого не производили больше впечатления. Малейшая неустойка на фронте — и весь город хватается за чемоданы и узлы и несется к вокзалам или мостам и впереди всех — офицеры со своими семьями. Последнее было самым позорным явлением, против которого были бессильны заставы на вокзалах, полевые суды и проч[ее]. Опасение за жизнь семей доминировало над всеми иными соображениями. Этой болезнью были заражены все полки моей армии, укомплектованные киевскими офицерами.

Несмотря на такую больную и невоинственную атмосферу, я, тем не менее, настойчиво требовал наступления и маневра. Однако, несмотря на настойчивые приказы, ругательные и поощрительные телеграммы и разговоры с начальниками, я так этого и не добился, в чем сознаюсь вполне откровенно. То, что в былые времена приводило к победам, — ныне оставалось в лучшем случае безрезультатным, а в худшем, как было, напр[имер], в последние дни перед падением Киева, приводило к полной неудаче задуманного маневра. Словом, связь нравственная между мною и войсками отсутствовала⁹.

Это вовсе не было ложной скромностью, как мне говорят здесь, когда я в своей телеграмме после эвакуации Киева писал Вам, что я, по-видимому, утратил способность вызывать войска на высокое напряжение, и нужна более молодая энергия, легче приспосабливающаяся к своеобразным условиям Гражданской войны, чем моя.

Эти все события, которые заставили нас потерять плоды наших успехов и трудов за последние 6 месяцев, заставили меня много и болезненно передумать о причинах произошедшей неудачи и о мерах для скорейшего нашего излечения от всех недугов, губящих наше дело. С результатами моих мыслей позвольте Вас познакомить с принесением извинений за многоречивость, может быть, временами за тяжелую для Вас оценку нашего

⁷ Непенин Петр Павлович (1872–1932) — полковник (позднее — генерал-майор), командир бригады 7-й пехотной дивизии.

⁸ 14 октября 1919 г. по новому стилю.

⁹ В числе многих причин к такому расхождению между мною и войсками самую главную роль сыграла моя непримиримость в отношении к грабегам и погромам и беспощадные кары, которые накладывались на виновных. Эти меры вызывали большое раздражение среди офицеров, в особенности когда имели место еврейские погромы: «Из-за каких-то пархатых жидов нас, добровольцев, спасителей России, расстреливают». Вот был ясный [? слово неразборчиво] мотив войсковых настроений (*примеч. А.М. Драгомирова на полях документа*).

состояния; но перед последним я не останавливаюсь, ибо я все время был Вашим непосредственным сотрудником и потому все прегрешения, которые Вы могли бы принять на свой счет, относятся в равной степени и ко мне самому. К тому же мною руководит, как Вы, конечно, не сомневаетесь, не желание найти виновного, что совершенно лишне, ибо в том трудном и сложном деле, которое выпало на нашу долю, невиновен только тот, кто ничего не делает, а кто трудился изо всех сил, уже за это одно достоин и снисхождения и уважения от его работ. С этим предисловием позвольте приступить к изложению моего диагноза болезни и мер врачевания.

I. У нас в сущности еще регулярной армии нет. Мы располагаем толпами совершенно не обученными, плохо одетыми, скупо вооруженными, живущими на средства населения, а иногда и просто как птицы небесные.

Офицерского корпуса, как корпорации, объединенной единством понятия о чести, авторитете перед подчиненными и проч[им], нет; есть только группа случайно собравшихся офицеров, плохо спаянная, постоянно смотрящая по сторонам в поисках, где лучше... и безопаснее (я говорю про значительное большинство шкурников). Невыплата им жалованья по 2–3 месяца окончательно деморализовывает эту группу, заставляет забывать интересы службы и искать заработка на стороне, не гнушаясь в средствах. Во всех, без исключения, грабежах и вымогательствах денег, в Киеве и окрестностях, участвовали офицеры, и я уже потерял счет, сколько из них было по суду расстреляно и сослано в каторжные работы.

Кроме низкого морального уровня эта группа еще вредна полным отсутствием знания своего ремесла — ни теоретически, ни практически. В боях они не способны быть начальниками даже отделений и взводов. Их нужно проводить еще через очень суровую школу, чтобы дать им право занимать офицерские должности.

Самое же тяжелое обстоятельство в нашей армии, которое губит нам в тылу всё то, что достигается доблестью на фронте — это сплошное грабительское настроение. Я уже не говорю разных партизан типа Волчанского отряда, про осетин, терцев, которые войны без грабежа не понимают и как только встречают препятствия к своим воровским похождениям, то совершенно определенно охлаждаются к борьбе и оказываются «небоеспособными». Но многие регулярные части заражены мародерством до такой степени, что я начинаю серьезно подумывать о полном их раскассировании. Считаю, что кадры у них настолько гнилы, недисциплинированы, заражены грабительскими наклонностями, что создать здоровые, дисциплинированные и боеспособные части они не могут. Лучше это признать теперь же и положить предел жизни этой заразе. Первым кандидатом на такое суровое решение вопроса у меня стоит гвардия, о чем я уже предупредил ген[ерала] Штакельберга¹⁰. Поэтому не удивляйтесь, если получи-

¹⁰ Штакельберг Николай Иванович (1870–1956) — генерал-майор, командир Сводно-гвардейской дивизии.

те от меня представление свести их сначала в один полк, без каких-либо намеков на ячейки 16^{ти} будущих гвард[ейских] полков, а затем и этот полк раскассировать. Криминального материала у меня для сего достаточно, и я только ожидаю конца операции, который даст возможность произвести такое раскассирование без угрозы для положения на фронте.

Лечение указанного в пункте I.

а) Спешно создать всюду, в глубоком тылу, офицерские школы всех родов оружия, для ротных, эскадронных и батарейных командиров, пулеметные, по службе связи, по разведке, авиационные, танковые, подрывные. Курс 2^х месячный — для главной школы и 4^х недельный для остальных.

Школы — по армиям. У нас — в Одессе, Николаеве, Херсоне, Симферополе, Севастополе и т.д. На случаи восстаний, прихода банд и т.д. эти школы будут служить и гарнизонами и получают и боевой опыт. Жизнь в школе — как на войне.

б) Немедленный приступ к формированию в глубоком тылу новых войсковых частей, примерно по расчету одной дивизии на каждые две-три дивизии, находящиеся на фронте. Сначала хотя бы на ½ штатного состава. Самое серьезное обучение в течение 3^х месяцев (январь, февраль и март), дабы к апрелю были готовы для операций. Обязательно дать им обоз по штату, ибо с каждым днем наш железнодорожный транспорт замирает, и я предвижу то время, когда придется все операции вести совершенно без жел[езных] дорог, как ходили наши предки в эпоху Отечественной и Крымской войн (для иллюстрации сообщу Вам, что меня — ком[андующего] войсками — с громадными трудностями и усердием всех жел[езно]дор[ожных] агентов везли из Б[елой] Церкви в Голту (около 400 вер[ст]) пять суток, причем по счастью заметили вовремя мост, взорванный впереди, и только потеряли 4 часа на его исправление; Бредова¹¹, Промтова¹² и Штакельберга везут со скоростью 30–40 вер[ст] в сутки и все их эшелоны прошли через крушения, причем поезд Штакельберга был подорван на мосту в то время, когда через него проходила середина поезда).

Формирование обозов всех наименований — это настоятельная необходимость минуты. Ничто так не раздражает население, как бесцеремонные злоупотребления обывательскими перевозочными средствами, что неизбежно, пока не получим своих обозов.

При решении вопроса о новых формированиях необходимо на серьезных основаниях формирование новых конных частей. Без них борьба с бандами невозможна. Рассеянные в одном месте, они собираются в другом. Главарей и основные ядра захватывают редко, ибо некем их преследовать.

¹¹ Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич (1873–после 1944) — генерал-лейтенант, начальник 7-й пехотной дивизии.

¹² Промтов Михаил Николаевич (1857–1950) — генерал-лейтенант, командир II армейского корпуса.

Эту задачу может выполнять только конница, и как бы ни трудно было ее формирование, как бы дорого оно ни стоило — оно необходимо и без него обойтись будет невозможно. Начинать нужно немедленно, и мой нынешний район для этого достаточно благоприятен.

Сформированные таким образом вдали от фронта новые части, если будут хорошо снабжены и получают правильное довольствие от интендантства, а отнюдь не «собственным попечением», — через 3–4 месяца могут дать порядочную боевую силу, сносно обученную, и с офицерами, прошедшими через школы, о которых я уже говорил выше. Остается один весьма серьезный вопрос, который, по-моему, пора выдвигать на первый план. Это вопрос нравственного оздоровления армии.

Первое время существования армии она неизбежно должна была жить на местные средства, без возмещения стоимости взятого у населения. К этому, совершенно естественному при тогдашних условиях явлению, примешалось грабительство уже в чистом виде, т.е. не столько для удовлетворения насущных нужд армии, без коих она не может существовать, сколько для самого бесцеремонного обогащения. Шкуро¹³, Покровский¹⁴, Мамонтов¹⁵ и многие другие на этом, главным образом, и играли. Весь боевой порыв частей, которыми они командовали, всегда был построен только на поощрении наживы.

До поры, до времени этот импульс давал им заслуженные лавры и вносил пользу и в общий ход военных операций. Но теперь наступил такой период нашей борьбы с большевиками, когда та страсть к наживе, которую разнуздали в войсках командиры, поощрявшие грабежи и насилия, обратилась против нас же самих. Грабежи приобрели повальный характер. Заразили собою даже лучших офицеров и солдат. Грань между дозволенным и недозволенным стерлась окончательно. Начальники, разнуздав эту стихию, сами оказались не в состоянии с нею справиться. Офицеры стали бояться своих солдат, а последние с каждым днем нагнетают всё больше и больше. Части, вроде Терской пластунской бригады и Гвардейской дивизии, находятся совершенно в руках своих солдат и [командиры] не в состоянии им что-либо запретить. Такое положение привело к ужасному результату: население, встретив Добр[овольческую] армию как избавительницу от большевиков, через самое короткое время начинало ненавидеть своих избавителей и жаждать вторичного прихода большевиков. Тот бандитизм, который развился у нас, в нашем ближайшем тылу, в районе расположения наших резервов и обозов, был исключительно вызван бесчинствами и грабежами

¹³ Шкуро Андрей Григорьевич (1886–1947) — генерал-лейтенант, командир III Кубанского конного корпуса.

¹⁴ Покровский Виктор Леонидович (1889–1922) — генерал-лейтенант, командир I Кубанского корпуса.

¹⁵ Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович (1869–1920) — генерал-лейтенант, командир IV конного корпуса.

войск. Деревни выделяли повстанцев для защиты себя от «реквизиции» и «дани», которую отбирали самовольно войска. Никакая власть не могла скоро справиться с этим злом и ничто так не дискредитировало авторитет власти, как сознание, что мы ничем помочь не можем и лишь «в будущем» можем обещать населению прекращение этого зла. Хотя и «будущее» это еще довольно проблематично, ибо пока это зло не только не убывает, несмотря на ежедневные казни, отрешения от должностей и проч[ее], но продолжает усиливаться. Наш теперешний отход от Киева и постепенное очищение Киевской губернии при почти полном отсутствии денег невольно обращаются в сплошной грабеж и насилия. Население этого района надолго сохранит в памяти наше пребывание, и я не знаю, что нам придется им говорить и обещать, если скоро будем вновь освобождать их от большевиков. Единственная надежда еще на то, что последние будут во много раз хуже нас. Это единственное наше спасение, если у них войска вырвутся из их рук так же, как вырываются наши.

Одними мерами репрессий, даже самых суровых, скоро помочь делу нельзя. Могут пройти года, пока удастся водворить настоящую дисциплину и порядок. Нужны какие-то меры чисто нравственного порядка, которые повели бы борьбу с этим злом внутри самих частей, в то время пока начальство разных рангов будет вести борьбу внешними средствами при помощи полевых судов, раскассирований частей и т[ому] п[одобных] мер.

Мне представляется, что назрела минута применить религиозные приемы оздоровления путем учреждения особого братства, члены которого давали бы обет полного воздержания от всего, что порочит воинское звание и святое дело Доб[ровольческой] армии, а с другой стороны вели бы беспощадную борьбу против своих сослуживцев, не желающих сознать всю преступность их поведения, подрывающего дисциплину в армии и ее репутацию.

Эта мысль не новая. Высказывалась много раз. Я лично всегда считал, что без сильного религиозного подъема и подвига нравств[енного] очищения наша революция еще долго будет тлеть без возможности найти выход из создавшегося тупика.

Считаю, что теперь наступило время приступить к осуществлению этой идеи на практике. У Вас сидят теперь два митрополита — Платон¹⁶ и Антоний¹⁷, есть церковный совет¹⁸. Не предложите ли Вы им заняться этим делом и выпустить соотв[етствующее] воззвание о записи в число членов «братства воинства Христова», или под другим названием с приложением

¹⁶ Платон (Порфирий Федорович Рождественский) (1866-1934) — митрополит Херсонский и Одесский.

¹⁷ Антоний (Алексей Павлович Храповицкий) (1863-1936) — митрополит Киевский и Галицкий.

¹⁸ Видимо, речь о Временном высшем церковном управлении, созданном на Юге России в 1919 г.

устава братства с его правами и обязанностями, внешними отличиями (напр[имер], восьмиконечный крест на груди или на рукаве) и т.д. Затем тем же лицам надо предложить обставить части войск, пожелавшие войти в состав братства, надлежащим числом духовных лиц (не менее одного священника на баталион), соотв[етствующей] церковной утварью, духовными книгами и т.п. Особое внимание обратить на проповедь идей этого братства в тылу, в запасных баталионах, среди тыловых частей и учреждений, в особенности среди тех новых частей, которые я считаю необходимым формировать в глубоком тылу для создания резервов для весенней кампании.

Одновременно должна вестись и беспощадная борьба внешними мерами воздействия, которые принимаются и ныне, но в будущем должны быть усилены созданием при всех дивизиях и отдельных отрядах особых органов, которые я назвал бы «представитель ком[андующего] армией (или еще лучше главнокомандующего) при № части» с громадными правами творить на месте суд и расправу именем ком[андующего] ар[мией] с постоянным при нем полевым судом и проч[им].

Только энергичной работой в обоих этих направлениях можно рассчитывать освободить нашу армию от разъедающей ее язвы грабительства.

Чтобы закончить с этим злом, укажу лишь на общее мнение, что чем больше часть имеет награбленного имущества, тем менее она стойка в оборонительных боях. Все интересы ее направлены на сохранение награбленного и на своевременную отсылку его в тыл для сбережения про черный день. Это была главная причина абсолютного нежелания терцев драться и рисковать своей шкурой.

Та же причина делала совершенно небоеспособными некоторые бронепоезда: был случай, когда один из них предпочел отцепить бронеплощадку с орудием, лишь бы вывезти побольше награбленного сахара. Этот случай скоро станет на полевой суд.

Правда, что необходимо упорядочить и денежный вопрос, с которого, соответственно и начались все грабежи. Но об этом — потом!

Вот этими мерами я полагаю что только и возможно излечить болезнь, указанную под № 1. Если принять все указанные меры немедленно, то за несколько месяцев можно создать свежие резервы в тылу и немного оздоровить армию на фронте.

II. Следующий наш недуг, который проникает всё и вся, это полное несоответствие наших финансовых ресурсов с теми громадными задачами, которые немедленно ложатся на наши плечи с освобождением территорий от большевиков.

Вы меня недавно попрекнули неумением «по одежке протягивать ножки». Но должен сказать, что «одежка», присланная киевскому краю, оказалась не больше фигового листа и была недостаточна даже для прикрытия срамных частей тела. За всё мое пребывание в Киеве, или вернее со дня его занятия Доб[ровольческой] армией в половине августа, край получил

$80+50+150+100+80^{19} = 460$ миллионов на 3 ½ месяца, т.е. по 130 миллионов в месяц. Это было меньше, чем капля в море. Этими деньгами не было никакой возможности даже покрыть старую задолженность армии, а о железных дорогах и говорить нечего. Наша собственная экспедиция дошла за последние дни своего существования до 10 миллионов в день²⁰, но таких дней бывало немного. Всего же со времени начала ее действия она выпустила 170 миллионов, которые расходились немедленно в день выпуска, причем 130 человек служащих Госуд[арственного] Банка не успевали резать, сортировать и считать для запаковки в пачки. Положение создавалось совершенно безвыходное. Части войск, сидя без денег, — грабили. Офицерские роты в Киеве ходили на разгрузку барж, чтобы раздобыть денег на пропитание. Госуд[арственная] стража — просто уходила в поисках заработка. Чиновный люд буквально голодал. В больницах, детских приютах, в домах инвалидов и проч[ем] — мерзли и голодали в ужасной обстановке. Все налаженные мастерские, обшивавшие армию и работавшие на оборону, — ежедневно сокращали производство и, в конце концов, свели его на нет.

Жизнь совершенно начала замирать именно тогда, когда она должна была кипеть ключом. Начались невольные сравнения с большевиками — у них деньгами сыпали без всякого стеснения. То же было и у петлюровцев, которые свои учреждения обставляли с большой роскошью.

На простой народ и бедный чиновный люд ничто не производило такого угнетающего и отрицательного для Д[обровольческой] армии впечатления, как эта постоянная нужда в деньгах на самые неотложные нужды.

Это было до такой степени невыгодным для престижа Доб[ровольческой] армии, что у меня создалась аксиома для нашего поведения на будущее время — «занимать и брать под свое управление только такую территорию, которую мы имеем возможность хорошо финансировать».

Словом — стратегия в зависимости от наличности у нас денежных средств.

Совершенно ясно, что по нашему теперешнему финансовому положению мы не имеем никакой возможности ввести сколько-нибудь сносное управление в таком крае как Юго-Западный, требующий громадных средств и на армию, и на жел[езные] дороги, и на администрацию, и на субсидию городам, земствам, школам, заводам, рабочим предприятиям и профессиональным их учреждениям и проч[ему] и проч[ему].

Как ни кажется, на первый взгляд, дикой подобная стратегия и как ни трудно ее осуществление на практике, когда с откатной волной большевистского фронта к нам вдруг переходит громадная территория, — тем не

¹⁹ Не дошли, были перехвачены кем-то по пути (*примеч. А.М. Драгомирова внизу страницы*).

²⁰ Речь идет о печатании денег.

мене, пока наши экспедиции²¹ нас не удовлетворяют, она необходима, и сама сила вещей нас к этому вынудит.

Каково же должно быть лечение болезни, указанной в пункте II? Прежде всего, проф[ессору] Бернацкому²² на время забыть свои теории о том, что неумеренный выпуск денежных знаков понижает их рыночную стоимость. Безотносительно к одному какому-либо частному случаю, как общий принцип, — это, конечно, верно. Против невозможно спорить. Но в том частном случае, который мы разбираем, дело не в нас и нашей финансовой системе, а в большевиках. Они выпускают такие массы денег, по сравнению с которыми наши выпуски — микроскопическая величина. Не мы пожираем курс рубля, а они. Даже если бы мы совсем прекратили наши выпуски, то рубль всё же продолжал бы стремительно лететь вниз. Нашей же скарденостью в этом отношении мы действительно роняем курс наших собственных знаков и по весьма простой причине. Мы денег не платим и даем либо ассигновки, либо чеки на банки, либо квитанции реквизиционные и иные. По ним ни один банк не платит, ибо касса его хронически пустует.

Тогда перечисленные выше денежные документы невольно идут на частный рынок, т.е. к ростовщикам и им подобным дельцам, которые их учитывают со скидкой громадного процента. В итоге наше обязательство, которое мы должны бы были всячески оберегать от обесценивания, поддерживать и укреплять, мы же сами систематически обесцениваем. Бернацкому это должно бы было быть известным. Такое обесценение идет несравненно быстрее, чем шло бы естественное падение рубля вследствие усиления выпуска. Последнего население не чувствует; но первое составляет такое очевидное для всех событие, которое становится убедительным для самого тупоумного обывателя.

Есть еще одна сторона дела, на которую, судя по его беседам в газетах, Бернацкий не обращает должного внимания. Это на крайнюю необходимость оживления жизни края, торговой и промышленной, которая одна может, если не исправить, то, по крайней мере, хоть несколько облегчить финансовое положение. Это может быть достигнуто только быстрым и обильным финансированием железных дорог, пароходных обществ, банков, наконец, тех промышленных предприятий, для которых нет непреодолимых причин против немедленного пуска их в ход.

Здесь разрешается попутно еще и чрезвычайно серьезный и больной вопрос о безработных, с которым нам придется еще очень и очень много повозиться, пока мы не заслужим полного доверия к себе рабочих.

Я считаю, что для такого оживления жизни мы не имеем права жалеть средств, ибо в сущности это единственное, что в конце концов расположит к нам население: появятся товары, явится возможность свободно передви-

²¹ Заготовления денежных знаков.

²² Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943) — российский экономист, член Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР, начальник управления финансов.

гаться, цены падут в силу усиления предложения, наконец, даже самые упорно-нежелающие видеть рабочие узрят, что власть Д[обровольческой] армии способна восстанавливать там, где большевики только разрушали.

Отсюда вывод — сыпать деньгами, не останавливаясь ни перед чем; необходимо затратить немедленно сотни миллионов на заказы за границей денег, бумаги, красок, машин и проч[его], чтобы на это получить в самом скором будущем десятки миллиардов. Большевики печатают в 3 дня миллиард!!!

Чтобы кончить с этим вопросом, я считал бы необходимым произвести расследование — что случилось с моим лондонским заказом. Контракт подписывал Шателен²³. Условия были: со дня моего утверждения заказа и образцов, т.е., если не ошибаюсь, с 5 августа нового стиля, через 3 месяца должен начаться выпуск, а еще через три месяца [должен] закончиться весь заказ. Образцы были мною утверждены окончательно с правом фирме Waterloo самой сделать небольшие изменения в красках, в рисунке и т.п., если бы это потребовалось в технических видах.

Значит, 5 ноября нового стиля (т.е. 23 сентяб[ря] старого ст[илия]) к нам должны были начать поступать эти деньги, а к 23 января 1920 г. весь 4^x миллиардный заказ должен был быть сдан в Лондоне.

Бриггс²⁴ говорил мне в Киеве, что Waterloo обещал ему почти наверное²⁵ сдать заказ раньше. Между тем знаков этих до сих пор еще нет и когда ожидаются — не знаю. Я начинаю подозревать гнусную игру г^{на} Шателена, который накануне моего отъезда из Парижа сильно добивался, чтобы я своею властью утвердил его главным финансово-торговым представителем для всей Западной Европы. Я уклонился и обещал только доложить Особому совещанию²⁶ все его соображения в подтверждение необходимости такой меры. Доклада этого я не делал, ибо сдал должность председателя Лукомскому²⁷ и уехал в Киев. Посему у меня невольно возникает мысль, не чинит ли Шателен каких-либо препятствий в исполнении этого заказа умышленно.

Его поведение и тогда не во всем было ясно и доброжелательно к нам. Таково же было отношение и фон Замена²⁸, сидящего тоже в Лондоне.

²³ Шателен Сергей Андреевич (1873–1946) — российский финансист и банкир. У Драгомирова фамилия пишется как «Шаттелен».

²⁴ Бриггс Чарльз Джеймс (1865–1941) — британский генерал, глава военной миссии при ВСЮР (1919).

²⁵ В старом значении — наверняка.

²⁶ Особое совещание при главнокомандующем ВСЮР — законосовещательный и распорядительный орган Белого движения на Юге России.

²⁷ Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939) — генерал-лейтенант, председатель Особого совещания.

²⁸ фон Замен Конрад Егорович (1874–1959) — русский финансист. В эмиграции — в Лондоне.

Они оба «колчакисты»²⁹ и Вас признавали не без насилия над собою. Не продолжают ли они ту же игру и теперь, имея в своей власти столь жгучий для нас вопрос, как снабжение деньгами.

По поводу английских денег у меня имеется частное сведение, что будто бы Бернацкий на них рассчитывает не как на фонд для текущих расходов, а как на запас для какой-то финансовой меры для уменьшения разнообразия денежных знаков, обращающихся на нашей территории.

Если это так, то я не нахожу слов, чтобы высказать свое самое резкое возмущение такой мере.

Мы буквально задыхаемся без денег. Я не могу бороться сейчас с грабежами и вымогательствами, зная, что они — результат полной нищеты многих офицеров, даже генералов, не говоря уже о массе чиновников. И в ту минуту, когда к нам может прийти помощь, то вдруг оказывается, что она пошла на выкуп знаков всеми признанных и имеющих повсеместное признание. Это было бы до такой степени нелепо и, даже скажу, преступно перед нашим делом, что не хочу верить возможности ныне заниматься финансовыми комбинациями, когда нам есть нечего. Это дело будущего и, надеюсь, отдаленного. А теперь нам нужны войска, оружие, снаряжение, хлеб, хорошо оплаченная администрация, банковый кредит и проч[ее]³⁰.

Здесь нельзя терять ни одного месяца и все 4 миллиарда должны прямо с корабля идти в банки и казначейства, минуя управление финансов. Вслед за ними нужно немедленно сделать новый заказ на 10 миллиардов, с присылкой [банк]нот ежемесячно по мере изготовления.

Только тогда можно начать занимать новые территории и посылать администрацию на места с крупными авансовыми ассигнованиями в полное распоряжение главноначальствующих и губернаторов — по принадлежности.

III. Третье основание нашей болезни характера стратегического. Будучи председателем Особого совещания, я никогда этих вопросов не касался и лишь изредка принимал участие в обсуждении некоторых частных вопросов, как напр[имер], необходимость занятия нами Донецкого бассейна после ухода из него немцев. Не помню, развивал ли я Вам свою мысль, что занятие нами всей Украины, не познавшей еще прелестей большевизма, для нас чревато самыми тяжелыми последствиями. У меня всегда стоял в голове план: обеспечив за собою прочное обладание Каменноугольным районом и необходимыми для ремонта жел[езных] дорог заводами харьковского и екатеринославского районов, дальше на запад не двигаться. Отнюдь

²⁹ То есть сторонники А.В. Колчака, которому добровольно подчинился А.И. Деникин. Колчак Александр Васильевич (1873–1920) — адмирал, Верховный правитель России.

³⁰ Не могу не добавить, что если бы подобная финансовая комбинация была проведена, то она способна была бы вызвать необычайное возбуждение в армии, которая знает об моем заказе и с нетерпением его ожидает, в надежде найти в нем выход из положения, совершенно нетерпимого (*примеч. А.М. Драгомирова на полях документа*).

не переходить на правый берег Днепра и не гнаться за губерниями Киевской, Подольской и Волынской, настроенными еще совершенно анархично.

Зато центр тяжести всех операций перенести к нашему правому флангу; во что бы то ни стало овладеть низовьями Волги и дальше вести всю операцию в направлении на Саратовскую, Самарскую, Тамбовскую, Воронежскую губернию в полном взаимодействии с уральцами и оренбургцами.

Этот план намечался, когда Колчак еще не отходил так глубоко, как теперь. Для меня было несомненным, что насколько в Малороссии мы получим население нам не сочувствующее, никому не верящее, упорное и настойчивое в сохранении каких-то «вильностей», настолько в перечисленных выше поволожских губерниях мы получили население, готовое идти хоть к черту на рога, лишь бы выскочить из большевистского рая.

Когда я уезжал в Париж, то только еще намечалась возможность подхода к Харькову, а о движении на Полтаву и Киев не было и в мыслях.

Однако события опередили расчеты, и Киев, на наше несчастье, оказался в наших руках. Всё то, чего я опасался раньше, оправдалось в полной мере.

Мы владели только городами, но уже в ближайших окрестностях наши власть, престиж и влияние были мифом. Деревни Жуляны, Гатное, Глеваха, Рославици (не дальше 15–30 вер[ст] от Киева) были в руках повстанцев и требовали постоянной посылки для умирения вооруженной силы. Нападали на наши обозы, убивали стражников³¹; на Васильков сделали нападение по всем правилам военного искусства³², ограбили казначейство, выгнали стражу, разобрали кожу с кожевенных заводов и проч[ее]. Войск выделить невозможно, ибо фронт и так трещит по всем швам, а стража была слишком малочисленна, чтобы своими силами что-либо сделать! Репрессии по отношению к имуществу повстанцев, сжигание их домов, аресты семей приводили только к большему озлоблению.

Ко времени боев 23–29 ноября³³ буквально вся область кишела такими бандами и редкие бои не происходили одновременно на два фронта: в одну сторону против большевиков и в другую против повстанцев. Был случай, когда целая рота Белозерского полка была вырезана в дер[евне] Пуховка большевиками вместе с повстанцами. Были, правда, единичные случаи, когда повстанцы дрались против большевиков. Так, напр[имер], они отстаивали Переяславль, когда наши войска его оставили.

³¹ Стражники — личный состав государственной стражи (1919–1920 гг.) — военизированного органа гражданского управления на территории ВСЮР, выполнявшего функции полиции.

³² По-видимому, речь идет о событиях 5 сентября 1919 г., когда на город Васильков Киевской губернии напали банды Соколовского, в результате чего погибло 35 человек (Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг.: Сборник документов / отв. ред. Л.Б. Милякова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 371–372, 379).

³³ 6–12 декабря 1919 г. по новому стилю.

Повстанцы были трех категорий:

1^я — чистые анархисты; никакого начальства; «сам собі пан»!

2^я — коммунисты-«боротьбисты», т.е. те же большевики, но, пожалуй, еще свирепее.

3^я — ненавистники Добр[овольческой] армии, мстившие за грабежи, насилия и бесчинства. Эти были и против нас и в то же время боялись большевиков и не желали их прихода.

К концу ноября создалось положение, в котором наши части напоминали островки среди моря кишаших банд.

К ним скоро прибавились колонны остатков петлюровской рати, шествовавшие из Староконстантинова через Липовец и далее через всю Киевскую губернию, вразрез по нашим тылам. Эта группа пока еще особых бед нам не причиняла и по-видимому понемногу распыляется, избегая встреч с нашими войсками.

Это положение и заставило меня принять решение, прежде всего, спасти войска от полного уничтожения и отвести их в район более спокойный, одновременно выведя их из непрерывных боев в крайне неблагоприятной для нас обстановке.

Возвращаясь к разбираемому вопросу, я считаю, что нам положительно нет никакого расчета торопиться с обратным овладением этим районом.

Нам нужно, ведя активное наступление нашим правым флангом в поволжские губернии, на нашем левом фланге ограничиться владением лишь той территорией, которая: 1) нам строго необходима для обеспеченного владения портами Черного моря, 2) была бы населена не слишком нам враждебным населением и 3) по своим размерам соответствовала бы нашим финансовым ресурсам. Такой территорией я считаю Херсонскую и Таврическую губернии с некоторыми добавками за счет Екатеринославской и Харьковской губерний.

Всё, что севернее этой территории, — нужно на некоторое время оставить в распоряжении большевиков. Все банды и большевики, в конце концов, так перегрызутся, что начнут присылать послов «принять их под Вашу высокую руку».

На основании этих соображений я думаю, что наша основная стратегия должна быть: а) бить большевиков во что бы то ни стало на нашем правом фланге, а 2)³⁴ в центре и на левом фланге занять только фронт, заранее точно намеченный, и приступить к организации и упорядочению тыла во всех отношениях; при этом всячески избегать расширения территории в ущерб прочному наведению на ней порядка.

В этой тыловой территории немедленно приступить: а) к упорядочению транспорта и в особенности к спешному ремонту паровозов, вагонов и заготовке топлива, б) к формированию новых войсковых частей (см. п.)

³⁴ Так в документе.

и в) формированию госуд[арственной] стражи для губерний, которые будут намечены к овладению в течение ближайшего полугодия.

В такой позе застыть, постоянно беспокоя противника набегами, нападениями, рейдами в тылу и проч[им], и в это время настойчиво работать над созданием порядка и сносной жизни в тылу.

Только тогда, когда задача будет выполнена, идти на расширение этой территории до следующего заранее намеченного рубежа с такою же остановкою и повторением уже проделанной работы.

Другого способа для упорядочения работы тыла я не вижу.

Если эту систему выдержать, то я не сомневаюсь, что все наши мобилизации, формирования и проч[ее] пойдут гораздо планомернее и дадут нам возможность иметь всегда свежие резервы в тылу.

Без последних наши операции всегда будут носить характер движения «на ура» и всегда неизбежно будут вызывать полное неустройство в нашем тылу.

Устройство тыла требует гораздо большего времени, чем отнятие территории от большевиков. С этим необходимо считаться и соответственно с этим вести наши операции.

Если бы в указанных выше отраслях управления мы сумели в ближайшее время приступить к настойчивой работе, то, полагаю, что к весне наше положение значительно окрепло бы и дало бы возможность начать то планомерное продвижение, о котором я говорил выше.

Без этого операции 1920 года рискуют повторить то, что случилось теперь.

Необходимо постоянно иметь ввиду, что по мере того, как наша территория будет увеличиваться, у противника она будет уменьшаться, а с этим у них всегда будет возможность выделять части в резерв в то время, когда у нас, наоборот, резервы будут расходоваться на увеличение фронта и на охрану громадной территории.

Этой беде можно помочь только постоянными новыми формированиями в тылу, на замену уходящих на фронт или на тыловые надобности.

Есть мнение, что нужно расположить к себе население нашей «внутренней политикой».

Это по нынешним временам средство столь деликатное, что на него никого не поймашь. Все хотят одного: «обеспечь мою жизнь и имущество и создай мне покойную жизнь». Полит[ические] декларации окончательно потеряли всякий кредит.

На днях мне один стрелочник на станции Бобринской, казак соседнего села, сказал: «Так много “всяких начальств” было, так много обещали, что если бы сам Господь Бог пришел на село, то и ему никто [бы] не поверил!»

В противовес многим я полагаю, что и аграрный закон нам много не поможет, пока мы не покончим с грабежами и не создадим сильной дисциплинированной армии и хорошей администрации. Направление же политики — ныне дело совершенно второстепенное. Народ же ею совершенно не интересуется.

Прошу извинить за длинное письмо, но считал необходимым договориться до конца. Положение слишком серьезное, чтобы не обдумать его всесторонне и не начать немедленно работать над исправлением наших грехов³⁵.

Архив Гуверовского института
(Hoover Institution Archives).
P.A. Koussonsky collection.
Box 10. Folder 41.
Подлинник. Автограф.

Литература

1. Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013.
2. Карпов Н.Д. Крестоносцы — последний резерв Колчака. М.: Русская панорама, 2014.

References

1. Ganin, A.V., 2013. “Mozg armii” v period “Russkoi Smuty”: Stat’i i dokumenty [“The brain of the army” in the period of “Russian Turmoil”]. Moscow: Russkii put’.
2. Karpov, N.D., 2014. *Krestonostsy — poslednii rezerv Kolchaka*. [Crusaders – Kolchak’s last reserve]. Moscow: Russkaia panorama.

³⁵ Окончание письма отсутствует.

«...ВЗЯТЬ ПОРУЧЕНИЕ В АМЕРИКУ». ПИСЬМО В.К. ВИННИЧЕНКО Г.В. ЧИЧЕРИНУ 1920 ГОДА

**Елена Юрьевна
Борисёнок –**

доктор исторических наук,
заведующая Отделом
восточного славянства,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: vostslav@yandex.ru

**Александр Сергеевич
Стыкалин –**

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: zhurslav@gmail.com

Аннотация

Публикуется письмо украинского политического и общественного деятеля, писателя В.К. Винниченко народному комиссару по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерину от 5 августа 1920 г. Данное письмо относится к периоду пребывания Винниченко в Советской России и Украине и помогает полнее восстановить ход событий и обстоятельства переговоров между Винниченко и советским и партийным руководством, понять мотивы непростых решений, принятых украинским деятелем, вносит дополнительные штрихи в его психологический портрет. Винниченко официально обратился к советской власти с просьбой дать возможность вернуться на Украину в начале 1920 г., а в мае прибыл в Москву, где встречался с советскими и партийными руководителями (К. Радеком, Г. Чичериным, Л. Каменевым, Л. Троцким). В конце июня — начале июля Винниченко совершил поездку в Харьков для переговоров с руководством Советской Украины. Отрицательно расценив результаты переговоров в Москве и Харькове, Винниченко решил покинуть Советскую Россию. Письмо написано Владимиром Кирилловичем после неудачной попытки отъезда за границу 3 августа, без окончательного решения советских властей по этому вопросу. В письме отражены рефлексии автора и взгляды на произошедшее событие, его планы, касающиеся дальнейшего пребывания в Москве. Письмо можно рассматривать как свидетельство о том, что для Винниченко желателен был именно выезд за границу или же, в случае невозможности такового, поездка в Харьков.

Ключевые слова

В.К. Винниченко, Г.В. Чичерин, национальная политика, советская власть, украинизация.

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2019 г.

“...GET AN ORDER TO AMERICA”: VYNNYCHENKO’S LETTER TO CHICHERIN 1920

Jelena Yu. Borisenok

Doctor of Sciences,
Head of the Department
of Eastern Slavic Studies,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: vostslav@yandex.ru

Alexandr S. Stykalin

Ph.D., Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: zhurslav@gmail.com

Abstract

The letter of the Ukrainian political and public figure, writer Vladimir K. Vynnychenko to the People’s Commissar for Foreign Affairs of the RSFSR Georgy V. Chicherin dated on August 5, 1920. The letter was written during the period of the visit of Vynnychenko to Soviet Russia and Ukraine. It helps to restore the circumstances of the events and the negotiations between Vynnychenko and the Soviet and party leadership. The letter also helps to understand the motives of the decisions of the Ukrainian leader and characterizes his psychological portrait. Vynnychenko officially appealed to the Soviet Authorities with a request to return to Ukraine in early 1920. In May, he arrived in Moscow and met with Soviet and party leaders (K. Radek, G. Chicherin, L. Kamenev, L. Trotsky). In late June — early July, Vynnychenko traveled to Kharkov for talks with the Soviet Ukraine leadership. He negatively assessed the results of the negotiations in Moscow and Kharkov and decided to leave Soviet Russia without the permission of the Soviet authorities. The letter was written after an unsuccessful attempt to leave the country on 3 August. The document demonstrates the author’s reflections and views on the event that occurred, revealing his plans. The letter can be considered as the evidence that for Vynnychenko it was desirable to emigrate, or alternatively, in the case of failure of this plan, he would go to Kharkov.

Keywords

Vladimir K. Vynnychenko, Georgy V. Chicherin, national policy, Soviet Power, Ukrainization.

Received 26 February 2019.

Визучении жизни и деятельности крупного украинского политика, главы Генерального секретариата Центральной рады и Директории Украинской Народной Республики В.К. Винниченко его переписке отводится немалое место. Часть переписки Владимира Кирилловича с различными политическими и общественными деятелями уже опубликована (помимо многочисленных публикаций в журналах и сборниках, вышли отдельные издания переписка с Е. Чикаленко¹ и с супругой Розалией Лившиц²),

¹ Євген Чикаленко, Володимир Винниченко. Листування. 1902–1929 роки / упоряд. та вступ. ст. Н. Миронець. Київ: Темпора, 2010.

² Володимир Винниченко — Розалія Ліфшиць: епістолярний діалог (1911–1918 роки) / упоряд., вступ, комент. та прим. Н. Миронець. Дрогобич: Коло, 2012.

часть — не опубликована. Исследователи активно используют письма Винниченко, хранящиеся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины в Киеве, в Институте рукописей национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского НАНУ, в Отделе рукописных фондов и текстологии Института украинской литературы имени Т. Шевченко НАНУ, а также в Бахметьевском архиве Колумбийского университета и в Архиве-музее им. Д. Антоновича Украинской Свободной Академии Наук в США.

Предлагаемое вниманию читателей письмо Винниченко народному комиссару по иностранным делам Г.В. Чичерину от 5 августа 1920 г. хранится в личном фонде Чичерина в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, ф. 159).

Данное письмо относится к периоду поездки Винниченко в Советскую Россию и Украину, история которой давно привлекает внимание исследователей. Документ помогает полнее восстановить ход событий и обстоятельства переговоров между Винниченко и советским и партийным руководством, понять мотивы непростых решений, принятых украинским деятелем, вносит дополнительные штрихи в его психологический портрет.

В феврале 1919 г. Винниченко вышел из состава Директории и вскоре уехал за границу. В сентябре он создал в Вене Заграничную группу украинских коммунистов, в состав которой вошли В. Левинский, Г. Паламар, Н. Галаган, В. Мазуренко, Ю. Тищенко, Ю. Гасенко, П. Чикаленко, Н. Шраг, Н. Чечель и др.³

Постепенно Владимир Кириллович пришел к мысли, что из-за границы эффективно влиять на события на Украине невозможно. В письме Винниченко Н. Шаповалу 25 ноября 1919 г. он выражал уверенность в том, что надо отстаивать коммунизм и советскую власть, поскольку другой украинской государственности, нежели рабоче-крестьянская, «не может быть». Как считает Н. Миронец, в это время Винниченко не поддержал предложения Шаповала о создании Заграничного комитета для координации усилий украинской эмиграции. Он считал, что надо было «или ехать всем сейчас же на большевистскую сторону и вести там дело (мирным, товарищеским способом) в направлении украинизации советской власти на Украине, или сидеть здесь без крика и комитетов и делать то, что кто может». Сам Винниченко склонялся к первому варианту и советовал ехать на Украину, дабы повлиять на процесс украинизации власти⁴.

С разрешения совместной конференции Зарубежной группы Украинской коммунистической партии (УКП) и Зарубежной организации Украин-

³ Солдатенко В.Ф. Документи ЦК РКП(б) 1920 р. про В. Винниченка // Український історичний журнал. 2005. № 4. С. 73.

⁴ Миронец Н. Листування Володимира Винниченка з Микитою Шаповалом як джерело інформації про життя української політичної еміграції в Європі у 1920-х роках // Український археографічний щорічник. 2009. Вип. 13/14. С. 115.

ской партии социалистов-революционеров (УПСР), состоявшейся 25 февраля 1920 г., Винниченко официально обратился к советской власти с просьбой дать возможность вернуться на Украину⁵. Украинские историки отмечают, что, ожидая позволения вернуться на Украину, Владимир Кириллович пытался противостоять оформлению альянса Ю. Пилсудского и С. Петлюры: последний, по мнению Винниченко, беспринципно торговал Украиной. 26 марта Винниченко в письме правительству УССР просил уполномочить его (или кого-либо из его приверженцев) представлять интересы советской Украины за рубежом — в Германии и Австрии, дабы парализовать деятельность петлюровского правительства⁶.

Наконец разрешение было получено. 4 мая 1920 г. В.И. Ленин отправил телеграмму члену оргбюро ЦК КП(б)У и главе Галицкого организационного комитета КП(б)У Ф.Я. Кону (копия Х.Г. Раковскому в Харьков), в которой значилось: «Насчет Винниченко в принципе согласны. Согласитесь с Раковским о деталях». При этом в рукописи телеграммы слово «деталях» было зачеркнуто рукой неизвестного и написано: «форме привлечения Винниченко к правительственной деятельности»⁷. 24 мая Владимир Кириллович со своей женой Розалией Яковлевной пересекли советскую границу и прибыли в Москву⁸. Путь пролегал через Берлин до Щецина, далее морем до Ревеля, затем — Петроград и, наконец, Москва. Дипломатические паспорта на имя Йозефа и Натали Симон выдало Министерство иностранных дел Чехословакии, причем министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш поручил сотруднику министерства Яромиру Нечасу (социал-демократу, симпатизировавшему украинскому движению) исполнять при Винниченко во время поездки роль политического советника и уполномоченного лица для контактов с соответствующими министерствами иностранных дел. Четвертым компаньоном был Александр Бадан, студент-галичанин Карлова университета в Праге⁹.

В Москве Винниченко надеялся на достойную встречу, но, как записал он в своем дневнике, «несмотря на телеграммы из Ревеля и Петрограда о нашем приезде, о просьбе комиссара петроградской станции выслать для нас в Москве экипаж и приготовить помещения, нас никто не встретил, никто ничего не выслал и никаких помещений не приготовил». Особенно возмутило Владимира Кирилловича то обстоятельство, что пришлось дожидаться четыре часа, «пока Нечас, как чех, выпросит нам какие-то комнаты»¹⁰. Первые встречи были с секретарем Коминтерна К.Б. Радеком и

⁵ Солдатенко В.Ф. Документы ЦК РКП(б) 1920 р. про В. Винниченка. С. 74.

⁶ Кульчицкий С., Солдатенко В. Володимир Винниченко. Київ: Альтернативи, 2005. С. 226–227.

⁷ Ленин В.И. Телеграмма Ф.Я. Кону // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 51. С. 190, 423.

⁸ Солдатенко В.Ф. Документы ЦК РКП(б) 1920 р. про В. Винниченка. С. 74

⁹ Кульчицкий С., Солдатенко В. Володимир Винниченко. С. 233–234.

¹⁰ Винниченко В. Щоденник у 2-хт. Едмонтон — Нью-Йорк: Канадський інститут українських студій, 1980. Т. 1: 1911–1920. С. 430.

Чичериним. Винниченко раскритиковал не только отношение московских большевиков к организации его приезда, но и весь процесс переговоров. Отношение к нему он оценил как «напряженность, холодность, почти враждебность»¹¹.

Чичерин писал в телеграмме Ленину 27 мая: «Винниченко в пространнейшей беседе изложил цели своей поездки. Он хочет выяснить здесь положение наших правящих кругов, иметь свидание с Вами и с товарищем Сталиным и затем поехать в Харьков. Он отдает себя вообще в распоряжение революции, специально же хочет объединить коммунистов всех толков на Украине, для чего “требуются взаимные уступки”». Как сообщал нарком по иностранным делам, Винниченко предлагал «Украинское советское правительство пополнить национальными украинскими деятелями». Целью гостя из Вены, как считал Чичерин, было «добиться настоящей федерации двух независимых республик вместо подчинения Украины Москве. Но федерацию прокламировать преждевременно, надо говорить о независимости»¹². 29 мая Чичерин направил Раковскому телеграмму о приезде Винниченко и о допустимости ввести его в Совнарком УССР как наркома просвещения и заместителя председателя СНК. Получив телеграмму из Москвы, политбюро ЦК КП(б)У приняло решение предложить назначить Владимира Кирилловича «нашим послом за границей»¹³.

Тем временем Винниченко попытался разъяснить свою позицию и 30 мая написал письмо Ленину. Он счел вступление в «правительство Раковского» бесполезным, поскольку «украинской нацией оно будет расценено как предательство», как поддержка и укрепление той национальной политики, которая осуждена даже многими российскими коммунистами как ошибочная. Владимир Кириллович предложил с его вступлением в правительство связать уход из него Раковского: «Достаточно, если вместо т. Раковского станет кто-нибудь другой. Хорошо было бы, если бы это был украинец, но пусть будет и русский, только не заявлявший себя участием в ошибках. Пусть будет кто-нибудь из теперешнего правительства, например, т. Мануильский, Петровский». Пока Винниченко писал это письмо, он был вызван в Комиссариат иностранных дел, где ему сообщили о необходимости ехать в Харьков. Поскольку ему ничего не сообщили о характере предстоящей работы, Винниченко оценил это как явную враждебность и дописал в письме Ленину, что считает невозможным работать в таких условиях и заявляет о своем возвращении за границу¹⁴.

¹¹ Винниченко В. Щоденник у 2-хт. Едмонтон — Нью-Йорк: Канадський інститут українських студій, 1980. Т. 1: 1911–1920. С. 431.

¹² Цит. по: Кнорре Д.К. Поездка В.К. Винниченко в Советскую Россию и на Украину // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2011. Т. 2. Вып. 7. URL: <http://history.jes.su/s207987840000167-2-2> (дата обращения: 26.02.2018).

¹³ Солдатенко В.Ф. Документи ЦК РКП(б) 1920 р. про В. Винниченка. С. 75.

¹⁴ Цит. по: Кнорре Д.К. Поездка В.К. Винниченко в Советскую Россию и на Украину.

В своем дневнике в записи от 3 июня Винниченко писал, что в социалистической, советской России «стихия забывает идею», а голод, холод, нищета, в совокупности со старыми привычками и способами мышления, «выливается в форму русского национализма», причем советская власть губит принципы, идею коммунизма. По мнению Владимира Кирилловича, наиболее ясно это проявлялось в украинском вопросе. По словам Винниченко, в Комиссариате иностранных дел референт в украинских делах сказал Нечасу, что никакой Украины не было и нет, на Украине все чудесно говорят по-русски и весь украинский вопрос — выдумка¹⁵.

Ленин на письмо Винниченко ничего письменно не ответил, однако, как считает В.Ф. Солдатенко, видимо, устно распорядился, чтобы отношение к украинскому политику было более учтывым, и следующие встречи с Чичериным, Л.Б. Каменевым и Л.Д. Троцким прошли в более мягкой атмосфере¹⁶. Тем временем 9 июня Винниченко написал по просьбе Каменева пространную записку в ЦК с программой первоочередных мер, которые следует принять в случае его согласия на работу на Украине. В числе прочего речь шла об издании постановления о деятельности на Украине Совнаркома в таком же количестве комиссариатов, что и в России; об устранении такого положения, когда комиссариаты РСФСР связывались с губернскими и другими учреждениями на Украине, минуя соответствующие комиссариаты УССР; о создании комиссии по выработке федеральной конституции; о пополнении руководящего центра Украины тремя-четырьмя партийцами — искренними приверженцами принципа федерации... Наконец, Владимир Кириллович требовал, чтобы ни одного партийного или советского работника нельзя было отозвать с Украины или направить в нее без ведома и согласия украинского партийного центра¹⁷.

15 июня Политбюро ЦК РКП(б) заслушало вопрос «о Винниченко», не согласившись ни с рекомендацией Чичерина, ни с мнением харьковских коммунистов: «по поводу предложенных назначений Винниченко политбюро считает наименее уместным пост наркомпроса УССР»¹⁸. Винниченко пытался ответить на вопрос, для чего его хотят использовать. 16 июня в своем дневнике он размышлял: «Добавить симпатии украинских элементов?» А 19 июня он записал свои впечатления от встречи с Троцким, который якобы завел речь о портфеле военного наркома и члена реввоенсовета, однако на вопрос о компетенции ничего не сказал. У Винниченко сложилось мнение, что «функций ... не будет никаких», что он будет лишь «фигурой», ни о какой украинской армии речи не шло¹⁹.

¹⁵ Винниченко В. Щоденник. Т. 1: 1911–1920. С. 430.

¹⁶ Кульчицкий С., Солдатенко В. Володимир Винниченко. С. 240; Кнорре Д.К. Поездка В.К. Винниченко в Советскую Россию и на Украину.

¹⁷ Солдатенко В.Ф. Документи ЦК РКП(б) 1920 р. про В. Винниченка. С. 75–76.

¹⁸ Там же. С. 71, 76.

¹⁹ Винниченко В. Щоденник. Т. 1: 1911–1920. С. 440–441.

Не улучшила настроение Винниченко и его поездка в Харьков, куда он отправился 25 июня и пробыл там до 6 июля. Содержание переговоров с харьковским руководством убедило Владимира Кирилловича в том, что его послали в ЦК КП(б)У только для того, чтобы избежать в Москве прямых ответов на вопросы. По оценке Винниченко, высказывания харьковчан были путанные и противоречивые, одни говорили, что у них вообще нет никакой тенденции ни к федерации, ни к «едино-неделимой», другие — что есть тенденция на федерацию, но тут же «говорили, что никаких центров на Украине не может и не должно быть». Винниченко сделал вывод, что ЦК КП(б)У или не знает направления той политической работы, которую проводит, или знает, но почему-то не хочет сказать прямо²⁰. В его дневнике в записи за 13 июля значилось: «Тяжко неимоверно. Тяжелая, гнетущая безвыходная тоска. Нет места мне на Украине. Чтобы быть там, чтобы участвовать в ее страданиях, должен перестать быть украинцем. Какой смех! Для чего, зачем? За право и возможность служить революции. И будет ли это служением революции, когда я откажусь быть собой, когда я стану посмешищем в глазах украинцев, ренегатом, предателем? Будет ли от этого польза? И увлеку я кого-нибудь за собой? А меня же для этого только и хотят “использовать”». Винниченко решил, что пользы от пребывания его на Украине не будет, поскольку, даже «не обнаруживая себя никак», одним своим присутствием будет спланивать вокруг себя оппозицию. И поэтому «надо ехать опять туда, за границу, на чужбину... словно снова в лагерь реакции, контрреволюции»²¹.

В письме Радеку он просил дать ему поручение от III Интернационала в Америке. Но Чичерин, посоветовавшись с харьковскими товарищами, выступил против «американской авантюры»: «Раковский и Мануильский считают это опасным, так как даже в Киеве Винниченко группировал вокруг себя националистические элементы. Нам кажется, что Винниченко наименее опасным является на нашей территории, и поэтому было бы лучше всего вернуться к прежнему плану и предложить ему работать в Петрограде и втянуться там в коммунистическую работу»²².

Винниченко решает всё же уехать за границу, причем, видимо, не добившись окончательного решения советских властей по этому вопросу. 3 августа он предпринял неудачную попытку отъезда, которую так описал в своем дневнике: «Вчера должны были выехать за границу. Достали все визы и пропуска, сели даже уже в вагон, но перед самым отходом поезда пришло распоряжение из Коминдел, чтобы мы вышли. С нами вместе вышел какой-то господин с белорусским дипломатическим паспортом. Его также по тем же причинам не пропустили. Что это могло значить? Знают,

²⁰ Солдатенко В.Ф. Документы ЦК РКП(б) 1920 г. про В. Винниченка. С. 77.

²¹ Винниченко В. Щоденник. Т. 1: 1911–1920. С. 444–445.

²² Кнорре Д.К. Поездка В.К. Винниченко в Советскую Россию и на Украину.

что это *мы* (выделено в тексте. — *Е. Б., А. С.*), и не хотят выпускать? Просто насильно держат, не учитывая того, что сами же сказали, что никаких препон к выезду за границу ставить не будут? Или, действительно, как сказал комендант вагона, “закрыта граница”, то есть, может, в связи с войной с Польшей и новой фазой ее, для иностранцев пропуск за границу усложняется?»²³

На следующий день Винниченко написал письмо Чичерину, рукопись которого сохранилась в РГАСПИ (публикуется впервые):

«5-VIII-20.

Уважаемый товарищ.

Вы настолько заняты, что мне просто неловко отнимать у Вас время личным свиданием, о котором я и вчера и сегодня просил Вас по телефону. Поэтому позволю себе отнять у Вас несколько минут письменным изложением моего небольшого дела.

Во вторник 3-VIII я, моя жена и секретарь по распоряжению из Ком[иссариата] Ин[остранных] Дел были приглашены выйти перед самым отходом поезда из вагона, в котором мы должны были выехать из России. Ехали мы по чешским дипломатическим паспортам (которые я Вам показывал²⁴), на которых все визы и пропуска были в исправности. Когда на другой день мой секретарь явился в Коминдел, чтобы выяснить причину задержки нас, ему ничего определенного не ответили.

Беря визы и пропуска в Коминделе, я не сомневался, что там известно, кто именно едет под этими чешскими паспортами. Легкое же и беспрепятственное получение виз и пропусков свидетельствовало о том, что в Коминделе никаких возражений против моего выезда не имеется, что, в свою очередь, только подтверждало слова т. Каменева о том, что никто препятствий к моему выезду чинить не будет, если мне не удастся устроиться на Украине. К сожалению, устроиться мне не удалось и я остался при своем желании уехать за границу, где я хоть какой-нибудь, хоть маленькой работой мог бы быть полезен коммунизму. Я несколько раз²⁵ предлагал и т. Радеку, как секретарю III Интернационала, и Вам взять поручения в Америку, но все мои предложения встречали холодное молчание, из которого я²⁶ заключил, что мои предложения отвергаются. Не считая себя вправе больше²⁷ беспокоить Вас после трехкратного запроса о судьбе моего “дела”, а с другой стороны не в состоянии дольше выносить этого тягостного бездействия, в котором нахожусь в России уже около трех месяцев, я решил представле-

²³ Винниченко В. Щоденник. Т. 1: 1911–1920. С. 457.

²⁴ Слова в скобках вставлены над строкой.

²⁵ Слова «несколько раз» вставлены над строкой.

²⁶ Слово «я» вставлено над строкой.

²⁷ Слово «больше» вставлено над строкой.

нием своих паспортов в Коминдел заявить о своем отъезде. Выдачу виз и пропусков я понял, как молчаливое согласие. Но в самый момент отъезда без объяснения причин мне ставятся препятствия.

Я очень прошу сказать мне: находит ли Ком[иссариат] Ин[остранных] Дел мой выезд почему-либо нежелательным или же нет. Если нет, то прошу дать распоряжение о выдаче мне и моим спутникам наших паспортов и пропусков на переезд Эстонской границы. Если же выезд представляется нежелательным, то дать мне физическую возможность проехать на Украину, сделав соответствующие распоряжения о предоставлении мне и моим спутникам пропусков на ближайший поезд до Харькова.

Не повторяю своих предложений относительно поручений в Америку, считая Ваше молчание вполне достаточным ответом. Но если бы хоть чем-нибудь мог быть полезен делу, был бы искренно рад.

С коммунистическим приветом В. Винниченко

Телефон: 3-49-12.

“Княжий Двор”, к. 32.

Еще одна, убедительная просьба: по возможности скорее²⁸ дайте мне тот или иной ответ»²⁹.

Украинские историки С. Кульчицкий и В. Солдатенко считают, что Винниченко «вероятно, не очень расстроился» из-за неудачи с отъездом, «ему в чем-то даже нравилось, что непредвиденный случай вдруг дарит возможность еще одной попытки поехать на родную Украину»³⁰. Однако и запись в дневнике, и письмо Чичерину можно рассматривать как свидетельство о том, что для Винниченко желателен был именно выезд за границу (недаром он вновь упомянул о «поручении в Америку»), а о поездке в Харьков речь шла в случае, «если же выезд представляется нежелательным».

В тот же день, 5 августа, когда Владимир Кириллович написал Чичерину, Пленум Центрального комитета РКП(б), заслушав «просьбу Винниченко командировать его за границу», постановил «передать на разрешение Оргбюро». А 13 августа Политбюро ЦК вынесло решение: «Предложить Наркоминделу выпустить за границу тов. Винниченко»³¹.

Для Владимира Кирилловича ночь 13 августа выдалась бессонной. В дневнике он записал, что «всю ночь продумал», «зато всё теперь ясно и окончательно решено»: «Действительная честность перед собой не может

²⁸ Слово «скорее» подчеркнуто в тексте письма.

²⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 159: Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936). Оп. 2. Д. 70. Л. 35–36. Текст передан с сохранением орфографии оригинала. Небольшие зачеркивания в тексте, не имеющие смыслового значения, исправлены без оговорок.

³⁰ Кульчицкий С., Солдатенко В. Володимир Винниченко. С. 259.

³¹ Документы опубликованы: Солдатенко В.Ф. Документи ЦК РКП(б) 1920 р. про В. Винниченка. С. 73.

останавливаться даже перед жертвой жизнью. <...> Моя смерть должна быть жертвой для истории освобождения нации. Она должна стать флагом, под которым дальше проводится великая борьба за освобождение». Впрочем, до самоубийства дело не дошло, и в тот же день он записал: «Сегодня взят пропуск на Харьков. В понедельник выезжаем»³².

17 августа Винниченко отправился в Харьков. Начался новый раунд переговоров с руководством УССР. 31 августа он отметил в дневнике, что его переговоры с Раковским и Мануильским относительно выезда за границу «снова вызвали вопрос о моем вступлении в КП(б)У и в правительство», причем Винниченко обещали, что он получит возможность «и проводить украинизацию, и развивать украинскую культуру, и заботиться о восстановлении украинского хозяйства, и вмешиваться во всё советское строительство»³³. Действительно, украинское Политбюро готово было заключить «соглашение» с Винниченко и, в ответ на декларацию с разъяснением взглядов последнего, даже приняло решение о приеме бывшего лидера Директории в большевистскую партию. Более того, в материалах переписки общего отдела ЦК В.Ф. Солдатенко нашел следующую копию постановления ЦИК и СНК УССР от 7 сентября: «Товарищ Владимир Кириллович Винниченко назначается и утверждается заступ[ником] гол[ови] Совета Нар[одных] Комиссаров и Нар[одным] Комиссаром закор[донных] дел Укр[аинской] Соц[иалистической] Советов[янской] Респ[ублики]»³⁴.

Однако согласованности в действиях между Харьковом и Москвой не было. 6 сентября политбюро ЦК РКП(б) констатировало «изменчивость настроения т. Винниченко, и поэтому Политбюро, не возражая против его немедленного принятия в партию, предлагает не давать никакого поста, испытав его сначала на деловой работе»³⁵.

Пока высшие партийные власти решали судьбу Винниченко, газеты напечатали сообщение о назначении его заместителем председателя СНК и наркомом иностранных дел Украины. Российскому телеграфному агентству пришлось объяснять Ленину, на основании каких документов было напечатано сообщение из Харькова о назначении Винниченко в правительство³⁶. Украинское Политбюро вынуждено было учесть, что вопрос должен быть сначала решен ЦК РКП(б). Последний же твердо стоял на своем.

Данное решение не могло не вызвать обиду Владимира Кирилловича. В своем дневнике он записал, что Раковский стал требовать поправок в ранее составленное заявление: «Не смею радоваться, что “они” действительно не согласились с принципиальными пунктами». Вот, оказывается,

³² Винниченко В. Щоденник. Т. 1: 1911–1920. С. 461–462.

³³ Там же. С. 473–474.

³⁴ Солдатенко В.Ф. Україна в революційну добу: Іст. есе-хроніки у 4-х т. Київ: Світогляд, 2010. Т. IV: Рік 1920. С. 249.

³⁵ Солдатенко В.Ф. Документи ЦК РКП(б) 1920 р. про В. Винниченка. С. 73, 81.

³⁶ См. подробнее: Солдатенко В.Ф. Україна в революційну добу. Т. IV: Рік 1920. С. 251.

их «настоящая физиономия», «именно центр осуществляет определенную политику», негодует Винниченко и принимает решение «окончательно разорвать с ними»³⁷. 21 сентября Винниченко вновь уезжает за границу. «Вещи опять упакованы. Через полчаса выезжаем на вокзал, на Петроград, Ревель, Берлин и т. д., — записал Владимир Кириллович в дневнике. — Кажется, в этот раз уже действительно выедем. Ни сожаления, ни тоски. Чувство усталости и пустоты. Много ясного, рьяного, прекрасного привезли мы сюда и много из него потеряли. Аж не верится, что так и не удалось жить и работать на Украине для революции, для...»³⁸

По оценке исследователей, после неудачной поездки в Москву и Харьков Винниченко стал резко критиковать политику большевиков, хотя и не исключал возможность переговоров с Москвой другими украинскими деятелями. Он писал Шаповалу 17 ноября 1920 г. о М.С. Грушевском: «От всего сердца желаю, чтобы мой неуспех послужил помощью ему в этом деле»³⁹. В то же время поездка Винниченко стала поводом для разнообразных слухов среди украинской эмиграции, причем иногда речь шла о назначении его главой правительства советской Украины. Провал миссии Винниченко для многих стал неожиданностью, а для самого Владимира Кирилловича — поводом для тяжелой депрессии. Чикаленко свидетельствовал, что он осунулся и постарел: «Винниченко увидел, что когда он станет даже во главе советского правительства, то он не сможет повести украинскую политику, потому что весь аппарат не украинский. Разогнать его и заменить украинцами невозможно, прежде всего из-за того, что Москва это поймет, как контрреволюцию, как украинский шовинизм и не допустит того. <...> Но как бы даже Москва и согласилась на замену всего аппарата на украинский, то украинцев негде взять. Их недоставало Ц[ентральной] Раде, Гетманству, Директории, а теперь их еще меньше, ибо многие выехали за границу, многие разошлись по селам да и украинцев коммунистов почти нет»⁴⁰.

Пожелание Винниченко успехов Грушевскому в его переговорах с советским правительством оправдалось: в 1924 г. украинский историк и политический деятель вернулся на Украину. В целом в период украинизации на родину вернулось немало галичан: в одном из писем Грушевский отмечал, что в УССР из Галиции переехало около 50 тыс. человек, некоторые с женами и семьями, молодые люди, мужчины⁴¹. Однако использование

³⁷ Винниченко В. Щоденник. Т. 1: 1911–1920. С. 478.

³⁸ Там же. С. 482. Фраза в дневнике не закончена.

³⁹ Миронец Н. Листування Володимира Винниченка з Микитою Шаповалом як джерело інформації про життя української політичної еміграції в Європі у 1920-х роках. С. 115–116.

⁴⁰ Цит. по: Мельник О. Щоденник Юрія Тищенка (Сірого) (1919–1924 роки) // Український археографічний щорічник. 2007. Вип. 12. С. 647.

⁴¹ Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20–50-ті роки ХХ ст. Київ: Наукова думка, 1994. С. 28.

«старых» кадров было вопросом времени: основные усилия партийного руководства были направлены на «выращивание» новой — советской — украинской элиты и продвижение ее на руководящие посты в советском, партийном, административно-хозяйственном аппарате. В данном случае Чикаленко оказался неправ: советский и партийный аппарат, где в 1920 г. действительно было мало украинцев, постепенно начал обновляться благодаря провозглашенной в 1923 г. на XII съезде партии политике коренизации, ориентированной в том числе и на воспитание советских украинских кадров. Если накануне съезда доля украинцев среди служащих составляла лишь 35 %, то в 1925 г. уже 50 % государственных служащих были украинцами, в 1926 г. — 54 %⁴². В 1920 г. численность украинцев среди коммунистов достигала всего 20,1 %, а в 1933 г. — 60 %⁴³. С появлением нового — советского — поколения украинской элиты необходимость в использовании «старых» специалистов отпала, и она постепенно была устранена в процессе политических «чисток» и репрессий. Тем не менее национальный подход к подбору партийных и советских кадров, за который так ратовал Винниченко, был применен большевистским руководством, правда, без участия самого Владимира Кирилловича.

Литература

1. *Кнорре Д.К.* Поездка В.К. Винниченко в Советскую Россию и на Украину // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2011. Т. 2. Вып. 7. [online]. URL: <http://history.jes.su/s207987840000167-2-2> (дата обращения: 26.02.2018).
2. *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. Київ: Основи, 1997.
3. *Кульчицький С., Солдатенко В.* Володимир Винниченко. Київ: Альтернативи, 2005.
4. *Миронець Н.* Листування Володимира Винниченка з Микитою Шаповалом як джерело інформації про життя української політичної еміграції в Європі у 1920-х роках // Український археографічний щорічник. 2009. Вип. 13/14. С. 112–126.
5. *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20–50-ті роки ХХ ст. Київ: Наукова думка, 1994.
6. *Солдатенко В.Ф.* Документи ЦК РКП(б) 1920 р. про В. Винниченка // Український історичний журнал. 2005. № 4. С. 70–89.
7. *Солдатенко В.Ф.* Україна в революційну добу: історичні есе-хроніки у 4-х т. Київ: Світогляд, 2010. Т. IV: Рік 1920.

⁴² *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. Київ: Основи, 1997. С. 141–142.

⁴³ Там же. С. 135, 195.

References

1. Knorre, D.K., 2011. Poezdka V.K. Vynnychenko v Sovetskuiu Rossiiu i na Ukrainu [Vynnychenko Visit to Soviet Russia and Ukraine]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"*, Vol. 2, Iss. 7. [online]. URL: <http://history.jes.su/s207987840000167-2-2> (accessed: 26.02.2018).
2. Kul'chitskyi, S., Soldatenko, V., 2005. *Volodymyr Vynnychenko* [Volodymyr Vynnychenko]. Kiev: Al'ternatyvy.
3. Kravchenko, B., 1997. *Sotsial'ni zminy i natsional'na svidomist' v Ukraini XX st.* [Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine]. Kiev: Osnovy.
4. Mironets', N., 2009. Lystuvannia Volodymyra Vynnychenka z Mykytoiu Shapovalom iak dzherelo informatsii pro zhyttia ukrains'koi politichnoi emigratsii v Ievropi u 1920-h rokakh [Volodymyr Vynnychenko's Correspondence with Mykyta Shapoval as a Historical Source on the Life of Ukrainian Political Emigration in Europe in 1920s]. *Ukrai'ns'ki arkhheografichnyi shchorichnyk*, 13/14, pp. 112–126.
5. Rubl'ov, O.S., Cherchenko, Iu.A., 1994. *Stalins'hchyna i dolia zakhidnoukrains'koi inteligentsii 20–50 –ti roki XX st.* [Stalin and the fate of the Western Ukrainian intellectuals (20–50-ies of the XX century)]. Kiev: Naukova dumka.
6. Soldatenko, V.F., 2005. Dokumenty TSK RKP(b) 1920 r. pro V. Vynnychenka [Documents of the Central Committee RKP(b) 1920 about V. Vynnychenko]. *Ukrains'kyi istorychnyi zhurnal*, N 4, pp. 70–89.
7. Soldatenko, V.F., 2010. *Ukraina v revoliutsii'nu dobu: istorychni ese-khroniky u 4-kh tomah. Tom IV: Rik 1920.* [Ukraine during the revolutionary times: historical essay-chronicles in 4 volumes. Vol. IV: Year: 1920]. Kiev: Svitogliad.

DOI: 10.31168/2412-6446.2019.14.1-2.18

ТАНКИ В КУРОРТНОМ ГОРОДЕ. НОВАЯ КНИГА О СОБЫТИЯХ 1968 Г. В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Кирилл Алексеевич Попов –

кандидат исторических наук,
независимый исследователь
Электронный адрес: Pcyril90@gmail.com

Аннотация

Настоящая рецензия посвящена монографии Я. Недведа «Не склоним головы. События 1968 г. в Карловых Варах». Карловарский городской музей выпустил её к 50-летию «Пражской весны», что, вместе с характером презентации, превратило издание не только в научное, но и в общественное событие. В книге описаны общественно-политические настроения, царившие в регионе к 1968 г., развитие реформаторского движения, ввод и передвижение войск стран Варшавского договора, наконец, затухание прореформенных настроений и наступление нормализации. При подготовке своего труда автор глубоко проработал материалы местных архивов, а также собрал уникальную коллекцию фотографий, документирующих пребывание советских войск в курортном городе и протестные акции местных жителей. В то же время Я. Недвед вольно обращается с терминологией, его подбор историографии также вызывает вопросы. Автор опирается на чешские труды и практически не использует российскую литературу. Не затрагивает он и сюжета с участием в операции «Дунай» армии ГДР, сосредотачивавшейся в том числе и на границах карловарского региона. Из-за этого авторского решения в монографии отсутствуют материалы немецких архивов и историографии. В целом работе не хватает широты проработки темы, однако задачу показать «Пражскую весну» с региональной точки зрения она, безусловно, выполняет.

Ключевые слова

«Пражская весна», вторжение в Чехословакию в 1968 г., Карловы Вары, Чехословакия.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2019 г.

TANKS IN THE SPA TOWN. THE NEW BOOK ABOUT THE EVENTS OF THE YEAR 1968 IN CZECHOSLOVAKIA

Kirill A. Popov

Ph.D., independent researcher
E-mail: Pcyril90@gmail.com

Abstract

This review is devoted to the monograph by Jan Nedvěd “We do not decline our heads. The events of the year 1968 in Karlovy Vary”. The Karlovy Vary municipal museum coincided its publishing with the fiftieth anniversary of the Prague Spring which, considering the way of the presentation, turned the book not only to scientific event but also to the social one. The book describes sociopolitical trends in the region before the year 1968, the development of the reformist movement, the invasion and advance of the armies of the Warsaw Pact countries, and finally the decline of the reformist mood and the beginning of the normalization. Working on his writing, the author deeply studied the materials of the local archive and gathered the unique selection of the photographs depicting the passage of the soviet army through the spa town and the protest actions of its inhabitants. In the meantime, Nedvěd takes undue freedom with scientific terms, and his selection of historiography raises questions. The author bases his research on the Czech papers and scarcely uses the books of Russian origin. He also did not study the subject of the participating of the GDR’s army in the operation *Danube*, although these troops were concentrated on the borders of Karlovy Vary region as well. Because of this decision, there are no materials from German archives or historiography in the monograph. In general, the work lacks the width of studying its subject, but it definitively accomplishes the task of depicting the Prague Spring from the regional perspective.

Keywords

Prague spring, invasion in Czechoslovakia, normalization, Karlovy Vary, Czechoslovakia.

Received 14 March 2019.

2018 год был для Чехии и Словакии выдающимся по числу юбилеев. И хотя главный из них был радостным — 100-летие возникновения общей республики, пристальное внимание приковала к себе и печальная годовщина — 50-летие ввода в Чехословакию войск стран Варшавского договора, так называемой операции «Дунай». Идеально попадая в череду «судьбоносных восьмёрок» чешской истории (или даже национальной мифологии), 1968 год не только является самой недавней из них, но и служит спусковым механизмом для публичного обсуждения широкого круга проблем, таких как судьбы демократии и тоталитаризма, исторические альтернативы для чешского общества и, наконец, отношение к Советскому Союзу (а значит, и к современной России, поскольку для многих в Чехии, как и на постсоветском пространстве, достаточно сложно провести черту между понятиями «СССР» и «Россия» — они довольно часто воспринимаются как синонимичные).

Неудивительно, что августовский юбилей обсуждался в крупных СМИ, к дате были приурочены как общественные мероприятия, так и выход книг. Карловарский городской музей, в частности, выпустил труд своего сотрудника Я. Недведа «Не склоним головы. События 1968 г. в Карловых Варах» (*Jan Nedvěd. Neskloníme hlavy. Události roku 1968 v Karlových Varech. Karlovy Vary: Muzeum Karlovy Vary, 2018. 150 s.*) — исследование, объединяющее общегосударственное измерение истории с региональным. Следует отметить, что в обстановке ажиотажа вокруг годовщины августовских со-

бытий уже само представление книги широкой публике имело характер не сухого академического мероприятия, но общественно значимой акции. Среди собравшихся в городском музее присутствовали как ветераны, так и молодёжь, как рядовые граждане, так и представители местной администрации. Событие, впрочем, не переросло в политическую манифестацию, речи произносили исключительно представители профессиональных кругов. Живость презентации придали музыкальные паузы из песен чешских андеграудных исполнителей времен нормализации, прежде всего Карела Крыла. Таким образом, книга Я. Недведа стала не только научным, но и публичным событием.

Труд тщательно структурирован. Девять его глав охватывают историю «Пражской весны» в Карловарском регионе, начиная от предпосылок и заканчивая началом нормализации. Автор расположил свой материал в хронологическом порядке, дополняя повествование о происходившем на региональном уровне экскурсами к событиям более общего плана. Такой принцип позволил ему показать не только взаимосвязь процессов «Пражской весны» на окраинах и в центре страны, но и их специфику. Книга снабжена аналитическим аппаратом, информативными вставками в текст (сообщающими дополнительные сведения об упоминаемых событиях и людях), списками источников и литературы. Бесспорным достоинством труда является иллюстративная составляющая — фотографии, предоставленные городским архивом и современниками событий, малоизвестные широкой публике, особенно за пределами Чехии.

Впрочем, при внимательном чтении монографии становятся заметны и её недостатки. Так, вводя ключевые термины, необходимые для понимания его работы, автор, с одной стороны, выражает уверенность, что читатель и так знаком с ними по доступной литературе (не называя при этом конкретных трудов), а с другой стороны, употребляет в качестве синонимичных такие термины, как «советский / коммунистический / восточный блок», «советская империя», коммунистический / советский / большевистский / марксистский / тоталитарный режим». Противников реформ он называет одновременно «консерваторами», «сталинистами», «реакционными коммунистами», «неосталинистами», «доктринёрами», «догматиками». Смешав таким образом между собой множество наименований, каждое — со своими нюансами, автор не удосуживается обосновать их применение или помочь читателю разобраться в их смысловых оттенках. Единственными понятиями, которые Я. Недвед разбирает, являются «сталинизм» и «нормализация». Оба, впрочем, толкуются без единой ссылки на источники или литературу (пусть в случае с нормализацией и упоминается первый документ, в котором фигурирует этот термин, — Московский протокол, подписанный чехословацкими лидерами 26 августа 1968 г.). С учетом широких общественных дискуссий в разных странах и существования в самой Чехии целого института, нацеленного на изучение тоталитарных режимов, объяс-

нять эти два понятия так, как будто сам вводишь их, несколько небрежно с профессиональной точки зрения.

Для создания по-настоящему широкой картины автору не хватает материалов иностранного происхождения. Отсутствуют данные немецких архивов и немецкая историография, при том, что степень участия армии ГДР в операции «Дунай» дает, казалось бы, великолепный повод рассмотреть вопрос рефлексии гражданским и военным руководством стран соцлагеря тяжёлых эпизодов общей чешско-немецкой истории. При всей важности такой работы в контексте северо-запада Чехии (часть Судетской области), автор данный повод проигнорировал. Наконец, он крайне мало использует историографию о советской стороне. Из всего списка литературы только три книги посвящены СССР, причем, две из них представляют собой публикации источников (*Andrew Christopher, Mitrochin Vasilij. Neznámé špiónážní operace KGB. Mitrochinův archiv. Praha: Academia, 2001; Pazderka Josef (ed.) Invaze 1968. Ruský pohled. Praha: Torst a Ústav pro studium totalitních režimů, 2011*), а последняя — изданный в Чехии обзорный труд по истории России всего XX века (*Zubov Andrej (ed.) Dějiny Ruska 20. století — díl II. 1939–2007. Praha: Argo, 2015*). Такое положение дел вызывает сомнения в том, насколько глубоко автор представляет ситуацию со стороны стран Варшавского договора и насколько непредвзято он в ней разбирается.

Впрочем, сам Я. Недвед в личной переписке отметил, что ставил целью своей работы осветить события прежде всего на локальном уровне. Таким образом, включение в исследование немецких архивов видится ему следующим этапом разработки темы, а отечественная историография была бы полезна в той мере, в какой касается Карловарского региона и, особенно, деятельности советских органов разведки и госбезопасности на данной территории. Относительно материалов российских архивов, автор сослался на сложность доступа к ним, с которой сталкиваются как чешские исследователи, так и в целом специалисты из стран ЕС.

Следует отметить, что Я. Недвед действительно проявляет себя с лучшей стороны, когда встаёт на твёрдую почву региональных источников и литературы. Он детально описывает как социальную обстановку на территории Карловарского региона до 1968 г., так и общественные дискуссии вместе с прениями на заседаниях партийных комитетов, разразившиеся здесь в ходе «Пражской весны». При этом, однако, в работе не хватает глубины образов действующих лиц — автор сообщает недостаточно данных для того, чтобы читатель мог оценить жизненный путь всех региональных партийных деятелей и предположить, какие причины толкнули их в лагерь реформистов или консерваторов. Кроме того, о последних автор в принципе пишет более схематично.

Также создаётся впечатление, что Я. Недвед не делает в своей работе некоторые концептуально значимые промежуточные выводы, хотя они, казалось бы, лежат на поверхности. Так, автор в целом солидаризуется

с оценками собраний консервативных членов партии в Карловых Варах как фракционной деятельности, поскольку на них, вопреки формату и регламенту, не приглашались сторонники реформ (так называемый «случай 108»). При этом для него выглядят, по-видимому, естественными неформальные связи, возникавшие между реформистами из напрямую не связанных между собой партийных организаций (например, между президиумами окружных комитетов партии в Карловых Варах и в Праге 1 (городской округ, единица местного самоуправления)). В результате ретушируется такой аспект «Пражской весны», как характер противостояния между двумя группировками внутри Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ). Фактически обе стороны прибегали к одним и тем же средствам давления друг на друга внутри единой организации. Разница заключалась, в сущности, в том, что одна из них легитимизировала свои действия общественным мнением внутри страны, а другая — поддержкой партнеров по социалистическому блоку, главным из которых был, разумеется, СССР.

Тем не менее, обобщив данные всех своих источников, Я. Недвед приходит к выводу, что именно внутрипартийные процессы привели к поражению «Пражской весны». Несмотря на удобство рассуждений о том, что чехословацкие реформы раздавил танками советский лидер Л.И. Брежнев, автор смотрит глубже в суть событий и подчёркивает, что ввод войск не пресёк саму возможность продолжения обновленческого курса. Он, однако, придал убеждённости в своей правоте консерваторам в рядах КПЧ и одновременно подорвал волю к сопротивлению среди реформаторов. В конце концов, последние оставались убеждёнными коммунистами и, ошеломлённые мощью институционального противодействия (готовностью стран-членов Организации Варшавского договора к демонстрации силы, с одной стороны, и растущим наступлением «охранителей» из среды своих товарищей, с другой), не нашли в себе сил найти способ продолжить скрытое переустройство режима с опорой на широчайшую поддержку, которой продолжали пользоваться среди населения.

Подводя итоги, заметим, что книга «Не склоним головы. События 1968 г. в Карловых Варах» получилась, с академической точки зрения, несколько легковесной и недостаточно проработанной. Многие моменты требуют более глубокого раскрытия, всей работе не хватает объема. Свою роль в этом сыграл, по-видимому, тот факт, что, являясь музейным работником, Я. Недвед не мог посвятить исследованию всё своё время. Тем не менее, основную задачу — познакомить читателя с событиями «Пражской весны» в Карловарском регионе и вписать их в общую канву бурного 1968 года — монография выполнила.

**ЛУКИН П.Е., САФОНОВ А.А. В СЕРДЦЕ БАЛКАН:
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ МАКЕДОНИИ (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XXI ВЕКА). М.: ИНДРИК, 2018**

Евгений Андреевич Колосков –

кандидат исторических наук, доцент,
факультет международных отношений,
Санкт-Петербургский государственный
университет
Почтовый адрес: ул. Смольного, 1/3, подъезд № 8,
Санкт-Петербург, 191060, Россия
Электронный адрес: e.koloskov@spbu.ru

Аннотация

Настоящая рецензия посвящена учебному пособию П.Е. Лукина и А.А. Сафонова «В сердце Балкан: очерки истории Македонии (с древнейших времен до начала XXI века)». Авторы ставят перед собой задачу впервые в отечественной историографии написать учебное пособие для высшей школы по курсу история Македонии (курс истории страны) для студентов-историков и филологов. Помимо очерков по истории македонских земель, авторы снабдили учебное пособие приложением: избранной библиографией, списком сокращений и иллюстрациями. Кроме того, авторами предложена примерная программа курса по истории страны, представляющая собой фактически полноценное содержание университетской рабочей программы. Помимо высшей школы совместный труд Лукина и Сафонова представляет интерес и для широкого круга читателей, интересующихся историей региона: в книге, помимо истории македонских земель, представлена краткая история важнейших исторических городов. Также иллюстративный материал книги демонстрирует красоты богатого культурного наследия региона в архитектуре и живописи. Работе в силу заявленных рамок учебного пособия иногда, может быть, не хватает глубины проработки отдельных сюжетов, однако она, безусловно, будет основополагающей для всех, кто планирует специализацию в области истории македонских земель и вообще стран Балканского полуострова.

Ключевые слова

Балканы, Македония, Северная Македония, история, учебное пособие, Скопье.

Статья поступила в редакцию 27 мая 2019 г.

**LUKIN P.E., SAFONOV A.A. IN THE HEART OF THE BALKANS:
ESSAYS ON THE HISTORY OF MACEDONIA (FROM ANCIENT
TIMES TO THE EARLY TWENTY-FIRST CENTURY).
MOSCOW: INDRIK, 2018**

Evgenii A. Koloskov

Ph.D., Associate Professor,
School of International Relations,
Saint Petersburg State University
Postal address: 1/3 Smolny Street,
Entrance VIII, Saint Petersburg, 191060, Russia
E-mail: e.koloskov@spbu.ru

Abstract

This review is devoted to the book of Pavel E. Lukin and Alexander A. Safonov “In the Heart of the Balkans: Essays on the History of Macedonia (from ancient times to the early twenty-first century)”. The authors challenged themselves to write a textbook of the History of Macedonia for history and philology university students, which was the very first attempt in the Russian historiography. The textbook was provided with an extension of a selected bibliography and a list of abbreviations and illustrations. In addition, the authors also proposed an exemplary history course curriculum, which is actually the full content of the university course program. Lukin and Safonov’s book also contains a brief history of the most important historical cities and the illustrative material which demonstrates the beauty of the cultural heritage of the region in architecture and painting. It could be interesting to a wide circle of readers. The work due to the stated framework of the textbook may sometimes lack the deep analysis of some issues; however, it will certainly be fundamental for all those who would choose the specialisation in the history of the Macedonian lands and the countries of the Balkan Peninsula in general.

Keywords

Balkans, Macedonia, Northern Macedonia, history, textbook, Skopje.

Received 27 May 2019.

Учебное пособие «В сердце Балкан: очерки истории Македонии (с древнейших времен до начала XXI века)», опубликованное П.Е. Лукиным, доцентом кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, и его учеником и соратником А.А. Сафоновым в издательстве «Индрик», ставит перед собой амбициозную цель написать «сквозной очерк истории Македонии, как целостной историко-географической области — в совокупности всех ее частей на протяжении “реки времен” в интересах прежде всего университетского образования» (С. 9, 10.). Учитывая сложность и многогранность так называемого «Македонского вопроса» на протяжении практически всех исторических эпох Балканского полуострова и справедливо отмеченное авторами отсутствие обобщающего исследования, посвященного Македонии в отечественной историографии, подобная задача вызывает уважение и восхищение.

Книга разделена на 8 глав, названных «очерками», включает в себя приложение, избранную библиографию, список сокращений и иллюстрации. Одним из несомненных достоинств книги является примерная программа курса по истории Македонии для студентов исторического и филологического факультетов (С. 144–151).

Первый очерк, озаглавленный «Что такое Македония?», посвящен определению многозначного термина «Македония» от античности до наших дней. Авторы определяют Македонию как историко-географическую область и, следуя сложившейся в славянской историографии традиции, делят ее на Эгейскую, Вардарскую и Пиринскую. В третьем разделе главы «Балканы Балкан» авторы выделяют три «важнейших свойства» Македонии: «разнородность и дробность едва ли не всех составляющих местной при-

родно-географической и историко-культурной среды: от рельефа и климата до хозяйственно-бытового уклада, этноязыкового и религиозно-культурного облика населения» (С. 18); «непрекращающаяся подвижность местных реалий, которых, в свою очередь, отличает резкая неравномерность: повышенная динамичность приморских районов на географической периферии Балканского региона сочетается с отчетливой инертностью, консерватизмом и даже застойностью его центральных и вообще внутренних, континентальных земель» (С. 19–20); «многослойность местного историко-культурного наследия в его совокупности и в широкой временной перспективе» (С. 20). Важно подчеркнуть, что авторы отказываются от определения этимологии слова «Македония» и не дают ответа, когда произошел процесс «воображения» Македонии в современных историко-географических границах.

В главе «Македонские земли в древнейшее время и эпоху Античности» авторы предлагают краткое описание истории македонских земель от неолита (VII–VI тысячелетия до н.э.) до ранневизантийского периода (VI–VII вв. н.э.). Отметим утверждение авторов о том, что «полное и при этом длительное, даже по историческим меркам, объединение македонских земель в рамках одного государства было впервые достигнуто только в результате римского завоевания» (С. 27). Именно периоду римского господства и посвящена большая часть данного очерка.

Третий очерк «Македонские земли в Средневековье (до османского завоевания)» посвящен славянской колонизации Балкан и борьбе за македонские земли между различными средневековыми властителями. Отдельное внимание авторы уделяют характерному для научной литературы условному разделению Македонии на Славянскую (Северную и Среднюю) и Греческую (Южную) (С. 34) и личности царя Самуила, впрочем, не акцентируя внимание на войне за его историческое наследство между современными Скопье и Софией (С. 41–43). Важно, что авторы в рамках данной главы достаточно подробно останавливаются на вопросе «болгарскости» жителей Македонии в Средние века. Также несомненный интерес представляет их тезис о том, что в географическом положении Македонии заложен «потенциал естественного пространственного коридора, проводящего влияние средиземноморского юга на север — во внутренние земли Балканского полуострова» (С. 51).

В четвертой главе «Македонские земли в Позднее Средневековье (под властью Османов)» авторы описывают процесс османского завоевания и установившийся в регионе порядок с упором на сюжеты социально-экономического и этно-религиозного развития. Отметим, что хронологически рамки данного очерка весьма широки: 1360-е годы — 1878 г.

Пятый очерк «Македонские земли в конце XIX и начале XX века» посвящен истории «Македонского вопроса» и борьбе за Македонию, которую вели болгары, греки и сербы, от Берлинского конгресса 1878 г. и до Второй Балканской войны 1913 г., после которой «был положен конец пятивековому единству македонских земель в составе Османской империи» (С. 87).

Шестая глава «Македонские земли в первой половине XX века» посвящена в большей степени истории Вардарской (Сербской) Македонии, ее непростым перипетиям в ходе двух мировых войн и нахождения в составе королевской Югославии. Очевидно, что начиная с этой главы авторы в большей степени представляют историю будущей Республики Северная Македония, хотя нельзя не отметить, что в седьмом очерке «Македонские земли во второй половине XX и начале XXI века» авторы подробно останавливаются на положении дел в Пиринской и Эгейской Македонии в составе, соответственно, Болгарии и Греции.

В седьмом очерке заслуживает внимание в целом пессимистический прогноз будущего Республики Северная Македония: в частности, авторы упоминают «фактор албанского меньшинства, которое насчитывает не менее одной трети от общей численности населения» (С. 116), возможную в будущем «эрозию государственно-правовых и усиление теневых связей и превращение самой Македонии в “несостоявшееся государство”» (С. 117). Сдержанно оптимистический сценарий, представленный авторами, согласно которому «укрепление государственных институтов, мирное урегулирование межэтнических отношений переговорным путем, несмотря на более чем вероятный рост доли албанской общины в составе ее населения, откроют для нее путь к постепенному продвижению в сторону интеграции с Европой» (С. 117), выглядит крайне неуверенно и ретранслирует характерное для интеллектуалов балканских стран стремление к евроинтеграции как панацее от всех бед и, одновременно, отношение к «возвращению в Европу», как к концу истории.

Последний очерк, озаглавленный «Исторические города Македонии», представляет «историческую судьбу области через призму “частных”, локальных историй некоторых из ее городов» (С. 119). Авторами представлена краткая история следующих городов: Салоники, Серры, Мелник, Струмица, Битола, Охрид и Скопье.

Завершают книгу уже упомянутая примерная программа курса по истории Македонии, избранная библиография из 98 позиций, список сокращений и иллюстрации, отражающие богатое культурное наследие региона в архитектуре и живописи.

Совместный труд Лукина и Сафонова представляет собой успешную попытку впервые в отечественной историографии написать учебное пособие для изучающих историю македонских земель. Конечно, в установленных рамках не удалось всесторонне раскрыть потенциал авторов, посвятивших десятилетия изучению «Македонского вопроса», но получившийся результат, безусловно, станет отправной точкой для всех, кто в дальнейшем будет планировать специализацию в области истории македонских земель и вообще стран Балканского полуострова. Кроме того, стоит отметить прератности истории региона: авторы в силу времени подготовки и публикации книги не могли отреагировать на два ключевых события современной

истории Республики Северная Македония: придание албанскому языку статуса государственного и реализацию Преспанского соглашения, открывшего для страны путь в НАТО.

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ». 21–22 МАЯ 2019 Г.

Более 20 лет Институт славяноведения РАН отмечает День славянской письменности и культуры традиционной научной конференцией. С 2014 г. она проходит в формате конференции молодых ученых. В 2019 г. участники из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Тольятти, Тюмени, Екатеринбурга и Ростова-на-Дону, а также Словакии, Чехии, Венгрии и Румынии продолжили эту традицию. Вновь обсуждался широкий круг проблем, связанных: с историей славянских народов от Средних веков до наших дней в национальном, региональном, международном контексте; с типологией славянских языков и диалектов, лингвогеографией, социо- и этнолингвистикой; с формированием, развитием, современным состоянием и перспективами славянских литератур и пр.

YOUNG SCHOLARS CONFERENCE “SLAVIC WORLD: COMMONALITY AND DIVERSITY”. 21–22 MAY 2019

For more than twenty years, the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences celebrates the Day of Slavic Writing and Culture with the traditional scholarly conference. Since 2014, it has been held in the young scholars' format. In 2019, participants from Moscow, St. Petersburg, Kazan, Togliatti, Tyumen, Yekaterinburg, and Rostov-on-Don, as well as Slovakia, the Czech Republic, Hungary, and Romania continued this tradition. A wide range of problems related to the history of the Slavic peoples from the Middle Ages to the present time in the national, regional and international context were discussed again. Participants talked about the typology of Slavic languages and dialects, linguo-geography, socio- and ethnolinguistics, analysed formation, development, current state, and prospects of Slavic literatures, etc.

DOI: 10.31168/2412-6446.2019.14.1-2.20

Секция «История»

Константин Сергеевич Коноплянко –

младший научный сотрудник, аспирант,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: brest1596@gmail.com

Ключевые слова

Славяноведение, Средние века, Новое время, межвоенный период, эмиграция, межблоковое противостояние.

Статья поступила в редакцию 24 июня 2019 г.

Session “History”

Konstantin S. Konoplyanko

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: brest1596@gmail.com

Keywords

Slavic studies, Middle Ages, Modern history, Interwar history, emigration, Cold War.

Received 24 June 2019.

21–22 мая 2019 г. состоялась очередная конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие», ежегодно организуемая Институтом славяноведения РАН в Дни славянской письменности и культуры. Целью конференции был заявлен «междисциплинарный диалог и обсуждение актуальных направлений исследований в области славистики»¹, чему соответствовало традиционное ее деление на секции по истории, языкознанию и литературоведению.

Конференция открылась приветственным словом директора Института славяноведения РАН К.В. Никифорова. Он рассказал об истории появления молодежной конференции, указал на ее непосредственную связь с Днями славянской письменности и культуры, а также подчеркнул ее международный и междисциплинарный характер.

Программа исторической секции конференции была представлена большим количеством разнообразных докладов, затрагивающих широкий диапазон исследовательских проблем; их отличало также изобилие исследуемых регионов (славянских и сопредельных) и хронологических периодов (от Средних веков до современности), что и определило двухдневную работу секции.

21 мая заслушивались доклады на заседаниях пяти подсекций. Первые две из них были посвящены новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Д.О. Вакарчук (РГГУ, Москва) выступил с докладом «Роль государств Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) в отношениях России и ЕС в энергетической сфере (2004–2009 гг.)», в котором выделил два этапа влияния государств Центрально-Восточной Европы на энергетическую политику ЕС по отношению к РФ: первый (2004–2007 гг.), характеризующийся выработкой идеологических основ общей внешней энерге-

¹ Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». 21–22 мая 2019 г. Информационное письмо. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/2019_molodezh_informpismo.pdf (дата обращения: 28.06.2019).

тической политики (ОВЭП) и попытками стран ЦВЕ провозгласить идею солидарности энергетической политики ЕС в отношении РФ в качестве приоритетной для ОВЭП, и второй (2007–2009 гг.), связанный с использованием ЦВЕ новых методов проведения своих интересов в области энергетической безопасности, таких как возобновление кооперации с Еврокомиссией в рамках европейской политики соседства и реализации проекта магистрального газопровода «Набукко». Докладчик пришел к выводу, что укрепление наднациональных полномочий Европейской комиссии в области энергетики, вызванное энергетической политикой государств ЦВЕ, впоследствии привело к осложнениям в российско-европейских отношениях.

Доклад А.К. Александровой (ИСл РАН, Москва) «Решение Международного суда ООН по делу о юрисдикционных иммунитетах государства (Германия против Италии, при участии Греции): к вопросу о компенсации жертвам нацизма» показал актуальность проблемы выплаты репараций жертвам нацизма в современных международных отношениях. Автор констатировала вялотекущий характер многолетнего конфликта, который стал предметом рефлексий в Греции в годы финансово-экономического кризиса: Германия считалась ответственной за провальную программу финансовой помощи, поэтому поднимались не только старые требования компенсации, но и обвинения Германии в бедственном положении современной греческой экономики.

В докладе М.Ю. Ломоносова (ТюмГУ, Тюмень) «Кому принадлежит Македония? Политические споры о “государствообразующих нациях” и этноисторические мифы албанцев и македонцев в 1990-х — начале 2000-х годов» был представлен анализ современных этноисторических концепций на албанских и македонских нарративных материалах разного типа (от научных и публицистических до псевдонаучных), а также на лично собранных автором интервью с албанскими историками, стоявшими у истоков полемики о древней истории Македонии. Докладчик пришел к выводу, что албанско-македонская полемика породила стремление македонских интеллектуалов говорить о полной этнической уникальности и гомогенности Древней Македонии.

А.Р. Лагно (ИСл РАН, Москва) в докладе на тему «Украинский вопрос в “исторической политике” партии Ярослава Качиньского» обозначила круг проблем современных польско-украинских отношений на материале анализа новостных выпусков официального Первого польского телеканала *TVP1*.

Ю.Р. Хакимова (СПбГУ, Санкт-Петербург) в докладе «Слободан Милошевич в зеркале российских медиа (1999 г.)» обратилась к анализу позиции российского издания «Коммерсант» по проблеме российско-югославских отношений в контексте косовского кризиса. Автор отметила, что в рассматриваемых материалах образ президента Союзной республики Югославия (СРЮ) С. Милошевича охарактеризован негативно: на него возлагалась

вина за втягивание РФ в косовский конфликт, что имело негативные последствия для переговоров России с западными странами по экономическим вопросам, а политический режим С. Милошевича кардинально противопоставлялся «братьям-сербам».

Е.А. Колосков (СПбГУ, Санкт-Петербург) представил доклад на тему «От Университета Планеты к Славянской Федерации: трансформация образа славянства в мейнстримных видеоиграх», в котором показал, что Россия и Польша фигурируют как основные представители славянского мира в серии игр «Цивилизация», а их образы не претерпевают особой трансформации.

Я.Н. Смирнов (ИСл РАН, Москва) в докладе «СРЮ и руководство Черногории в 1997–1999 гг.» затронул проблему становления нового этапа отношений Сербии и Черногории, в ходе которого наметился курс на выход последней из состава СРЮ.

Н. Махмутаи (СПбГУ, Санкт-Петербург) представила доклад на тему «Албанско-российские отношения в политической сфере (1990–2000 гг.)». Автор осветила события в отношениях двух государств в указанный хронологический период и сделала вывод, что несмотря на разные позиции их руководства по ключевым международным проблемам (косовский и украинский кризисы, расширение НАТО на восток и пр.), албанско-российские отношения в настоящее время выстраиваются по принципу конструктивного партнерства.

Третья подсекция была посвящена проблеме внешнеблокового противостояния. В ее рамках выступила Л.А. Завалишка (Ясский университет имени А.И. Кузы, Румыния) с докладом «Визит Р. Никсона в Румынию в августе 1969 г. глазами дипломатов социалистических стран», в котором показала, что рассматриваемое событие получило негативную оценку дипломатов социалистических стран, недовольных отсутствием согласования визита со странами-участницами Варшавского договора. Затем Е.В. Каменская (УрФУ, Екатеринбург) в докладе «Югославия и И. Броз Тито в советской печати второй половины 1960-х — начала 1970-х годов» показала отражение в советской прессе эволюции советско-югославских отношений от кризиса в 1960-х годах до их нормализации в 1970-е годы. Б.С. Новосельцев (ИСл РАН, Москва) в докладе на тему «Внешняя политика Югославии и начало международного детанта (1970–1971 гг.)» отметил как существенную роль «разрядки» в концепции неприсоединения И. Броз Тито, так и связанные с «разрядкой» опасения монополизации сверхдержавами решений ключевых международных вопросов.

Следующую, четвертую, подсекцию докладов, посвященную диаспорам, зарубежью и эмиграции, открыло выступление Л. Гоптовой (Прешовский университет в Прешове, Словакия) «Ключевые фигуры белорусской эмиграции в Чехословакии», сопровождающееся подробной презентацией. Затем Т.Р. Семакина (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) в докладе

«Польско-советские культурные контакты в 1930–1932 гг. (по материалам ВОКС)» показала неоднозначный характер советско-польских культурных связей в межвоенный период. А.В. Зайцев (РГГУ, Москва) выступил с докладом «Зарубежные славянские организации в оценке советских деятелей нового славянского движения (1942–1958)». Завершил работу подсекции доклад Е.А. Косован (РГГУ, Москва) «Украинская диаспора в ФРГ и советские организации по культурным связям с соотечественниками за рубежом (1960–1980-е годы)», в котором была отмечена низкая эффективность попыток советских организаций «Родина» и «Украина» наладить сотрудничество с украинской диаспорой в ФРГ.

Пятую подсекцию под названием «От Балканских войн до Второй мировой войны» открыл доклад А.С. Шишковой (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Исторические образы немцев в прессе второй Речи Посполитой и их влияние на развитие польской идентичности». Автор отметила равнозначное негативное отношение эндеков как к немцам, так и к австрийцам, в экономических и политических стремлениях которых виделась опасность для польской государственности. Д.С. Парфирьев (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) в докладе «Украинские политики Австро-Венгрии в борьбе за университет (1914–1918)» сделал вывод, что если до Первой мировой войны борьба за отдельный украинский университет виделась ключевым элементом политики, то к концу войны она уступает место более существенным политическим требованиям. Далее Н.С. Гусев (ИСЛ РАН, Москва) в докладе «“Болгарин — ты! Ты — гордость наша! Ты — славный русский генерал!”: генерал Радко Димитриев в зеркале русской прессы во время Первой мировой войны» рассмотрел парадокс триумфа и краха военной карьеры генерала Радко Димитриева как представителя двух культур: этнического болгарина, с одной стороны, и воспитанника русской военной школы, с другой. П.В. Мошечков (ИСЛ РАН, Москва) в докладе «Концепция “угнетенных народностей” Т.Г. Масарика как способ реорганизации русской армии во второй половине 1917 — начале 1918 гг.» заключил, что рассматриваемый проект Т.Г. Масарика заложил основы сотрудничества между национальными организациями народов Австро-Венгерской империи — Чешско-Словацким национальным советом, Польским советом межпартийного объединения, Румынской вербовочной комиссией и Центральным Югославянским комитетом. В выступлении Н.И. Нечаевой (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Словацкие автономисты: “людацкая” партия священника Андрея Глинки» была поднята проблема ранней национально-освободительной борьбы словаков. Автор отметила, что проект автономии, внесенный в парламент первой Чехословацкой республики «людацкой» партией, пробуждал в словаках сепаратистские настроения.

Историческая секция конференции продолжила работу 22 мая и открылась серией докладов подсекции «Новое время. Нарративы и дискурсы». С.А. Орешин (ИЭА РАН, Москва) выступил с докладом на тему «Славян-

ская колонизация Терско-Дагестанского края (XVI — начало XX вв.)». Он пришел к выводу о ключевой роли славянской колонизации в экономическом развитии Терско-Дагестанского края, а именно в строительстве городов, создании инфраструктуры и освоении целинных земель. К.В. Мельчакова (ИСл РАН, Москва) в докладе «Очерк “Босния в географическом, историческом, этнографическом, статистическом и торговом отношениях” российского консула А.Н. Кудрявцева» дала полноценную источниковедческую характеристику записки А.Н. Кудрявцева, находящейся в Архиве внешней политики Российской империи. Автор обратила внимание на важность сведений этого документа как вполне релевантного источника о разносторонних проблемах Боснии 1860–1870-х годов: кроме данных по географии, истории, этнографии и статистике региона, «Очерк» интересен и личной позицией дипломата по поводу реформ танзимата в Боснии. А.Ю. Перетягко (ЮФУ, Ростов-на-Дону) в докладе «“Военный постфронтир”: к определению феномена военно-социальных институтов Военной границы и Донского Войска второй половины XIX в.» с помощью компаративного метода попытался охарактеризовать уникальное явление второй половины XIX в., которое сам автор определил термином «военный постфронтир». Данный термин предполагает существование в одно и то же время удаленных географически и незнакомых друг с другом пограничных (фронтирных) обществ, которые, утратив пограничный статус, сохраняют характерные фронтирные признаки: военные традиции, административные институты и длительную географическую оседлость. Последние два доклада подсекции были посвящены проблеме наций и национализма. В.В. Котов (ИСл РАН, Москва) в сообщении «Теория национализма Мирослава Гроха и историография сокольского движения» показал оправданность применения теории национализма М. Гроха для исследования сокольского движения, в частности, на примере богемских обществ 1860-х годов. С.А. Александрова (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) в докладе «Разработка Романом Дмовским понятия нации на страницах журнала “Przegląd Wszepolski” в 1895–1897 гг.» сделала вывод о сходстве понимания нации Р. Дмовским и принятым во Франции.

Седьмая подсекция исторической секции конференции была посвящена межславянским отношениям в Новое время. Н.Г. Струнина-Бородинна (ИСл РАН, Москва) в докладе «К вопросу о финансовой помощи России Черногории: от истоков русско-черногорских связей к началу XX в.», основываясь преимущественно на впервые введенных в оборот архивных документах, показала генезис развития финансовых отношений России и Черногории с XVIII — до начала XX вв. и пришла к выводу о монолитном, целенаправленном и взаимовыгодном их характере. В докладе П.К. Кирчу (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «“Польский вопрос” становится внутренней чешской дискуссией» была рассмотрена проблема влияния «польского вопроса» в целом и восстания 1863 г., в частности, на чешскую

общественную мысль. Докладчик пришел к выводу, что внутричешская полемика постепенно переходила от полярных мнений о проблеме к постановке конкретного вопроса об актуальности старых лидеров и сущности «чешскости» как таковой. А.М. Дронов (ИСл РАН, Москва) в докладе «Отношение австрийских сербов к иллиризму на рубеже 1830–1840-х годов (по материалам газеты “Сербский народный листь”»)» обратил внимание на различие политического и культурного иллиризма и заключил, что критика иллиризма австрийскими сербами основывалась на опасениях потери ими ключевых маркеров сербской идентичности (самоназвания, языка, религии) и растворении в некой наднациональной общности. Затем прозвучал доклад Л.К. Новосельцевой (ИСл РАН, Москва) «Восточный вопрос во взглядах воеводинских либералов. Концепция М. Полит-Десанчица и С. Милетича в 1860-е годы», в котором была отмечена популярность этих идей не только в среде сербских, хорватских и болгарских политиков, но и в западноевропейской либеральной политической мысли. Далее Е.С. Киреева (МГЛУ, Москва) в докладе «Железнодорожное строительство в Сербии на рубеже XIX–XX вв.: планы и их реализация» рассмотрела генезис развития транспортной инфраструктуры в Сербии в указанный период.

На подсекции «Из истории славяноведения: библиотеки рассказывают» были заслушаны доклады, посвященные книгам из личных собраний известных историков-славистов. Выступления, сопровождаемые подробными презентациями с фотографиями, представили М.В. Колмакова и Д.Ю. Чернышенко (БАН, Санкт-Петербург) в докладе «Книги из личной библиотеки Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ в Славянском фонде БАН» и С.А. Жабрева (БАН, Санкт-Петербург) — «Книжные “корреспонденты” П.А. Ровинского (на материалах сербохорватского отдела Славянского фонда БАН)».

На завершающей подсекции «Средние века и раннее Новое время: к вопросу анализа текста» выступили три докладчика. Н.Р. Белова (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) в докладе «Побелогорская рекатолизация Чешских земель в “Христославе” силезского иезуита Матея Виерия» отметила четкую промонархическую линию сочинения М. Виерия, которая заключалась как в создании образа идеального монарха, с присущими ему добродетелями, так и в поддержке основной обязанности монаршей власти — укреплении католичества и подавлении иноверцев. Т.В. Гимадеев (КФУ, Казань) в докладе «Битва у Липан в чешской историографии (1848–1948)» отметил переход чешских историков в конце XIX в. от однозначно негативной оценки битвы у Липан к более полярным суждениям. К.С. Коноплянко (ИСл РАН, Москва) в докладе «Восприятие анабаптизма в сочинениях польских антитринитариев 1560-х годов» обратился к проблеме текстуального заимствования польскими антитринитариями ключевых формулировок вероучительного сочинения моравской общины анабаптистов (гуттеритов).

В заключение модератор подсекции Г.П. Мельников (ИСл РАН, Москва) подвел итоги работы исторической секции конференции, констатировав ее насыщенность, общий достойный уровень докладов и появление в рядах участников новых лиц.

DOI: 10.31168/2412-6446.2019.14.1-2.21

Секция «Языкознание»

Сергей Александрович Борисов –

младший научный сотрудник, аспирант,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: borisovsergius@gmail.com

Ключевые слова

Славянские языки, историческая грамматика, социолингвистика, диалектология, этнолингвистика.

Статья поступила в редакцию 24 июня 2019 г.

Session “Linguistics”

Sergej A. Borisov

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: borisovsergius@gmail.com

Keywords

Slavic languages, historical grammar, sociolinguistics, dialectology, ethnolinguistics.

Received 24 June 2019.

Выступления в секции «Языкознание» затрагивали традиционно широкий спектр вопросов исторической грамматики, социолингвистики, диалектологии и этнолингвистики. Доклады первого блока были посвящены изучению документов Русского Средневековья и Нового времени. Секцию открыло выступление М.В. Скачедубовой (НИУ ВШЭ; ИРЯ РАН, Москва) «К вопросу о возможной взаимозаменяемости суффиксов *-л-* и *-н-/-т-* в причастиях прошедшего времени в славянских языках (на примере одного разночтения в Новгородской первой летописи)», в котором анализировался пример использования в летописи XV в. глагольной формы

с суффиксом *-л-* в функции причастия прошедшего времени со страдательным значением. В докладе Р.И. Ханукаевой (ИСл РАН, Москва) «Термин “мать” в русских летописях» были рассмотрены возможности и перспективы исследования метафорических употреблений обозначения «мать» в летописях, наряду с многочисленными примерами метафорических употреблений терминов «отец» и «брат». Н.Е. Ким (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) выступил с докладом «Особенности системы глагольного управления в проповедях Тихона Задонского», в котором был сделан вывод о возможности варьирования модели управления глаголов в русском языке второй половины XVIII в. М.А. Гаврилков (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) в докладе «Функциональность цитатного пространства “Стязания о известном иночьском жительстве...” Максима Грека» подчеркнул, что главная задача читателя сочинения Максима Грека — постичь его многогранную цитатную структуру. Ее сложность, в свою очередь, обусловлена функциональной задачей книжности соответствующего жанра того времени. А.К. Поливанова (ИСл РАН, Москва) в докладе «Писцы и филигранные Егоровско-Барсовского хронографа конца XVI в.» представила результаты сопоставления визуальной стороны оформления (филигранные, почерки) и лингвистических особенностей (язык, орфография) двух частей Русского хронографа в редакции 1512 г. В.Ю. Шатин (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) в рамках выступления «О вокализме первого предупредительного слога после мягких согласных в костромских говорах XVII в.» констатировал, что в костромских говорах в рассматриваемый период складывалась тенденция к нейтрализации гласных неверхнего подъема в первом предупредительном слоге между мягкими согласными. Такая нейтрализация реализовывалась в звуке [e]. Докладчик при этом допускает окказиональные реализации [‘a] и [и], которые зафиксированы в других северо-великорусских говорах.

Второй тематический блок секции — «Славянские языки в прошлом и настоящем» — открыл доклад С.А. Борисова (ИСл РАН, Москва) «Чешский язык в сербском Банате: социолингвистическая ситуация». Докладчик представил результаты исследования современного состояния чешского языка потомков переселенцев в XIX в. из Чешского королевства в Банат и сделал вывод о значительном влиянии сербского языка на язык чешского меньшинства в Воеводине. К.И. Комарова (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) представила доклад «Артикль как выразитель категории определенности / неопределенности в словенском литературном языке XVI в. (по материалам текстов П. Трубара)», в котором отметила, что употребление артикля при существительных в словенском литературном языке рассматриваемого периода происходило под влиянием и по модели немецкого языка, в то время как артикль с прилагательными употреблялся для выражения дополнительного значения определенности / неопределенности в связи с утратой противопоставления кратких и полных форм прилагательных. Тематический блок завершил доклад М.М. Громовой (МГУ

имени М.В. Ломоносова, Москва) «Севернорусские глаголы с элементом *-того-* и их болгарские соответствия». Такие глаголы, подчеркнула автор, обозначают действие вообще, а конкретизирующим значением обладают приставки. В качестве функционально соответствующих в болгарском языке были выделены глаголы, образованные сложением указательного элемента *-он-* и глагольного корня *-дей-*.

В рамках завершающего блока секции были представлены доклады социокультурной и этнолингвистической направленности, объединенные общей темой «Язык и традиционная культура». В выступлении «Календарные праздники помаков нома Родопи и Ксанти» Я.Б. Яхонтова (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) показала, что современные помаки рассматриваемого региона отмечают мусульманские религиозные праздники, устраивают народные гуляния, восходящие к христианским праздникам, а также отмечают общебалканские типологические праздники, не относящиеся к какой-либо религии. Е.Н. Струганова (ИСл РАН, Москва) в докладе «Стихия земли в болгарской культуре в свете аксиологии» привела примеры различной оценки земли в народной культуре болгар, включающие представления о том, что земля обладает безусловной ценностью: дает урожай, на ней живут люди; однако от нее также может исходить опасность в форме стихийных бедствий. При этом восприятие земли всегда остается нейтральным или скорее положительным. Разговор о народной культуре болгар продолжила А.П. Якимова (ИСл РАН, Москва) в докладе «Заимствования в болгарской народной лексике одежды». Заимствования терминов данной лексико-семантической группы распространены по всей территории Болгарии и представлены в основном тюркизмами и грецизмами; встречаются также лексемы, пришедшие из французского и немецкого (через румынский), а также арумынского языков, и различаются по степени освоенности болгарским языком. Работу секции завершило выступление Д.А. Петровой (Государственная Третьяковская галерея; Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, Москва) на тему «Символика образов в деревянной домовой резьбе». Участникам подсекции был представлен подробный анализ различных мотивов в домовой резьбе, восходящих к языческим верованиям, а также выделены и проиллюстрированы фотографиями солярные, растительные, зооморфные, орнитоморфные, антропоморфные, терратологические, астральные и геометрические орнаменты наличников и других элементов декора деревянного дома.

Секция «Литературоведение»

Светлана Анатольевна Кожина –

младший научный сотрудник, аспирант,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: lana-0391@mail.ru

Наталья Александровна Лунькова –

младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: lunkova_n@mail.ru

Ключевые слова

Болгарская литература, белорусская литература, польская литература, польский кинематограф, поэтика, словацкая литература, словенская литература, переводоведение, цифровая гуманитаристика, чешская литература.

Статья поступила в редакцию 24 июня 2019 г.

Session “Literary Studies”

Svetlana A. Kozhina

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 1199334, Russia
E-mail: lana-0391@mail.ru

Natalia A. Lunkova

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: lunkova_n@mail.ru

Keywords

Bulgarian literature, Belarussian literature, Polish literature, Polish cinema art, poetics, Slovak literature, Slovene literature, translation, Digital Humanities, Czech literature.

Received 24 June 2019.

Доклады секции «Литературоведение» были поделены организаторами на три группы: «Проблемы поэтики славянских литератур», «Художественная литература и история», «Вопросы рецепции и перевода», в соответствии с объектами и предметами исследований.

Сообщение В.И. Федоровой (ИСЛ РАН, Москва) «Поэтика повествования от первого лица в польской литературе конца XVIII–XX вв. Проблема автора и героя» было посвящено в основном вопросам теории литературы. Опираясь на труды Б.О. Кормана, Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпы, В. Шмида, автор достаточно подробно проанализировала типы «я-повествования», выборочно привлекая для этого польскую художественную прозу. В ходе дискуссии обсуждались вопросы развития европейской нарратологии, в том

числе польской и немецкой. И.Е. Адельгейм обратила внимание на необходимость учета специфики развития национальной литературы, процесса усвоения философских и психологических концепций, которые в значительной степени повлияли на стратегии повествования в художественной прозе. Кроме того, по ее замечанию, стоит избегать случайной выборки материала для анализа.

А.В. Амелина (ИСл РАН, Москва) в докладе «“Плотина” — “утопический” роман Марии Майеровой», исследуя жанровые особенности этого произведения («маскировку» утопии под антиутопию), отметила, что обращение чешской писательницы к этому жанру было одним из способов избежать цензуры. По мнению Амелиной, именно в «Плотине», заметно выделяющейся на фоне других чешских утопических и антиутопических произведений, Майерова существенно отходила от жанрового канона.

Доклад Н.А. Луньковой (ИСл РАН, Москва) «Автоинтертекстуальность в прозе С. Стратиева» затронул важную особенность поэтики творчества известного болгарского писателя — повторяющееся обращение к определенным концептам в художественных текстах. Привлекая в качестве материала для анализа тексты разных лет, докладчик доказала, что эпические произведения Стратиева находятся в диалогических взаимоотношениях. Дополняя друг друга, раскрывая идеи автора, повести и рассказы Стратиева образуют разветвленное тематическое единство. Во время обсуждения этого доклада Л.Н. Будагова отметила, что при анализе творчества 1990-х годов нужно учитывать также поэтику постмодернизма, так как автоинтертекстуальные компоненты используются и для ведения «игры» с читателем.

О болгарской литературе шла речь и в докладе А.В. Зубковой (РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва) «Проблема “женского письма” в романе Эмили Дворяновой “Концерт для слова”». В центре внимания докладчика был гендерный подход к изучению художественного произведения, а именно специфика так называемого женского письма в «Концерте для слова». Рассмотрев его проявления на разных уровнях текста, Зубкова пришла к выводу, что «женское письмо» в данном романе наиболее ярко проявляется в мотивике и синтаксисе. В ходе возникшей дискуссии участники конференции обсудили вопросы постмодернистской поэтики и гендерного подхода в литературоведении.

Разговор о специфике современной прозы, на этот раз словацкой, продолжила А.В. Бырина (ИСл РАН, Москва), выступив с докладом «Особенности поэтики романа Павла Виликовского “Автобиография зла”», в котором в целом шла речь о сюжете и композиции произведения. Кроме того, Бырина сравнила «Автобиографию зла» с другими произведениями автора, в частности, с «Первой и последней любовью», «Повестью о настоящем человеке», «Господином воспоминаний». Докладчик подчеркнула, что в исследуемом романе присутствуют характерные для творчества Виликовского фрагментарность, интересный сюжет, установка на диалог с читателем.

В докладе С.А. Кожинной (ИСл РАН, Москва) «Семантика пространства в романе Д. Годровой “Спиральные предложения”» отмечалось, что проводимые чешской писательницей в литературоведческих работах теоретические обобщения, касающиеся категории пространства, позднее нашли отражение в ее художественных произведениях. Докладчица констатировала связь творчества Годровой с европейским постмодернизмом, но также заметила важную его особенность, благодаря которой произведения писательницы выделяются на общем фоне, — автобиографизм, проявившийся и в рассматриваемом романе. Литературная карта памяти, которая создается Годровой в «Спиральных предложениях», имеет ризоматическую структуру, объединяя разрозненные на первый взгляд топосы в общее интертекстуальное пространство.

Подсекцию «Художественная литература и история» открыл доклад Е.А. Дерзасовой (РГГУ, Москва) и М.В. Подрядчиковой (НИУ ВШЭ, Москва) «Исследование произведений М. Павича “Биография Белграда” и “Пейзаж, нарисованный чаем” как исторических источников с использованием методов цифровой гуманитаристики». Составив список наиболее часто употребляемых слов (использовав методы сегментизации и токенизации, а также статистическую меру *TF-IDF*) и соотнеся его с реальными историческими событиями, докладчицы обнаружили, что совпадений наблюдается достаточно мало, что не позволяет рассматривать произведения М. Павича как достоверный материал для исторического анализа. Наиболее важными вопросами в рамках дискуссии после доклада были, во-первых, вопрос о необходимости проведения подобного анализа на языке оригинала, а также, во-вторых, о релевантности использования художественного произведения как исторического источника. Во время дискуссии участники сошлись во мнении, что продемонстрированные методы анализа могут представлять интерес для гуманитарных областей знания.

Доклад Е.В. Шатько (ИСл РАН, Москва) «История в романе М. Павича “Внутренняя сторона ветра”» также был посвящен проблеме репрезентации в творчестве М. Павича (и, шире, в художественном произведении вообще) исторических событий. По мнению докладчицы, для Павича характерна описательная подача фактов, часто без указания точных дат или с использованием намеков или сравнений, что может свидетельствовать о стремлении писателя создать не исторически достоверное повествование, а фон для основных событий — истории жизни персонажей. Павич погружает читателя в эпоху, используя определенные социокультурные маркеры (топонимы, в том числе исторически достоверное немецкое название Белграда, названия церквей, храмов, имена видных политических деятелей и т.д.). В дискуссии после доклада поднимались вопросы об источниках, использованных Павичем, и «гендерной дифференциации» при фиксации истории.

Своеобразный не только литературный, но и социально-исторический анализ был представлен в докладе В.В. Старковой (МГУ имени М.В. Ло-

монослова, Москва) «Орден иезуитов в романе Д. Янчара “Катарина, павлин и иезуит” (к проблеме исторических реалий)». Для творчества этого словенского писателя характерно сплетение национально-исторических и общеполитических аспектов. История и культура словенских земель при сохранении самобытности встраивается в контекст общей истории Европы. Старкова отметила, что главный герой на протяжении романа переживает несколько серьезных испытаний, связанных не только с развитием и падением ордена, но и с его внутренним, психологическим, кризисом. В ходе дискуссии обсуждались вопросы репрезентации понимания «тоталитарного сознания» в романе при помощи подробного изображения системы ордена иезуитов, а также специфики подхода Янчара к историческому материалу и способам изображения реальных исторических событий в художественном произведении.

Проблеме поиска национальной идентичности в литературе белорусско-польского пограничья был посвящен доклад М.А. Ламм (ИСЛ РАН, Москва) «“Кресовяки”: между политическим и этническим». Она подчеркнула, что после распада Советского Союза белорусская поэзия оказалась в ситуации поиска новых путей развития. Одновременно актуализировалась как гражданская, так и национальная проблематика, касающаяся политической и социальной организации новообразованного государства, этнического и национального самосознания в целом. По мнению докладчицы, белорусская поэзия второй половины XX в. отличалась синтезом двух этих направлений. В качестве примера была проанализирована поэзия А. Чобата и Д. Бичель, произведения которых составили знаковый для белорусской литературы сборник «Кресовяки». В нем оба автора предстают с иной стороны, что отражает поиски ими нового художественного языка для отображения переходного периода в жизни общества.

Интересные замечания, касающиеся проблемы литературного перевода и адаптации произведений, содержал доклад П.Б. Мироновой (НИУ ВШЭ, Москва) «Проблема перевода названий славянских мифологических персонажей в “Сage о ведьмаке” А. Сапковского», открывший подсекцию «Вопросы рецепции и перевода». Наибольшие трудности у переводчиков вызывала адаптация узко специфических названий персонажей славянского фольклора. Как отметила докладчица, в оригинальном тексте Сапковского прослеживается сложная дифференциация существ при помощи номинации. Так, опираясь на статьи Сапковского 1990-х годов, а также на тексты его художественных произведений, Миронова продемонстрировала, что славянская номинация часто несет в произведениях негативную коннотацию, и подчеркнула, что при переносе названий в контекст славянского фольклора многие смыслы, заложенные изначально Сапковским, стираются или деформируются. Вопросы к докладчице были связаны с источниками, которыми пользовались при написании произведений сам Сапковский, а позднее и его переводчики. Во время оживленной дискуссии был под-

нят также вопрос об альтернативных вариантах перевода названий, часть которых была представлена докладчицей в виде таблицы в раздаточном материале.

Работа секции завершилась докладом Д.Г. Вирена (Государственный институт искусствознания, Москва) «Цикл фильмов “Семейные ситуации” в контексте польского кино 1970-х годов». Докладчик, приведя несколько черт, характерных для развития польской киноиндустрии в указанный период, сосредоточил основное внимание на возрастающем на протяжении десятилетия количестве фильмов «бытовой тематики», в которых за простыми семейными конфликтами скрывались более глобальные, экзистенциальные обобщения. Докладчик выделил несколько фильмов: это фильмы Агнежки Холланд («Воскресные дети» (1977); «За всё нужно платить» (1977)), снятые в стилистике документального кино, Радослава Пивоварского («Жмурки» (1977)), Юлиуша Махульского («Прямая связь» (1979)), Феликса Фалька («Распорядитель бала» (1977)), в центре которых проблемы взаимопонимания между близкими родственниками. Отдельно исследователь отметил, что фильмы серии «семейных ситуаций» и представленные в них частные проблемы дали толчок развитию и одновременно стали квинтэссенцией серии фильмов «морального беспокойства». Доклад вызвал живую дискуссию. Вопросы касались в первую очередь взаимосотнесенности рассматриваемых фильмов как с серией фильмов «морального беспокойства», так и с развитием польского кинематографа в целом.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ»

Аннотация

С 1992 г. в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры проводится Международный симпозиум «Славянский мир в третьем тысячелетии». Его учредителями в первые годы были Славянский фонд РФ, Государственная академия славянской культуры и Институт славяноведения РАН. В 2019 г. организаторами выступили Институт славяноведения РАН, Институт славянской культуры Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина и Московский Дом национальностей. Симпозиум прошел в Московском Доме национальностей 30 мая 2019 г. Общая тема данного симпозиума была сфокусирована на сегодняшней ситуации в славянском мире и была посвящена проблемам интеграции и дезинтеграции в славянских странах, политике и культуре. Выступили ученые-слависты ряда институтов Российской академии наук, а также преподаватели вузов. Доклады были посвящены проблемам истории и культуры Древней Руси, средневековой Европы и Балкан в XIX–XXI вв., а также актуальным современным темам в области искусствоведения, истории российской музыки и философии, славистики в зарубежье и культуры староверов и др.

Ключевые слова

Славяноведение, культура, литература, зарубежная славистика, история, искусствоведение, русская музыка, философия, староверы, политика.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2019 г.

INTERNATIONAL SYMPOSIUM “SLAVIC WORLD IN THE THIRD MILLENNIUM”

Abstract

Since 1992 on, in the framework of celebration of the Day of Slavic Writing and Culture, the International Symposium “Slavic World in the Third Millennium” has been held. The Symposium was founded by the Slavic Fund of the Russian Federation, the State Academy of Slavic Culture and the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. In 2019, it was organised by the Institute of Slavic Studies of the RAS, the Institute of Slavic Culture of the Kosygin Russian State University and the Moscow House of Nationalities. The Symposium was held at the Moscow House of Nationalities on May 30, 2019. The main focus of this symposium was on the current situation in the Slavic world and problems of integration and disintegration in Slavic countries, politics and culture. Among participants, there were Slavists from a number of institutes of the Russian Academy of Sciences, as well as university professors. The papers were devoted to the problems of the history and culture of Ancient Rus', Medieval Europe and the Balkans from the nineteenth to the twenty-first century as well as relevant contemporary topics in the field of art history, the history of Russian music and philosophy, Slavic studies abroad and the traditional culture of the Old Believers.

Keywords

Slavic studies, culture, literature, foreign Slavic studies, history, art criticism, Russian music, philosophy, Old Believers, politics.

Received 30 July 2019.

Часть 1

DOI: 10.31168/2412-6446.2019.14.1-2.23

Георгий Павлович Мельников –

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: geramel@mail.ru

Georgij P. Melnikov

Ph.D., Leading Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: geramel@mail.ru

К празднованию Дня славянской письменности и культуры по сложившейся традиции был приурочен ежегодно проводимый Международный симпозиум «Славянский мир в третьем тысячелетии», организаторами которого выступили Институт славяноведения РАН, Институт славянской культуры Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина и Московский Дом национальностей. Он прошел в Московском Доме национальностей 30 мая 2019 г. Общая тема данного симпозиума учитывала сегодняшнюю ситуацию в славянском мире и была сформулирована следующим образом: «Проблемы интеграции и дезинтеграции славянского мира: политика и культура».

Открывая симпозиум приветственным словом, директор Института славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина М.В. Юдин подчеркнул актуальность славистических исследований в современной политической ситуации, когда верх берут дезинтеграционные процессы в славянском мире, противостоять которым призваны общественные и научные силы. Соединение усилий академической и вузовской славистики позволяет добиваться значительных успехов на этом поприще. От Общественного Совета Московского Дома национальностей приветствие произнес профессор А.Д. Назаров, много лет как крупный чиновник активно поддерживающий проведение славистических симпозиумов. Он заострил внимание на взаимоотношениях политики и культуры, подчеркнув плодотворность культурных связей в условиях политической конфронтации, так как именно культура сближает народы, тем более славянские, имеющие общие культурно-исторические корни.

Открывавший научную часть симпозиума доклад Г.П. Мельникова «Две старые модели решения дилеммы универсального и национального (Карл IV Люксембург и Я.А. Коменский) и их актуальность» продемонстрировал исторический опыт чешских деятелей в решении философско-политической проблемы соотношения общего и частного. При всех их различиях обе модели подразумевали единство в многообразии, сохранение национального, локального в системе имперского (Карл IV) или планетарного (Я.А. Коменский) универсумов. Именно в едином политическом пространстве теряет смысл конфронтация между народами и их государственными образованиями, что звучит весьма актуально для нашей эпохи.

Далее последовал блок докладов, посвященных балканским проблемам. Один из патриархов отечественной исторической науки доктор исторических наук, профессор В.Я. Гросул в докладе «Восточный кризис 1870-х годов и российская общественность» осветил реакцию различных идейно-политических кругов пореформенной России на Балканский кризис, приведший к войне России за освобождение Болгарии, и показал, что несмотря на определенную разницу, в целом русское общество поддерживало идею освобождения Балкан от османского ига. П.А. Искендеров в докладе «Балканское измерение европейской политики (1878–2018)» проследил трансформацию отношения европейских держав к балканским проблемам на протяжении полутора веков и выявил те константы, которые, несмотря на политические изменения в Западной и Центральной Европе, позволяли великим державам разыгрывать «балканскую карту» в своих интересах. М.М. Фролова посвятила своё выступление деятельности русских военных священников на Балканском фронте во время войны за освобождение Болгарии (1877–1878). На основе большого фактического, преимущественно архивного материала, она показала, в каких тяжелых условиях и с каким мужеством и христианской любовью к ближнему выполняло свой долг православное духовенство.

Л.А. Кирилина в докладе «Борьба словенцев за создание Люблянского университета в конце XIX — начале XX в.» осветила трудный путь, пройденный словенским обществом, требовавшим в условиях Австро-Венгрии учреждения своего, словенского университета как культурно-образовательного центра, способствующего росту культуры и политического сознания словенской нации. Тему большой значимости Люблянского университета для словенского общества и развития мировой славистики продолжила Т.И. Чепелевская в докладе «Развитие славистики в Люблянском университете». На примере крупнейших профессоров Университета она продемонстрировала рост словенской славистики, вышедшей в первой половине XX в. на мировой уровень.

Конференцию продолжил блок докладов, посвященных древнерусской истории и культуре, в которых выявлялись политические доминанты, обусловившие специфику тех или иных феноменов культуры. Е.А. Андреева на

материале Устюжской летописи проследила тенденции «восприятия другого» в первое столетие татаро-монгольского ига на Руси. Оказалось, что это восприятие было сильно дифференцированным, даже амбивалентным, несводимым к единой идеологеме конфронтации. О.А. Туфанова, как редактор «Вестника славянских культур» много сил прилагающая для пропаганды научных славистических знаний, в своём докладе «Подвиг Кузьмы Минина и князя Д. Пожарского глазами современников» раскрыла специфику интерпретации разными источниками политических событий последнего периода Смуты и роли лидеров освободительного движения. При этом все современники выражали удивление феноменом К. Минина — простого торгового человека, чьё национально-политическое сознание намного обогнало по сути феодальное сознание русской элиты того времени.

Феномен первого русского театра как части придворного церемониала последней трети XVII в. был проанализирован в докладе М.В. Каплун. Она показала механизмы интеграции иностранной «диковинки», являвшейся для России новой формой культуры, в систему русской культуры через привычную систему придворного церемониала с подношением иностранных даров и различными видами придворных развлечений.

Часть 2

DOI: 10.31168/2412-6446.2019.14.1-2.24

Елена Семёновна Узенёва –

кандидат филологических наук,
зам. директора,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: lenuzen@mail.ru

Elena S. Uzeneva

Ph.D., Deputy Director,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: lenuzen@mail.ru

Второе заседание симпозиума было посвящено, по большей части, исследованию жизни, научного и творческого наследия выдающихся деятелей России прошлого и настоящего: ученых, композиторов и скромных ревнителей культуры, внесших свой вклад в развитие отечественной

традиции. А.К. Конёнкова, отметив в докладе российские национальные особенности в золотном шитье конца XX — начале XXI вв., остановила свое внимание на трудном жизненном и творческом пути О.И. Моревой, скромной женщины, талантливой золотошвейки-самоучки, создавшей свою технологию вышивания икон, но рано ушедшей из жизни. К сожалению, ее уникальные работы были безвозвратно утрачены для потомков.

Творчество Владимира Пожидаева (1946–2009), нашего современника, было рассмотрено в докладе Г.А. Пожидаевой, которая представила слушателям не изученные в музыкальной науке духовно-музыкальные сочинения композитора, написанные в конце XX — начале XXI в. Докладчик постаралась раскрыть идейное и образное содержание его произведений, музыкальный язык которых связан с традиционными ценностями русской культуры: фольклором и духовной музыкой, музыкальной классикой XIX в., а также органично включает элементы авангардного направления музыкального искусства XX в. Во время доклада прозвучали фрагменты ряда анализируемых произведений. Тема системы ценностей была продолжена в докладе Д.Я. Романовой, исследовавшей роль семейных ценностей в формировании современной культурной среды.

Объектом анализа К.В. Мельчаковой в докладе «А.Ф. Гильфердинг: несколько штрихов к портрету слависта» стали неизученные страницы непростой жизненной и научной судьбы одного из выдающихся ученых-славяноведов, посвятивших себя сохранению фольклорного богатства русского народа. Он проявлял интерес к истории, филологии и этнографии, занимался исследованием балтийских и южных славян в Боснии и Герцеговине, где работал консулом. Ученый внес неоценимый вклад в собирание, исследование и публикацию былин, которые были изданы уже посмертно, в 1873 г. Историческая канва доклада была богато проиллюстрирована портретами А.Ф. Гильфердинга, его родных и современников.

Фокус внимания С.Н. Переволочанской был направлен на изучение темы славянства в евразийской концепции выдающегося лингвиста, культуролога и этнографа Н.С. Трубецкого, уделявшего в своих трудах большое значение таким понятиям, как национальная истина и общечеловеческая культура. В вышедшей в Софии в 1920 г. книге ученого «Европа и человечество» была заложена методология нового учения, созданы принципы и модели социально-исторического исследования, применимые не только к отдельным странам и народам, но и к взаимоотношениям различных культур и цивилизаций.

В докладе Т.И. Радомской рассматривались отдельные категории национальной концептосферы, нашедшие свое отражение в русской литературе XIX–XX вв. Автор отметила, что несмотря на хорошую изученность в отечественной филологии языка культуры XIX в., в ней существовала область, которая не была достаточно исследована. А без ее осмысления невозможно историческое, научно объективное понимание русской литературы. Эта область — язык духовной культуры, духовной отечественной

традиции, в которой воспитывались, жили и творили русские писатели и поэты. Докладчик подробнее остановилась на особенностях формирования феномена «Дом» в произведениях ряда русских писателей.

Завершил работу симпозиума доклад Е.С. Узенёвой о сохранении культурной традиции у староверов Польши. Опираясь на собственные полевые материалы, собранные в ходе этнолингвистической экспедиции 2017 г. в старообрядческие сёла Бур и Габове-Гронды Августовского района, автор пришла к выводу, что несмотря на увеличение смешанных браков, влияние СМИ, интернета и глобализационных процессов, культурная традиция продолжает существовать в разных формах: в языке, обрядности, верованиях. Это остаётся возможным благодаря поддержанию церковных и народных праздников, путем передачи из поколения в поколение сведений устного народного творчества. Жители исследованных старообрядческих общин продолжают сохранять свою традиционную культуру, которая наряду с русским языком и религией является одним из маркеров идентичности староверов Польши.

Работа конференции была единодушно признана участниками и гостями мероприятия, среди которых было много студентов Института славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина, полезной, интересной и плодотворной. Многие доклады вызвали живой отклик у слушателей и бурные дискуссии. Ряд материалов был рекомендован к публикации в очередном номере журнала «Славянский мир в третьем тысячелетии».

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446.2019.14.1-2

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446.2019.14.1-2

Главный редактор:
Е. С. Узенева

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Дизайн обложки:
П. К. Донской

Editor-in-Chief:
Elena S. Uzeneva

Layout design:
Pavel N. Morozov

Cover design:
Pavel K. Donskoy

На обложке:
фотографии из альбома «Черногория»
Фотограф: Северин Ворм-Петерсен
(1857–1933)
Фотографии хранятся в Норвежском
техническом музее

Черногорская принцесса
URL: <https://digitaltmuseum.no/021016126707/fyrstinnen-av-montenegro>

Черногорский офицер
URL: <https://digitaltmuseum.no/021016126702/offiser-i-montenegro>

Мальчики
URL: <https://digitaltmuseum.no/021016126706/gutter-montenegro>

On the cover:
photos from the album “Montenegro”
Photographer: Severin Worm-Petersen
(1857–1933)
Owner of the collection: Norsk Teknisk
Museum

Fyrstinnen av Montenegro
URL: <https://digitaltmuseum.no/021016126707/fyrstinnen-av-montenegro>

Offiser i Montenegro
URL: <https://digitaltmuseum.no/021016126702/offiser-i-montenegro>

Gutter, Montenegro
URL: <https://digitaltmuseum.no/021016126706/gutter-montenegro>

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

119334, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»

АДРЕС ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЫ:

slavmillen@yandex.ru

Подписано в печать 16.10.2019. Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 25,19.
Объем 19,38 печ. л.

Заказ № 85.

Тираж 500 экз.